

Пролог

Где-то в закрытых землях, более четырёх лет назад

– Ты тоже это почувствовал?

– Нет... Нет! Это какая-то ошибка...

– Ты почувствовал...

– Этого не может быть! Мы все здесь, даже шалопай...

– Значит...

– О чём ты?!! Он ещё младенец!

– След силы очень узнаваем, это НАШ, клановый выплеск! Наш сын тогда успел излить семя!...

– Он сам ещё дитя! Ему всего восемьсот лет...

– Помнится, этого дитя лет двадцать назад буквально сняли с некой юной эльфийки.

– Заповедные леса эльфов недоступны нашему чутью...

– А наши дети недоступны заповедным лесам! У этих лесов, как ты помнишь, отторжение нашей силы! Это был ребёнок, причём нашего клана. А в нашем клане, если ты помнишь, за последнюю тысячу лет только я и ты получили разрешение на наследника! И след пришёл из земли людей, ты не можешь этого отрицать! НАШ ребёнок сейчас подвергается опасности и его некому защитить!!!

– Дорогая, ты слишком драматизируешь... Такой ясный след – и через все наши щиты – выплеск был огромный, и защищать надо людей...

– Какая разница! Это ребёнок клана, это наш внук!...

– Хм... скорее, внучка... Судя по следу.

– Мы должны её найти, ты слышишь?! И мы должны отругать шалопая – как он мог нас обмануть!...

Глава 1

Лорд Корбин

Зима в этом году выдалась снежная, но не слишком холодная, и поэтому в лесу было приятно находиться. Корбин мчался по нему на широких, подбитых мехом лыжах – это было довольно тяжело, но для него слово "тяжело" означало лишь, что надо больше тренироваться, поэтому граф только энергичнее работал ногами.

Он вообще любил зиму, любил это холодное, серебристо искрящееся безмолвие – иногда ему казалось, что оно в чем-то сродни ему самому, такое же спокойное, могучее, и в то же время способное в любой момент удивить чем-то новым, не виданным ранее. Да-да, Корбин в

последнее время начал замечать за собой подобное и не знал пока, радоваться этому, или, напротив, опасаться. Он, если вдуматься, подобно многим, не самым, вроде бы, глупым людям, подсознательно холил и лелеял свои мелкие комплексы, ценил устоявшиеся, пусть и не самые умные, привычки и немного боялся всего, что влезало в его такой спокойный и уравновешенный внутренний мир.

Сзади раздались азартные крики. Корбин усмехнулся и надал – для того, чтобы осуществить задуманное, ему надо было пробежать еще пол лиги. Не так и много, если вдуматься, но преследователи буквально наступали на пятки, благо скрыть лыжню не прибегая к магии было, мягко говоря, затруднительно. Впрочем, он не слишком напрягался – для того, чтобы его догнать, надо было иметь за душой чуть больше, чем щенячий задор, а этим большим обладал только один из преследователей...

На краю неглубокого оврага Корбин на миг остановился, оглянулся вокруг и, с азартным гиканьем устремился вниз по крутому склону. Эх, жаль – не видит никто! Ветер свистел в ушах, обжигая щеки легким морозцем, сзади клубилась снежная пыль. Э-эх, хорошо!

В самый последний момент, за небольшим поворотом, перед ямой, скрытой за невысоким бугорком, Корбин резко остановился и прыжком переместился влево, а потом аккуратненько ушел вверх, под защиту наполовину засыпанного сейчас снегом куста черемухи. Куст был достаточно густым и, присев за ним, Корбин надежно скрылся от любопытных глаз. Эх, не зря он хорошо знал эти места – придумать такую ловушку, что называется, на ровном месте, было вполне в его духе. Ну и результат оправдал ожидания – две стремительные, кажущиеся размытыми от скорости фигуры пронеслись мимо него, вписались в поворот... А потом раздался треск и сочная, хотя и вполне цензурная ругань.

Корбин с ехидным смехом выехал к краю ямы. Ну да, так и есть – тот преследователь, который ехал первым, влетел в эту самую яму со всего размаху, и теперь из глубокого, рыхлого снега торчали только ноги. Одна лыжа слетела с ноги и укатилась вниз по склону, вторая осталась на положенном месте и теперь изрядно мешала своему хозяину принять вертикальное положение. Из-под снега раздавались приглушенные, хотя и вполне понятные ругательства.

Второй из преследовавшей его парочки был куда легче и, хорошо разогнавшись и успев оттолкнуться на бугре, вполне предсказуемо эту яму перелетел. Сейчас он стоял на ее противоположном краю и звонко, весело смеялся. Корбин тоже улыбнулся:

– Эй, Прим, тебе помочь?

Из снега высунулась дрожащая рука и сделала в направлении Корбина неприличный жест. Граф пожал плечами:

– Ну, как хочешь. Тогда выбирайся сам. Только учти, что если опоздаешь к ужину – ждать никто не будет, лопать придется остывшее...

Угроза подействовала, и, на сей раз, Прим не стал отказываться от помощи столь грубо. Вдвоем они ловко вытащили Прима, слегка помятого и густо обсыпанного снегом, как легендарный для северян герой-Снеговик, из ямы, и даже надели на него потерянную было лыжу. Прим все еще шипел и отплевывался, но все больше как-то показательно – прекрасно понимал, что сам виноват в том, что его переиграли, и просто не хотел признавать поражение на глазах подрастающего поколения. Корбин, тоже хорошо это понимающий, вновь рассмеялся и скомандовал:

– Ну что, отдохнули? Тогда за мной!

От этого оврага до замка было не больше пятнадцати минут неспешным шагом. Это, конечно, если знать, как идти. Возвращайся они тем же путем, которым шли, пришлось бы идти не меньше часа, но Корбин не зря облазил этот лес вдоль и поперек – во время пробежки он петлял по нему так, что у преследователей создалось впечатление, будто они ушли невесть куда. На самом же деле они бегали по кругу, практически не удаляясь от того места, откуда вышли.

Замок такой вот снежной зимой был по-настоящему красив – высокие башни, присыпанные снегом, теряли, казалось, свою изначальную внушительную и несокрушимую массивность, превращаясь в ажурные шпили. Корбин прекрасно понимал, что это – не более чем оптический обман, вызванный тем, что замок возвышался на невысокой скале, от чего на него приходилось глядеть снизу вверх, так и тем, что снег под лучами закатного солнца блестел и переливался всеми цветами радуги, но все равно остановился полюбоваться. Ну и для того еще, чтобы лишний раз запечатлеть в памяти эту картину. Появилась у графа в последние годы одна тайная страстишка – когда выпадало свободное время, он любил посидеть в одиночестве и порисовать. Картины, как он сам понимал, были бездарными, поэтому он никогда и никому их не показывал. Ну и еще не показывал потому, что неуместно владетельному графу заниматься таким вот, достойным, скорее, черни делом. Дворянин должен владеть оружием, знать геральдику, уметь петь, слагать стихи во славу прекрасных дам и интриговать. С оружием все было, как положено, геральдику Корбин тоже знал хорошо – важная наука, особенно с учетом того, что большинство дворян полуграмотные и ориентируются в окружении себе подобных исключительно по гербам. Стихи Корбина писать никто не учил, и, хотя за время странствий он и нахватался вершков, все равно не увлекался ими – считал пустым времяпровождением. Тем более во славу дам (и, хе-хе, не дам, хотя таковых ему пока что почти не встречалось). От его голоса, когда Корбин пел (а случалось это нечасто и, в основном, во время застолий) мухи дохли на лету – ну не дал Единый ему слуха. Ну а интригами Корбин не увлекался, потому что, подобно многим военным, был человеком прямым и интриговать считал ниже собственного достоинства. Правда, иногда пытались интриговать против него... Ладно, о мертвых или хорошо, или ничего.

Так вот, рисование считалось для дворянина неуместным и, хотя Корбин, пользуясь своим положением высшего мага и богатого вельможи, демонстративно чихал на приличия, в душе он часто задумывался, не выглядит ли смешно в глазах окружающих. Вот и рисовал тишком, когда считал, что остальные этого не видят, благо тренированная память позволяла запоминать малейшие нюансы игры света и тени.

Последние пару сотен локтей преодолели пешком, забросив лыжи на плечи – дорога здесь была крутая, изрядно укатанная, поэтому на лыжах подниматься было мучительно. У ворот их уже ждали – небольшую дверь распахнули сразу при их приближении, даже стучать не потребовалось. Объяснялась такая предупредительность просто да безобразия – дежурил парнишка из молодых, ему еще не надоела субординация, да и на графа он смотрел, как на полубога. Хотя, если вдуматься, для них так и было – еще четыре с половиной года назад этот отрок (хотя какой уже отрок – юноша с начинающими пробиваться усами и крепкими, развитыми каждодневными упражнениями с оружием мускулами) был рабом, и единственной более-менее радужной перспективой в его жизни был шанс попасть к не очень злому хозяину, который не будет лишним раз бить и у которого есть можно пусть не досыта, но хотя бы так, чтобы не протянуть ноги. Ныне же он – воин младшей графской дружины, с правом носить меч, как у дворянина, с правом на добычу, стоящий на ступеньку выше тех, что раньше плевали на него свысока. Корбин специально, отправляя караваны в Тенор, включал в охрану таких вот молодых воинов, которых мальчишками забрали когда-то с рабского рынка того же Тенора – и для того, чтобы почувствовали разницу, и для того, чтобы научились понимать,

какой счастливый билет выхватили в этой жизни. Теперь младшая дружина графа, состоящая из таких вот молодых воинов, была предана ему настолько, что легендарная собачья преданность рядом не стояла. В смутные времена верные люди дорогого стоят, поэтому Корбин и создал это подразделение, которое регулярно натаскивал в реальных стычках, и, надо сказать, молодые волчата его ни разу не подвели. Гибли – да, бывало, все-таки опыта у них было пока что маловато, но не предавали и спину врагу не показывали, чем заслужили уважение даже матерых ветеранов. Да и прогрессировали они стремительно – намного быстрее, чем Корбин рассчитывал изначально, хотя и отсев был довольно велик.

А надо было видеть, с какой гордостью они шли на параде, который устроил этим летом Корбин. Прямо физически ощущалось, как они хотят превзойти ветеранов – и ведь превзошли, во всяком случае, перемаршировали! И, что интересно, корпус боевых магов, все без исключения, прошли ничуть не хуже, а ведь магам, казалось бы, строевая подготовка не очень-то и нужна. Но прошли – дисциплина, помноженная на азарт, дает порой совершенно неожиданные результаты...

Вообще же, дружина графа де'Карри представляла собой теперь очень внушительное зрелище – во всяком случае, для тех, кто понимает. Нет, кое у кого из соседей дружины были побольше, иной раз в три-четыре раза, и что? Дружина Корбина сейчас была, как и прежде, небольшой, но теперь она стала заметно больше, чем четыре года назад. Тогда Корбину хватило четырехсот человек для того, чтобы поставить на уши двух не самых слабых соседей, и до икоты напугать остальных. Сейчас у него было шестьсот человек, из которых шестьдесят четыре – боевые маги. Пускай слабенькие пока, немного умеющие, но – полноценные боевые маги. Корбин, когда много лет назад уходил в свой первый поход, был и слабее многих из них, и куда хуже обучен, но это не помешало ему многого добиться.

Правда, и отсев среди молодых магов был жестокий. Ребята гробились при левитации, выжигали дар, не справившись с управлением энергией, получали по голове мечами во время учебных поединков... Проще перечислить то, чего с ними не происходило, и это было неудивительно с учетом общей неопытности Корбина, как педагога. В первые полгода обучения Прим с Веллером тихо вешались – не хватало ни сил, ни времени для того, чтобы помочь всем. Однако постепенно дело пошло на лад, количество травм снизилось и, в конце концов, почти что сошло на нет. Правда, Корбин отбраковал и отправил по домам человек тридцать, но Корнелиус прислал взамен других, которые, пусть частично, заполнили вакантные места. Еще несколько человек не выдержали нагрузку или потеряли дар. Ну, что же, естественный отбор – штука суровая. Погибших за все время было только четверо – один мальчишка сорвался со скалы, не справившись с левитацией, и его нашли слишком поздно, двое погибли в стычках во время практики, когда Корбин выезжал со своими учениками в пограничье, степняков погонять. Ну и один, чрезмерно заносчивый дворянский сынок, оскорбил своего же товарища, который был всего-навсего сыном погибшего в какой-то давней войне солдата. Дворянчику оторвало голову, да так качественно, что ее даже не нашли. Корбин сам провел расследование инцидента, но не нашел никаких формальных нарушений – оба ученика уже сдали на четвертый ранг, и оскорбленный использовал право мага на поединок. Такое право фактически приравнивало магов к дворянству, хотя, конечно, и не во всем. Ну а в поединке за чужую спину не спрячешься, поэтому вполне закономерно, что более сильный пришиб менее сильного. Победитель отделался поркой – не за то, что на дуэли пришиб кого-то, а за то, что ввязался в дуэли со своим, пусть и шелудивым. Правда, приезжал потом отец покойного, тряс дворянским гонором и требовал выдать преступника на показательный суд. Корбин вышел тогда сам и вежливо предложил сначала обсудить вопрос, так сказать, между старшими. На мечах или на магии, как уважаемому оппоненту удобнее. Дворянин резко поскукнел и предпочел свалить, а Корбин потом очень серьезно поговорил со своими воспитанниками и предупредил всех, что, если подобное повторится, то он сам лично пинком вышибет любого участника поединка, вне зависимости от того, победитель это или

побежденный. И на причины схватки тоже смотреть не будет. "Я что, непонятно объяснял? Я этого придурка не потому защищал, что он прав, а потому, что он МОЙ ученик, и я тоже несу ответственность за случившееся. Но не дай Единый это повторится – лишу дара и выгоню вон, как хотите – так и живите". Ребята вняли – конечно, совсем подобный "выброс пара" было не перекрыть, но теперь, хотя бы, все происходило тишком и без трагичных исходов.

Корбин вошел первым, со стуком поставил лыжи в специально отведенную нишу и довольно, как сытый кот, потянулся. Мышцы слегка ныли, но это было даже приятно – он давненько уже не выбирался из замка просто так, безо всякого дела, просто размяться. Прим буквально за шиворот вытащил его из-за рабочего стола, который в последнее время стал для Корбина привычным местом времяпровождения – дел было столько, что он буквально не успевал их решать. Ничего удивительного – угроза большой войны, маячившая на горизонте последние несколько лет, сейчас буквально на глазах выросла до ощутимых масштабов. Корбин просто не понимал, как король и его окружение могут ее не замечать. Причем эта угроза исходила не от традиционно-сонной Идальгии и не от привычно ужеседающих Северных княжеств, которые уже не первое столетие шупали на прочность границы Багванны. То как раз была угроза привычная и не слишком серьезная – до тех пор, пока княжества не объединятся, у них слишком много сил отбирает грызня между собой за какие-то старые, полузабытые обиды. На внешнюю экспансию у страны, не имеющей единого правителя, просто не хватит сил – это истина старая, не раз проверенная временем. Конечно, набег отдельных ярлов происходят постоянно и будут продолжать происходить в обозримом будущем, но Корбина они не очень волновали – ярлы регулярно получали по носу, да и ответные рейды не давали северянам почувствовать себя безнаказанными. Такое вот состояние "ни войны, ни мира" длилось уже давно и всех, по большому счету, не слишком волновало.

Сейчас угроза шла с другой стороны. Руалия смогла, наконец, помириться с Айнором и убрать угрозу, постоянно и уже, казалось бы, традиционно нависающую над ее северными границами. Вроде бы мелочь, но вот только шпионы графа, щедро разбросанные по всем соседним землям, упорно доносили, что войска, освободившиеся на севере, король Руалии упорно и довольно спешно перебрасывает на юго-запад, к границам с Багванной. Если Корбин хоть что-то смыслил в военном деле, то эти действия означали подготовку к войне.

А король по-прежнему пьянствует, выезжает на охоту да таскает к себе в постель великосветских шлюх. Нет, оно понятно, конечно, дело молодое, но ведь иногда и головой думать надо. Корбин все больше и больше подозревал, что король просто заставляет себя не видеть надвигающуюся угрозу – так птица, видя приближающуюся змею, продолжает как ни в чем не бывало клевать ягоды, теряя драгоценные секунды, когда еще можно что-то сделать...

Корбин пробовал поговорить с ним – его не поняли. Как так? Какая война, если буквально только что посол Руалии передал от ее короля привет и наилучшие пожелания своему венценосному брату? Граф, да вы белены объелись...

Корбин пробовал найти поддержку в других сферах – увы, сейчас его репутация играла против него. Друзей у него практически не было, а слухи о том, что он попал в опалу, и вовсе сделали его чуть ли не парией. Единственными, пожалуй, людьми, которые отнеслись к предостережениям Корбина со всей серьезностью, были Епископ и та группа магов, которая и подкинула Корбину в свое время задачу со школой боевых магов. Увы, маги были не слишком многочисленны и, хотя в случае войны на их поддержку рассчитывать можно было смело, серьезной помощи ждать не приходилось. Маги, пусть даже каждый приведет с собой учеников – это не армия.

Епископ тоже пообещал помощь – он был умным человеком и понимал, что церковь в

грядущей войне может пострадать не меньше, а возможно, даже и больше, чем остальные. Слишком много в армии Руалии было язычников и слишком богатыми были церкви в Багванне, так что в том, что церкви будут усиленно грабить, сомневаться не приходилось. Боевые монахи – это, конечно, сила, но их тоже было не слишком много, поэтому по всему выходило, что победоносная война, на которую Корбин с Его Святейшеством и примкнувшими к ним магами рассчитывали вначале, вполне может обернуться жестоким разгромом.

Корбин пробовал просчитывать варианты, исходя из имеющихся у него самого сил. Получалось, что он может задержать продвижение даже самой мощной армии, используя тактику выжженной земли и летучих отрядов, может выиграть сражение, если очень уж припрет, но для того, чтобы выиграть войну, его сил в любом случае будет недостаточно. Элитные подразделения могут изрядно подпортить кровь противнику, могут в разы увеличить его потери, но выиграть ими войну... Простите, но это нереально. Был еще вариант с мятежом и переходом на сторону противника, при котором граф наверняка сохранил бы и свои богатства, и свое положение, но как-то очень уж не хотелось Корбину предавать...

Вот в таком состоянии мучительного поиска решения нерешаемой задачи он и находился последнее время, пока Прим, обеспокоенный состоянием друга, просто не пришел да не вытащил его из-за стола. Как оказалось, не зря – во всяком случае, лыжная прогулка помогла Корбину успокоиться, отвлекла от мрачных мыслей. Плюнув на все на свете, он как мальчишка устроил пробежку, а потом предложил на спор догнать себя. Ну что же, у Прима почти получилось... Только вот кто кого догнал?

Распорядившись истопить баню и с удовольствием узнав, что Лик распорядился об этом заранее и баня уже протоплена, Корбин с удовольствием сбросил куртку, налил себе грога прямо тут, в караулке – посидеть за одним столом со своими солдатами он никогда не брезговал и искренне удивлялся снобизму многих дворян. Ну как, как, скажите мне, можно брезговать подать руку человеку, вместе с которым ты завтра, возможно, пойдешь на смерть? Впрочем, те самые дворяне точно так же не понимали де'Карри.

Пока он пил восхитительно-горячий напиток, заставляющий кровь быстрее бежать по жилам и пробирающий, кажется, до последней косточки, подтянулись и отставшие. Прим, не мудрствуя лукаво, тоже плеснул себе грога и надолго присосался к кружке – ну да, его пробежка вымотала куда больше, чем графа, который такой вот забег и за серьезную нагрузку-то не считал. Альберт остановился в дверях, жалобно посмотрел на магов, но получил щелчок по носу от графа и укоризненный взгляд от Прима. В таком возрасте пить спиртное противопоказано, поэтому пришлось подрастающему поколению скорчить уморительно-обиженную рожицу и удовольствоваться чаем. Правда, тоже горячим, но все же это было не то, даже не с точки зрения эффекта, а с точки зрения психологии. Мальчику очень хотелось чувствовать себя большим и сильным, как взрослые пьют пиво и громко ругаться в промежутках между отрывками... Это, конечно, было образно, но в целом соответствовало желанию любого мальчишки скорее повзрослеть.

Корбин украдкой посмотрел на пацана. Тот, конечно, выглядел старше своих лет, во всяком случае, ростом он заметно превосходил своих сверстников. Прим грешил на побочный эффект лечения, которое он проводил, но Корбин подозревал, что все дело просто в том, что организм, долгое время зажатый болезнью, стремится наверстать упущенное, и потому обреченное раньше практически на полную неподвижность тело радостно растет. А так – обычный мальчишка, худощавый, но крепкий – тренировки, которые прописал ему Прим, Альберт проводил с неистощимым энтузиазмом, и Корбин его прекрасно понимал.

– Эй, мужчины, вы там долго?

Ну да, и Карина тут же, куда же без нее? Сейчас будет за стол звать...

– Вы есть будете, или нет?

– Сейчас, мам!

– Карина, ну дай ты отдышаться... – это уже Прим.

– Вижу я, как ты отдышиваешься... Отдыхаешь... Тьфу, прости Господи, дух переводишь. Опять пьете?

– Так, Карин, спокойно. Мужчины мы, или нет? Имеем мы право посидеть в мужской компании? Сейчас в баню, а потом уже – за стол. А то будем на весь замок потом вонять...

Ну вот, Корбин на правах хозяин навел порядок. Почему нет? Он граф, или так, погулять вышел? А примерно час спустя, красные и распаренные, они уже с удовольствием наворачивали мясо – что бы женщины не говорили о пользе салатиков, но мясо – еда истинных мужчин.

Насытившись, Корбин откинулся на спинку стула и умиротворенным взглядом посмотрел вокруг. Остальные закончили раньше – ну да, Приму такое количество еды, как ему, не нужно, он мельче, поэтому и насытился быстрее. Карина, как обычно, поклевала чуть-чуть – и сыта. Вон, опять о чем-то с Примом шепчется, лукаво вокруг глазами постреливает. Альберт – тот и вовсе задремал прямо за столом. Хорошо хоть, не лицом в салат, а на подлокотнике кресла, которое нагло узурпировал у самого Корбина. Весело, однако – никто, кроме, пожалуй, Прима, и то редко, не решался к этому креслу даже приблизиться. Любимое место графа со всеми вытекающими. А Альберт в два счета залезал в него с ногами и, устроившись в его уютных кожаных недрах, читал какой-нибудь роман. И, самое смешное, Корбин его ни разу оттуда не шуганул. Тревожный симптом, однако.

В этом кресле пацан и заснул сейчас – разморило, видать. Все правильно – сначала бешеная гонка по заснеженному лесу, потом – жаркая баня и, под конец, обильная еда. Вот и разморило мальчишку – как бы он не пытался казаться взрослым, а возраст все равно берет свое. Спит сейчас, чуть посапывая, и лицо – совсем спокойное. Не то, что четыре с лишним года назад, когда они в первый раз встретились...

Да, Корбин и предположить не мог тогда, к чему приведет его пьяный визит в задрипанное поместье на окраине Шлипентайна. Ну, смотался туда в обществе не менее пьяного Прима, ну, совершил там Прим доброе дело. Кто, спрашивается, его об этом просил? Впрочем, сразу вслед за этим события начали развиваться по такой бешеной спирали, что подобная мелочь как-то сама собой отошла на второй план.

Вначале вызов Учителя, который чудом выжил после визита сумасшедшего некроманта, потом – разборки с этим самым некромантом... Корбин, конечно, в бараний рог скрутил старикашку, но от этого ему, в конечном итоге, легче не стало. Ученица Корнелиуса, из-за которой он, если говорить честно, и поперся на смертельно опасную, как он ошибочно считал тогда, встречу с некромантом, вместо благодарности (Корбину благодарность была, конечно, не очень и нужна, но ласковое слово, как известно, и кошке приятно) обругала его и ушла, хлопнув дверью. Как оказалось, вешаться или, точнее, самосжигаться, но это оскорбленному боевому магу в тот момент было уже как-то безразлично. Потом заявился Учитель – и тоже обругал... За что, спрашивается – за то, что спас всех? Словом, домой Корбин вернулся усталый, взбешенный и не совсем адекватный, чего с ним не случалось уже давно. Обычно

характер, доставлявший Корбину массу неприятностей, в то же время берег нежную психику своего хозяина. Вспыхнув и спустив пар, Корбин быстро успокаивался и обиды ни на кого не держал, даже если и убивал потом своего оппонента, то не со зла, а только для того, чтобы другим неповадно было. А тут получилось, как ни удивительно, совсем иначе – обида почему-то не ушла, более того, со временем она трансформировалась в устойчивую неприязнь... Хотя, признаться честно, этому были и другие причины.

Для начала, Корбин поссорился с Учителем. Даже не то, чтобы поссорился, а просто образовалась межда ними... Ну, пропасть – не пропасть, а овраг образовался. Точнее сказать, Корбин почувствовал свою ненужность. Нет, к нему не стали относиться холоднее и все так же зазывали по всем праздникам и без оных, но он теперь не слишком стремился бывать в ставшем вдруг чужим доме Учителя. Все правильно и логично – у Корнелиуса теперь ни с того ни с сего образовалась семья, и на этом празднике жизни Корбину места уже не было. Он периодически заходил к ним, но намного реже, чем раньше, и, практически всегда, по делу. Просто так, посидеть да чайку попить – нет уж, увольте. Неуютно как-то было.

Масла в огонь подлили старшие ученики Корнелиуса. Похоже, ребята после тех событий всерьез пересмотрели свои жизненные приоритеты и теперь большую часть времени ошивались не в поместье Учителя, а в замке Корбина – тренировались в боевой магии и владении оружием. Корнелиус, конечно, ни слова не сказал – ребята взрослые, сами знают, что им больше нужно, но Корбин прекрасно понимал, что для старика подобное было весьма и весьма обидно. Ну, его тоже понять можно – учил, воспитывал, холил да лелеял, а тут вдруг раз – и оказалось, что не так уж все это им и надо. И вроде бы не забросили свое основное обучение, но видно было, что огонек интереса пропал. При том, что прогрессировать все четверо стали заметно быстрее – боевая магия вообще способствует быстрому наращиванию силы, и по всему выходило, что на пик формы они выйдут намного раньше, чем продолжай они тренироваться в пыльных классах.

Надо сказать, что сам Корбин был таким положением дел с молодыми магами даже доволен – в его школе боевых магов чувствовался острый кадровый голод. Из преподавательского состава – он сам, Прим и Веллер. Конечно, наставники по физической подготовке, фехтованию и рукопашному бою имелись в избытке, но при этом нельзя было забывать – готовят-то все же боевых магов. Не воинов, немножко владеющих магией, а в первую очередь магов, что требует углубленного изучения именно этой дисциплины. А ученики Корнелиуса заткнули дыру, образовавшуюся в преподавательском составе – Корбин без зазрения совести взвалил на них немалую часть учебного процесса, и теперь новички получали вполне приличное базовое образование. База же – она дорогого стоит, ибо тот, кто знает и теорию, и практику, всегда сильнее и "чистого" теоретика, и практика без образования, потому что может совмещать сильные стороны обоих подходов и бить по слабым точкам противника.

Вдобавок, оказалось, что некромант все же сбежал. Корбин, как и обещал первоначально, оставил его Корнелиусу, чтобы тот сам разбирался со своим старым недругом, а тот, отвлекшись на девчонку, банально забыл про Ценя. Результат был вполне закономерен – когда Корбин через два дня, сообразив, что к чему, смотался к часовне, то обнаружил лишь перетертые веревки. Некромант, похоже, сумел освободиться и, что было вполне предсказуемо, свалить прочь из столь негостеприимного места не дожидаясь, пока о нем вспомнят. Корбин, конечно, попытался его найти, но безрезультатно – старый мерзавец отлично умел запутывать следы. Впрочем, граф и не слишком старался – в конце концов, это были уже не его проблемы. Сбежал – значит, сбежал, для самого Корбина он угрозы не представлял, слишком уж несоизмеримы были силы. Ну а то, что за последние годы некромант нигде не засветился, подтверждало мысль Корбина о том, что Цень лег на дно и в

ближайшие столетия постарается не отсвечивать. Корбина подобный расклад вполне устраивал, не путается под ногами – и ПрОклятый с ним.

Так что в свете этих событий Корбин начал снимать накопившийся негатив старым, проверенным способом – ушел в работу с головой и с ушами. Был, правда, и другой вариант, не менее общепризнанный, но граф прибегал к нему редко. Только дураки считают, что алкоголь позволяет уйти от проблем, на самом деле малые дозы алкоголя лишь отражают внутреннее состояние человека. Хорошо тебе – станет еще лучше, плохо – будет еще хуже. Регулярный же удар по мозгам большими дозами чреват проблемами – так и спиться недолго, поэтому Корбин, допуская иногда подобные излишества, в целом старался не злоупотреблять ни вином, ни всевозможными дурманами, которые так любят на Востоке. Поэтому он работал, работал и работал, просто не оставляя времени для глупых мыслей – помогало, особенно с учетом того, что работы и впрямь был непочатый край.

Это зря многие думают, что руководить школой, тем более небольшой, просто – на самом деле, это очень сложный процесс. Тем более, если имеешь дело со школой боевых магов. Хорошо хоть, количество бумажной работы можешь свести к минимуму – сам себе хозяин, что считаешь нужным – то и делаешь. Однако все это не снимает кучи проблем – учеников надо поселить, одеть, накормить, добиться от них хоть какого-то подобия дисциплины... И, если вначале Корбину очень помогали репутация злого и страшного боевого мага и то, что детишки выматываются на тренировках так, что до кроватей с трудом доползают, то со временем и, если честно, очень скоро эти факторы сходят "на нет". Дети – существа чуткие, очень скоро они начали понимать, что граф, несмотря на грозный вид и периодическое рыкание, зря никого не обидит и просто так не ударит, а тренировки, став привычными, начали утомлять намного меньше. В результате Корбин не раз и не два всерьез опасался, что малолетние адепты разнесут по камушкам если не весь замок, то уж, во всяком случае, свое жилое крыло точно. К тому же содержание этой школы влетало в немалые деньги – тут и кормежка кучи вечно голодных ртов, и обеспечение их всем необходимым, от учебных пособий до банальных пуговиц, и периодические ремонты того, что неуправляемая детвора ухитрялась разбить и поломать... До Корбина только сейчас начало доходить, почему маги с такой неохотой берут большие группы учеников, причем стараются брать тех, кто постарше. Иногда ему хотелось бросить все и разогнать эту ораву куда подальше – просто руки опускались от бессилия. Были моменты, когда лишь врожденное упрямство удерживало его от столь радикального шага, но постепенно жизнь вошла в колею, и процесс стал вроде как управляемым – во всяком случае, Корбин с удивлением обнаружил, что у него начало появляться свободное время. Правда, финансовые вливания все равно требовались немалые, но Корбин пока справлялся – большое, хорошо отлаженное хозяйство позволяло ему неплохо сводить концы с концами.

Куда большей проблемой сейчас стали подросшие адепты, точнее, адептки. Все-таки то, что среди присланных Корнелиусом учеников оказалось аж восемь девчонок, было большой ошибкой Учителя, которая стала для Корбина проблемой. Вначале небольшой, но, со временем, разрастающейся. А большой ошибкой Корбина было их вначале принять, а потом – не отсеять. Ну, в том, что не отсеялись, ничего особенного не было – женщины, как правило, аккуратнее мужчин и намного добросовестнее, поэтому ни одна не пережгла дар, ни одна не провалилась на экзаменах. Теорию, а часто и практику, девчонки тоже часто знали лучше, потому как лишний раз с книгами сидели, а не на рыбалку бегали... Словом, получались из них боевые маги едва ли не сильнее, чем из ребят. Это было и к лучшему – адептов изрядно задевал тот факт, что бабы оказались лучше их. Как так? Почему такое возможно? Жестокий удар по мужскому самолюбию, заставляющий самосовершенствоваться и вносящий в учебный процесс дополнительный дух соревновательности. И все бы хорошо, но девчонки имеют свойство вырастать, а в шестнадцать-восемнадцать лет гормоны у них уже играют, и почему-то обращали они внимание не на сверстников, сидящих рядом с ними в

классах (а ведь некоторые из этих "сверстников" были, на самом деле, заметно старше их), а на преподавателей и, в первую очередь, на самого Корбина. Это, конечно, льстило самолюбию, но и напрягало сверх всякой меры.

Ну и, в довершение ко всему, Прим учудил. Вначале он, вместо того, чтобы жить в отведенных ему покоях (весьма приличных, кстати, даже побольше и побогаче обставленных, чем у безразличного к роскоши Корбина) стал каждый вечер исчезать, возвращаясь только утром. Корбин лишь пожимал плечами – ну, ночует Прим дома, у отца – так что с того? Портал в замке рабочий, коды доступа у Прима есть, вечером открыл – шагнул туда, утром открыл – шагнул обратно. У каждого свои привычки – так почему бы и нет, если делу не мешает? И так продолжалось примерно с полгода, пока Корнелиус, который периодически появлялся у Корбина в гостях то ли с инспекцией его школы, то ли чувствуя какую-то вину за происшедшее, не пожаловался, что очень редко стал видеть сына – неделями, мол, не появляется, засранец. Вот тут Корбин и поднял удивленно брови, хотя, разумеется, ничего говорить Учителю не стал. А вот вечером, когда Прим в очередной раз собрался сваливать, граф перехватил его у портала и устроил допрос с пристрастием.

Нет, Корбин прекрасно понимал, что у его друга может быть личная жизнь. Также он понимал, что не всех, даже близких, людей в эту личную жизнь посвящают. Однако на сей раз он был удивлен и сам не знал тогда, приятно удивлен или, напротив, неприятно. Нет, ну в самом деле – Прим, продуманный до предела бабник-циник, увлекся, причем по-настоящему увлекся, и кем вы думаете? Кариной он увлекся, да-да, той самой Кариной, к которой они совсем недавно ввалились в грязных тапках...

И начиналось-то все вначале как-то спокойно – Альберт, сын Карины и случайный вассал Корбина, которого Прим вылечил от его травмы, восемь лет приковывавшей парня к инвалидному креслу, первое время жил с матерью и с ней же переехал в замок Шлипентайн. Ну, что делать – вначале Корбин хотел прихватить его с собой в качестве гарантии лояльности матери, которую поставил управлять баронством. Однако вначале было не до того, к тому же ребенок хотя и был вроде как здоров, нуждался пока что в серьезном уходе. Ну а потом все как-то забылось, вошло в колею, тем более что мать его отнюдь не стремилась интриговать против графа – верные люди, бывшие у Корбина во всех его владениях, включая и замок Шлипентайн, регулярно докладывали о ее полной лояльности. В результате замотанный делами Корбин просто махнул на ситуацию рукой: с поместьем женщина справляется вполне уверенно, ничего не замышляет – и Единый с ней, пускай живет, как знает. А вот Прим, как оказалось, был о происходящем несколько другого мнения.

Вначале он периодически появлялся в Шлипентайне – просто для того, чтобы посмотреть на дело рук своих и не пустить процесс лечения мальчишки на самотек. Ему это было несложно – лучший целитель Багванны, как-никак, а случай был интересный. К тому же стационарный портал в замке Корбина позволял совершать такие переходы быстро, практически без неприятных ощущений и лишних энергетических затрат.

Потом Прим открыл для себя, что Карина не только мать Альберта, но еще и очень интересный собеседник и вообще, образованная женщина с живым умом и хорошими манерами. Вдобавок к тому, еще и красивая... Потом визиты стали чаще, к осмотру Альберта добавились домашние ужины и длинные, за полночь беседы и как-то само собой получилось, что фактически прим переселился к Карине. Ну и, естественно, он скрывал это и от Корбина, так как не знал, как друг отреагирует, и от отца, поскольку реакцию последнего мог предсказать совершенно точно. От Корбина утаивать получалось без проблем, благо тот вообще старался ни в чью личную жизнь не лезть, а вот умудренный жизнью отец начал о чем-то задумываться...

Корбин подумал немного, плюнул и махнул рукой – живите, как хотите. В конце концов, Прим – взрослый человек, да и Карина – далеко уже не девочка. Думайте сами, решайте сами, только не жалуйтесь потом, если что. Ну а насчет Корнелиуса решили, что незачем посвящать заботливого родителя во все тонкости жизненных процессов. Может быть, потом, когда-нибудь... А пока что Приму стоило почаще заглядывать домой – так ему Корбин и сказал. Меньше неприятностей в будущем будет, а то начнет старик копать – проблем потом не оберешься.

Вот и жил какое-то время Прим в Шлипентайне полулегально. Потом, правда, решился, сделал Карине предложение по всем правилам, с отцом ее познакомил. Тот, конечно, был не в восторге, но промолчал, потому как был умным человеком и, со временем, все устаканилось, но это было уже потом. А пока, через несколько дней после того разговора, Прим привез Карину с сыном познакомиться с Корбином, так сказать, поближе, а то прошлые две встречи, та, ночная, по пьяной лавочке, и вторая, когда Корбин, весь из себя официальный, вручал Карине грамоту на управление баронством от своего имени, были, мягко говоря, не слишком располагающими к знакомству.

Карина тогда отчаянно трусила, Корбин до сих пор не мог сдерживать усмешки, вспоминая об этом. Ну да, слыхала она о Корбине много, и все не то чтобы плохое, а, скорее, пугающее, первая встреча вообще вогнала ее в ступор, а Прим тогда не слишком стремился заочно разубеждать ее, мол, познакомись поближе – сама увидишь и поймешь. Корбину с трудом удалось разговорить ее тогда. М-дя... Славное было времечко. Тогда Карине и в голову не пришло бы шуметь на тему того, что он, Корбин, вместо того, чтобы идти к столу, в караулке вино пьянствует и безобразия нарушает...

Ну вот, так и получилось, что теперь Карина была частым гостем в замке Корбина – периодически вместе с Примом появлялась, утверждая, что без женской руки замок выглядит неуютно. Все протесты Корбина по поводу того, что у него тьма служанок, благополучно игнорировались, что, надо сказать, само по себе требовало немалого мужества. Впрочем, протесты были не слишком настойчивыми – Карина, в отличие от своего сводного брата, покойного барона Шлипеншухера, ухитрилась Корбина не раздражать.

А с Альбертом вышло совсем иначе. Корбин, посмотрев тогда на мальчишку, обратил внимание на его болезненную худобу и, запершись с Примом в кабинете, всерьез поговорил с ним на эту тему. В смысле, что Прим собирается делать дальше? Ну, вылечил он пасынка – честь ему и хвала, а дальше то что? Так и ходить за ним теперь, сопли подтирая? Лично он, Корбин, предложил бы нагружать ребенка физически – для начала не слишком сильно, конечно, но так, чтобы Альберт нарастил какую-никакую мышцу. Тогда от лечения будет уже явный эффект, а то сейчас парень вроде как и здоров и, в то же время, от ветра качается.

Прим со вздохом отвечал, что и сам предпочел бы такое дополнение к лечению, но его мать... Ну, в самом-то деле, пока она была уверена, что ребенок обречен, она давала ему жить по возможности полноценной жизнью, чтобы хоть как-то компенсировать его боль. Когда они жили в Верхних Топях, Альберт постоянно общался со сверстниками из деревенских, мотался с ними то на реку, то в лес. Ребята относились с пониманием к немощи своего барина – таскали его с собой на специально сделанной тележке, помогали, чем могли. Как ни удивительно, Альберт не превратился ни в тупое, озлобленное существо, ни в махнувшее на себя рукой растение – может, по малолетству, а может, и благодаря матери... Но, когда появился Прим и, в буквальном смысле слова, поставил его на ноги, Карину словно подменили – тряслась она над сыном так, как будто еще сильнее, чем раньше, боялась его потерять. А может, и впрямь боялась...

Корбин тогда имел с ней серьезный разговор в присутствии и Прима, и самого Альберта, и

честно предупредил – все, что можно было сделать магически, Прим уже сделал. Теперь дело за тем, что хочет сама Карина. Хочет, чтобы ее сын был нормальным, здоровым мужчиной – одно дело, а хочет, чтобы он до конца дней был бледной немочью – совсем другое. И если хочет, чтобы Альберт нормально развивался, то пускай он вместе с Примом мотается по утрам в его, Корбина, замок, а здесь уж ему грамотно подберут и физическую нагрузку, и режимы тренировок. Карина была не в восторге от предложения, но смирилась с необходимостью подобных действий, поэтому вскоре Альберт и впрямь стал превращаться в здорового, развитого ребенка.

Ну а потом выяснилось еще несколько интересных фактов. Во-первых, Альберт за годы своей болезни пристрастился к книгам. Поэтому, попав в замок Карри, он был просто поражен огромными, до потолка, стеллажами, забитыми книгами и, как когда-то Корбин, засел за них со страшной силой. Во-вторых, был у него и магический дар. Правда, настолько слабенький, что Корбин с Примом сильно сомневались, удастся ли их развить хотя бы до четвертого ранга, даже если тренировать всю жизнь. Однако это было уже кое-что, во всяком случае, управление амулетами ребенку должно было быть вполне доступным. И, в-третьих, мозги у пацана работали – он здорово чертил, был дружен с математикой... Корбин, подумав, дал ему неограниченный доступ в библиотеку замка. Потом выяснилось, что Альберт, бывает, засиживается за книгами до глубокой ночи – пришлось выделить ему небольшую комнатку... И вот так вот, постепенно, молодой барон врос и в жизнь замка, и, как ни удивительно, самого Корбина.

Граф мотнул головой, отгоняя воспоминания. Поймал недоуменный взгляд Прима.

– Ребята, я, пожалуй, пойду к себе. Что-то глаза слипаются.

– Ничего удивительного. Ты сколько не спал?

– Да не так и долго... Сутки, может, двое.

– Все, иди, отдыхай, мы тут сами разберемся.

– Хорошо. Прим, не забудь – завтра тебя ждет Корнелиус. Что-то у старика опять не ладится, не забудь, пожалуйста.

– Да помню я, помню. Ладно, иди, отдыхай. И чтобы раньше, чем через десять часов, из кровати вылезти и вздумать не смел.

– Все уже, иду... Учить он меня будет!

Корбин с усилием встал из-за стола, поднялся к себе. Каменные ступени, изрядно истертые еще сапогами его предков, сливались перед глазами – он, похоже, и впрямь устал. Зашел в комнату, привычно задвинул засов и, кое-как раздевшись, бухнулся на кровать.

В ту ночь он спал спокойно, без дурных мыслей и тревожных сновидений. В первый раз за последние несколько месяцев.

Глава 2

Джурайя

Прошло больше четырёх лет с тех пор, как я сбежала из под венца, а ощущение – что вся жизнь прошла. Причём большая её часть – в первый месяц. Мои сверстницы давно качают в

люльках детей, вторых, третьих, а некоторые, особо плодовые, и четвёртых... Я ни о чём не жалею. Детская обида на Корбина де'Карри давно прошла, и, если честно, я ему очень благодарна за то, что он спас меня. Ну, если уж совсем честно, то тогда он спас не только меня, а весь цивилизованный мир, причём от меня же... У меня есть оправдание моей чёрной неблагодарности – меня использовали втёмную. Использовал человек, пользовавшийся безграничным доверием и уважением, если не любовью, я считала, что до конца дней своих в долгу перед ним, а он, оказывается, разыгрывал партию в шахматы... А мне была уготована роль фигуры, которая должна была сделать решающий ход, после которого Гроссмейстер объявил бы шах и мат всем королям Соединённых Королевств... Корбин спасал мир и не считал нужным обращать внимание на эмоциональное состояние отдельных неуравновешенных его жителей. Так совпало тогда, что я осталась совсем одна – всего на одну ночь, но я подумала, что ничего не значу ни для одного из тех людей, которых искренне и всей душой полюбила и считала своей семьёй. Оказалось, что я ничего не значу только для одного из них, для самого Корбина...

Ну что же. Всё это в прошлом, моя семья уже доказала мне свою любовь и преданность. Я очень, очень долго и тяжело восстанавливалась после попытки самоубийства нетрадиционным даже для магов способом. Всё это время рядом были Элия, Адрис, Корнелиус, Прим. Элия и Адрис сейчас вместе, у Прима неожиданно появилась семья, его приёмному сыну уже двенадцать. Он называет Корнелиуса дедушкой, Эльку с Адрисом дядей и тётей, а меня Джу. Мне было бы странно быть для него тётей, потому что он уже пару раз подбивал меня на невинные шалости, причём он был провокатором, а я, как обладающая даром, исполнителем... Влетало нам обоим одинаково.

Адрис после некротического удара потерял румянец во всю щёку, с трудом набрал необходимый вес и окончательно избавился от болезненной привязанности к Фан. Он много занимается боевыми искусствами, в том числе и теми, что учил меня Цень (есть и от него польза), и теперь весельчак и повеса Адрис больше не похож на наёмника. Теперь он похож на рыцаря Круглого Стола сэра Ланселота, про которого я читала в одном из манускриптов, рассказывающем об Островной Империи. А ещё он учится. Усердно, прилежно и самостоятельно, чего не ожидал никто из нас. Он постигает основы механики, изучает физику и математику. Когда Прим привозит Альку к дедушке, они с Адрисом изобретают всякие механизмы и испытывают их во дворе. Пробивная сила катапульты превзошла все известные аналоги раз в десять, жалко, что испытывали они её у городской стены... Там теперь участок новенькой кладки и каждые сорок шагов висят таблички "Испытания стенобитных орудий запрещены. Караётся годом работы на рудниках". Таблички вешали по приказу Корнелиуса – восстанавливать-то стену ему пришлось за свой счет...

Как-то вечером, сидя у камина, Корнелиус рассказал нам всем историю своей жизни. Он специально собрал всех, и Прима с Кориной и Аликом, и Корбина, и Полин. Всех, кого считал семьёй, в ком был уверен, что мы будем молчать и мир не узнает, что Корбольд Неистовый жив, здоров и невредим. И даже вполне счастлив. Когда он закончил говорить, в кабинете воцарилось потрясённое молчание. Альберт, в свое время перечитавший кучу книжек и хорошо знающий историю Ковена и зачитавший Битву с Некромантом до дыр, задал единственный вопрос:

– Деда, а как звали предательницу?

– Королева Ветров, Ньюан Фан...

После этих слов Адрис вскочил, как ужаленный, перевернув кресло и стукнувшись головой о висящую на стене полку с фолиантами.

– ФАН? Её звали ФАН?!!!

Вот тут он и выложил свою историю про Фан, утончённую куколку из Поднебесной, с которой жил полгода и которая вероломно бросила его и ушла, не попрощавшись. Корбин, в своей обычной оскорбительной манере, поинтересовался, как это можно полгода с бабой жить, кормить, поить, отдавать ей всё нелёгким трудом заработанное, и ни разу не спросить ни фамилии, ни где она целыми днями пропадает... Адрис посмотрел на него тяжёлым взглядом и терпеливо, как ребёнку, объяснил, что с самого начала она не захотела говорить о прошлом, а он из деликатности потом молчал. Просто любил и боялся потерять. Вам, Ваша Светлость, этого не понять. И нежно посмотрел на Эльку. Корбин тогда язвительно отшутился, да где уж мне, солдафону, мне только убивать да мир спасать, но видно было, что задела его слова Адриса, за живое задела. Вот тут то я и заинтересовалась – а он вообще способен на любовь? На геройство – да, на подвиг – тоже. На преданность своим – без слов. А вот на любовь, похоже что нет... И это было очень грустно.

А Корнелиусу тогда, похоже, было не до светлой грусти. Он тоже вскочил на ноги и зашагал по кабинету. Фан была в столице Тенора... когда ты говоришь? Года два назад?... И каждый день исчезала и возвращалась только к вечеру, а то и к ночи? А потом таинственно исчезла? Значит, узнала то, что ей было нужно. Беда... Где ж я так нагрешил... Это же мастер дворцовых интриг, эта Фан. Что она затевает – неизвестно, ясно одно – ничего хорошего...

Корбин в это время старательно обкручивал гвоздь вокруг пальца. Толстый такой гвоздь, ими обычно бревна скрепляют. Крепкое железо сминалось в его пальцах, как тесто. Старательно так обкручивал, в два оборота, а когда второй виток улёгся красиво и ровно, подбросил сие brutальное колечко на ладони, и вложил его в руку оторопевшему Адрису. Потом спросил: "Эта ваша Фан сильнее меня"? Получил отрицательный ответ, безразлично пожал плечами, попрощался с Корнелиусом, сказал "Будет заварушка – зовите" и вышел, очень аккуратно прикрыв дверь... Элька, после того, как стихли шаги Корбина, подскочила к жениху и постучала бывшим гвоздём по его лбу.

– Ты думаешь, кому ты и что говоришь? – кипятилась она. – Да он этот гвоздь вокруг твоей шеи бы обкрутил... в два оборота. И чуть-чуть дотянул... Потом и Прим бы не помог от этого ожерелья избавиться.

– Это с чего бы? – не понял Адрис.

– Балда ты необразованная. Я же людей ЧУВСТВУЮ! Он с трудом сдерживался...

– Правда Адрис, зачем ты Корбина обидел? – неожиданно вступилась за друга мужа Карина.
– Ну не любил – и что такого? Не попадалась достойная, значит, вот и всё.

– И что вы, бабы в нем находите? Он хамит, издевается, Джуньку вон до суицида довёл, а вы защищаете его, опекаете, как бы бедняжку кто не обидел... Да его же кто обидит – двух дней не проживёт!

В тот раз я промолчала, не потому что поддержала Адриса, а просто задумалась над словами Карины – в них был смысл.

А ещё через годик после того разговора в кабинете я отпросилась навестить родителей в Горелых Выселках... Если бы я знала, чем всё обернётся, всё равно бы поехала.

К тому времени, после полутора лет ученичества, я уже готовилась к экзамену на лицензию мага четвёртого ранга. Корнелиус отговаривал, просил подождать пару лет, получить второй

ранг, но мне слишком хотелось независимости. Я чувствовала себя достаточно сильной, за спиной были немалые успехи и даже несколько собственных разработок. Я открыла свой первый портал – он оказался бело-голубым, сияющим и очень красивым. И мне не нужны были вектора, достаточно только представить место чётко и ясно, как портал открывался с ювелирной точностью.

Вот я и спешила поделиться радостью с родными и близкими... Портал открылся возле родной избы, как я и хотела, но не успела осмотреться и прийти в себя, как была окружена толпой разгневанных людей...

...Первым увидел Джурайю сосед-пьянчужка и заорал на всю улицу:

– Люди! Люди!!! Сюда, держите её, пока не убегла! – через минуту её уже окружали милые, добрые люди, медленно сжимая кольцо... Некоторые были с вилами, топорами, просто с палками. По их лицам было видно, что ждут её уже давно... Но радости заметно не было. Как оказалось, Корбин так и не снял с них тройной налог. Из принципа. А наложен он был до тех пор, пока не изловят и не притащут пред светлые очи Его Сиятельства...

Джурайя стояла в замешательстве, явно не зная что делать. Портал открыть негде, люди кругом. Отбиваться – нехорошо, с её-то даром она могла теперь выжечь Выселки целиком, но боялась даже думать об этом. Да пусть тащут, смирилась она. Заодно Корбину спасибо скажу, а то неудобно получается. Прячусь от него, как таракан во всех щелях, когда он к дяде Кору приезжает. А тут такой случай – и Выселкам польза, и у меня камень с души...

Она спокойно дала связать себе руки, усадить в повозку, терпеливо выслушала все претензии односельчан...

– Он ведь не жениться уже хочет, а четвертовать с особой жестокостью, – жалобно сказала девушка, заглядывая в глаза то одному, то другому. Односельчане старательно отводили глаза и говорили, что графская воля – закон. Кого хочет – казнит, кого хочет – милует... – Ясно, – разочарованно вздохнула она, – дайте хоть с отцом-матерью проститься! – Роль жертвы, едущей на казнь, Джурайя играла до конца, и даже всплакнула по своей горькой судьбинушке.

– Вот у Его Сиятельства господина графа и попросишь, а там уж его воля – пущать или не пущать, – отводя глаза, процедил сквозь зубы староста, сам садясь за кучера...

Гнал он, не слишком жалея лошадей, и к вечеру следующего дня её уже передавали с рук на руки обалдевшим стражникам, а староста всё тараторил – вы скажите Его сиятельству, изловили, дескать, с риском для жизни! Шкуры своей не пожалели, а беглянку доставили! – кричал он в закрывающиеся ворота.

– Разберёмся, – буркнул стражник, сматывая аршин верёвки с посиневших рук Джурайи. Этот молодой парень нередко сопровождал Корбина в визитах к старому учителю и теперь недоумевал, как эти остолопы умудрились изловить и повязать одну из его самых успешных учениц. Джурайя делала страшные глаза и мотала головой, давая понять, что делать нужно то, что говорит староста – и ни в коем случае не показывать, что они знакомы...

Когда Корбину сообщили, что к нему привези изловленную Джурайю, он удивился и неохотно оторвался от мольберта. А в дверях кабинета, куда сам же и распорядился доставить беглянку, какое-то время стоял, стараясь запомнить каждую деталь открывшейся ему картины: перед освещённым закатным солнцем окном в сумерках стояла девичья фигурка с понуро опущенными плечами. Джурайя задумчиво смотрела в окно и водила пальцем по

покрытому морозными узорами стеклу... Отросшие волосы падали на глаза, а девушка каким-то пацанячьим жестом сдувала их краем рта. Тряхнув головой чтобы избавиться от наваждения, Корбин хлопнул в ладоши. Зажглись магические лампы, осветив кабинет мягким светом. На тонких запястьях Джурайи отчётливо проступали синеватые рубцы, оставленные верёвкой. Девушка вздрогнула от хлопка, но так и не повернулась.

– Неужто свои же сдали? – притворно удивился Корбин. – Ай-яй-яй, как не хорошо! И не пожалели?

– Не-а, – невесело усмехнулась Джурайя. – А я их так просила, всплакнула даже. И ни одна сволочь не заступилась...

– Все люди – сволочи, – нравоучительно выдал Корбин, наставительно подняв указательный палец. – Ну... Кроме некоторых. Чем больше живу – тем больше в этом убеждаюсь.

– Да нет, сволочей просто больше видно. А хорошие люди тихо сидят и не высовываются...

– А чего ж не отбилась? – в том же тоне посочувствовал титулованная язва.

– Не хотелось их разочаровывать. Они такие смелые вышли... всей деревней, с дреколем, друг друга подбадривают – мол, сдадим беглянку – налог снимут, за побег наложенный. Ну я и подумала – ладно, пусть в героев поиграют... Кстати, я тебя ТОГДА не поблагодарила... Так вот, – она повернулась и подняла на графа глаза. – Спасибо, Корбин, что спас мир от меня и меня заодно с ним... – и тут же отвела взгляд, вдруг заинтересовавшись книгами на стеллажах.

– Оригинальное извинение, запоздавшее года на полтора, да ладно, фиг с ним, принимается, – криво усмехнулся Корбин. – Если что, обращайтесь.

– Ну что вы граф, не стоит, – зябко поёжилась Джурайя.

– Ну, не стоит – так не стоит... Чего изволите, юная леди, не утомились ли в дороге? – продолжал глумиться Корбин.

– Юная леди изволит свалить домой, если позволите. А то в повозке, знаете ли, ни помыться, ни отобедать. Хорошо хоть по нужде выпускали. Налог-то снимите с дураков, старались всё-таки...

Корбин задумчиво оглядел ещё более осунувшееся лицо девушки, багровые полосы не её запястьях, и покачал головой

– Пускай ещё годик поплатят. А ты свободна. И рад бы пообщаться, да всё дела, дела...

Джурайя с досадой вздохнула, сотворила компактный телепорт, кивнула на прощание и шагнула в свою комнату.

... Лицензию я тогда так и не получила. И через год, и через два, и этой весной, скорее всего, тоже ничего не выйдет. Прим в преступном сговоре с Корнелиусом, а я подозреваю, что и с Корбином, старательно валят меня на экзаменах. Хотя теорию и практику я знаю лучше многих старших учеников, а силой превосхожу и некоторых дипломированных магов... Почему-то все решили, что меня необходимо держать на коротком поводке, опекать и подтирать сопли.

А ещё у меня развилась паранойя... А точнее – мания преследования. Я всё время ощущаю кожей чей-то пристальный взгляд, но не могу понять, кто и откуда за мной следит. Пару раз, резко обернувшись, я видела отходящую в сторону фигуру, но не могу точно сказать, был это преследователь или мне всё почудилось... Ломилась же я через всё королевство от Корбина, а тот и думать забыл о всякой женитьбе. Не хотелось бы опять попасть впросак и стать посмешищем. А с другой стороны, страшно. Страшно, а поделиться не с кем. Элька мне бы поверила безоговорочно, но при этом она будет так паниковать, что страшно мне будет уже за неё. Остаётся надеяться, что всё разрешится само собой, и, желательно, без жертв и разрушений.

Корнелиус переживает, что Корбин от него отдаляется. Скоро День Великого Зарождения, середина зимы, этот праздник традиционно празднуется в кругу семьи, и ночь перед ним полагается проводить в весёлой компании самых близких и родных людей, дарить подарки, поднимать тосты, желать самого лучшего в Зарождающемся Году, а Корбин уже сейчас всех предупредил, чтобы на него не рассчитывали. У него, мол, дел по горло, корова не доена, ученики от рук отбились... Короче, старая сказка, которой он кормит старого учителя с ТОГО самого дня... Конечно, мы все некрасиво поступили, и некромант из-за нас сбежал. Все со мной возились, недосуг было Мировое Зло на корню изводить. Наобзывались все на него, ни за что ни про что... Но потом-то хотели извиниться, в гости Корнелиус его зазывал, заискивал даже, а в ответ только холодность и нелепые отмазки, как сейчас вот, перед праздником. Дядь Кор уже на крайнее средство пошёл – связался с ним через кристалл и взволнованно сообщил, что что-то случилось, и он срочно ждёт его, как стемнеет, в своём кабинете... А в кабинете стоит Священное Дерево, всё в разноцветных светящихся шарах, и гора подарков под ним – и от самого Корнелиуса, и от Прима с Кориной, и от нас с Элькой и Адрисом. Кстати, украшать Священное Дерево огненными шарами, помещёнными в силовую оболочку, это идея самого Корбина. Точнее, честно у него украденная и творчески доработанная идея. Это ведь он тогда мой шарик закапсулировал так, что я его не убрать, ни взорвать не могла. Так и бросила на произвол судьбы... Теперь на нашем дереве висят шары всех оттенков – от огненно-красных до бледно-зелёных. Мои – по старой доброй традиции бело-голубые, сияют так радостно, мягким светом... Праздник на душе, только бы силовая оболочка не нарушилась... Страшно представить, если цепная реакция пойдёт. Альдерра этот праздник запомнит надолго... Если кто-нибудь выживет.

Да, кстати, два с половиной года назад, едва наступила моя двадцать первая весна, я стала полноценной женщиной. Очень задержавшись в развитии, мой организм теперь навёрстывал упущенное, и я каждый месяц проклинала свою женскую породу, лёжа, скрючившись от боли, с грелкой на пузе. За это время у меня появилась даже грудь. Пусть небольшая, но поначалу тоже дико болезненная. Так что от моего взросления, о котором я мечтала лет в пятнадцать, а потом благополучно забыла, пока были одни проблемы...

Праздник удался на славу. Украшенный сосновыми ветками, огнями и звёздами, кабинет создавал умиротворенную атмосферу. Даже Корбин, поначалу распахивавшийся, что его оторвали от срочных дел, оказывается, для того, чтобы вручить пару коробочек в цветной обёртке, постепенно оттаял, расслабился и теперь подливал всем игристого идальгийского в бокалы и травил байки из наёмнического фольклора. После третьего бокала в голове у Джурайи образовалась приятная лёгкость, она весело смеялась, танцевала и с удовольствием точечным касанием дара взрывала маленькие бумажные капсулки, изобретенные Альбертом и им же подкладываемые под стулья гостей. После часу ночи, когда Альку, как единственного ребёнка на этом празднике жизни, выперли спать, а Прим пошёл с ним, чтобы не обидно было, в кабинет ворвался Веллер с каким-то хворостом в руках. Глаза его горели, он возбуждённо размахивал принесенным хворостом и орал, что такого они ещё точно не видели, а в руках у него необыкновенные ароматические палочки, стыренные им лично из храма какого-то языческого божка, то ли Волосопала, то ли, прости Господи,

Волосопопы, которые принято воскуривать по великим праздникам для создания праздничного настроения. Он тут же распахнул их во все подсвечники и зажёл...

Когда вернулся Прим, все были уже такие праздничные, что он сначала даже растерялся, но пару раз вдохнув сладковатый дым, тоже проникся всеобщим ликованием. Под нестройные вопли и бряцание чего-то струнного (музыканту грозились надеть инструмент на шею вместо шейного платка, на что обиженный Адрис отвечал, что талант всегда осмеян всякими бездарями, а Корбин, обняв его за плечи, провокационно спрашивал – может, и певец кого-то не устраивает?!) Прим с самым серьёзным видом лихо отплясывал на столе среди посуды танец гордого горного народа, зажав в зубах катану Джурайи. И как, спрашивается, удержал? Клинок-то не самый легкий. Хозяйка холодного оружия, утирая слёзы, хохотала, сидя на ковре и повторяя одну фразу "Только не поцарапай!", на что Прим каждый раз сверкал на неё глазами, шевеля бровями в разные стороны, независимо друг от друга. Карина с Конелиусом рассуждали о проблемах миграции хомяков в Диких Пустошах, причём Корнелиус уже который раз повторял: "Кара миа, ты такая умная!!!". Веллер сосредоточенно опустошал блюдо за блюдом, не выражая на лице ни одной эмоции.

Корбин неожиданно подошёл к Джурайе, присел перед ней на корточки и, сверля её пылающим взглядом, сказал:

– Если бы ты была мужиком, я бы тебя сразу убил... Как только бы ранг получила – вот и сразу бы, чес-слово.

– Извини, я не могу быть мужиком! – опять покатила со смеху Джурайя.

– А теперь, когда ты станешь магом, я вызову тебя на поединок! – изрёк Корбин. – И всыплю так, что на задницу неделю не сядешь.

– А чё ждать? – загорелись глаза у Джурайи. – Давай сейчас! Я тебе моё Белое Пламя покажу! Классный клинок, слушается... иногда... – и она опять прыснула в ладонь.

– Я тебя сейчас и без магии уложу. Пошли в мою комнату, туда никто не зайдёт, – хорохорился Корбин, краем сознания отмечая, как двусмысленно звучат его слова, но второй смысл всё ещё ускользал из его затуманенного разума.

Джурайя легко подскочила, чуть не упав обратно. Корбин подхватил её под руку. Так они и вошли в его комнату, пошатываясь и опираясь друг на друга.

– Ну, теперь вставай в позу... тьфу, в позицию...

Джурайя встала напротив в боевую стойку, подняв за спиной одну руку, а другую выставив перед собой и сделала пальцами приглашающий жест. Корбин хотел схватить её за наглую конечность, но почему-то промазал. Джурайя крутанулась на месте, резко подсекая ноги противника. Инстинктивно уйдя от подсечки, он всё же изловил вертлявую девчонку поперёк живота. Что он хотел сделать дальше совершенно вылетело из его головы, потому что сейчас, лицом к лицу, он стоял с самой, как ему показалось, красивой женщиной в мире...

...Джурайя проснулась от дикой головной боли. В глазах двоилось, во рту было ощущение, будто все кошки Альдерры устроили там туалет. Её изрядно мутило. Комната вокруг была явно НЕ ЕЁ... С трудом сфокусировав взгляд она повернула голову и увидела рядом тело. Тело лежало, зарывшись в подушку лицом, но стянутые кожаным шнурком на затылке русые волосы выдавали Корбина. Джурайя скосила глаза вниз и облегчённо вздохнула – одежда была на месте. Память возвращалась какими-то отрывками. Она отчётливо помнила, как

начинался их дурацкий поединок, и что в какой-то момент оба забыли зачем пришли... Чёртов Веллер со своими палочками... – так думала Джурайя, пробираясь к своей комнате. Стояло раннее серое утро, вокруг царила тишина и у неё был шанс проскользнуть к себе незамеченной...

Возле двери её комнаты стоял Корнелиус и двое незнакомых... людей? Женщина (одним из незнакомцев была явно женщина) обречённо махнула рукой и сказала странную фразу:

– Вся в Шалопая...

Мужчина – второй незнакомец – неуверенно произнёс:

– Дорогая, ты слишком драматизируешь, всё же в ней есть половина и эльфийской крови...

Корнелиус, сохраняя внешнее спокойствие, выдавил:

– Джуня, мы с твоими бабушкой и дедушкой ждём тебя в моём кабинете...

...Корбин проснулся в состоянии тяжелого похмелья и частичной амнезии около полудня. Память подсовывала ему странные картины и ощущения: горящие глаза напротив... тонкое, сильное девичье тело под его ладонями... Корбин недоверчиво осмотрел комнату – ничего не выдавало присутствия этой ночью здесь... Джурайи?! Нет, не может быть... Приснится же такое... Чертов Веллер со своими палочками...

Глава 3

Лорд Корбин

Да уж, воистину, как этот проклятый праздник встретишь – так потом весь год и проведешь. Это что же получается? Два варианта: или в полубессознательном состоянии, или как сейчас вот, мучаясь тошнотой, головной болью и всеми прочими прелестями похмелья в смеси с отходняком от дурмана. И, главное, стандартное заклинание от похмелья ничуть не помогает. Веллер – идиот, притащил курительные палочки из храма Волосолапа, бога-паука... Абсолютно безобидное божество, и столь же бесполезное, покровительствует песням и пляскам. М-да, вот потому-то его жрецы и практикуют у себя в храме эти курительные палочки на дурман-траве, да еще столь разрушительной силы. Это ведь, действительно, только по укурке можно вообразить, что та тварь, статуя которой стоит у входе в храм, может вообще хоть чему-то покровительствовать. Угораздило же Веллера стибрить эту отраву именно там... Надо будет всерьез заняться учеником, а то что-то нездоровые увлечения у него в последнее время появились. И ведь, главное, он, Корбин, когда аромат унюхал, начал было соображать, что за дрянь Веллер принес, даже хотел выкинуть их, но сладкий, обволакивающий мозг запах лег на уже затуманенные игристым вином мозги чуть раньше, чем мысли дошли до спинного мозга... А потом было уже просто весело, и совершенно не соображалось, что он делает. Дальше память подбрасывала какие-то обрывки, совершенно, казалось бы, не связанные между собой.

Прим, танцующий на столе. Ну, в принципе, ничего удивительного. Наш аскет и не на такие выходки способен, это он с виду тихоня, но иногда, если слетает с тормозов, может учудить и что-нибудь похлеще. И катана в зубах... Ну и зубы у человека! А откуда катана? Ну да, Джурайино старье. Все хотел ей подарить нормальное оружие, обещал, а потом и не до того стало. Надо будет все-таки подарить, а то у него эта железяка только висит на стене без толку.

Адрис играет, а он, Корбин, поет... Мама, роди меня обратно! Встретились две бездарности.

Корнелиус о чем-то шепчется с Кариной. Это при том, что он, как казалось Корбину, относится к ней не то, чтобы настороженно, а, скорее, малость пренебрежительно – ровней своему сыну он ее, похоже, не считает. Если быть до конца честным, Корбин был с ним в этом согласен – провинциальная вдовушка и знаменитость международного масштаба... Хотя Прим, вроде, пока что вполне счастлив, так что пусть его.

Элька сотворила огненный шар. Ар-ригинально, а ведь она чистый менталист. Считается, что магам-менталистам такие игрушки сотворить невозможно в принципе. Шар летает по комнате, все ловят его, как бабочку... До тех пор, пока он не вылетает в каминную трубу, проделав перед этим в ограждающей камин решетке солидную брешь.

Веллер жрет. Иначе и не скажешь – именно жрет, так, будто его перед этим месяц не кормили.

Корнелиус на спор достал ногой до настенного светильника. Ну ничего себе! Похоже, молодость вспомнить решил. Он, Корбин, повторил... Да уж, посуда бьется к счастью. Интересно, к чему бьются плафоны?

Джурайя смеется. Ее, похоже, весь вечер на хи-хи пробивало. А вот что было дальше?

Память подсказала. Корбин рывком сел на кровати и взвыл – голова будто взорвалась от боли. Ну надо же... И, главное, тут помню, тут – не помню... Проклятие!

Корбин схватился за голову. Ого! Похоже, тут не только дурманящие палочки да вино. На затылке явственно прощупывалась небольшая, но очень горячая шишка. Случайно задев ее, граф взвыл снова.

Кое-как встав, Корбин босиком (о боги, а ведь на празднике он точно был в своих любимых тапках!) прошлепал к вделанному в стену потайному шкафчику. Ну да, так и есть – та отравы, которой он в молодости лечился от похмелья, по-прежнему на месте, и наверняка не выдохлась – рядом кристалл, погружающий содержимое шкафчика в стазис. Дезактивировав заклинание, Корбин достал пузырек, налил в кружку воды, добавил десять капель лекарства... Подумал, покосился на свое отражение в зеркале и, вздохнув, добавил еще столько же, взболтал. Понюхал...

Бр-р-р... В нос шибануло нашатырем. Боги, какая гадость! Стараясь не дышать и подавляя рвотные позывы, Корбин залпом осушил кружку и замер. А ничего так, действует. Во всяком случае...

Додумать он не успел – успел только добежать до туалета, благо в его комнате был свой санузел. Минуты две Корбина усиленно выворачивало, но тут уж ничего не поделаешь – организм, подхлестнутый алхимическим, усиленным магией зельем активно очищался от той дряни, что с вечера была вполне даже добровольно в него запихнута. Впрочем, пускай уж лучше так – легче две минуты потерпеть такое вот издевательство, чем целый день мучаться похмельем.

Ну вот, вроде бы, отпустило. Состояние, конечно, далекое от идеального, но все же куда более приличное, чем пятью минутами ранее. Если по-простому, то жить будем, хотя, возможно, не хорошо и недолго.

Корбин кое-как умылся, потом, посмотрев на себя в зеркало, плюнул и, на ходу сдирая мятую

одежду, полез под душ. Хорошо хоть, поместье Корнелиуса могло похвастаться собственной водонапорной башней. В городе практически везде, кроме королевского дворца, мылись, в лучшем случае, из обычных рукомойников, а полное омовение осуществляли, дай Единый, раз в два-три месяца. Привыкшего к чистоте и еженедельной бане провинциала Корбина это, в свое время, безумно раздражало. Потом ничего, привык, хотя к запаху, исходящему, порой, от столичных жителей, он так до конца и не притерпелся. Женщины-то еще обычно старались скрывать свои запахи духами, хотя, порой, теряли чувство меры, и результат выходил, в прямом смысле слова, убойным. Мужчины же этим и вовсе пренебрегали. Корбина это бесило, но он умел заставлять себя не обращать внимания на досадные мелочи – только старался держаться подольше от столичных дам, их серебряные вошеловки его решительно отпугивали.

Правда, в королевском дворце бил мощный артезианский источник, поэтому с водой проблем не было. Король чистотой, конечно, тоже не злоупотреблял, но все-таки мылся почаще своих подданных. Большинство магов, как Корбин знал, за собой следили, но для получения должного эффекта просто заставляли воду течь, куда им хотелось, с помощью магии. Корнелиус же, насмотревшись в Айноре на тамошние достижения, построил в свое время в поместье водонапорную башню, заполнял ее, по мере необходимости, с помощью магии, заодно тренируя учеников, и всегда имел столько воды, сколько ему требовалось, причем под необходимым напором. Выходило проще и дешевле, чем извращаться каждый раз с магическими потоками. Корбин, посмотрев в свое время на башню и оценив ее удобство, построил в своем замке такую же – очень удобно получилось.

Постояв несколько минут под бьющими со всех сторон ледяными струями, Корбин почувствовал себя почти что в норме. Обильно намылился и, поработав над собой жесткой мочалкой, от чего и без того покрасневшая кожа начала, в буквальном смысле слова, гореть, он смыл пену и понял, что жизнь налаживается. Вылез из душевой, растерся мягким полотенцем и, оставляя на полу мокрые следы, вышел в комнату. Там он вызвал ток теплого воздуха и с минуту, раскинув руки, просто блаженствовал, после чего, окончательно обсушившись, понял, что ему, в общем-то, совсем хорошо. Если бы еще не гаденькая мыслишка, по-прежнему точившая его изнутри, можно было бы считать, что жизнь и вовсе удалась.

Открыв еще один шкаф, Корбин убедился, что и чистая одежда тоже на месте, причем безо всякого стазиса – спасибо Полин, похоже, она присматривала за состоянием его комнаты, пока он на всех дулся. Почему Полин? Да потому, что от остальных такого внимания не дождешься. Корбин быстро оделся, привычным, до автоматизма отработанным движением кинул в ножны меч. Не то, чтобы кто-нибудь мог угрожать ему, тем более здесь, но клинок был таким же привычным атрибутом одежды, как штаны, или там рубашка. За долгие годы Корбин настолько привык к внушительной тяжести на бедре, что без меча, пусть даже такого, как сейчас, парадного, легкого, с изукрашенной гардой, чувствовал себя почти что голым. Впрочем, хотя меч и был парадным, но от этого декоративным он отнюдь не стал – клинок был сработан из прекрасной стали, баланс был отличным, а гарда, при всей своей богатой отделке, надежно защищала кисть. Красивый атрибут положения в обществе, изящная игрушка, в любой момент способная превратиться в оружие для отстаивания чести, а в руках Корбина, если называть вещи своими именами, в инструмент палача, жуткий по своей эффективности. Корбин привычно погладил эфес – все-таки в любом оружии есть какая-то магия, человек с оружием и человек без оружия – это два разных человека.

Взглянув на себя в зеркало, граф остался вполне доволен увиденным. Как обычно, уверенный в себе, наглый тип – маска, ставшая уже настолько привычной, что практически приросла к лицу. Увы, как ни крути, а местное общество понимает только силу. В столице, особенно в высшем свете, тот еще гадюшник, поэтому надо вести себя соответственно.

Боятся – значит, уважают. Старая и, увы, актуальная в этом злосчастном городе пословица. Общество, способное воспринимать только силу и деньги, обречено. Мимолетом подумав, что если (хотя какое там "если", процесс уже запущен) он станет, королем, то "высший" свет он перетрясет очень тщательно и с особым цинизмом, Корбин еще раз посмотрел в зеркало.

Ну да, все нормально, прямо хоть на королевский бал иди... Хотя, если честно, круги под глазами выдают тяжелую ночь. Ну, ничего страшного – есть три варианта: попросить Прима или Веллера обработать его каким-нибудь лечебным заклинанием, воспользоваться, по примеру некоторых аристократов, косметикой, или пойти хлопнуть бокал вина для улучшения кровообращения. Второй вариант отпадал однозначно, уподобляться этим, с позволения сказать, мужчинкам, Корбин не стал бы и под страхом смерти. Вариант с целителями Корбин, подумав, тоже с сожалением отбросил – неизвестно, в каком состоянии сегодня Веллер с Примом. Так колданут, что потом вместо здорового цвета лица будешь флюсами с обеих сторон щеголять. Стало быть, остается бокал вина для поднятия тонуса, ну и, вероятно, плотный завтрак.

Корбин прислушался к своим ощущениям. Ну что же, вроде, все в порядке – голова окончательно пришла в норму, не мутит... Осталась предательская слабость, но она пройдет, никуда не денется. Голова, правда, пустая и звонкая, как храмовый колокол – побочный эффект лекарства, но это тоже пройдет, да и не мешает, если честно.

Маг улыбнулся собственным мыслям, еще раз поправил меч и, решительно выйдя из комнаты, направил свои стопы к сердцу дома – его кухне. Идти было довольно далеко – комната Корбина по причине наложенного на дверь неснимаемого заклинания располагалась в ученическом крыле. Ну а что делать – бросать комнату и переселяться в другую, а ту замуровать? Да зачем? Корбина это не слишком напрягало, другое дело, что до места, где можно поесть, было топать и топать. Такое расположение кухни было выбрано с умыслом: во-первых, если бы кухня была рядом, то вечно голодных адептов от нее было бы не отвадить. Просто нереально перекрыть все пути, которые могут прийти в голову мальчишкам, задумавшим какую-нибудь каверзу. Хоть к каждому входу голема с мечом поставь – все равно залезут и что-нибудь сопрут, уже просто так, из принципа. А когда до кухни далеко идти, то число попыток проникновения можно с чистой совестью делить на два, потому что многим будет просто лень туда тащиться. Лень-матушка – она ведь раньше нас родилась. Ну а во-вторых, раз уж адепты, особенно в первые годы обучения, все равно попрутся за ночным перекусом, то пусть они подольше ходят, ноги потренируют. Лишняя зарядка никогда не лишняя.

Вообще, изнутри особняк Корнелиуса представлял собой кажущееся хаотическим переплетение лесенок, коридоров, переходов... Несведущий человек мог запросто заблудиться в нем так, что проблуждал бы несколько часов. Более запутанная архитектура была разве что во все том же королевском дворце – дань прошлому, когда штурмы помещений были отнюдь не редкостью, а запутавшийся в коридорах враг мог запросто потерять темп и, в результате, тем самым давал обороняющимся лишний шанс бежать, а если повезет, то и отбиться. Те времена, конечно, давно ушли в прошлое, но королевский дворец никто не пытался перестраивать в целях спрямления коридоров, а Корнелиус решил остаться верен традициям. Хотя, возможно, он просто был предусмотрителен, тем более что людям, давно жившим здесь и привыкшим к прихотливости местной архитектуры, это совершенно не мешало. Более того, такие вот изгибы фантазии архитектора (Корнелиус скрывал, кому поручил проектирование особняка, но Корбин подозревал, что старик занимался этим лично) служили для адептов поводом для гордости при общении со сверстниками, а также помогали во всевозможных, не всегда безобидных, шутках, которые мальчишки периодически устраивали гостям. Корбин, правда, в свое время в подобных развлечениях не участвовал – он, как-никак, был постарше, но что могут натворить мающиеся от безделья адепты, знал

очень хорошо, а в последнее время еще и сам вынужден был бороться с плодами фантазии таких же вот мальчишек и девчонок. Если честно, справиться с ними у графа получалось далеко не всегда.

Впрочем, сейчас в коридорах никого не было – адепты разъехались на праздник по домам. Традиционные для Дня Великого Зарождения каникулы были длинными, поэтому, как правило, ребятня предпочитала навещать родных, и эта зима не была исключением. Корбин же шел по коридорам уверенно – он их в свое время изучил так, что мог пройти куда угодно с закрытыми глазами. Поэтому до кухни он добрался в рекордные сроки и был удивлен, обнаружив там Полин.

– Явился, оглоед? – сверкнула на него глазами кухарка.

– Явился, тетя Полин, – виновато развел руками Корбин. – Как там, осталось что-нибудь? На предмет пожрать?

– Да есть, конечно. Когда это у меня не было чего поесть? – ворчливо отозвалась кухарка, собирая на стол с такой скоростью, что Корбин только диву давался. Минуты не прошло, а перед ним уже была груда снеди и, пусть стол и не блистал сервировкой, но зато количеством выставленных на него продуктов можно было накормить взвод изголодавшихся наемников.

Корбин, благодарно кивнув, сел за поздний завтрак... Или, может, скорее, ранний обед? Хотя почему же ранний? Вполне даже своевременный обед получился. Правда, ожидаемого вина на столе он не обнаружил, зато огромная кружка ароматного, слабо дымящегося кофе наводила на мысль, что не так уж и необходимо оно, это самое вино. Полин уселась напротив, по-бабы подперев кулаком щеку.

– Ты зачем девочку-то обидел? – спросила она, когда Корбин, покончив с едой, с удовольствием откинулся на спинку стула и прихлебывал живительный напиток. Корбин был так ошарашен, что поперхнулся кофе и закашлялся, едва не упав со стула.

– Ты... чего? – спросил он, когда кашель, выбитый молодецким хлопком ладони по спине, в страхе убежал. Полин потеряла руку – ударила она малость посильнее, чем следовало.

– А ничего. Видела я, как она от тебя утром выскочила. Глаза красные, руки трясутся...

– Теть Полин, ну чес-слово, ничего я не делал. Во всяком случае, не помню... Ай!

Следующие несколько минут были потрачены на то, что Корбин метался по кухне, пытаясь не разнести вдребезги посуду и не перевернуть кастрюли и судки с едой, и одновременно уклоняясь от полотенца, которым Полин старательно пыталась его огреть. Со стороны это, неверное, смотрелось весело – здоровенный, богато одетый детина убегает от кухарки... Вблизи это было отнюдь не так смешно – во всяком случае, когда один из ударов Полин достиг-таки цели, Корбина буквально унесло на пару локтей, а задница, по которой пришелся удар, изрядно заныла. Хорошо еще, что Корбин был отлично тренирован и ухитрялся практически не сбивать дыхание.

Наконец, молодость взяла-таки верх над опытом, и Корбин, тяжело дыша, смог, наконец, остановиться. Полин, дыша еще более тяжело, уперлась рукой в стол – сохранять равновесие ей сейчас было сложно.

– Теть Полин, ну правда же ничего не помню. Сейчас пойду, во всем разберусь... Все будет в

порядке, обещаю. Если, не дай Единый, было что... Ну, женюсь, в конце концов...

– Смотри у меня, – Полин медленно остывала. – Обещаешь?

– Ну, тетя Полин, – Корбин прижал руки к груди. – Я вас когда-нибудь обманывал? Учителя – да, бывало, но вас?

– Не обманывал, не обманывал, – махнула рукой старуха. – Иди уж. Но смотри у меня...

Корбин покинул кухню почти что бегом. Утренние ощущения начали стремительно оформляться в нечто конкретное и не очень приятное. Сказать, что Корбин был огорошен – значило ничего не сказать, поэтому Корбин направился напрямик к кабинету Учителя. Вот там-то его и ожидал очередной сюрприз.

Когда он, коротко постучав (к вежливости его Корнелиус приучил еще в пору ученичества), и получив разрешение, вошел в кабине, у него глаза на лоб полезли. В кабинете, кроме самого Корнелиуса и Джурайи (как же, легка на помине), находились еще двое, и меньше всего Корбин ожидал увидеть этих двоих. Честно говоря, и меньше всего хотел бы их увидеть.

Древние... Самая, наверное, таинственная и почти не встречающаяся раса на континенте. Ну и самая легендарная, соответственно. Существа, обладающие легендарной мощью и не менее легендарной неуязвимостью. Большинство описаний сводились к "я сам не видел, но мне рассказывал человек, который видел того, кто видел...", однако пару раз попадались и свидетельства тех, кто лично сталкивался с Древними. Даже гравюры попадались. Сам Корбин, если честно, считал Древних выдумкой, хотя, конечно, в силу своей рациональной природы, свел информацию о них в таблицу и постарался вычленил сильные и слабые стороны этой расы. Так, на всякий случай – в его карьере бывали ситуации, когда миф оборачивался реальностью и начинал больно скалить зубы – взять хотя бы заброшенный храм Тон-Аттона, который считался легендой и который Корбин нашел в сердце диких джунглей и благополучно разграбил. Или вот тот же некромант – сколько лет они вымершими считались? Поэтому Корбин и проводил изыскания и с неудовольствием констатировал, что слабых мест у Древних было до обидного мало, хотя, конечно, они не были ни бессмертными, ни неуязвимыми. Однако же схлестнуться с Древними было последним, чего бы Корбин стал желать. Но годы шли, а никаких Древних ему на пути, хвала Единому, не попадалось. И вдруг – на тебе, сразу двое, что делают здесь – совершенно непонятно, как себя вести – тоже. Впрочем, осторожность и вежливость еще никому не повредили.

– Добрый день, Учитель. Здравствуй, Джурайя. Здравствуйте, – это уже непрошенным гостям. – Я, наверное, не вовремя?

– Да, Корбин. Если у тебя нет ничего срочного – зайди попозже.

– Хорошо, Учитель. Когда освободитесь – дайте знать, пожалуйста.

И Корбин вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Подумав, граф вернулся в свою комнату, сбросил перевязь с мечом и сапоги и завалился на кровать – обед, вступив в контакт с желудком, намекал организму, что для хорошего пищеварения желательно поспать. Так Корбин и заснул, и проспал до вечера. Правда, пробуждение было не очень приятным – на всю комнату разнесся крик Учителя:

– Корбин, ко мне, скорее!

И истошный визг Джурайи.

Глава 4

Джурайя

"Ни капли человеческой крови! Единый правый! Нет, этого просто не может быть... Если про эльфов хотя бы сказки рассказывали, то о Древних я вообще ничего не слышала!" – Джурайя сидела с ногами в кресле Корнелиуса и хмуро разглядывала новоявленных родственников. Они всё же были человеческим существами, но всё же различия между ними и людьми были слишком значительными, чтобы не бросаться в глаза...

Оба высокие, на голову выше самой Джурайи, ширококостные и поджарые, с серой и на вид шершавой кожей, почти белыми глазами и узловатыми пальцами на руках, они внушали благоговейный ужас одним своим видом. Эти существа не могли быть её родственниками! Она ведь совсем на них не похожа...

– Вы очень опрометчиво заявляете о родственных правах, – дипломатично говорил Корнелиус, старательно подбирая слова. – Ведь её мать эльфийка, и, если честно, эльфийской крови в девочке гораздо больше, чем крови Древних...

– Даже если в ребёнке одна капля нашей крови, он НАШ ребёнок, и мы не можем бросить его на произвол судьбы, – горячилась женщина. – Эльфы сняли с себя все полномочия, оставив её в поле, – она вскинула на Джурайю полный сочувствия взгляд и она с изумлением увидела в глазах демоноподобного существа слёзы. – Шади, а если бы с ней что-нибудь случилось?! Она ведь такая уязвимая...

– Домина, милая, – муж обнял её за плечи, – не горячись. Эльфы всегда были легкомысленными созданиями. Зато благодаря их генетически обусловленному быстрому взрослению наша внучка развивалась почти так же, как человеческие детёныши. Ну, может быть с небольшим опозданием...

История собственного рождения потрясла Джурайю и она всё ещё пыталась собраться с мыслями, и без того сумбурными с самого утра...

Ещё собираясь к Корнелиусу, она была уверена, что его слова о бабушке и дедушке – это ошибка, и скоро всё прояснится... Наспех умывшись и переодевшись, она нос к носу столкнулась в коридоре с Примом, который еле переставлял ноги по дороге в лабораторию – похмельный организм требовал экстренного лечения, и глоточек живой воды был как нельзя кстати. Почему-то дико болела спина.

– Прим! – дёрнула его за рукав Джурайя. – Подлечи чуть-чуть, а?

– Похмелье и отходняк в одном больном лице? – невесело пошутил Прим. – Чёртов Веллер со своими палочками...

– Если бы только это... Спина болит – сил нет.

Прим развернул пациентку за плечи и провёл ладонью вдоль позвоночника.

– Коня на спор поднимала? – недоумевал Прим.

– Не помню. Как с Корбином в его комнату пришли – помню... – правая бровь Прима поползла

вверх. – Как в позу для поединка вставали – помню... – левая бровь полезла догонять товарку. – Как он меня изловил после подсечки и в лицо идадьгийским игристым дышал – тоже помню... – брови окончили восхождение в районе лба Прима. – А потом смутно как-то. Я бы сказала – вообще ничего...

Прим судорожным движением схватил Джурайю за плечи и воткнул носом в стену. На этот раз обе его руки застыли в районе копчика. Прим облегчённо вздохнул и взъерошил себе волосы.

– Девичья честь осталась при тебе, поздравляю! – издевательским тоном сообщил Прим.

– Да знаю я, – разворачиваясь и поправляя одежду огрызнулась Джурайя. – я в штанах проснулась, а Корбин ещё не настолько крут, чтобы иметь женщину, не снимая с неё кожаных штанов.

Прим оглушительно расхохотался, внезапно смолк и схватился за голову. Ему самому стало интересно, чем всё закончилось, поэтому он решился:

– Можно я тебя просканирую? Ты всё вспомнишь, а я всё увижу. Сэкономим время на пересказ, да лечиться побегу. Голова как чугунная...

– Ну-у-у... – ломалась девушка не долго, сама была заинтригована. – Давай, да пойду и я, с роднѐй знакомиться!

Прим приложил ладонь к её лбу и она отчётливо, как со стороны, увидела картину...

... Лицом к лицу стояли она и Корбин. Захват за талию плавно трансформировался в объятие, далѐкое от дружеского, руки скользнули по телу, обхватили вокруг талии. Корбин приподнял её и их лица оказались на одном уровне – глаза в глаза, её губы невольно приоткрылись, лицо Корбина приблизилось к ней совсем уж близко, а потом...

Ароматные палочки вкупе с игристым вином сыграли с опытным, но непривычным к такого рода дурману наемником злую шутку. Корбин потерял равновесие и рухнул на спину, голова его с характерным глухим звуком соприкоснулась со спинкой кровати, и сознание надолго покинуло мага. Пришлось Джурае слезать с поверженного исполина и затаскивать его на кровать – как в свое время она тащила его из лаборатории. Сейчас, правда, она помогала себе магией, но все равно втащить такую тушу, да еще пьяную... Это был подвиг, достойный мифического злодея Геракла, истребившего в свое время много редкой, экзотической живности. А потом и ее сознание поплыло, намекая телу, что дальше оно уж пусть как-нибудь само. А ему, сознанию, спать положено...

Прим хохотал, держась одновременно за живот и за голову, Джурайя тоже хихикнула, порадовавшись заодно и отсутствию раздражающей боли.

– А что за родственники? – спохватился Прим.

– На людей не похожи, ерунда какая-то... Высоченные, серые, бр-р-р...

Прим извлѐк откуда-то из недр карманов неприметную колбочку с иголочкой, схватил Джурайю за кисть и кольнул палец. На дно колбочки упало несколько капель её крови.

– Ай! – вскрикнула девушка, выхватывая руку и засунув палец в рот. – С ума сошел? Надо Веллеру сказать, чтобы палочки свои пересчитал...

– Давно хотел взять у тебя образец крови, да всё стеснялся попросить! – радостно заулыбался Прим. – А теперь и повод появился. Если ты человек – а выглядишь ты как человек, будет повод спровадить родственничков! Ты к отцу в кабинет? Скоро приду, на анализ потребуется не больше часа. – и деловито зашагал по коридору, как будто и не он сейчас умирал от похмелья и ещё Единый знает чего...

... Знакомство с родней вышло сумбурным. Едва она вошла, как эти двое сумасшедших накинулись на неё с объятиями. Они тормозили её, крутили, как куклу, хватали за руки, тербели за щёки и вообще вели себя как нормальные дедушка и бабушка, если только внуку, которого они не видели и успели соскучиться, было лет пять от роду... Так что двадцатитрёхлетняя девица в этой ситуации чувствовала себя крайне неудобно. Кое-как отбившись от новоявленных родственников, она попросила всё же рассказать, с какого перепугу они решили, что она их внука. Родственники взяли себя в руки и начали по порядку – с самого начала...

...Раса Древних вела своё начало с тех времён, когда первые люди строили первые города, а демоны ещё не ушли в инферно. Нередки были случаи браков между людьми и демонами. Полукровки, рождённые от этих браков, получили от своих могущественных родителей бессмертие, магию инферно и яркую, запоминающуюся внешность. Выше среднего человека на полторы головы, с серой кожей, почти белыми глазами и волосами, они вселяли ужас в сердца людей. На их телах никогда не было ни капли жира, их магия была недоступна людям – узор заклинания разрушал структуру человеческого мозга, становясь причиной безумия у тех, кто пытался овладеть ИХ магией. Ещё детьми они становились причиной огромного количества стихийных бедствий и катастроф, так как, наделённые от рождения огромной силой, не умели её контролировать... А детьми они оставались, в отличие от человеческих сверстников, в сотни раз дольше... А потом их демонические родители навсегда покинули верхний мир, обосновавшись в инферно, а Древние, тогда просто Титаны, приняли нелёгкое решение – уйти из мира людей. За свою нескончаемую жизнь старшие из них пришли к неутешительному выводу – пока они живут среди людей, шансы людей продолжить своё существование в этом грешном мире уменьшаются с каждым новым ребёнком-полудемоном. И они ушли. В другое измерение. Запертые множеством щитов, они стали недостижимы для людей, а значит – безопасны для них. Люди по потом, конечно, насочиняли сказок о том, как бесстрашные герои из рода человеческого надрали задницу и обратили в бегство могучих демонов из преисподней...

Из-за бессмертия был установлен жёсткий контроль за рождаемостью. Старейшины кланов давали право достойнейшей паре родить наследника только в том случае, когда решал уйти кто-либо из старших. А старшие не торопились покидать этот мир.

Обряд ухода бессмертного существа из жизни заставил волосы Джурайи зашевелиться на голове: когда старший уставал от жизни, он устраивал прощальный ужин, а потом отправлялся на Поле Смерти. Там он ложился на спину, раскидывал руки и давал силе течь... Она с ужасом узнала в этом пугающем обряде свой собственный неудавшийся уход из жизни и теперь была склонна верить в своё родство с расой Древних.

Когда Домина и Шадо Гелерты получили разрешение на наследника за выдающиеся достижения в области генетики, их радости не было предела. Домину не пугала даже многолетняя беременность (бессмертие замедляло все физиологические процессы в организме). Ребёнок стал доставлять кучу беспокойства ещё в утробе – непрекращающийся токсикоз был ещё половиной беды, а вот магические выплески в самый неожиданный момент – вот эта была беда... Беременной Домине запретили появляться в людных местах и теперь местом её прогулок стал полигон для малышей, дополнительно укреплённый со всех сторон

силовыми шитами...

С появлением на свет Фауля семья и вовсе потеряла покой. Это был самый неуправляемый ребёнок за всю историю клана, и старейшина даже разрешил применять в его воспитании физические наказания. Такие, как лишение сладостей и ограничение доступа в общую информационную сеть.

А едва достигнув восьмисот лет, этот несносный мальчишка сбежал. И надо же было так совпасть, что какая-то юная эльфийка, семнадцатилетняя сопля, тоже решила прогуляться по миру людей... Как уж они нашли друг друга – один Единый знает, но результатом их встречи стало рождение детёныша женского пола, легкомысленно брошенного матерью-кукушкой в чистом поле близ Горелых Выселок...

Родители нашли непутёвого отпрыска в самый интересный момент, облегчённо вздохнули, что успели вовремя, и даже не подумали о том, что этот момент мог быть не первым. А четыре с половиной года назад они зафиксировали мощный выплеск силы узнаваемой, клановой конфигурации, явно принадлежащий ребёнку. Первым делом они отправились в Зачарованные Леса, таща за шкурку Фауля, которого с лёгкой руки старейшины все звали Шалопаем, чтобы пальцем показал ТУ САМУЮ эльфийку. Верховный эльф отрицал саму возможность такого союза, бросая гневные взгляды на выглядывающую из-за узловатого ствола дочь, на которую, собственно, и показал пальцем Шалопай... Поняв, что эльфы никогда не признаются в мезальянсе, Домина и Шадо, честно говоря, облегчённо вздохнули, потому что это избавляло их от второго комплекта родственников, претендующих на воспитание внуки.

Совет старейшин одобрил желание неожиданных бабушки и дедушки лично участвовать в жизни ребёнка, и с их благословения семейная пара три года наблюдала за Джурайей (Не паранойя!!! – ликовала Джурайя), а теперь вот настало время лично познакомиться о достопочтеннейшим опекуном, и с его позволения забрать кровинушку в безопасное место...

После этого рассказа Джурайя потрясённо молчала. У неё оставалась одна надежда, которая испарилась с появлением в кабинете Прима... Виновато разводя руками, он отдал мелко исписанный лист отцу. Корнелиус хмурился, вчитываясь в него, после чего подтвердил – Джурайя является полукровкой эльфа и чего-то неопознанного, предположительно расы Древних. Получив подтверждение, что перед ним ТЕ САМЫЕ Древние, Прим, забыв про Джурайю и Корнелиуса, стал выпрашивать у опешивших Домины и Шадо кусочек генетического материала – пару капель крови, пробу кожи и несколько волосков. После их нерешительного согласия, помимо перечисленного, он ещё повозил у них во рту ватными палочками (образцы слизи – это очень, очень важно! Ну пожалуйста, чего вам стоит?) и ускакал в лабораторию, забыв закрыть дверь.

– Э-э-э... Позвольте представить, мой сын, Прим... – проговорил потрясённый ураганным исчезновением сына Корнелиус, чтобы заполнить образовавшуюся после его ухода неловкую паузу.

– Замечательный молодой человек, – горячо воскликнул Шадо. – Сразу видно серьёзного учёного, которого не остановит ни что на пути к открытиям! Ты заметила, милая, он нас даже не испугался!

– Да, милый мальчик. Сколько ему? На вид не больше пары тысяч лет, – церемонно ответила Домина, опасливо оглядываясь на дверь.

– Пару лет назад справил столетие, – уточнил Корнелиус.

– Ну да, простите, мы всё время забываем, как быстро вы вырастаете. – спохватилась Домина. – Вот Джуня – такая большая, а по сути ведь ещё совсем дитя! Джуня, милая, поедem к бабуле с дедулей! Мы, конечно, не ожидали внуков так скоро, но уже любим тебя всей душой! Только скажи, откуда ты шла утром? Не будет ли в скором времени у нас и правнуков?,,

Вот тут Джурайю прорвало – не боясь показаться невежливой она высказала всё, что думает по этому поводу.

– ... по человеческим меркам я совершеннолетняя, и сама способна решать свои проблемы!... а то, что ваши отпрыски в пелёнках по сто лет путаются – это ваши, клановые проблемы, и меня они не касаются!... правнуки? Нет, не скоро. Если не сказать никогда! С Корбином я конечно этой ночью натра... простите, намучалась, но не так, как вы думаете. Он опять умудрился башкой шандарахнуть, у него небось уже привычное сотрясение мозга... И не поеду я никуда! Дядь Кор – ну скажите им, я здесь хочу остаться, с вами, с Элькой, лицензию получить... – она уже хлюпала носом, утирая слёзы рукавом, когда Корнелиус обрёл дар речи.

– Вы сами видите, девочка ко мне привыкла, а вас пока не знает, как следует. Не будем расстраивать ребёнка, она и так неуравновешенная, ещё натворит делов... Давайте отложим её переезд, может быть потом, со временем, она сама к вам потянется, а пока у вас и с сыном проблем хватает. Джуня, знаете ли, тоже не сахар, даёт нам тут прикурить. Деточка, ты не хочешь бабушке с дедушкой о своей жизни рассказать?...

Джурайя уже раскусила тонкую игру хитрого мага и поддерживала его, как могла. Она старательно рассказывала о своей жизни, где-то на середине рассказа в кабинет заглянул похмельный Корбин, ошарашено обвёл глазами всю нашу интересную компанию, очень вежливо извинился за причинённое беспокойство и обескураженный ушёл. Когда рассказ о жизни девочки-бомбы был окончен, родственники ещё раз уточнили, уверена ли она, что не хочет уехать с ними, получили решительный отказ, спросили разрешения навешать раз в неделю по выходным, получили согласие и засобирались домой.

Джурайя нестерпимо хотела спать, глаза слипались руки-ноги ватные. Наспех распрощавшись с учителем, она побрела к себе, но её надежды на отдых не оправдались... До своей комнаты она так и не дошла. Из лаборатории бежал, сияя как медный самовар, Прим. Не тратя времени на разговоры, он затащил отчаянно упирающуюся девушку обратно в отцовский кабинет.

– У меня к вам обоим серьёзный разговор! – торжественно начал говорить учёный-маг, ероша себе волосы. Его собеседники отчаянно зевали, но он делал вид, что не замечает этого. – То, что Джулька мало того, что полукровка, так и вообще не человек, в корне меняет подход к её обучению!

– Не знаю, заметил ты или нет, – недовольно проворчала Джурайя, усилием воли подавив рвущийся наружу зев, – но меня уже дважды валили на экзаменах, знаешь кто?... Догадываешься? И не надо в угол смотреть, там цветы не растут, и узоры не нарисованы! И сейчас я ВАМ ДВОИМ официально заявляю!!! Этой весной я выйду отсюда с лицензией мага, хоть четвертого, хоть минус четвертого ранга! БЕЗ всяких поправок на моё происхождение. А сейчас я иду спать, и трепещите в ужасе те, кто встанет на моём пути! – видок у разбушевавшейся полукровки действительно был устрашающим – белые светящиеся глаза, искры по волосам и на кончиках пальцев – для кого угодно, только не для отца и сына, находившихся сейчас в кабинете. Прим устроился поудобнее на низком диванчике, подложив

под локоть подушку и подперев щеку.

– Ну что, показательное представление закончено? Послушай сначала. Успеешь поспать, каникулы начались. Я предлагаю четырёхмесячную стажировку у Корбина с последующим экзаменом на первый ранг. Поработаешь как следует, теорию подтянешь...

– Куда её ещё тянуть? – вздохнула Джурайя, уже успокоившись и приняв нормальный вид.

– Нет предела совершенству! Подтянешь, если первый ранг и полную независимость хочешь, – вставил веское слово Корнелиус, стоя возле окна и обдумывая предложение Прима. Предложение было дельным и по всем пунктам правильным и логичным, но старому магу страшно не хотелось отпускать в большой мир эту странную девочку, как магнитом притягивающую к себе всякого рода несчастья. Взять хотя бы сегодняшнюю ночь – чуть было не сбылась навязчивая мечта старика выдать её замуж за Корбина, который как честный человек должен был бы на ней жениться, так ведь нет же! Упал, ушиб голову, вырубился напроочь... А так хорошо всё начиналось! Какая пара бы получилась – загляденье, а главное – всегда была бы под присмотром... Да и Корбин с ней бы точно не заскучал. Может быть, прав Прим? Отправить в замок Корбина, под его начало, пооботрутся, глядишь, и само всё решится? Ладно. Решено.

– Джурайя, с этого дня ты числишься стажёром лично Корбина де'Карри и воспитателем группы девочек. Останься, я тебя проинструктирую. Сынок, ты не торопишься? А то тоже остался бы, позавтракали бы вместе.

– Пойду я, отец... Там Карина заждалась уже – уходил на пять минут, живой водички хлебнуть, и полдня в лаборатории просидел. Пообедаем вместе, хорошо?

– Ладно, иди уж, отец семейства! Справлюсь, чай не первый раз птенца на стажировку отправляю...

Корнелиус не успел даже начать инструктировать отчаянно зевавшую ученицу, как недавно закрывшаяся за Примом дверь распахнулась от сильного толчка и в комнату ворвался Древний...

Он выглядел странно, этот полудемон. Белые волосы не лежали благородно зачёсанными на лоб, а коротко топорщились во все стороны, как будто он повстречался по дороге с шаровой молнией. Широкая одежда с капюшоном пестрела всеми цветами радуги, из-под этой то ли рубахи, то ли куртки высывались широкие штаны, буквально обляпанные карманами, заклёпками и шнурками. Странные ботинки на ребристой подошве были зашнурованы шнурками разного цвета: на правом – ядовито-зелёным, а на левом – не менее ядовито оранжевым. Пришелец оглядел комнату, уткнулся взглядом в Джурайю и улыбнулся жутковатой улыбкой. Всякие улыбки видала Джурайя в своей жизни, но такую широкую, наполненную заострёнными к низу зубами, наблюдала в первый раз. Узловатый палец с огромным литым кольцом указал направление в район живота опешившей девушки.

– Ты – моя дочь! Привет! – радостно произнёс пришелец. – Меня зовут Фауль, я твой папа! Правда, супер? Мать с отцом сказали, что ты выглядишь как взрослая, но тебе же только двадцать! Я решил, что ты не должна оставаться одна, без родителей. Пошли, а то они заметят, что я опять сбежал. Ну, быстрее, ты должна меня слушаться!

Джурайя в ужасе воззрилась на это оляпистое недоразумение, заявляющее, что это её отец. Вот уж кого она не собиралась слушаться никогда в своей жизни, так это его. Если бабушка с дедушкой в длинных кожаных плащах, гладко причёсанные и мрачно-элегантные,

внушали страх и уважение, то их отпрыск вызвал у неё только раздражение и неловкость перед Корнелиусом за своего так называемого папашу. Она скривила недовольную физиономию и процедила сквозь зубы:

– Иди отсюда, мальчик, а то я расскажу твоей маме, как плохо ты себя вёл, и она тебя отшлёпает.

На лице мальчика проступило явное недоумение, сменившееся нетерпеливостью.

– Быстро, быстро я сказал! – и этот дикий Древний схватил её за руку серой, шершавой лапой... Запястье обожгло, будто с него содрали кожу, девушка вскрикнула от боли.

– Брысь отсюда, Шалопай! – это Корнелиус. Бросился на помощь, на ходу формируя огненный шар...

– Не надо, дядь Кор! – успела крикнуть Джурайя, загораживая огромную фигуру своим телом. Она потом и сама не могла объяснить, что заставило её это сделать. Огненный шар рассыпался искрами, не успев взорваться, Корнелиус схватил Древнего за руку и был отброшен нетерпеливым жестом. Под его глазом явственно расплывался огромный фингал... Древний что-то орал на незнакомом, но, судя по всему, матерном языке – видимо под влиянием момента перейдя на родную речь. Под руку Корнелиуса попал кристалл связи, сброшенный им же со стола во время падения. На долгие раздумья времени не было.

– Корбин, ко мне, скорее!!! Бегом в кабинет! Прошу тебя, быстрее!!! – буквально проорал он в активированный кристалл, едва дождавшись ответного огонька в его глубине.

Древний подросток открывал портал, всё так же держа Джурайю за руку.

– Белое пламя! – выкрикнул Корнелиус, призывая ученицу не стоять столбом, а хоть что ни будь делать, защищаться...

– Убью же! – растерянно ответила бедняжка, беспомощно пожав плечами. Обескураженный Корнелиус хлопнул себя по лбу. Конечно! Родственные чувства! Как он мог забыть. Эта девочка никогда не поднимет руку на своего, в этом все уже успели убедиться во время её поимки в Горелых Выселках...

Глава 5

Лорд Корбин

Ух, как он бежал! Давненько графу де'Карри не приходилось бегать с такой скоростью – хорошо еще, что дыхание он привык сохранять уже почти на уровне инстинкта. Сам от себя не ожидал такого броска, если честно. Где-то на полпути обнаружил, что бежит босиком – сапоги натянуть просто забыл, но возвращаться за ними, конечно, не стал. Было в голосе Корнелиуса что-то такое, что заставляло плюнуть на мелкие неудобства и шибче работать ногами. К тому же, летом Корбин с детства предпочитал гулять босиком, так что особых неудобств не испытывал.

Визг Джурайи и вопли на незнакомом языке он услышал, еще когда только подбегал к кабинету Учителя. Распахнул дверь – и замер. Посреди наполовину разгромленного кабинета возвышалась характерная сероватая фигура. В первый момент Корбин решил даже, что это один из тех Древних, что были здесь в его минувший визит, но тут же сообразил, что ошибся. Те двое выглядели... Внушительно. Этот же, не смотря на рост, не уступающий росту

Корбина, был каким-то рыхлым, движения – неточные, отличающиеся излишней суетливостью. Да и одежда была другая. Те двое были одеты, что называется, со вкусом, хотя и странно, что такое слово можно применить к нелюдям, на этом же была какая-то пестрая хламида, напоминающая, скорее, детскую распашонку. Словом, не производил этот Древний впечатления бойца, а совсем даже наоборот.

А вот то, что позади Древнего клубилась воронка портала, причем довольно мерзкого темно-фиолетового цвета, да еще и с дымком, Корбину совершенно не понравилось. И то, что Корнелиус сидел в углу кабинета, держась рукой за лицо, тоже понравиться не могло. А больше всего Корбину не понравилось, что это серое недоразуменье держало за руку Джурайю, явно намереваясь увлечь ее за собой в тот самый портал.

Весь этот осмотр помещения и оценка ситуации заняли у Корбина какие-то доли секунды – профессионализм не пропьешь, а военная служба научила мага мгновенному анализу и стол же быстрому принятию решений. Он еще даже не закончил рассматривать Древнего, а в сторону портала уже летело заклинание, разрушающее его структуру, а в самого Древнего – какая-то подвернувшаяся под руку ваза, чудом уцелевшая до появления Корбина.

Ба-бам! Древний впечатался лбом в стену, которая материализовалась на месте схлопнувшегося портала. Сработай заклинание Корбина чуть позже – и серому монстру просто отхватило бы голову, а так он просто собрал глаза в кучу (ну, во всяком случае, Корбину хотелось в это верить) и сел не пол. В ту же секунду о его затылок разбилась ваза (бедный, бедный раритетный фарфор родом из Поднебесной), а Джурайя, изловчившись, все-таки вывернулась из жесткого, как камень, захвата и прыжком бросилась под защиту Корбина – хама, грубияна, но такого надежного, когда речь заходила о деле.

– В сторону! – рявкнул ей граф. – Не мешай. Сейчас я этой кисе лицо бить буду.

Очевидно, Древний имел на этот счет другое мнение, а может, просто обиделся на "кису". Во всяком случае, он выдавил из себя какое-то нечленораздельное ругательство и, медленно поднявшись, повернулся к Корбину. В глазах его зажглись нехорошие огоньки, но на Корбина это впечатления не произвело. Более того, с каждой секундой он убеждался, что, кем бы ни был его противник, опасным он является только в силу своих физических кондиций. Как-то стыдно такому и по шее давать, поэтому Корбин всерьез надеялся завершить дело миром. Ну, может, слегка насовать Древнему в чавку, но и только. Однако тот, очевидно, соображал достаточно туго для того, чтобы не суметь понять – его не бояться, и бояться не собираются. Для умного человека это является, как минимум, поводом задуматься, но, очевидно, к раздаче мозгов этот Древний опоздал. Злобно рыкнув, он первым начал атаку.

Древний взмахнул рукой, небрежно отправляя в полет какое-то заклинание. Кажется, просто выброс чистой силы – Корбин не успел разобрать, но дверь, в которую он только что вошел, снесло с петель так качественно, словно никогда ее здесь и не было. Впрочем, Корбина на том месте уже тоже не было – он стремительным перекатом ушел в сторону и вскочил на ноги еще до того, как Древний пустил свое заклинание в полет.

Он был чудовищно силен, этот внезапный враг, но и столь же неповоротлив. Руками машет неуклюже, мечет примитивные заклинания... Чему его там учили? Похоже, Древнему еще никогда не приходилось сталкиваться в бою с противником, который действительно способен дать ему сдачи. Еще два удара, две дыры в стене, а Корбин все еще жив, уклоняется от ударов изящно, как танцор. Вот только с каждым перекатом, с каждым пируэтом он все ближе и ближе к своему противнику. Удар... Опять мимо. Зато Корбин взвился в воздух и в прыжке, вложив в удар всю массу тела, точно достал ногой челюсть Древнего.

Легенды не вралы – кожа Древнего оказалась прочной, будто у зверя-носорога, и шершавой, как у опасной морской хищницы акулы. Такая наверняка обеспечивала защиту на уровне хорошего доспеха, не всякий меч ее возьмет. Да и кости, похоже, были если не из стали, то из чего-то еще более прочного. Ногу будто обожгло, Корбин аж заплясал на здоровой ноге – ударная была хорошо отбита, да и кожа на ней ободралась изрядно. Граф моментально пожалел, что не успел надеть сапоги, однако дело, тем не менее, было сделано. Удар, конечно, не причинил Древнему вреда, но законов физики еще никто не отменял – Корбин был заметно тяжелее Древнего, поэтому того от удара просто унесло в ближайшую стену. Именно "в", потому что он вмялся в нее, проломив кирпичи, из которых она была сложена.

Однако если человека после такого удара унесли бы или в больницу, или, что вернее, на кладбище, то Древний, похоже, даже не почувствовал боли. Рыча, как разбуженный среди зимы медведь, и разнося неловкими движениям рук кирпичную кладку, он решительно начал выбираться из стены. Выбрался неожиданно шустро, Корбин ничего не успел предпринять, однако, выбрался Древний, как оказалось, лишь для того, чтобы получить по наглой морде тяжелым креслом.

Кресло, любимое кресло Корнелиуса, пало в неравной схватке со лбом Древнего, разлетевшись на куски. Древний глухо рявкнул и снова влип в стену. Опять начал подниматься, но тут уж в него полетело все подряд.

Корбин не собирался драться с Древним лоб в лоб – понятное дело, что и магических, и физических сил у человека было меньше. Все, кто писал о Древних, не советовали также лезть с ними врукопашную – Древние, если верить классикам, были идеальными воинами, быстрыми, сильными и неуязвимыми, и у Корбина не было желания проверять, так ли уж врут старые книги. Однако, если нет желания побеждать честно – надо просто побеждать, поэтому Корбин относительно несильными магическими усилиями запускал в Древнего все подряд – обломки мебели, стулья, дорогой ковер, лежащий на полу, в котором Древний успешно запутался, тяжелый письменный стол... Апофеозм этой атаки стал стеллаж с книгами, который обрушился на Древнего, придавив его к полу и погребя под грудой тех самых книг, одна из которых, тяжелый фолиант в деревянной обложке, удачно приложила Древнего по темечку. Пока тот, ревя не хуже заморского зверя-тигра, пытался выбраться, Корбин повернулся к стоящей в ступоре Джурае:

– Уходим! Открывай портал!

– Куда?

– К часовне. Помнишь место?

Разумеется, Джураея помнила – Корбин видел, как ее явственно передернуло, однако, к чести своей, спорить она не стала, моментально сотворив портал, да такой качественный, что Корбин ей немножко позавидовал – у него так никогда не получалось. Однако на эмоции времени не было – Корбин ловко подхватил ее на руки и прыгнул в серебристую воронку. Удержался на ногах, благо портал был практически на уровне земли, и рявкнул:

– Закрывай!

Портал захлопнулся почти мгновенно. Корбин с шумом выдохнул и выпустил из рук драгоценную ношу.

– Привал, минуты две у нас есть.

– Почему две?

– Теорию порталов помнишь? Он не знает, куда мы отступили, а значит, последовать за нами может, только подхватив и восстановив твой портал. Раньше, чем через десять минут, чужой портал не подхватить – слишком велики возмущения. Значит, у нас десять минут. До часовни отсюда – пять минут быстрым шагом. Три минуты резерва. Две – на отдых и поправку самочувствия после портала. Хотелось бы больше, но – увы, придется потерпеть. Кстати, они уже, считай, закончились. Пошли.

Портал, открытый Джурайей, выбросил их в точности там, где в свое время открывал его Цень. Все правильно, это место Джурайя видела, запомнила – сюда она портал и открыла. Хотя, конечно, пейзаж с того времени малость изменился, хорошо хоть, снега не было – все-таки эти места были намного южнее Багванны.

Часовня стояла на том же месте, что и раньше, но сейчас она была чуточку другой – покосившейся, буквально заваливающейся вбок. Ничего удивительного, конструкция, уверенно выдержавшая напор времени, сильно пострадала после дружеских объятий Корбина и Ценя. А так как дыры в стенах никто заделать не потрудился, то устойчивость строения заметно ухудшилась, а прочность его и вовсе упала ниже плинтуса. В результате часовня медленно, но неуклонно разрушалась, и недалек был тот день, когда она окончательно рассыплется на кучу бревен.

Впрочем, состояние часовни было Корбину до лампады. Куда больше его сейчас волновало, не врут ли древние книги, утверждающие об одной маленькой, но важной особенности магии Древних, а именно – об их потребности в пробивании каналов между мирами.

Все дело в том, что магия людей была основана на использовании сил и возможностей этого мира. А мир этот был пронизан токами магических энергий, которые стремились одновременно и собраться вместе, и, в то же время, рассеяться в пространстве. В результате образовывались силовые линии, из которых черпать магию было не просто, а очень просто. Ну а чем дальше от таких линий – тем рассеянее становились энергетические потоки, и тем труднее магу было собирать энергию. Для сильного мага уровня Корбина, с могучим каналом, буквально всасывающим магию из всего, до чего дотянется, это не играло практически никакой роли – так, легкое неудобство, легко компенсируемое внутренним резервом. Да что там для Корбина, маги первого и даже второго рангов тоже от удаленности источников страдали редко, не такая уж проблема была запитаться. Ну а более слабым приходилось, естественно, сложнее. Для магов третьего-четвертого рангов, чьи каналы оставляли желать лучшего, удаленность от магических линий была серьезным неудобством. В случае необходимости сотворить серьезное заклинание, их каналы часто не справлялись, а внутренний резерв – не такая уж большая сумка. Скорее – так, маленькая заначка на черный день. Выбрал его до дна – и соси лапу, пока вновь не наполнится. Именно поэтому маги всех уровней стремились располагать свои жилища как можно ближе к силовым линиям. Так, под домом Корнелиуса их проходило сразу две, а под замком Корбина (ох, не простой человек был его далекий предок, построивший фамильную цитадель де'Карри) – одна, зато очень мощная.

А вот в Местах Силы, где пересекались две, а то и больше линий, энергия била, что называется, ключом, и чем больше линий пересекалось – тем мощнее был выброс. Здесь каналам не надо было всасывать магию – ее в них буквально впихивала сама природа, и зачастую куда большей проблемой было не принять энергию, а ограничить поток, чтобы избыточным магическим импульсом не пережечь собственный дар. В таких местах любое, самое энергоемкое заклятие, творилось легко – хватило бы пропускной способности канала. Конкретно под этой часовней пересекалось целых восемь линий, и это было наиболее

мощное Место Силы, известное Корбину.

Источник силы у Древних был принципиально иным – они пробивали канал между мирами и накачивались энергией, пользуясь разницей магических потенциалов. Если грубо, насыщенность магии в том мире, в который пробивали канал Древние, была в разы выше, чем в родном мире Корбина, поэтому энергия с восторгом устремлялась в пробитую брешь – оставалось ее только уловить и использовать. По сути, каждый Древний постоянно таскал с собой этакий маленький межмировой канальчик и на халяву обеспечивал себя энергией – быстро, качественно, и не прилагая ни малейших усилий. Это умение у Древних было уже сродни инстинкту и не требовало никакого особого контроля – удобно, если вдуматься...

Технически прием такой был прост, и повторить его было можно, вот только энергия в том мире была чуточку другая, более "жесткая", на жаргоне магов. Древние к ее использованию были приспособлены, люди – нет, поэтому такой вот ценный и, главное, дешевый ресурс оставался человеческими магами не востребован. Впрочем, они от этого не слишком страдали, обходясь подручными средствами.

Сейчас для Корбина во всем этом принципиален был один-единственный момент. Структура межмирового канала практически ничем не отличалась от структуры самого обычного портала, который любой более-менее сильный маг открывает если не по десять раз на дню, то, во всяком случае, достаточно регулярно. А в непосредственной близости от Места Силы порталы не работали – дикое напряжение магических полей рвало их на куски. Поэтому Корбин не без основания предполагал, что Древний, оказавшись в таком вот хитром месте, будет лишен своего основного источника энергии, а стало быть, уязвим в магическом поединке.

По поводу того, могут ли Древние использовать энергию этого мира, источники расходились. Одни авторы, мастистые и седобородые (почему-то на первой странице большинства книг те, кто их печатал, прямо-таки обожали размещать гравюры с портретами авторов – мода такая была, что ли?) утверждали, что могут. Другие, не менее мастистые и не менее бородатые, утверждали, что нет. Корбин, в свое время внимательно изучивший мнение и тех, и других, решил для себя считать, что могут, но, так как этот источник сил для них является вспомогательным, вряд ли управятся с ним достаточно искусно. В любом случае, вблизи Места Силы у Корбина появлялся шанс, в то время как в поместье Корнелиуса шансов просто не было.

До часовни ковыляли даже не пять минут, а чуть дольше – нога Корбина зверски болела и слегка кровоточила. Хотя граф и старался не хромать, дабы не смущать Джурайю, скорости это все равно не прибавляло. Поэтому, когда они дошли до места, он бухнулся на землю и, привалившись к покосившейся стене часовни, начал активно залечивать ногу, заживляя ссадину и убирая огромную гематому. Процесс этот у него, правда, затягивался – все же граф был не профессиональным целителем и то, что Прим бы сделал за секунды, отняло у него куда больше времени. Однако, когда он, шипя сквозь зубы, закончил малоприятную процедуру, Древний еще так и не появился.

– Ну, и что дальше? – спросила Джурайя, которая сейчас маялась в сторонке и прикрывала правой ладонью левое предплечье, ободранное новоявленным родителем. Не тратить же драгоценное время, потом Прим полечит.

– Дольше? – Корбин расслаблено вытянулся на земле, потянулся так, что хрустнули суставы. – Дальше просто. Или этот Древний поймает твой портал, или нет. Если поймает, опять же, два варианта – или он дурак, или нет. Если не поймает или не дурак – останется там, если поймает и при этом все же дурак – полезет сюда. Подождем немного. Не появится – по

очереди открываем порталы, чтобы отследить не смог, и сматываемся. Пять-шесть прыжков – и нас уже будет не поймать. Ну а если явится – я ему морду набью.

– А справишься?

– Может, и нет, – равнодушно ответил Корбин. – Если увидишь, что не справляюсь – открывай портал и сматывайся. Лучше всего в мой замок – там можно отсидеться и не от такой твари.

Они посидели молча еще минут пять и, когда Корбин уже надеялся, что Древний решил их не преследовать, портал все же открылся. Увы, мечты, мечты... Из портала выскочила серая фигура, недоуменно огляделась вокруг и решительно направилась в их сторону. Граф встал, вздохнул – что же, отдых кончился. Пора в очередной раз продемонстрировать, что репутацию самого сильного боевого мага современности он, граф де'Карри, имеет все-таки заслужено.

К счастью, расчет графа оказался верен – вблизи Места Силы энергии у его противника оказалось кот наплакал. Правда, первый магический удар Древнего, простой и безыскусный, вышел впечатляющим, но, похоже, он наносился исключительно на внутренних резервах серокожего. И все равно, Корбин, не успев уклониться и вынужденный отбивать удар, испугался – его щиты сметало, как бумажные, он, несмотря на океан энергии, плещущийся у ног, едва сумел продержаться несколько секунд. Честно говоря, граф не стал читать молитву Единому только потому, что у него на это не было времени – он пытался удержать тающий, истончающийся на глазах щит, который должен был, во всяком случае, теоретически, отклонять удар противника, но почему-то не делал этого, только неуклонно сгорал, защищая хозяина. Однако атака закончилась так же резко, как началась – Древний недоуменно смотрел на Корбина, а тот, стараясь выглядеть веселым, бодрым, уверенным в себе и совершенно не обескураженным происходящим, украдкой переводил дух. Веселым и бодрым – это, в первую очередь, для Джурайи, чтобы не нервничала, все остальное – для Древнего, чтобы не понял, как тяжело Корбину и не попытался еще раз. Второй такой атаки Корбин бы не выдержал.

Древний неуверенно пожал плечами и все-таки ударил. Вернее, попытался ударить, но ничего у него не вышло – выброс силы был настолько слаб, что Корбин его практически не почувствовал. Древний недоуменно посмотрел на свои руки, так, как будто не мог понять, что происходит, и попробовал еще раз. На сей раз, результата не было вовсе. Корбин хищно улыбнулся и злорадно потер руки – ну все, похоже, выдохся, гад серый, теперь наступал его черед.

Корбин не знал, все Древние не могут управляться с магией этого мира, или только этот вот конкретный экземпляр, но он намерен был испытать на оказавшемся совершенно неготовым к такому повороту событий Древнем весь свой богатый арсенал. Обездвижил его, подвесил силовой петлей, как грушу, и обрабатывал до тех пор, пока Джурайя не схватила его за рукав и не взвизгнула, что "не надо, убьешь же"!

Корбин удивленно повернулся к ней и заметил, что, вообще-то, именно это он и собирается сделать, причем с особой жестокостью и цинизмом, а потом мелко-мелко нашинковать труп и разбросать его по пустоши в радиусе нескольких лиг, чтоб другим неповадно было. Впрочем, если Джурайя хочет, он может и не убивать его, а сразу приступить к шинковке. Меча, правда, у Корбина с собой нет, не было времени искать его в полутемной комнате, да еще спросоня, но это ведь и магией сделать можно... Или, может, Джурайя так возмущается потому, что хочет сделать эту работу сама? Если что – пожалуйста, он совершенно не против. Заодно и потренируется в боевой магии, а то все на стажировку хотела – вот тебе стажировка, приступай.

Древний, похоже, был в сознании – во всяком случае, глазами он завертел со страшной скоростью, очень убедительно показывая, что совсем не в восторге от подобной перспективы. Впрочем, на Корбина это никакого впечатления не произвело – взбешенный тем, что произошло, он на полном серьезе собирался решить проблему радикально. Тем более что солнце уже почти село за горизонт, опускалась темнота, и смертельно уставшему графу просто хотелось оказаться дома, завалиться на кровать и поспать часов этак несколько. Однако Джурайя буквально повисла у него на локте, со слезами прося не убивать придурка. Корбин был немало удивлен, поэтому задал вполне логичный вопрос:

– Он тебе что, родич? Сват-брат?

– Отец... – всхлипнула Джурайя.

– Отец? Ты что, шутишь? Это чучело – твой отец? – удивлению Корбину не было предела.

– Ну да...

Пока Джурайя рассказывала Корбину о тайне своего происхождения, он молча слушал, лишь изредка почесывая затылок – ситуация укладывалась в его сознание с трудом и в корне противоречила всему, что он знал и о Древних, и об эльфах. Когда девушка закончила, он еще раз почесал затылок, посмотрел на мирно висящего над землей Древнего, перевернул его интереса ради вниз головой и спросил:

– Может быть, я чего-то не понимаю, но объясни мне, дураку: как ты, имея такого отца, пользуешься совершенно обычной, нашей силой? Если ты – наполовину древняя, то твоя магия должна быть похожа на магию этого зачуханного недогероя, а она у тебя, насколько я могу судить, совершенно классическая...

– Мать – эльфийка, а эльфийская магия – классическая. Эльфы принесли магию в мир людей, во всех книгах так написано.

– Вопрос спорный, кстати, – усмехнулся Корбин. – Это если самим эльфам верить, а они просто обожают, чтобы их все считали великими, светлыми, мудрыми, всех и всему научившими. На самом деле, если вдуматься, еще неизвестно, кто кого учил. По сравнению с людьми, их арсенал заклинаний бедноват, да и сильных магов среди эльфов мне ни разу не попадалось. А те из них, которые с невероятным снобизмом били себя пяткой в грудь и вопили о том, какие они великие, почему-то моментально увядали, едва лишь получив один раз сапогом по морде. Впрочем, их магия и впрямь классическая, так что принимается. Но что все-таки делать с твоим папашей?

Папаша между тем уже закатывал налившиеся кровью глаза – очевидно, висеть вниз головой ему не нравилось. Корбин, подумав, перевел его в горизонтальное положение и, чтобы не расслаблялся, начал крутить вокруг оси. Древний закатил глаза еще больше, но Корбина это не очень волновало.

Джурайя, посмотрев на Древнего, вздохнула и пояснила, что ее папаше всего-то восемьсот лет и, по меркам Древних, это очень мало. Ну, как лет двенадцать-тринадцать для человека. Корбин удивленно поднял брови – как, восемьсот лет, а ума не набрался? Это что же, твой отец, Джу, классический даун? Потом, подумав, он согласно кивнул: если древние такие тупые, что процесс взросления у них тянется тысячелетиями, то и в самом деле невелика будет честь пацана пришибить. Однако и оставить дело просто так, без последствий, он не мог – шпана, вне зависимости от ее возраста и видовой принадлежности, была и остается

шпаной. Такие понимают только силу, а раз так... А раз так, то до их мозга надо донести это понятие, хотя бы они того, или нет. С учетом же того, что черепные коробки у таких вот малолетних мерзавцев однозначно пустые, и думают они исключительно спинным мозгом, то и доносить информацию до него надо по кратчайшему пути, а именно – через задницу. Так он Джурае и сказал.

Слова у Корбина с делом не расходились. Ловко притянув к себе по-прежнему недвижимого Древнего, Корбин решительно оголил ему тылы. Посмотрел на толстую, прочную кожу, которая явно была нечувствительна к внешнему воздействию, вздохнул и снял ремень, изукрашенный мелкими камушками. Вздохнул еще раз, сложил ремень вдвое и с оттяжкой принялся обрабатывать невольного подопечного.

Удары обычного ремня Древний, скорее всего, и не почувствовал бы, но камушки на поясе Корбина были не просто украшением, а амулетами-накопителями, которые сейчас отдавали свою энергию, делая удары ремнем более чем весомыми. В результате, через пару минут сидище Древнего представляло из себя сплошное месиво взбухших, налившихся кровью полос. С удовлетворением посмотрев на дело рук своих, Корбин вновь надел ремень и повернулся к девушке:

– Ну что, Джу, а теперь надо бы это чудо, наверное, домой отправить, а то папа с мамой, небось, волнуются. Знаешь, как это сделать?

– Ну, теоретически... Я успела понять, по каким координатам он тот портал открывал, но человеку туда не пройти...

– Это еще почему?

– Там защита стоит. Без пароля не войдешь.

– И что с того? Вот он, пароль – Корбин ткнул пальцем в Древнего. – С ним попаду, куда угодно. Можешь портал открыть?

– Могу...

– Ну так пошли, отойдем чуток – и открывай.

Двое Древних, похоже, те самые, что сидели у Корнелиуса, выглядели очень озабоченными. Однако их брови синхронно поползли вверх в чисто человеческой реакции, когда прямо посреди комнаты открылся очень красивый, непривычной формы и расцветки портал, и из него вышел человек. Самый обычный человек, они его уже видели сегодня, босой, усталый, волочащий за шиворот их сына... Почему-то их сын был без штанов.

– Ваше? – абсолютно невежливо спросил человек.

Синхронный кивок двух голов был ему ответом.

– Ну так забирайте это чудо и держите крепче. На цепь посадите, что ли, чтоб на серьезных людей не таял и от обеда не отвлекал. И рекомендую, когда задница заживет, отполировать ее ремешком еще раз – очень взрослению способствует. Адьо, господа.

С этими словами Корбин пролевитировал к ним в руки их непутевого отпрыска, снял с него блокирующее заклинание и шагнул обратно в портал, где его уже с нетерпением ожидала Джураея.

– Ну, как все прошло?

– Да нормально, пообщались... Вот что, давай портал в кабинет к Корнелиусу, только быстро, а то я сейчас, похоже, прямо здесь усну.

Корнелиус нервно мерил шагами свой разгромленный кабинет, остальные домочадцы с испуганными выражениями на лицах следили за его перемещениями, когда прямо посреди комнаты вдруг открылся портал, и из него буквально вывалились Джурайя и Корбин.

– Учитель, – Корбин, как обычно, сразу перешел к делу. – Все, мне это уже смешно становится – каждый раз, как я приезжаю, с Джу что-то случается. Прямо девочка-несчастье какое-то. Я в свой замок, отсыпаться. Буду нужен – позовете.

С этими словами Корбин, не дав никому ничего сказать в ответ, сотворил портал и отправился домой.

У себя в замке Корбин проспал всю ночь и почти весь следующий день – все-таки вымотался он жутко. Влезть в магический поединок с Древним – это же надо ухитриться! И ведь этот мальчишка, будем называть вещи своими именами, необученный и наверняка не вошедший в полную силу, едва его не уделал. На что же, интересно, способен взрослый, обученный и подготовленный Древний? Впрочем, интерес этот был, скорее, теоретическим – драться с таким противником еще раз Корбину совершенно не хотелось. Одно в этом было хорошо – он теперь знал, что Древние – не легенда, и знал, как их бить. Раз Древние появились на горизонте, то поневоле надо было теперь предусматривать защиту и от них, что, с учетом полученного опыта, было если не элементарно, то хотя бы решаемо.

Вообще же Корбин был удивлен тем, что, когда он вернулся в замок, тот был еще цел, и даже трещин на стенах не появилось. А ведь адепты, с этой его отлучкой, оказались практически без присмотра. Помощники Корбина тоже отпросились в тот вечер по домам, и граф совершенно не врал Учителю, утверждая, что занят – он просто, если честно, опасался, что молодежь, оставленная без присмотра, разнесет все вдребезги и пополам. Однако же, все прошло на удивление пристойно – как рассказал Корбину Лик, даже посуда в шкафах не зазвенела.

А ведь как хорошо оказалось в этом смысле Корнелиусу – его младшие ученики разбежались по родным. Всего-то десяток порталов открыть потребовалось – для мага такого уровня мелочь, не стоящая внимания. Тем более, что открывал их, в основном, не сам Корнелиус, а Прим, которого отец бессовестно припахал. А вот у Корбина большей части учеников просто некуда было ехать на каникулы, вот они и остались. Вешайся, о великий маг...

Но ребята оказанное им доверие оправдали вполне – сначала чинно посидели в своей трапезной, а потом, напившись-наевшись, дружно смылись из замка и продолжили веселье в лесу, на поляне, благо мороза особого не было, а добротной зимней одеждой Корбин в свое время озаботился снабдить всех. Вот там-то они, конечно, оторвались...

По словам того же Лика, фейерверки взлетали всю ночь. Ребятишки, похоже, расшалились. Корбин смотался на ту поляну – ну да, так и есть, вся поляна буквально вытоптана, Священное Дерево (ха, священное – обычная ель, зато шикарная) все еще светится. Забыли ребятишки заклинание деактивировать, пришлось их старому наставнику, деланно кряхтя и охая, заниматься этим самому.

Ну, естественно, следы шикарного пикника и куча пустых бутылок – куда же без них. Однако

же, все было довольно-таки пристойно, поэтому Корбин ограничился тем, что навел порядок – не любил он, когда люди оставляют за собой такой вот свинарник. В конце концов, им еще здесь жить. Ну а когда последняя стекляшка испарилась в магическом пламени, граф довольно кивнул результатам дела рук своих и отправился спать дальше.

Третий праздничный день ознаменовался традиционным Большим Королевским балом. Корбину на это мероприятие тащиться, честно говоря, не хотелось. А что ему там, положила руку на сердце, было делать? Танцевать? Так танцевал он очень так себе. Ну, не научили в детстве, а в более позднем возрасте и вовсе не до того было. Нет, потом, конечно, брал уроки, и даже кое-чему научился, но зачастую партнерш от оттоптанных ног спасала только его координация движений. Не любил Корбин танцы.

Пьянствовать? А с кем? Там, как обычно, соберется толпа высокородных снобов, которых Корбин, как и многие, достигшие высокого положения собственным горбом, не слишком уважал. К тому же, поговорить особо будет не с кем – перепьются, как свиньи, да начнут прошлые обиды вспоминать, амурными победами хвастаться да про охоту байки травить – вот и весь разговор. Неглупые, вроде, люди, а толку? Скучно будет до зевоты. Да и, если честно, после застолья в доме Корнелиуса пить Корбина совершенно не тянуло.

Флиртовать с дамами? Да там такие, с позволения сказать, дамы, что пробы ставить некуда. Корбин ими откровенно брезговал и тратить время на них не собирался. Вот и получалось, что бал этот был ему совершенно не нужен. И не прийти нельзя – как же, правитель одной из самых крупных провинций, богатейший дворянин Багванны... Не поймут. Решат, что короля оскорбить хочет. А даже и не решат – все равно это королю на ушко нашепчут, ссориться же с королем пока рано... Придется идти. Жаль потраченного времени, но – придется.

Ну что же, пришел, вернее, открыл портал и вышел, небрежно помахивая тросточкой, которые сейчас все больше входили в моду у местной знати. Если уж не получается уклониться от неприятной процедуры – надо расслабиться и получать удовольствие, поэтому Корбин, немного подумав, приделался соответственно случаю и сейчас выглядел, что называется, на все сто.

Костюм – шикарный, черного цвета, отделанный серебром, по последней моде. Сапоги начищены так, что в них можно смотреться вместо зеркала. На поясе – парадный меч, тот самый, с которым он ходил в доме Корнелиуса и который позорно забыл, бросаясь в драку. Пришлось даже заскочить к нему, забрать ценную железяку. Тросточка изящная, серебром отделанная... А в ней клинок узкий, трехгранный, в полтора локтя длиной. Ну и преимущество мага – остальные в каретах трясутся, в столицу заранее приезжают, постоянные дворы забиты, цены – до небес... А Корбин с комфортом, прямо из портала к королевскому крыльцу. Как раз вовремя явился – не слишком рано, чтобы не выглядеть торопливо спешащим искателем королевской милости, и не слишком поздно, чтобы не выглядеть человеком, королем пренебрегающим. Морду кирпичом сделал – и пошел по залу гостевому шляться, вино халявное из бокала потягивая. Кислятина, кстати, жуткая – поспешил королек...

Ну, народу уже собралось изрядно – человек двести, наверное. Все дворяне, у всех на рожах прямо-таки написано, какие они важные и солидные. Аж коробит от такого вот неприкрытого снобизма. Хотя, конечно, это все относится в тем, кому за сорок-сорок пять, и тем, кому да двадцати пяти примерно. Первые свою значимость уже привыкли показывать, а вторым это еще не надоело. Те же, чей возраст оказался в промежутке между этими периодами, ведут себя и веселее, и раскованнее. И между собой перешучиваются, и с дамами флиртуют... Вот среди них Корбин встретил нескольких знакомых, общение с которыми было для него если не приятным, то интересным. Опять же, с некоторыми он и повоевать вместе успел... Словом, не так все и скучно оказалось, как опасался граф – постоял, посмеялся, выпили вместе.

Кстати, а кислятина-то на удивление хорошо пошла!

Между тем, народу пребывало – бал еще не начался, короля не было, но праздник потихоньку набирал обороты. Уже начали сталкиваться плечами – плотность высокородного дворянства на квадратный локоть начала зашкаливать, уже из пристроенной к залу дуэльной комнаты доносились звон клинков и пьяные выкрики – обычное дело, молодежь чего-то не поделила. Скоро кого-нибудь унесут к целителям, а может, и на кладбище – это уж как повезет. Все как всегда...

А с модой Корбин все-таки не угадал – иногда репутация нелюдимого сноба и затворника мешает, отстаешь от новых веяний. Костюм-то в самую точку, а сапоги вот другие народ носит – кто с короткими голенищами, кто с примятыми. Кое-кто вообще вырядился в изящные туфли, в которых и на балу-то не слишком удобно, не говоря уж о повседневной жизни, но все как один носят обувь матового оттенка. Корбин в своей блестящей обуви выделялся, как белая ворона. Впрочем, пусть их – хрен кто рискнет пройти по внешнему виду графа де'Карри, смертников среди собравшихся пока что не наблюдается. Да, измельчало дворянство, а еще лет пятьдесят назад они были посмелее... Впрочем, и нынешней жутковатой репутации у Корбина тогда еще не было.

Зато посреди холла он наткнулся на Анну. Бывшая ученица Корнелиуса выскочила замуж за какого-то придворного хлыща с титулом и тугим кошельком. Правда, хлыщ оказался весьма симпатичным молодым человеком, вряд ли старше Анны более чем на год. Корбин окинул его внимательным взглядом: нормальный, вроде, человек, выглядит вменяемо, одет дорого и со вкусом, но без излишней крикливости. Похоже, не совсем пустышка. О, еще и метка мага есть – третий ранг, ученик мессира Дальтена. Не самая известная школа, не самый лучший наставник, но уже что-то. Анна же за это время изрядно располнела и окончательно потеряла былую свежесть, однако, похоже, ничуть не растеряла своего самомнения. Шикарное платье, высокая прическа, украшенная вставленными прямо в волосы перьями нелетучей птицы-страуса... Все вычурно, дорого, модно – и совершенно непрактично.

– О, Корбин... Я так рада тебя видеть...

– Взаимно, – Корбин изобразил легкий намек на поклон. Не очень вежливо – однако же, в пределах этикета. Формально Корбин стоял по своему происхождению и положению на пару ступеней выше Анны, которая, хотя и была потомственной дворянкой, а ее родители даже занимали какие-то там посты при дворе, с владетельным графом, хозяином практически самостоятельной провинции, сравниться никак не могла. Муж ее, похоже, тоже был хоть и богат, но излишней родовитостью похвастаться не мог, так что Корбин был в своем праве. А впустую любезничать с теми, кто его когда-то предал, граф себя обязанным не считал.

Анна намек не поняла или не сочла нужным понять. Начала что-то говорить, но Корбин уже не слушал, намереваясь переключить свое внимание на группу офицеров, уже давно призывно махавших ему руками. Этих людей он неплохо знал и разговор с ними обещал быть небесполезным. Анна, очевидно, поняла это, надула губки:

– Граф, вы ведете себя, как неотесанный мужлан...

Корбина это не задело, но и оставлять шпильку без последствий не хотелось. Чуть усмехнувшись, он бросил:

– А чего ты хотела? Раскланиваться с тобой? Было б с кем.

– Вы хам, граф...

– Поразительно, – усмехнулся Корбин, выразительно посмотрев на прическу Анны. – Почему женщины так любят украшать головы тем, что у других растет из задницы? Это что, симптом, или просто показатель пресловутого бабьего ума?

Муж Анны был не дурак и намек понял моментально. Рука его рефлекторно легла на эфес шпаги, которая в последнее время все больше входила в моду среди молодежи. Боевой шпаги, не парадной, как отметил про себя граф. Видимо, парнишка был не трус... Однако этот жест лишь заставил Корбина вновь усмехнуться, на сей раз презрительно:

– Не советую. Сейчас нас никто не слышал, а если начнется дуэль – придется объяснять ее причины. Мало того, что сами помрете, так еще и жену выставите на посмеище. Оно вам надо, молодой человек? Нет, я, конечно, могу вот прямо сейчас достать меч и с одного удара выставить на всеобщее обозрение ваш богатый внутренний мир... Нас, кстати, не представили, не сочли нужным, похоже. Я – граф де'Карри. Слыхали?

Похоже, слыхали – муж Анны дернулся и побледнел, хотя руку с эфеса не убрал. Все-таки не трус, однако взгляд стал затравленным – понял, что жить ему, вздумай Корбин обидеться, осталось до первого выпада мечом. Корбин хлопнул его по плечу:

– Успокойтесь, молодой человек... Как вас?

– Виконт ле'Тонн...

– Так вот, дорогой мой виконт, не стоит начинать ссору по столь незначительному поводу. Я, честно вам скажу, весьма невысокого мнения о вашей жене, как о человеке, но лично вас обидеть не хотел, так что прошу прощения. Всего наилучшего.

Корбин с улыбкой кивнул опешившему ле'Тонну, и спокойно направился прочь. Сзади раздалось возмущенное шипение Анны, напоминающее звуки, которые издает кошка, когда ей с чувством наступят на хвост, однако догонять графа и приставать к нему с требованием удовлетворения никто не кинулся. Что же, плюс очко умственным способностям молодого дворянина.

Но без дуэли все же не обошлось. Ловко лавируя между группами дворян, Корбин пробирался к ожидающим его офицерам и почти достиг своей цели, когда его грубо толкнули. Красное вино в бокале, который граф держал в руке, колыхнулось и выплеснулось на костюм графа. Корбин резко остановился и медленно повернулся...

Судя по наступившей вдруг тишине, происшествие не осталось незамеченным. Пожалуй, изменение в атмосфере, царящей вокруг, не уловил только сам виновник случившегося – уже изрядно пьяный молодой дворянин, родом, если судить по одежде, из Итальянии. Корбин улыбнулся. Все попятись.

Пожалуй, если бы молодой кабальеро сейчас понял, что произошло, и извинился за свою неловкость, эта ситуация осталась бы без последствий. Настроения драться и уж, тем более, кого-то убивать, у графа сегодня решительно не было. Тем более что происшедшее было явной случайностью, и, по сути оскорблением не являлось. Однако дворянчик, судя по всему, не сообразил, на кого нарвался и, сочтя случившееся поводом для веселья, ткнул в Корбина пальцем и громко захохотал. Вот это было уже явно лишнее – Корбин начал злиться, а злость его всегда выливалась в конкретные действия. Сохраняя на лице маску ледяного спокойствия, он провел рукой по пятну на камзоле, одновременно активируя простенькое очищающее заклинание. На глазах присутствующих ткань засияла первозданной чистотой.

Затем граф молча протянул руку, поставил на поднос услужливо подскочившего слуги пустой бокал, взял с него полный, и все так же молча вылил его содержимое на голову обидчика. По длинным, тщательно уложенным волосам идадьгийца потекли мутные струйки. Кто-то из присутствующих зааплодировал.

Ну что же, кабальеро повел себя вполне предсказуемо – схватился за меч с явным намерением решить все здесь и сейчас. Его схватили сразу несколько человек, удерживая от самоубийственного броска, поскольку Корбин, презрительно улыбаясь, уже держал в руке шар сгущенного воздуха, способный разнести идадьгийца на куски не хуже, чем это сделает дипломированный палач-четвертователь, только гораздо быстрее.

– В комнату для дуэлей, пожалуйста, не здесь, – негромко заговорил кто-то за плечом графа, остальные откликнулись одобрительным гулом. Корбин поморщился – он им что, дрессированный медведь, которым хотят напугать приезжего наглеца? Цирк устроить хотят, умники? Нет, конечно, симпатии толпы сейчас на его стороне, как бы к нему не относились, но он, в отличие от идадьгийца, свой, однако это – еще не повод устраивать здесь спектакль с заранее предрешенным исходом. Де'Карри на подобные подначки перестал попадаться еще лет тридцать назад.

– Зачем? – вполне искренне удивился Корбин предложению идти в дуэльную комнату. – Я вполне удовлетворен...

– Зато я – нет! – взвыл идадьгиец, извиваясь в руках держащих его людей и тщетно пытаясь освободиться.

– Ваши проблемы, – равнодушно откликнулся граф, разворачиваясь, чтобы уйти. Кабальеро не интересовал его совершенно, а вот настроение, и без того не блестящее, портилось на глазах.

– Я вас вызываю. Слышите, вы, трус!

Корбин медленно повернулся, окинул идадьгийца презрительным взглядом, одновременно сканируя его. Даже не маг – просто спесивая шавка. Что же...

– Хорошо. Могу я узнать, как вас звали?

– Дон Мигель де ла Котто, к вашим услугам, – идадьгиец уже пришел в себя, привычно опустил руку на эфес длинного, прямого меча. Движение выдавало в нем человека, который, как минимум, умеет владеть этой игрушкой. Ну да идадьгийцы всегда были не дураками подраться, их фехтовальная школа была хороша. Не трус, но дурак. Впрочем, возможно, просто не знает местных реалий...

– Граф Корбин де'Карри. К вашим услугам. Господа, – обратился он к офицерам, дойти до которых ему помешал этот наглец-южанин. – Я прошу вас быть моими секундантами. Кажется, как вызванный, я имею право выбора оружия?

Его слова восприняли, как шутку – дуэльный кодекс знали все. Однако следующее действие графа повергло присутствующих в шок. С нехорошей улыбочкой, Корбин подошел к стене, по традиции увешанной оружием, и снял с нее две тяжелых булавы. Взвесил их на руке, довольно оскалился:

– Выбирайте, благородный дон, какая вам больше нравится – правая или левая?

– Вы издеваетесь? – и без того красное лицо идадьгийца еще больше побагровело и напоминало теперь перезревший помидор.

– Ни в коей мере, молодой человек. Я имею право на выбор оружия – и я выбираю это. Или вы боитесь?

До идадьгийца, кажется, только сейчас начало доходить, во что он вляпался. Традиционное оружие дуэлянта – меч или шпага, ну и как варианты щит, дага, возможны доспехи... Сейчас ему, похоже, предстояла дуэль на оружии, которое он видел хорошо если второй раз в жизни – булавы практически не были распространены в Багванне, а в Идадьгии о них вообще мало что знали. Это было традиционное айнорское оружие, однако Айнор располагался далеко на северо-востоке, да и там булавы в последние десятилетия использовали все реже. Граф же явно не шутил, предлагая драться этим неудобным оружием. К тому же, кто-то из "доброжелателей" уже зашептал на ухо идадьгийцу, кого он осмелился задеть, и настроения кабальеро это совершенно не поднимало.

– Это неблагородное оружие... – сделал он последнюю попытку изменить ситуацию.

– Да? – де'Карри удивленно заломил бровь. – Во-первых, молодой человек, булава – традиционное оружие айнорских рыцарей. А во-вторых, я что-то не припомню, чтобы дуэльный кодекс настаивал на применении исключительно "благородных" мечей. Ну-ка, кто-нибудь, есть здесь знатоки дуэльного кодекса?

– В дуэльном кодексе о видах вооружения вообще ни слова. Только требование, чтобы оружие было равным, – вмешался какой-то на удивление знакомый голос. Корбин оглянулся – ну ничего себе! Ле'Тонн собственной персоной. А ведь молодец, парнишка, стоит к нему присмотреться...

– Ну, так что, благородный дон желает продолжить разговор в дуэльной комнате, или он предпочтет пинка под зад и пойти вон отсюда? – Корбин был раздражен и теперь уже не собирался спускать идадьгийцу оскорбления. Кабальеро это отлично понял, не глядя взял одну из булав и, опустив голову, на негнущихся ногах зашагал в сторону дуэльной комнаты. Он трезвел на глазах и явно ругал себя за то, что ввязался в эту сомнительную склоку, но отступать было уже поздно. Корбин с нехорошей усмешкой шел за ним, поигрывая тяжелой булавой, как прутиком.

В дуэльной комнате секунданты быстро уточнили условия. Хотя какие там условия? Бой немедленно, булавами, без доспехов (секунданты идадьгийца заикнулись было о них, но Корбин, на правах вызванного, невежливо послал доброхотов по всем известному маршруту в далекое эротическое путешествие), до первой крови. Ну, насчет первой крови все сомневались – Корбин обычно убивал или жестоко калечил своих противников с первого удара, так что первая кровь обещала стать и последней.

Ну а дальше все развивалось совершенно неожиданно. Противники встали друг напротив друга на расстоянии, чуть превышающем то, на котором можно было нанести удар. Секунданты дали отмашку. Кто-то из них обратил еще внимание, что широкая кожаная петля на рукояти булавы, доставшейся графу, которая, теоретически, должна была быть накинута на руку, свободно болтается, но сказать ничего не успел, поскольку Корбин, не дожидаясь, пока его противник хоть что-то сообразит, резко взмахнул рукой, отправляя булаву в свободный полет. Шипастый железный шар со свистом рассек воздух и долю секунды спустя впечатался прямо в лицо не ожидавшему такой пакости и, соответственно, не успевшему отреагировать идадьгийцу.

Секунданты дружно бросились к поверженному кабальеро, почти сразу вслед за ними подскочил присутствующий здесь же целитель. Впрочем, ничего особенно страшного не произошло – идадьгийцу сломало нос и нижнюю челюсть, выбило передние зубы и превратило лицо в кровавую кашу, но череп выдержал, и глаза остались целыми. Повезло... Неделя лечения – и будет вполне здоров. Придется, конечно, раскошелиться на хорошего целителя, но это уже только его проблемы.

Корбин улыбнулся, приветливо махнул рукой секундантам и вышел в зал, уже забывший об очередном скандале. Как всегда. Все как всегда...

Однако на этой дуэли набор встреч не окончился. Буквально минутой позже Корбин натолкнулся на герцога Санторского, идущего под ручку с очаровательной куколкой примерно Джураиноного возраста. Ну да, стареющий герцог был всегда падок на молоденьких. А ничего так куколка, судя по всему – родом из Поднебесной, личико фарфоровое... Корбин всмотрелся магическим зрением и чуть не присвистнул от изумления – высшая! Да им что здесь, медом намазано? Сначала Цень... Хотя какой он высший – так, самомнение да пара грязных фокусов в рукаве. Теперь эта. Интересно, не про нее ли рассказывал тогда Корнелиус? Надо узнать, как зовут...

Между тем, как будто услышав его желание, парочка направилась прямехонько к Корбину, причем инициатором был явно не герцог – они с де'Карри относились друг к другу примерно так же, как два паука в одной банке. Однако раз уж так, придется улыбаться. Все для пользы дела, если вдуматься.

– Герцог, как я рад вас видеть!

– Взаимно, граф, взаимно.

Оба вельможи буравили друг друга взглядами, однако требовалось соблюдать приличия и выглядеть со стороны едва ли не лучшими друзьями. Вот и приходилось играть в гляделки, и первым не выдержал герцог – отвел глаза, промокнул левый уголок платка, словно убирая попавшую соринку.

– Позвольте представить, граф, мою хорошую знакомую Фан...

– Для друзей – просто Фан, – улыбнулась уроженка Поднебесной. Корбин внимательно посмотрел на нее – и не скажешь ведь, что эта женщина старше Корнелиуса. Выглядит-то едва ли не ровесницей Джураии, даже, может, чуть помладше. Хорошо сохранилась, ничего не скажешь, но он-то, Корбин, знает, кто она и что она...

– И я рад приветствовать вас, женщина старая и некрасивая...

Хамить надо с улыбкой, и так, чтобы не к чему было придраться. Сделает оскорбленное лицо, начнутся разбирательства – и сразу всплывет ее истинный возраст. Ну а красота – вообще понятие субъективное, тут к словам Корбина и придраться невозможно. Так что пришлось Фан проглотить обиду и лишь с ненавистью смотреть в спину удаляющемуся графу.

Вечером, после бала, с которого он сбежал, как только позволили приличия, получая нагоняй от Корнелиуса, Корбин лишь улыбался:

– Учитель, я ее просто спровоцировал. То, что она враг, мы с вами отлично знаем, но откусывать ей голову прямо на балу... Не поймут, в общем, проблем наживем кучу. Так зачем давать ей комфортные условия для того, чтобы делать гадости? Если я хоть чуть-чуть

разбираюсь в женской психологии, то сейчас Фан просто взбешена. А раз она взбешена, то постарается отомстить, будет делать это излишне эмоционально и поневоле наделает ошибок. Ну а мы, соответственно, возьмем ее на этом за жабры.

Однако все это будет потом, а пока что Корбину оставалось спиной чувствовать ненавидящий взгляд Фан и изумленный – герцога. Ну а потом стало не до них – появился король, и пришлось весь остаток вечера разводить скучные, но необходимые политесы.

Гроссмейстер

– Здравствуй, Цень.

– Здравствуй, Фан. Даненько не виделись.

– Да, ты все что-то не заходишь.

– Дела, дела... ты тоже.

– А что к тебе заходить? Живешь в какой-то халупе, даже чаю нормального предложить не можешь... Ладно, к делу. Тебе известно что-либо о некоем графе Корбине де'Карри?

– Разумеется.

– И что ты можешь о нем сказать?

– Это страшный человек, Фан, держись от него подальше.

– И это ТЫ говоришь МНЕ?

– Да. Я. Тебе. Что у тебя с ним?

– Он оскорбил меня. Мне нужна его голова...

– Ничем не могу помочь. Я схлестывался с ним... Как жив остался – не представляю до сих пор. Холодная, расчетливая сволочь, ему человека на куски разрезать – как тебе высморкаться. Силен невероятно, богат... Наверное, богаче его в этой стране только король, да и то вряд ли. По слухам, сделал карьеру на войне, и я этому вполне верю. Ученик Корнелиуса, а ты знаешь, кто это такой. В общем, в открытом бою ты обречена.

– А кто тебе сказал, что я этим буду заниматься? Мне нужна твоя помощь.

– Моя? Ну уж нет. Я как его глаза вспомню – так ночью от кошмаров просыпаюсь.

– Да, напугать некроманта до потери сна – это очень серьезно... Но ты мне поможешь. Иначе... Как считаешь, что будет с тобой, если де'Карри узнает, где твое убежище?

– Со мной? Думаю, ничего. Я ему уже неинтересен и неопасен, а он ОЧЕНЬ рационален, бежать за мной на край света только ради мести не будет точно. В конце концов, за оттопанную мозоль он со мной расплатился сполна.

– Да? А если узнает Корнелиус? И попросит де'Карри прибить тебя?

– Тогда да, тогда, думаю, придет... Он ценит дружбу. Видимо, от тебя не отвяжешься, Фан, но

зачем опускаться до примитивного шантажа?

– А так быстрее всего заставить тебя сделать то, что я хочу. Итак, ты согласен?

– Да. Да, ПрОклятый тебя заberi...

Глава 6

Джурайя

В эти дни дел было невпроворот: стажировка у Корбина свалилась, как снег на голову. Дел незавершённых было вагон и маленькая тележка, а вот времечко поджимало. Прим ещё тогда, давным-давно, свалил на Джурайю заботы о лаборатории, и теперь был в ней скорее гостем, а полновластной хозяйкой этого опасного помещения была она, Джурайя. Требовалось пополнить запас реактивов, чтобы потом не отвлекаться по мелочам. А ещё кобылка, из той четвёрки вороных, угнанных у графа Тенорского, наконец-то подпустила к себе жеребца, и случилось это четыре месяца назад.

Романтическая история, закономерным итогом которой стала долгожданная беременность лошадки, случилась почти год назад. На вязку привезли очередного мученика от осеменения, и уже никто не ждал чуда в виде взаимности от норовистой кобылы, которая и близко не подпускала копытных охальников, кусаясь, лягаясь и скаля страшную морду на всех, кто пытался приблизиться к ней с грязными налётами. Несколько конюхов, как пришлых, так и своих, пострадало, помогая посягнуть на честь этой недотроги. И вот наконец свершилось! Отменный жеребец, привезённый аж из Айнора, мощный, мускулистый, серый в яблоках, с умными глазами-вишнями, был допущен до тела, но возникла другая проблема – животинки образовали стабильную пару и не желали расставаться. Когда люди хозяина коня прибыли за ним, увести его не удалось. Коняга просто выломал задний борт телеги, к которому его так неосмотрительно привязали и так и вернулся в стойло к любимой, таща за собой три доски, скрепленных полосками жести. Конюхи обеих сторон чесали репу, гадая, как же вернуть коня законному владельцу, и не нашли ничего лучшего, чем просить магов усмирить коня. На беду первой под руку попала Джурайя. Она долго смотрела, как нежно трутся шеями и щеками хвостатые Тристан и Изольда, а потом пообещала, что каждому, кто попытается разлучить парочку, она лично подпалит задницу. Вразумить упёртую девицу не смог даже Корнелиус, вот и пришлось трянуть мощной и втридорога купить серого в яблоках принца для вороной принцессы. За развитием романа с трепетом наблюдала вся дворня. Почти полугодичный конфетно-букетный период отношений животных горячо обсуждался во всех комнатах прислуги. Прим лично приезжал для осмотра кобылы на предмет беременности, и вот наконец-то смог сказать – да, она таки зачала!

А наблюдать за беременностью любимцы поручили ярой защитнице права животных на любовь – Джурайе. Хитрая животина прекрасно помнила, кто встал на защиту их отношений, и теперь слушалась только эту добрую девочку, заглядывая ей в глаза и беспрекословно подчиняясь её просьбам подставить бок, приподнять ногу, открыть рот... Джурайя вздохнула и взвалила на свои плечи ещё и заботы о кобыле. А то ей, помимо учёбы, тренировок и лаборатории, забот было мало. И вот теперь ей предстояло найти себе замену. А было это непросто, так как мужчин кобылка не подпускала, а с каждым днём беременности характер её делался всё противнее и противнее.

Корбин появился в конюшне, как чёртик из табакерки, возникнув за спиной Джурайи. Как обычно, окинув её оценивающим взглядом, под которым она привычно поёжилась, он задумчиво перевёл взгляд на стойло парнокопытной парочки.

– Как дела? – нейтрально поинтересовался Корбин.

– Беременность протекает без осложнений, – дежурно ответила Джурайя. – Извини, мне бежать надо. Корнелиус просил зайти до обеда, Прим со своими анализами замучил. Опять что-то проверять хочет. У меня крови столько нет, сколько ему для исследований требуется. Может, вампиров подкармливает? С него станется.

Корбин, обычно острый на язык, не торопился отвечать, и Джурайя восприняла его молчание как конец разговора. Вдохнув, она исчезла в своём карманном телепорте, которым теперь пользовалась надо и не надо.

В поместье Корнелиуса Корбин больше не появлялся. А ведь в тот день ей казалось, что он хочет её о чём-то спросить и не решается. Это было очень странно, особенно принимая в расчёт тот факт, что Корбин и нерешительность – понятия несовместимые. Джурайя вспоминала, как он мужественно хромал на отшибленной ноге, босой, по степи, как, чертыхаясь на двух языках, чинил свою многострадальную конечность, и недоумевала всё больше и больше. То он задницу ей надрать обещает, то босой спасать кидается, а теперь вот вообще пропал... Он сам-то знает, чего хочет?

– Корбин на тебя запал, – уверенно сказала Элька, выслушав Джурайин рассказ. Они сидели в саду возле свежего розового куста, отросшего от чудом сохранившегося черенка ТОГО самого куста, павшего смертью храбрых при испытаниях Белого Пламени. – Точно запал. Я же чувствую! Между вами аж искрит.

– Ну и где он, запавший? – скептически спросила Джурайя, задумчиво поглаживая стебли. Она и не замечала, что под её руками наливались бутоны нежно зеленели молодые листочки... В середине зимы на заиндевевших стеблях. Впрочем стебли сейчас были покрыты капельками влаги и даже на вид были тёплыми и упругими.

– А кому охота, чтобы его ещё раз за доброе дело обругали? – хмыкнула Элька. – Это ты тогда, под впечатлением, промолчала. А кто тебя, малахольную, разберёт? Может, ты очухаешься да и предъявишь ему, что он гад и паразит, и без уважения к твоему папочке надавал бедняге лещей?

– Ну не совсем же я дура! – возмутилась Джурайя, невольно представив себе эту сцену.

– А он об этом знает? – невинно поинтересовалась подруга.

– Наверное, даже не догадывается... – поскучилась Джурайя. – Судя по тому, что было – совсем дура. Вся в отца... А как он папашу ремнём по задку отходил! Любо-дорого смотреть! А то появляется через двадцать с фигом лет и нате, слушайте его, потому что он один раз удовольствие от жизни получил.

– Эльфы-то вообще отказались. Так что Древние, выходит, правильнее?

– Лучше бы и эти отказались. Спокойнее было без них.

– Ну, они же как лучше хотят – воспитывать, как родную...

– Не приведи Единый! Одного родного они уже воспитали – ничего хорошего не вышло. Толк из парня выйдет... А бестолочь останется!

– А как там лошадки? – перевела разговор на более безопасную тему дипломатичная Элия.

– Беременность протекает без осложнений, – автоматически ответила Джурайя дежурной фразой.

– Ну а вообще? Как там у них... отношения?

– У людей так не бывает, – задумчиво так ответила, со значением. – Знаешь, как Грей Амину опекает? Тебя Адрис так не обхаживает! Столько внимания, нежности, аж завидно!

– Да не обхаживает меня Адрис... – это что-то новенькое, подумала Джурайя. – Что-то с ним происходит, чувствую что-то, а что – понять не могу. Чужое, страшное... Опять спать стал уходить в свою голубятню. И орёт там во сне. Может, разлюбил, а сказать стесняется?

– Орёт?! – Джурайя аж подпрыгнула. – Он орёт, когда ему Фан снится.

– Знаю. Старая любовь не забывается?

– Успокойся. Мы же ничего не знаем. Пошли спросим – сам всё расскажет. – Джурайя решительно встала, стряхнув снег с одежды. – Ну чего? Боишься что ли? – окликнула она топчущуюся в нерешительности подругу. Элька, скашивая глаза, показывала подруге на что-то. – Что там? Говори сразу, я намёков не понимаю.

– Это нормально? – спросила Элька, придерживая полураспустившийся бутон.

– Блин! Конечно не нормально. Эльфийская кровь, ПрОклятый её задери... И что с ним делать? Давай букет нарежем что ли... Корнелиусу понравится.

Джурайя направила руку на куст и из ладони появился бело-голубой узенький лучик, которым она ловко срезала длинные стебли, увенчанные бутонами. На тонком запястье изящной змейкой лежал серебряный браслет, а на указательном пальце матово отблёскивало кольцо похожего плетения. Это было что-то новенькое. Раньше Элька не замечала у подруги пристрастия к украшениям.

– Красивое колечко. Только не на том пальце, – заметила она. – Да и браслетик подходит. Чей подарок, что я пропустила?

– Это артефакты, – ответила Джурайя, игнорируя игривый тон подруги. – Корнелиусу надоело, что я ему сад истребляю, и они с Примом вот это придумали. Браслет стабилизирует импульс, кольцо задаёт направление. Теперь Белым Пламенем можно пользоваться с ювелирной точностью, не задумываясь. Один раз параметры задам и забываю. Вспоминаю, только если режим поменять нужно.

– Здорово... – поскучев, произнесла Элька. – А я думала подарок неизвестного поклонника...

– Ну их, поклонников. Пошли на задний двор, там Адрис с Алькой опять какую-то машину испытывают. Заодно и поговорим.

Адрис

Девушка танцует под луной. Лицо без выражения кажется застывшей маской. Мягкие движения тонких рук напоминают танец змей перед броском. Вот она поворачивает голову – и видит его, стеклянные глаза мерцают мёртвым блеском, глянцева кожа кажется

фарфоровой. Она приближается.

– Ты пришёл? Я так долго тебя ждала! – слышится шипящий голос. Звон. Станный, тонкий, вибрирующий звон заполняет всё вокруг. Её лицо надвигается. По гладкой коже идут трещины, его охватывает животный ужас – он не хочет, не может видеть, ЧТО скрывалось под красивой, мёртвой маской... Ноги становятся ватными, движения – замедленными... Он силится убежать, но не может даже пошевелиться... Маска взрывается тысячей осколков, а под ней – ужасная, старая образина! Морщинистое, одутловатое лицо покрыто трупными пятнами, оно хохочет, надвигается, безумные водянистые глаза вспыхивают жёлтым пламенем... А-А-А-А-А!!!

Проклятые сны... Сколько можно меня мучать?! Я скоро не выдержу и пойду убивать мерзкую тварь... Адрис передёрнулся, вспоминая ночной кошмар.

– Адрис! Врубай, готово! – крикнул Алька. – Ты чё, уснул?

Адрис легко впрыгнул на платформу странной конструкции и опустил рубильник. Конструкция пришла в движение, рычаги зашевелились, провернулись огромные шестерни, зверь-машина проползла несколько метров, нещадно коптя чёрным дымом, пару раз чихнула и с грохотом остановилась. От резкой остановки Адрис потерял равновесие и кубарем слетел на землю. Альберт, размазывая сажу под носом, разочарованно хмыкнул.

– Надо ходовую часть доработать, – прокомментировал он.

– И ремни для возницы, – добавил Адрис, кряхтя и стряхивая грязь с одежды. – А то все кости переломаю, пока ты свою самоходную машину до ума доведёшь. Привет! Давно не виделись! – это он уже Эльке, обмершей при виде падения любимого.

– Ага. С самого утра. – Элия с трудом приходила в себя. – Мы вот тут с Жулькой мимо шли, решили посмотреть, чем вы занимаетесь.

– И где она?

– Кто?

– Конь в пальто! Подруга твоя, кто ещё!

Элька повернулась назад и... никого не увидела. Зато почувствовала явный запах магии. Корнелиус поднял панику, едва услышав, что Джурайя внезапно пропала. Не трата времени на бесполезную беготню, он начал с поиска. По всему выходило, что она сейчас в эльфийских землях. Прим подхватил след телепорта, учуянного Элькой и подтвердил подозрения отца – их Тридцать Три Несчастья опять вляпалась в неприятности. И по всему выходило, что без Корбина опять не обойтись...

Джурайя

Лес... Лес и его Эльфы. Только так, а не наоборот. Это я поняла сразу, как только меня очень грамотно втащили в телепорт, и я в одно мгновение оказалась на опушке Леса. Детская обида на эльфов трансформировалась в устойчивую неприязнь, потому что Лес страдал... Я чувствовала его, жила им, понимала его. Лес создал эльфов, наделил их разумом, дал знания, магию, силу... А они – они стали идеальными потребителями. Они воспринимали Лес как само собой разумеющееся. Они брали – и ничего не давали взамен. Их леса были священными, неприкосновенными. Они убивали всякого, посягнувшего на их границы... И

оставляли смердящие трупы гнить на корнях этих мудрых, древних существ. То, что Лес разумен, я поняла сразу, едва войдя в него. Он говорил со мной, и в его шёпоте было столько боли... Его дети, эльфы, вырождались только благодаря своей глупости и высокомерности. Они объявили себя высшими, мудрейшими и справедливейшими. Их души были полны снобизма. На другие чувства места не осталось. Им достало наглости презирать Лес за его молчание и всепрощение. Оракулы эльфов всё чаще лгали или говорили полунамёками, потому что Лес отказывался говорить со своими наглыми, зажавшимися отпрысками. Семейные ценности были утрачены ими много столетий назад, когда эльфы решили, что они слишком умны и самостоятельны, чтобы ограничивать себя в удовольствиях. И вот теперь, когда под своды ветвей ступила отвергнутая дочь эльфийского народа, Лес обращался к ней, как к последней надежде... Юной, ещё не очерстневшей душой, способной хотя бы понять его...

– Какие же вы твари, – первые слова, сорвавшиеся с губ пленницы поразили эльфов до глубины души. – Ему плохо, а вы тут в войнушки играете! Да кому бы хуже стало, если бы сюда иногда люди заходили! И вас, кретинов, от вырождения бы спасли, и у Леса новые адепты бы появились! В нём мудрости столько, сколько ваши узколобые головёнки вместить не в силах! Всем только лучше бы было, если бы вы свои земли открыли.

Джурайя отвернулась от высокородных родичей и уселась в сплетение узловатых корней древнего исполина. Меньше всего ей сейчас хотелось слушать высокопарный вздор, которым приготовился пичкать её новоявленный родич...

– Дочь наша! – распростёр объятия Верховный Эльф, как бы не заметив её гневной отповеди. Он обошёл дерево, за которым укрылась от их глаз Джурайя, и теперь стоял, возвышаясь над ней в своём нелепом балахоне и серебряном обруче на уплетённых по-бабьи волосах. Джурайя плюнула ему под ноги и уставилась в землю. Верховный переступил ногами, но решил продолжить. – Злая судьба разлучила нас на многие годы, твоё сердце ожесточилось в землях людей, этих варваров без чести и благородства. Но мы, твои прямые родственники, всё же разыскали тебя и вернули в лоно родного Леса! Так открой же своё сердце и возрадуйся, о дочь наша, долгожданному единению!

– Ты идиот? – устало спросила Джурайя, пристально глядя Верховному в переносицу снизу вверх. – Четыре с половиной года назад, когда к вам древние моего папашку притащили на опознание, вы на говно изошли, слюной брызгали – не бывать тому у меня в доме! Да чтоб моя высокородная дочь – и с этим монстром! Да никогда! Да ни за что! А теперь что-то понадобилось, или чувства родственные разыграли? Совесть ночами мучает, что приказали младенца в чистом поле оставить?

– Мне грустно слушать твои гневные речи, дочь наша! – в притворной скорби закатив глаза, запел Верховный. – Гнев ослепляет тебя. Для твоего же блага оставлена ты была в землях людей. Лес наш не принимает крови и магии древних...

– Не тренди, высокородный! – взвилась Джурайя. Она еле сдерживала себя, чтобы не отделать дедушкину голову от дедушкиной шеи. – Я – в Лесу, и Он говорит со мной. А когда Ты последний раз с ним говорил? Когда ты ВНИМАЛ ему, понимал его потребности, чувствовал его боль?! Это было вообще хоть раз в твоей гавённой жизни?!!!

Листья дерева над ней затрепетали, и девушка, вслушиваясь во что-то, слышимое только ей, выдохнула и отвернулась от Верховного.

– Не убью, не бойся, – ответила она невидимому собеседнику. – Я бы на твоём месте лишила их магии. На пару месячишков. В виде наказания. А особо зарвавшихся – и разума. Жестоко?

А по-моему нормально. Всё-всё. Я уже успокоилась. Моего огня здесь точно не будет. Вдруг кого-то из ваших раню.

– Дочь наша, ты нужна нам! – предпринял вторую попытку навязчивый дедок. – Мы слабеем, и уже не можем, как прежде, вселять трепет в сердца людей! Скоро они хлынут в наш лес, будут жечь костры, рубить деревья... Ты можешь им противостоять – ради Леса!

– Лес говорит, что человек, входя под его своды, оставляет дурные помыслы и выходит просветлённым. Лесу нужны люди. А люди нужны Лесу. Они открыты душой, а вы, поганцы, только о выгоде думаете, да высокородность свою лелеете. А без Леса вы – никто. Обезьянки дрессированные.

– В тебе, неблагодарное дитя, есть и наша кровь! Оскорбляя нас – ты оскорбляешь и себя! – впал в благородное негодование Верховный.

– Ничего, перетерплю как-нибудь. И не такое терпела. – Джурайя легко вспрыгнула на нижнюю ветвь могучего дерева, и устроилась поудобнее, прижавшись спиной к шершавой и по-живому тёплой коре дерева. Она уже любила этот Лес, и каждое дерево в нём. Лес представлял собой единый организм, сохраняя индивидуальность каждого деревца, каждого побега... И тут пришла боль. Жуткая, смертная тоска навалилась на сердце. Девушка свалилась на землю и закрутилась в поисках источника угрозы. Эльфы наблюдали за ней, как за забавной зверушкой.

– Вы что, не чувствуете?! – заорала Джурайя. – Кто-то убивает Лес! Там, – она ткнула пальцем в ту сторону, откуда пришла, – умирают деревья. Быстрее, пока не поздно!

Верховный эльф преградил ей дорогу.

– Люди, которых так ждал Лес, пришли по его душу, – насмешливо произнёс он. – Наивный, мудрый идиот! Это будет ему небольшим кровопусканием, прививкой от прекраснотушия...

Джурайя в бессилии опустила руки, боясь причинить боль Лесу тёмной магией Древних. В это время на поляну ввалился запыхавшийся эльф-лучник и выпалил скороговоркой, что ТАМ (он указал туда, куда рвалась Джурайя) страшный человек уничтожает Лес, и если не отдать ему его женщину, которую у него похитили, то он и его волчата не оставят ни единого ствола стоять вертикально.

– Почему вы не убили этих лесорубов? – гневно спросил Верховный.

– Он высший маг, с ним полно учеников и солдат, и это он уже убил почти всю стражу, что была выставлена на окраине Леса... – промямлил лучник, в глазах его плескался ужас.

Страшно стало и Джурайе. Потому что она ЗНАЛА, что за человек пришёл по дрова...

Глава 7

Лорд Корбин

По всем канонам, заговорщикам положено собираться поздно вечером, пробираясь к месту встречи в темноте, грязными закоулками, прикрывая лица рукавами и шепча, чтобы не забыть, пароли. В реальности все происходило намного прозаичнее – раннее утро, солнце, снег, особняк епископа... Все вполне законно, чинно, благородно – господа продолжают праздник. Собралась толпа человек в двадцать – много пили, ели, танцевали, словом,

веселились, как могли, и в свете общего веселья никто даже не обратил внимания, что четверо участников уединились в карточной комнате. Бывает – епископ был не дурак поиграть, двум военным это было вроде как по должности положено, а граф де'Карри... Ну, он не любитель, конечно, но ничто человеческое ему не чуждо. Почему бы и не поиграть под настроение, тем более что играть он умел – как-то у всех на глазах обул одного заезжего дипломата на кругленькую сумму. Просто так, развлечения ради, так что почему бы и нет?

Однако многие люди, состоящие в королевском тайном сыске, отдали бы правую руку за то, чтобы услышать, о чем говорят мнимые картежники. Только вот вряд ли это у них получилось бы – защиту граф на комнату навесил плотную, многослойную, а пробить даже внешний Полог Молчания бесшумно еще ни у кого не получалось.

Все четверо были относительно молоды. Точнее, молоды были военные, Корбин был молод, потому, что маги долго живут, а епископ... Корбин даже не удивился, когда узнал, что епископу лет больше, чем ему, и что начинал он тоже как маг. Не слишком сильный маг, который вовремя сообразил, что на магическом поприще ему карьеры не сделать, а вот на духовном – не то чтоб сложно. Так что все здесь было просто, понятно и всех устраивало.

Однако, главное, что объединяло этих людей, было то, что все они обладали двумя чертами характера – здоровым патриотизмом и не менее здоровым цинизмом. Проще говоря, каждый хотел, чтобы его страна жила, и, в то же время, каждый хотел занять в этой стране место повыше. Корбин на полном серьезе присматривался к королевскому трону, военных не слишком устраивали посты легионных командиров в заштатных городках, ну а епископу нужна была автономия его церкви от замшелого духовного центра, расположенного на юге Идальгии и, как многие считали, давно изжившего себя. Словом, каждый готов был рискнуть за вполне определенный и достаточно приличный куш.

Первым слово взял Корбин. Как правитель немаленькой провинции и создатель вполне приличной разведывательной сети, он имел более чем подробную информацию о происходящем в стране и в мире. Выслушав его сообщение, все задумались, переваривая информацию о том, что их такой прочный, казалось бы, мир вот-вот разлетится вдребезги. Затем нарушил молчание один из легионных командиров – звали его Далерт, но среди своих он давно уже заработал уважительную кличку Волк.

– По моим сведениям, армия Руалии насчитывает что-то около двадцати тысяч человек. Из них конницы тяжелой – две тысячи, конницы легкой – шесть тысяч, остальное пехота. Плюс дворянские дружины и ополчение – от двух до четырех тысяч. Один высший маг, до сорока магов рангом пониже. Наша армия – восемнадцать тысяч человек, тяжелой конницы – три тысячи, легкой – четыре, плюс пехота. Около пяти тысяч дворянских дружинников и ополченцев. Силы, как вы видите, почти равны.

– К нашим границам, по моим сведениям, перебрасывают шестнадцать тысяч человек, – уточнил Корбин. – В том числе всю тяжелую конницу и две трети легкой. Полностью оголять границы с Айнором и Северными княжествами они не рискнут. Не дураки, прямо скажем. А теперь поправьте меня, если ошибаюсь. Наши войска разбросаны по всему королевству, быстро собрать их в один кулак не получится, к тому же и не делали этого уже давно, опыт проведения подобных операций частично утрачен. В случае внезапного удара, а руалийцы, думаю, на него способны, Лигу пяти городов и Торговый союз мы теряем моментально. Частей регулярной армии там дислоцировано очень мало, а ополчение пока еще соберут... Да и не будут собирать – этим умникам все равно, в какой стране жить, они просто лягут под победителя. Таким образом, две богатейшие провинции, а с ними и основные источники доходов королевства, мы удержать не то чтобы не сумеем – просто не успеем. А потом нас, даже если и не уничтожат, то очень сильно ослабят, что, в конце концов, приведет к

постепенной гибели королевства, как самостоятельного государства. Может, не сразу, но через десяток-другой лет точно. Есть у кого что дополнить?

– Что по магам? – с интересом спросил Волк.

– По магам у нас подавляющий перевес – маги Руалии не боевые. Точнее, есть и спецы, но ранг их низкий, а остальные, в том числе и единственный высший маг, в военном деле не мастера. Сила есть, но и только. У нас, помимо полусотни гражданских магов, которые должны, теоретически, встать под знамена короля, будет примерно три десятка учеников, натасканных достаточно для того, чтобы драться. Ну и в качестве довеска мой корпус боевых магов. Все в курсе его возможностей.

– Мальчишки... – слегка пренебрежительно сказал второй легионный командир, высокий и худой, но жилистый офицер по имени Вендас.

– И девчонки, – в тон ему отозвался Корбин. – Я бы не советовал встречаться с кем-нибудь из них на узкой дорожке – съедят.

Вендас кивком головы подтвердил, что принял слова графа к сведению, и заметил:

– Значит, не все так плохо.

– Не все, конечно, – задумчиво отозвался Волк. – Но магами войну не выиграть, все равно основную ношу тянет на себе армия.

Корбин согласно кивнул, и собравшиеся вновь погрузились в молчание. Потом заговорил епископ:

– Ладно, сколько у нас сил, в принципе, ясно. А вот что делать будем?

– Что делать? – Вендас пожал плечами. – До весны на нас не нападут – не успеют собрать силы. Лично я наплевал бы на это и атаковал с тем, что есть – зимой, используя в качестве дорог русла замерзших рек, можно получить немалую свободу маневра и, используя фактор внезапности, смять не готовую к войне армию. Лучше всего было бы атаковать уже сейчас, пока все пьянствуют и празднуют, это дает дополнительные преимущества, но я – не король Руалии. Стало быть, силы будут собраны уже весной, но весной воевать решится лишь безумец – конница завязнет в грязи, да и пехота сможет немного. Во всяком случае, мобильность войск резко снизится, и внезапного нападения не получится. Выходит, нападут на нас поздней весной или в начале лета, когда подсохнут дороги.

– Логично, – кивнул епископ задумчиво. – Мы знаем кто, когда, как и какими силами. Остается вопрос, что мы, все-таки, сможем сделать.

– Я предлагаю устроить переворот прямо сейчас, – заметил Волк. – Тогда мы сможем подготовиться...

Все замолчали – слово прозвучало, и в первый раз оно было сказано открыто.

– Нельзя, – нарушив, наконец, молчание, помотал головой Корбин. – Начнется уособица. А Руалия в таком случае ударит немедленно, и, боюсь, справится и с тем, что есть. Я бы предложил нанести упреждающий удар... Но этот наивный сопляк не даст нам это сделать. Стало быть, надо готовиться самим. Сейчас у меня не очень много народу... Но ближе к весне я смогу собрать около тысячи человек, плюс, сами знаете, основной центр вербовки

наемников расположен на моей земле, и они меня еще помнят. Можно нанять до трех тысяч человек – были бы деньги.

– Будут, – кивнул епископ.

– Ну и отлично. Плюс Тенор, фактически, под моим контролем, его правитель очень многим мне обязан. Это еще тысяча человек, примерно.

Все понимающе заухмылялись. Молодой правитель Тенора, при негласной поддержке Корбина сместивший три года назад своего отца, действительно не рисковал ничего сделать без одобрения де'Карри. Кстати, и порядок он в своих владениях навел жесткой рукой – о прежних вольностях торговцы и преступники теперь даже не мечтали.

– Итого, пять тысяч человек, плюс боевые маги, – мгновенно подсчитал епископ. – Маловато.

– Нормально. У нас, вернее, у вас, – Корбин кивнул в сторону военных, – два легиона. Это еще четыре тысячи человек. Думаю, вам ничего не стоит провести учения именно в необходимое нам время. Плюс наберете тыщонку-другую ополченцев, плюс дворян местных привлечете. Они в войну поиграть не откажутся... Таким образом, к началу вторжения мы будем иметь полностью готовые к бою десять-одиннадцать тысяч человек. Этого, как минимум, будет достаточно, чтобы отразить первый натиск и выиграть время, ну а потом очнутся и остальные... Король Руалии тоже не дурак, он наверняка понимает, что единственный шанс у него – победить быстро. Не получится – предпочтет отступить...

С планом опытного военачальника согласились. Конечно, потратили еще некоторое время на уточнение деталей, но, в общем и целом, расклады были если не идеальными, то, во всяком случае, уже не столь печальными, как раньше. Ну а потом все-таки расписали партию – чтобы подтвердить свое алиби. Выиграл епископ.

Два часа спустя, когда заговорщики по одному вернулись в общий зал, и веселье было в самом разгаре, Корбина срочно вызвал Учитель. Пришлось графу извиниться и, открыв портал, отправиться решать очередную проблему.

Нельзя сказать, что Корбин был в восторге, узнав, зачем его вновь вызвал Корнелиус. Более того, он был в состоянии, которое характеризуется абсолютно непечальными терминами.

– Учитель, да что же это за несчастье-то ходячее! – взвыл он. – Я только-только у себя в замке с тараканами справился! Теперь мне что, еще и эльфов выводить придется?

Однако же, отказаться ему и в голову не пришло. Во-первых, потому, что Джурайя была СВОЯ, относилась к его клану, а значит, была под его защитой. А во-вторых, потому, что вот буквально только что, между делом, проговорила ему о своей беременности. Нет, это надо ухитриться – он гадал, было у них что-нибудь или не было – а оказывается – с первого раза залетела. И как быстро поняла-то... Впрочем, Джу – девочка талантливая. Поэтому Корбин не раздумывал. Более того, немного подумав, он решил, что это – еще и повод потренировать своих учеников в условиях, максимально приближенных к боевым. В результате, через два часа граф Корбин де'Карри во главе двухсот солдат, в число которых входили все молодые воины, и сорока лучших учеников, вышел из портала в непосредственной близости от опушки леса, обозначающей границу эльфийских владений. Они, кстати, располагались намного южнее, у юго-западных границ Идальгии, поэтому здесь наличие зеленых деревьев и отсутствие снега было нормой. Окинув гордым взглядом своих орлов, быстро скидывающих полушубки и выравнивающих строй, граф остался доволен. Все-таки, он сумел создать то, чего не было в этом мире уже сотни лет, и потому повод гордиться, конечно, был.

Корбин был очень сильным магом. Более того, он был, наверное, самым сильным боевым магом континента, что не раз подтверждал делом. Но вот незадача – если бы нашелся историограф, который решил бы скрупулезно подсчитать количество побед и поражений графа, он бы очень удивился. Нет, не тому, что серьезных поражений у де'Карри не было – это как раз было ожидаемо. Куда больший интерес представлял тот факт, что Корбин сражался намного реже, чем принято было считать. А обнаружив это, он бы, возможно, нашел главную причину побед де'Карри. Была она редкостно проста – Корбин не любил воевать. Одно дело набить кому-нибудь морду лично, подтвердив свою репутацию непобедимого и безжалостного и обновив лишний раз ореол героя или, по желанию, сволочи, и совсем другое – устраивать побоище, кладя тысячи людей. При этом если на врагов Корбину было, в общем-то, плевать, то своих он терять не любил. Поэтому большая часть его побед была достигнута бескровно – маг просто-напросто ставил своих противников в условия, когда им было выгоднее выполнить его требования, чем воевать, пусть даже и с победой в результате. Подобная бескровная тактика была не слишком понятна малообразованным дворянам, привыкшим, что бой – это стремительная атака конницы, а потом рубка бегущих. Ну, или гибель, но это уж как повезет. Корбин предпочитал просто получить то, что ему надо, и спокойно уйти – стратегия, не слишком уважаемая высокородными, но вполне устраивающая наемников. Будь с ним только его ветераны, они бы сразу поняли, что задумал граф, однако сейчас в строю стояли безусые молодые маги, поэтому стоило объяснить мальчишкам, с чем им придется иметь дело.

– Итак, дети, – усмехнулся Корбин, – перед вами Заповедный Эльфийский Лес. Писать все слова с большой буквы – иначе обидятся. Плевать, конечно, но все же зачем им лишний раз напоминать о том, что на них и так уже давно плюют все подряд? Я думал прочитать лекцию об экзотических потенциальных противниках и местах их обитания чуть позже, но, раз уж получилась такая оказия, воспользуемся моментом, а заодно закрепим знания на практике. Итак, этот самый Лес – место, которое эльфы считают своими исконными землями. На самом деле, это, скорее всего, не так – первые письменные упоминания о появлении эльфов в этих местах относятся к не такому уж и далекому периоду. Что-то около полутора тысяч лет назад, кажется, и то не из первоисточников, а по ссылкам на более ранние хроники, которые до наших дней, увы, не дошли. Если они, конечно, были, эти хроники... Впрочем, если кого-нибудь эта информация заинтересует, можете потом, по окончании школы, заняться вопросом вплотную – самостоятельные исследования я, как вы знаете, финансирую. В пределах разумного, конечно...

Как бы то ни было, эльфы живут здесь достаточно давно и сваливать не собираются. Ну, ничего удивительного в этом нет – я бы и сам отсюда добровольно не ушел. Дело в том, что этот лес – по сути, одно колоссальное по площади Место Силы, причем, в отличие от подобных ему мест, силовые линии здесь не пересекаются большим пучком, а имеют совершенно уникальную структуру – на довольно большой площади собрано порядка десяти-двенадцати малых узлов, образованных пересечением силовых линий попарно. Никто не знает, сколько этих точно, а эльфы не распространяются, но, в принципе, это совершенно неважно. Очень, очень удобно – интерференция силовых полей минимальна, дискомфорта живым существам, как более мощные точечные узлы, они не создают, но энергии при этом более чем достаточно. Словом, эльфы отхватили шикарный кусок и вцепились в него зубами... Я бы на их месте поступил точно так же.

Значит, наша задача – заставить эльфов выполнить наше требование. Сделать это и сложно, и просто одновременно. Сложно потому, что каждый эльф – маг, а в Месте Силы энергии у них хоть отбавляй. Несколько, правда, выравнивает ситуацию тот факт, что мы – тоже маги, и этой энергией тоже можем пользоваться без ограничений. А просто – потому, что я знаю их слабые места. Во-первых, эльфов не так и много – в лесу их тысячи полторы, не больше.

Во-вторых, хотя они и маги поголовно, но они так же поголовно слабые маги. Самые сильные, если верить истории, едва-едва вытягивали на первый ранг, большая же часть никогда не переступала границу четвертого. Сейчас их Верховный маг имеет всего-то второй ранг, что несерьезно. Правда, они частично компенсируют слабость магических сил большей изощренностью заклинаний, но в бою от этого мало толку. В-третьих, магия их очень специфическая – практически вся она направлена на работу с флорой. Ускорить рост деревьев – да, без проблем, сотворить ураган – извините, десяток таких магов среди них, может, и наберется, но не более.

В лобовом бою, как маги, мы их, безусловно, сильнее. Теперь об оружии обычном. Стрелки они отменные. К луку эльфа приучают с детства и, хотя легенды и сильно приукрашивают их мастерство, все-таки могут они действительно многое. Средний лучник-эльф на голову превосходит среднего лучника-человека, хотя, конечно, находились самородки, которые переигрывали эльфов "на раз". Как мечники... Строя они не признают. В индивидуальной схватке весьма опасны, потому как живут довольно долго, порядка тысячи лет, а за это время и курицу можно выучить, чтоб она лисицу отлупила. Однако основа их техники боя – скорость, эльфы слабее людей физически, поэтому серьезных доспехов носить просто не в состоянии. В рукопашной схватке – то же самое. Скорость, скорость и еще раз скорость. И гибкость еще, конечно. Одного хорошего удара достаточно, чтобы нокаутировать эльфа, а при удаче и просто убить. Из этого и будем исходить в тактике боя.

Итак, солдаты держат строй. Маги... Не переглядывайтесь, вы хоть и ученики, но как минимум четвертый ранг есть у каждого, а у большинства и третий давно, так что нечего мне тут невинность из себя корчить. Сейчас вы – боевые маги, и считайте эту заварушку очередным экзаменом на профессиональную пригодность. Солдаты держат строй, маги разбиваются попарно. Номера первые держат щит от магического воздействия и от стрел. Ваша задача – не дать нанести вреда солдатам дистанционно, а в бой с плотным строем пехоты эльфы не полезут, это для них смертный приговор. Номера вторые – по мере продвижения выкорчевываем лес. Наша задача – поставить эльфов перед фактом, что они просто лишатся своего леса, если не станут сговорчивее. Думаю, этого будет достаточно. Работаем по принципу "делай, как я" то есть я наношу удар, а вы – копируете мои действия. Если кто устанет – не крепитесь до последнего, а сразу давайте мне знать. Нас никто не пинает под зад, поэтому мы можем позволить себе не торопиться и сносить этот лес хоть месяц, хоть два. Все всё поняли? Ну, тогда по коням!

Бронированная, оцетинившаяся копьями колонна воинов де'Карри мерным шагом двинулась к лесу. В двухстах локтях от опушки стрела, коротко свистнув, воткнулась в дорожную пыль у ног идущего впереди Корбина, обозначив границу, переходить которую не рекомендовалось. Обычно, этого было достаточно – слава у эльфов была зловещая, однако на сей раз они не на тех напали. В сторону дерева, с которого был сделан выстрел, немедленно протянулись следы десятка огненных стрел. Раздался дикий крик и с дерева свалился обугленный труп лучника. С другой стороны на землю упали не менее обугленные обломки лука.

Корбин поморщился – убивать он никого не хотел, однако банально забыл сказать об этом ребятам. Ну, что поделаешь – они еще молодые, и приказ "без команды не стрелять" перед боем им надо было повторять, не въелось это пока на уровне рефлексов. Впрочем, что сделано – то сделано, а значит, незачем об этом больше думать. Оставалось распределить секторы атаки, и – вперед!

Маг демонстративно хлопнул в ладоши. Прямо перед ним материализовался бешено вращающийся диск огненно-красного цвета. Точнее, это выглядело диском в обычном свете, магическим же зрением было видно, что это всего лишь энергия, тонкий хлыст, вращающийся с такой скоростью, что края его были абсолютно неразличимы. Справа и слева от графа его

ученики сотворили такие же заклинания. Кто-то раньше, кто-то – позже, разной мощности, но справились все. Впрочем, иного результата Корбин и не ждал – заклинание было простым, десятки раз отработанным еще на полигоне. Щелчок пальцами – и огненный диск устремился вперед, а за ним, словно боясь отстать, и диски учеников.

Ш-Ших-х... Диск Корбина врезался в сплошную массу деревьев на уровне его стоп и понесся вперед, срубая вековые дубы и грабы, словно спички. Однако постепенно энергия, вложенная в него магом, иссякала и локтей через двести диск исчез, напоследок подрубив, но так и не свалив очередное дерево. Те же деревья, которые попали под удар этой импровизированной пилы, вели себя по-разному. Одни, как правило, те, что потоньше, просто рушились с жутким треском, другие некоторое время еще стояли, благо срезы были практически гладкими, и лишь потом начинали медленно и величаво падать, некоторые, стоящие с краю, цеплялись ветвями за своих соседей, будто тщетно пытаясь устоять... Однако все они были обречены – диски учеников сотворили то же самое, что и диск учителя, разве что не так масштабно и чисто. Все-таки у молодежи сил пока что было поменьше, чем у мага высшего ранга, их удары вязли самое большее в полусотне локтей от опушки, однако и это было немало.

– Выровнять фронт! – скомандовал Корбин. На лес обрушились новые удары, и пять минут спустя перед Корбином была широкая просека, четыреста локтей в ширину и двести – в длину. Неплохо для начала. Корбин чуть напрягся, сформировал небольшой смерч, который моментально всосал древесные стволы. Можно было, конечно, пролевитировать все это, но левитировать было тяжелее, а смерч требовал усилий только на свое создание, дальше он работал уже сам, и его надо было лишь слегка подталкивать, управляя движением атмосферного чудовища. Вычистив просеку и позволив смерчу распасться, выронив деревьяшки в полулиге от места штурма, граф скомандовал – и его отряд прошел немного вперед...

Ш-ших-х... Все повторилось с той лишь разницей, что теперь четверо магов, те, что помладше, с трудом держались на ногах. Корбин внимательно присматривал за ребятами и сразу отметил это. Однако, гордые, доделали на чистом энтузиазме, чтобы не ударить в грязь лицом. Это хорошо, гордость для боевого мага лишней не будет, но во всем надо знать меру. Повинуясь его жесту, ослабевшие дисциплинированно отошли назад, и на третьем заходе Корбину пришлось потрудиться чуть больше, за себя и за них. Хорошо еще, с энергией проблем не было. Четвертый удар... Ну, тут уже скисла почти половина ударной группы, а пятый Корбину и вовсе пришлось делать в одиночку, однако эффект все равно был тот же, разве что провозиться пришлось чуть подольше. Решив, что пока что хватит и надо дать ребятам перерыв, Корбин скомандовал отход, и импровизированная бригада лесорубов с достоинством отступила.

Все время атаки с флангов в них летели стрелы. Большая часть их бессильно падала на землю, все-таки двести локтей – расстояние, практически предельное для лучников, однако эльфы все-таки доказали, что не зря считаются мастерами стрельбы – некоторые стрелы все-таки достигали отряда и бессильно падали, отраженные защитным куполом – ученики, работавшие сегодня в защите, тоже не подвели. Ответный огонь не открывали, хотя, конечно, руки у ребят чесались, однако, когда чуть в стороне начала твориться странная, но явно достаточно мощная волшба, они оторвались по полной. В сторону неизвестного мага полетели огненные стрелы и шары, потоки спрессованного воздуха, ледяные иглы... Словом, туда обрушилось все, что было в небогатом пока ученическом арсенале. Вспышка, грохот, небольшое грибовидное облако... Больше колдовать в лесу никто не осмелился.

Дав ребятам пару часов отдохнуть, Корбин вновь скомандовал наступление. На сей раз первые и вторые номера поменялись местами – те кто раньше держал щит, теперь прорубали дорогу, а те, кто занимался дорогой, держали щит, что было заметно легче, но на

этот раз маги ударили только дважды – из леса вышел эльф и поднял руки вверх, открытыми ладонями вперед. Международный жест, призывающий к началу переговоров. Что же, теперь можно было и поговорить.

Отряд Корбина отошел чуть назад, оставив графа в полном одиночестве. Эльф не торопясь приблизился.

– Здорово, Лалли.

– Здравствуй, Серебряный Топор, – эльф с красивым и гордым (ну, это на эльфийский вкус) именем Лаллиэль, один из старейшин и сильнейший эльфийский маг из ныне живущих, не обратил внимания на фамильярность. – Что тебя опять сюда занесло?

– Дела, сам понимаешь. Я – человек занятой, просто так не приезжаю.

– У тебя всегда дела... А что так громко стучишь?

– Да вот, понимаешь, зайти хочу, а к вам ведь просто так не пройдешь – на стрелу в глаз нарвешься.

– Или в зад.

– Или в зад, – согласился Корбин, садясь на пень и приглашающе хлопая рукой по соседнему. – Садись, в ногах правды нет...

Лаллиэль скептически посмотрел на предложенное ему место. Это графу хорошо – штаны, по моде наемников, кожей подбитые, не запачкаешь, а вот ему, в своей изящной, расшитой бисером хламиде, хреновато – замучаешься потом отстирывать.

Корбин с усмешкой смотрел на мучения эльфа. С момента их последней встречи Лаллиэль совершенно не изменился – все такой же высокий, почти не уступающий Корбину ростом, изящный и гибкий. И все так же обряжен в непонятные и абсолютно непрактичные одеяния – Корбина всегда интересовало, это у них повседневная одежда, или церемониальная, но все не было повода спросить. Наконец, когда пауза излишне затянулась, эльф со вздохом бросил на пень большой цветастый платок (и где он его до того прятал?) и осторожно присел.

Эти двое знали друг друга уже не первый день. Если точно – лет двадцать, когда пути лихого наемного мага Корбина в первый раз пересеклись с интересами эльфов. Именно тогда Корбин и получил свое эльфийское прозвище – как он подозревал, дали ему эльфы его для того, чтобы самим не забыть, за что при случае стоит набить графу морду. Это у них не получилось, конечно, хотя пробовали не раз, и они, в конце концов, бросили это неблагодарное занятие, а прозвище так и осталось. А что? Не самое плохое имя, если вдуматься – звучит, во всяком случае, красиво.

Получил же его Корбин после того, как по заказу эльфов выкрал у орков, их ближайших родственников и вечных противников, одну занятую вещицу – тот самый серебряный топор. В принципе, толку в том артефакте не было никакого – так, слегка тронутая ржой железка из паршивой стали с серебряной насечкой и слабеньким, давно выработавшим ресурс и благополучно сдохшим заклинанием незатупляемости, наложенным на лезвие. Но эльфы всегда придавали излишне большое значение атрибутике, а священное оружие первого вождя орков – это же символ! Однако самим лезть и выкрадывать топор опасно, да и узнают орки, кто их обул – живо войну устроят, за ними не заржавеет. Вот и наняли эльфы наемника со стороны, чтобы тот пробрался в орочий храм, спер оттуда ржавую реликвию и доставил

им. Ну а потом, если и будут претензии, то все сведется к сакраментальному: "я не я, кобыла не моя, топор у людей купили, отдавать не будем – сначала докажите, что ваш". И повода к войне формального вроде как бы нет, и щелчок по самолюбию орков преизрядный. Вот только не учли они того, что орки – народ рациональный и с Корбином общий язык нашли в два счета.

Вообще, кто такие орки? А народ, во многом похожий на Древних, только если Древние произошли от связи между людьми и демонами, то орки – от связи между демонами и эльфами. При этом, если Древние, в общем-то, удались – могучая раса, большой рост, огромная сила, отменные способности к магии и, при том, редкостный пацифизм, то орки оказались для демонов экспериментом не слишком удачным. Видимо, жидковата была кровь эльфов, не зря же они стремительно вырождались, и численность их непрерывно падала. Именно поэтому все больше молодых эльфов переселялись в людские города – там они хотя бы имели шанс произвести на свет здоровое потомство и, хотя полукровки не слишком уважались "чистыми" эльфами, они, как правило, превосходили эльфов и физически, и как маги. Конечно, по гибкости, ловкости, координации движений и еще многим качествам они уступали эльфам, что и давало тем повод, говоря о полукровках, презрительно кривить губы, но факт оставался фактом – число полукровок росло, а чистокровных эльфов – сокращалось. К тому же, чувствуя презрение своих родственников, полукровки, как правило, не были привязаны к ним, не считали себя частью эльфийской расы и не приходили на помощь эльфам во время всевозможных конфликтов. Разве что как наемники, но тут уж они бывали по обе стороны меча.

В результате всего этого, в эльфийском лесу проживало сейчас не более полутора тысяч эльфов, включая женщин и детей. Примерно столько же было раскидано по людским городам, и сейчас эльфийские владения защищала уже не сила оружия, а старая репутация самих эльфов, их умелая дипломатия, да еще, пожалуй, немалые деньги, которые эльфы могли себе позволить тратить, нанимая при нужде отряды наемников. Впрочем, с деньгами у эльфов всегда был полный порядок – не зря они имели долю во всех крупных банках континента.

Орки же, хоть и были неудачным экспериментом, оказались вполне жизнеспособны. Высокого роста, сильные физически, с кожей чуть заметного зеленоватого оттенка. Магией они не владели, разве что предметной, в которой магические способности их шаманов и не играли, в общем-то, роли, а зависело все исключительно от набора используемых ингредиентов и правильности их использования. В этом они достигли, надо сказать, определенных высот и заслуженно пользовались уважением других рас. Плодились орки медленнее людей, однако заметно быстрее эльфов и относительная немногочисленность их расы была связана, в основном, с постоянными войнами, которые они вели. При этом, надо отметить, орки были от природы если и не пацифистами, то весьма миролюбивым народом. Во всяком случае, не было ни одной войны, которую они начали бы первыми, хотя воевать не боялись и, в случае ущемления их интересов, были готовы сражаться до последнего. Возможно, причина крылась в их спокойных, уравновешенных характерах, а возможно, в том, что, как и все сильные от природы существа, они, ощущая свою силу, не чувствовали себя, подобно эльфам, ущербными, и не стремились доказать всем и каждому свою исключительность. Однако их традиционно не любили – надо признаться, видок у них был тот еще, и симпатии особой он ни у кого не вызывал. У Корбина, кстати, тоже, но маг и сам был белой вороной среди других, поэтому к клыкастым зеленокожим отнесся если не с симпатией, то с пониманием.

Вот тогда у Корбина и родился коварный план, который он незамедлительно реализовал. То есть, вместо того, чтобы, рискуя жизнью и здоровьем пробираться сквозь земли орков к их главному храму, он пошел туда в открытую. Пришел, переговорил с орочьим верховным жрецом, и через два дня эльфы получили вожделенный артефакт, по поводу чего устроили

праздник. А наутро оказалось, что артефакта нет, в чем не было ничего удивительного – Корбин загодя наложил на топор метку, позволяющую найти топор без особых проблем. Ну и нашел, пользуясь праздником и тем, что его никто не подозревал, забрал – и ушел. А немаленьким гонораром честно поделился с верховным шаманом.

Позже эльфы пытались предъявлять к нему претензии, но попытки наезжать на могучего боевого мага с острыми предметами и средненькой магией ни к чему хорошему не привели, а на словесные выпады ответ был всегда один: "Вы заплатили мне за то, чтобы я вам артефакт доставил. Другие заплатили мне за то же самое. Я честно выполнил обе части работы, а за то, чтобы я у вас артефакт этот не трогал, вы мне не платили". Эльфы поскрипели зубами, однако, с учетом слабости сил, рисковать и затевать драку не стали. Зарубочку себе в памяти сделали, конечно, они никогда и ничего не забывают, но и только.

Впоследствии Корбин еще пару раз выполнял заказы эльфов, но теперь они всегда указывали графу пределы своих желаний. Корбин задачи выполнял с блеском, но к Лесу, кишасшему эльфами, больше не приближался – чревато было. В конце-концов, в каждом народе есть свои горячие головы, для которых старые обиды важнее нынешней выгоды, а Корбин, хотя и не боялся их, не хотел лишних осложнений. Встречи он назначал на нейтральной территории, там же получал гонорары за проделанную работу. Однако сейчас он явился сам, и Лаллиэлю очень хотелось знать, зачем.

Корбин в ответ на вопрос эльфа лишь рассмеялся, сказал Лаллиэлю, что все тот знает, понимает, и пускай не выделяется. Лаллиэль сделал обиженное лицо и заявил, что знать ничего не знает, и ведать не ведает. Корбин, в свою очередь, изобразил раздражение и предупредил, что если ему не отдадут его, Корбина, невесту сей же час, то он, граф де'Карри, за себя не ручается и начнет выкорчевывать лес дальше. Займет это не так много времени, а там уж набегут мужики – землю культивировать да огороды разводить – на эти места у идальгийцев давно зубы чесались.

Лаллиэль вновь заявил, что не в курсе. Корбин извинился и сказал, что ему ляды точить некогда – его работа ждет. Лаллиэль представил последствия работы – и ужаснулся, после чего сказал, что он что-то такое слышал, однако мать девушки принадлежит к правящему Дому, и не в его, Лаллиэля, компетенции решать такие вопросы. Корбин пожал плечами и ответил, что пусть тогда придут те, кто может принимать решения, а он пока поработает... Словесное фехтование, в ходе которого один напирал на законы, традиции и семейные узы, а другой – на то, что "раньше думать надо было" и "щас ка-ак врежет", продолжалось около часа. Кончилось оно тем, что эльф выторговал себе полчаса на решение проблемы. Ровно через полчаса из леса буквально вытолкнули слегка растрепанную, но целую и невредимую Джурайю.

Глава 8

Джурайя

Джурайя вылетела на опушку леса, как из пращи, и резко, словно налетев на стену, затормозила. Она стояла в десяти шагах от обгорелого трупа первого напавшего лучника. В широко раскрытых глазах стоял ужас.

– Корбин! Ты что творишь!!! – заорала она, в растерянности оглядывая картину разрушения, учинённую несостоявшимся женихом. Был в их жизни такой период, но Джурайя искренне считала, что факт его неудачного сватовства не мог быть оправданием тому беспределу, что она видела вокруг.

– Что опять не так? – искренне удивился Корбин. – Они первые начали стрелять. Или мне нужно было позволить твоим родственникам сделать из меня и моих волчат стадо ёжиков?

– При чём тут эльфы, я о деревьях говорю! – она наконец то нашла в себе силы сдвинуться с места и теперь бежала к куче сваленных стволов, легко перепрыгивая через пни и мёртвые тела. Добежав до импровизированной братской могилы, девушка упала на колени, и заплакала, гладя стволы руками. – Им же больно! Они живые! Сволочи, что вы натворили? Я из середины Леса слышала, как они от боли кричат. Вы что, глухие, или вам плевать на чужую боль?!

– Джуня, маленькая, о чём ты говоришь? – Корбин заговорил с ней вкрадчивым, ласковым голосом, каким обращаются обычно к душевнобольным, медленно приближаясь и подняв руки вверх, как бы намекая, что ей ничегошеньки не угрожает. – Это просто деревья, и ничего больше. Пойдём домой, Корнелиус себе места не находит, Полин тебе отварчик даст, ты успокоишься, поспишь...

– Корбин, деревья – ЖИВЫЕ. – Джурайя взяла себя в руки и пыталась говорить спокойно. – Не веришь мне – спроси этих ушлёпков с луками. – Корбин сурово посмотрел на "ушлёпков" и они усиленно закивали головами, как поднебесные болванчики. – И чем быстрее ты заткнёшься и начнёшь помогать, тем лучше будет для всех. И своим зомби скажи, кто левитацией владеет. Вы сейчас будете ОЧЕНЬ АККУРАТНО поднимать стволы и левитировать их к пням, каждый к своему... Я подскажу, куда, – названные обидным словом "зомби" ученики Корбина недовольно зароптали, ища поддержки наставника, но он лишь цикнул на них, подтверждая полномочия наглой бешеной девицы распоряжаться ими и солдатами. – Лечить буду я. Ушлёпки будут помогать. – Стоящий поодаль Верховный скривил презрительную рожу и отвернулся. В тот же момент тонкие сильные пальцы подскочившей к нему девушки вцепились ему в горловину одеяния, а у горла возник светящийся клинок Белого Пламени.

– Я сказала ушлёпки будут ПОМОГАТЬ!!! – сквозь зубы выдавила взбешённая Джурайя, сверля Верховного побелевшими глазами. – А кто не будет помогать, будет завидовать вот ЭТИМ... – она потрянула головой в сторону трупа. В тот момент от одного её вида невозмутимого Корбина вдруг передёрнуло, как от озноба. – И не нервируй меня, мразь. – бросила девушка, отпуская трясущегося Верховного. Она повернулась к Корбину с волчатами, приподняв бровь в удивлении, что никто ещё не приступил к работе.

– Исполнять! – коротко гаркнул Сам и первым поднял лежащий сверху ствол.

– Опусти вон там, – досадливо поморщилась Джурайя, махнув рукой в сторону поляны. – Это просто дерево – неужели не чувствуешь?

Он и вправду не чувствовал, не видел никакой разницы между валяющимися в беспорядке стволами, и от этого нападки девчонки были вдвойне обиднее. Он сжал зубы, чтобы не сказать лишнего, и покорно начал высвобождать узловатый ствол ЖИВОГО, если верить этой малахольной и её родственникам, лесного исполина.

Настоящих, живых деревьев, из тех, кто подвергся уничтожению, было не так уж и много – не более двухсот на несколько тысяч, но и с ними работы было под завязку. Попытки недовольных учеников распахать стволы на первые попавшиеся пни не увенчались успехом. Джурайя лично контролировала не только КУДА, но и КАК ставить дерево.

– Дибиллоид! – рычала она на заартачившегося волчонка, который и так с трудом удерживал огромное дерево, которое Джурайя теперь требовала повернуть, как было. – Я тебя сейчас

пополам разрежу и сидалищем вперёд приставлю. Понравится? Вот и ИМ не нравится. Ты, уродец малолетний, и так им достаточно боли принёс. Давай, искупай вину непосильным трудом...

Сама Джурайя работала на износ, торопясь, пока ещё живы кроны, пока есть надежда спасти дерево. Исцелённые деревья теперь щеголяли бугристым рубцом на месте среза и благодарно шелестели остролистыми серебристыми кронами. При полном безветрии. Иногда Корбину казалось, что он слышал в шелесте листьев нечто обидное в свой адрес, и, ПрОклятый его задери, если Джулька каждый раз не усмехалась себе под нос. Эльфов она рассаживала так, чтобы вокруг каждого из них было пять-шесть излеченных стволов, и требовала с полной отдачей насыщать их целительной силой, заставляющей бежать по ветвям древесные соки. Она без труда вычисляла халтурщиков, создававших видимость усиленной волшбы, но не тративших ни капли сил. Один раз Корбин наблюдал расправу над таким прохиндеем – под его задом с треском вспыхнула искра, бедолага подлетел, как ужаленный, на пару локтей вверх и грохнулся вниз на многострадальную точку опоры. Он хотел было возмутиться, но, кожей почувствовав взгляд адских глаз, резко передумал и с энтузиазмом принялся делиться донорской силой с подопечными.

– Тебе нужно отдохнуть, сейчас свалишься, – впервые с начала работы обратился к Джурайе Корбин. Видок у неё и впрямь был неважный – на сером лице ввалившиеся глаза мерцали бело-голубым сиянием, искры пробегали по волосам и рукам. Движения стали отрывистыми и неловкими.

– Некогда, – нетерпеливо отмахнулась девушка, нервным жестом откидывая волосы с лица. – Если крона начнёт гибнуть, дерево не срастётся. Их слишком мало, я не могу позволить им умереть. Я только что нашла этот Лес, из-за меня он пострадал. Если не хочешь, можешь не помогать. Дальше я сама могу справиться. – она развернулась и пошла к ожидающему своей очереди пациенту, конечно же, поставленному задом наперёд! – Идиота кусок! – крикнула она, обращаясь к еле стоящему на ногах волчонку. – Разверни против часовой стрелки, да не так, блин, косорукое создание. Ничего не делай, я сейчас подойду...

Дело нашлось и для солдат – в их обязанности вменялось подвязывать треснувшие ветви, и они теперь лазали, как обезьяны, увешанные нарезанными на бинты шелковыми полотнами, по узловатым стволам, с опаской поглядывая на Джурайю. Ещё в начале работ Корбин просветил их, что это – новый воспитатель группы девочек, а это, в купе с тем, что сам он беспрекословно подчинялся её вздорным приказам, вызывало у лишённых магии парней суеверный ужас перед её могуществом: поставить раком Самого Корбина – это вам не в тапки гадить.

Когда все деревья были приведены в присущее порядочному дереву вертикальное положение, оказалось, что необходимо прибраться, а заодно и удобрить почву. Мощным импульсом с четырёх сторон Корбин, Джурайя и пара ещё стоящих на ногах волчат в одно мгновение превратили свалку "просто деревьев" в кучу золы, которую равномерно разнёс по участку сам уже порядком злой и уставший граф. Ему, как воздушному магу Высшего ранга, совершенно не трудно было организовать маленький смерчик, который, повинувшись руке своего создателя, и выполнил всю грязную работу. Обессиленные эльфы вповалку валялись на посыпанной золой земле. Но уйти опять не удалось.

– Все за мной, – коротко скомандовала Джурайя, которая двигалась, похоже, на одной вредности, а по логике вещей должна была валяться без сил под кустом, и энергично зашагала в сторону дома Верховного Эльфа, стоящего под сенью ветвей того самого дерева, за которым пыталась укрыться от навязчивого Верховного. Зондер-команда графа де'Карри, пришедшая в этот Лес бодрым строевым шагом, теперь плелась в кильватере новоявленной

командирши. Даже у самых сильных в магическом плане волчат самым безобидным симптомом было головокружение и зверский голод. Тех, кто послабее, буквально тащили под руки.

Ввалившись на полянку перед домом Верховного, все буквально повалились на землю, блаженно впитывая всей кожей силу, струившуюся, казалось, отовсюду, и, в отличие от других мест силы, мягко и ненавязчиво. За тонкой тканью занавеси мелькнуло надутое лицо Верховного Эльфа, левая сторона которого подозрительно напоминала цветом спелую сливу. Корбин, почти всё время незаметно для Джурайи подпитывающий её донорской силой, чувствовал себя выжатым, как лимон. Больше всего он сейчас хотел взвалить её на плечо, как мешок, и силой утащить в замок Корнелиуса, но теперь, в свете последних событий, приходилось беречь её нервы. Он с раздражением наблюдал, как девушка подходит к гигантскому дереву, обнимает его за ствол, прижимается лбом к шершавой коре. Зарраза, думал он. О себе не думает, хоть бы о ребёнке позаботилась. Порченная кровь, эльфийская, что с неё возьмёшь. Упёртая, как коза. Как я с ней жить буду?!

Джурайя в это время вполне внятно заговорила, и то, услышал Второй Паладин Ордена Неприкасаемых, было для него, издавшего виды, шоком.

– Я исправила, что могла. Тебе очень больно? – спрашивала она явно то самое дерево, которое обнимала, как родное. Дерево шелестело в ответ листьями в условиях полного безветрия, а девушка внимательно прислушивалась. В какой-то момент её лицо разгладилось, девушка улыбнулась. – Ну и ладненько. Верховному я скажу, чтобы понты не колотил. Его снимают с должности. Не переживай, будет ерепениться – сделаю ему омлет. Из его собственных яиц. Лаллиэль? Ты ему доверяешь? Ладно. Передам. – Джурайя повернулась к Лаллиэлю, который приобрёл вместе с людьми и теперь сидел недалеко, потирая виски. – Эй ты, как тебя там, иди к Верховному и заberi ободок и палочку... тьфу, Обруч и Посох Власти. Ты теперь главный, но под моим контролем. А Верховному передай, будет выделяться, Лес лишит его не только магии, но и разума. Он знает, что Лес это может. А я все силы приложу, чтобы он это СДЕЛАЛ. – и она опять повернулась к дереву. – Я устала, да и волчата Корбина тоже. Можно мы ОТСЮДА домой пойдём?

Джурайя оторвалась от ствола, и прямо перед ней маленьким вихрем открылся портал телепорта. По ту сторону портала явно проглядывала трапезная. Джурайя решительно махнула рукой и шагнула к нему. Её шатало уже очень явно, но она пыталась не показать своей слабости. Гордая, зло сплюнул Корбин себе под ноги. Придётся подвезти. Он первым вскочил на ноги, легко забросил опешившую девушку верхом себе на плечи и повернулся к своему отряду.

– Вам что, особое приглашение нужно? Па-а-адъём! Обжирать Корнелиуса – шагом марш!

Корнелиус

"Как долго... Почему они так задерживаются? Может быть, что-то случилось? А если случилось, то почему Корбин не вызвал подкрепление по кристаллу? Нет, скорее всего, всё в порядке, а он, Корнелиус, просто накручивает себя. Всё больше и больше стариковских черт появлялось в его характере. Это всё из-за несносной девчонки!", – объяснял сам себе своё поведение старый маг. Она просто притягивает к себе неприятности. А он переживай. "Не удивлюсь, – думал он, – если из этого приключения и Корбин придёт седым".

– Ну, обормот! – раздался зычный вопль Полин из трапезной. Корнелиус прислушался. Обормотом традиционно был только Корбин. – Всю ораву притащил, да заморенные какие! Хоть бы предупредил, я бы заранее накрыла. Теперь вот сидите, ждите, пока еды натаскаяю.

Корнелиус бегом пустился на голос кухарки, и спустя минуту перед его глазами возникла чудная картинка: толпа голодных волчат де'Карри рассаживалась за столами, а руководил лично Корбин, причём на его шее, болтая ногами, сидела Джурайя.

– Может, пристроишь меня где пониже? – обратилась наездница к графу, исполняющему обязанности коня.

– Не упадёшь? – озабоченно спросил Корбин.

– Со стула – нет. А вот на тебе у меня уже голова кружится.

Корнелиус бросился к ним с тем вопросом, что крутился в его голове последние часа три:

– Почему так долго?!

– А вы бы, учитель, свою ученицу спросили... – ворчливо отозвался Корбин, крикнув, снял с плеч Джурайю, очень аккуратно посадил её на стул и сам плюхнулся на соседний. –...Для чего она генеральную уборку и политический переворот в Зачарованном Лесу за полдня решила проверить?

– Кое-кто сильно намусорил, а за собой убирать надо, – устало отозвалась Джурайя. – Есть живая вода? Я бы попила да поспала...

– Угу, – воззрился на неё Корбин. – А есть кто будет? Пока не поешь, спать не ляжешь! Корнелиус, ты бы проконтролировал, а то я ближайшие полчаса-час буду очень занят.

Он нехотя поднялся и направился к выходу. Корнелиус вопросительно посмотрел на него.

– Пойду жрачку левитировать из кухни – не Полин же на всю толпу таскать будет, – объяснил своё поведение Корбин.

– Ладно, подожду тебя в кабинете, – вслед ему бросил Корнелиус, ободряюще погладил по плечу Джурайю и вышел из зала.

Джурайя терла глаза, а они всё никак не желали открываться. Из кухни влетели первые две посуды – с мясом и гарниром, источающими неземной аромат. Желудок требовательно заворчал, рот наполнился слюной, а глаза сами собой открылись и загорелись голодным блеском...

Новости разносятся быстро, тем более, если их ждут с нетерпением. Поэтому, не успели гости засунуть в рот по первому куску мяса, как в трапезную влетели Адрис и Элька. Они мгновенно оккупировали Джурайю, заваливая её вопросами, одновременно запихивая ей в рот разные вкусности, не перестающие вливаться в помещение, заполненное толпой голодных подростков. Как говорить и одновременно жевать, Джурайя ещё не разобралась, поэтому нечленораздельно мычала и активно жестикулировала. С трудом проглотив первую порцию, она жалобно попросила:

– Ребята, я вам потом всё расскажу! Есть хочу дико, а спать ещё больше. Давайте завтра... Или Корбина что ли расспросите. Он там тоже был...

Едва попав в свою комнату, она плюхнулась на кровать и уснула, скорее всего, ещё в полёте. Раздевала и укрывала тело в отключке заботливая Элия...

Корнелиус опять мерил шагами свой кабинет, в раздражении думая о том, почему ему всегда приходится чего-то ждать. Сначала чтобы вернуться, теперь вот – пока наедятся...

...Дверь в кабинет тихо отворилась и дверном проёме появился до боли знакомый силуэт в чёрной мантии. Корнелиус тоскливо вздохнул. Бедный мальчик! Он так хотел отдохнуть! И потянулся за кристаллом. А дольше произошло то, чего он ожидал меньше всего...

Некромант плюхнулся на пол и, шустро перебирая конечностями на манер таракана, заорал:

– Только не зови своего ученика, Корбольд! Умоляю! Я пришёл предупредить тебя – Фан в столице. Она приходила ко мне, заставляла работать на неё. Она хочет уничтожить Корбина и тебя заодно. Вы оба ей как заноза в заднице. Она шантажировала меня тем, что выдаст вам, где я прячусь. Я решил сам прийти. Только обещай мне, что не будешь звать Корбина, сначала объясни ему, ДЛЯ ЧЕГО я здесь. Я, Гроссмейстер, валяюсь у тебя в ногах, униженно моля о пощаде. Я жить хочу! А если я буду делать за Фан грязную работу, мне точно не жить... Дай мне шанс, умоляю!

Корнелиус устало опустил в кресло.

– Встань, смотреть противно... Чего разорался-то? Корбин в замке, услышит твои вопли и сам прибежит. Фан в столице? Знаю, Кори её уже видел, оскорбил и доложил мне. Это он специально. Убивать тебя я не собираюсь. По крайней мере, сейчас. Знаешь ведь, рука не поднимается на поверженного врага.

Цень недоверчиво поднялся, отряхивая мантию. В это время раздался треск открывающегося телепорта и прямо на стол вывалился Древний... Корнелиус застонал, как от зубной боли, прикрыв глаза ладонью.

– Только тебя здесь не хватало!...

Некромант, осознав КТО перед ним выпал из фиолетового дымного телепорта и опешил – древнее зло, Титаны, вернулись на землю!

– Я спасу тебя, Корбольд! Чтобы ты спас меня! – крикнул он и выбросил вперёд руку с посохом.

Фауль дёрнулся и... слез со стола...

Некромант позеленел и упал на пол...

Дверь с треском распахнулась, и в кабинет влетел Корбин...

Древний кинулся под стол с криком: "Только не ремнём!!!"...

Корбин одной рукой схватил некроманта за шею, поднял и стукнул его об стену...

– Отпусти его, Кори, – не отнимая руки от лица, глухо выдавил из себя Корнелиус. – Он предупредить пришёл, что его Фан завербовала тебя убивать. Никогда не думал, что скажу это...

Корбин разжал руку, и злосчастный некромант брякнулся об пол, мгновенно забился в угол и теперь поблёскивал из него глазами, полными ужаса.

– Вылезай, паршивец. Я тебя видел, – не поворачиваясь, командовал Корбин.

– А ты драться не будешь? – опасно проблеяло древнее зло из-под стола.

– Сразу нет. А вот когда объяснишь, что ты здесь делаешь, может и буду.

Фауль выбрался на свет божий и два мага обомлели – перед ними стоял идеальный солдат в военной форме цвета хаки, постриженный почти под ноль и подпоясанный толстым ремнём с огромной бляхой в виде волчьей головы. Форменные штаны были заправлены всё в те же нелепые ботинки с круглыми носами на толстой ребристой подошве, только теперь они были зашнурованы чёрными кожаными шнурками.

– Вольно! И как это понимать? – скептически оглядев стоящее навтыяжку чудо, спросил потрясённый Корбин.

– Возьми меня в ученики! – выпалил осмелевший Фауль, глядя с такой надеждой на мага-война, что тот от неожиданности прикусил себе язык. – Я же сильный! У меня магия особенная! Я полезный! – канючил двухметровый подросток. – Ну они же меня там ничему не учат, я ведь может быть от скуки такое вытворяю, а если ты меня возьмёшь в ученики, я знаешь каким послушным стану! Только возьми, ну пожалуйста! Ну чего тебе стоит!!!

Корбин глянул на Корнелиуса. Всё так же прикрывая глаза рукой, маг дрожал мелкой дрожью. "Плачет? С чего бы?" – пронеслось в голове верного ученика. Дрожащая рука упала на стол, и стало видно, что Корнелиус закатывается в беззвучном хохоте, трясаясь всем телом. Кое как успокоившись, старик вытер слёзы с глаз.

– Ну и чего ломаешься? – спросил он бывшего ученика. – К тебе что, каждый день Древние в ученики набиваются? Будешь брать его с собой на переговоры, так тебе что угодно отдадут, лишь бы ты своего ученичка с цепи не спустил.

– Так он же, зар-р-раза, опять из дома сбежал! А я предупреждал, – он угрожающе посмотрел на мающую в ожидании ответа серую фигуру. – Предупреждал?! – Древний явно струхнул и дёрнулся обратно к столу.

– А чего это с ним? – Корбин ткнул пальцем в Ценя, сидевшего в углу и цветом всё больше и больше напоминающий несвежие щи.

– М-м-магия Д-древних... – пролепетала гроза поднебесной. – Сила чуждая человеческой природе. Ох, плохо мне...

– Сам сдохнешь, или помочь? – человеколюбиво спросил Корбин, глядя на страдания некроманта, схарчившего по глупости малую толику несъедобной силы Фауля.

– Н-н-не н-надо. Я тихонько посижу, само пройдёт.

Осмелевший Древний отлепился от спасительного стола и теперь с огромным любопытством, как экзотическое насекомое, рассматривал сидящего перед ним Ценя.

– Чё, правда некромант? Круто! В Конклаве Семи Миров их давно всех повывели, а у вас они, значит, ещё бегают?

– Уже не бегают... – задумчиво ответил граф.

Лорд Корбин

Корбин злился. Нет, не так. Корбин **ОЧЕНЬ** злился! Мало того, что ему приходится постоянно вытаскивать буквально влипающую в неприятности девчонку, как будто у него дел других нет, так еще и прихоти ее непонятные исполнять приходится. Деревья у нее живые, понимаешь! Мыслящие! Каких грибов она в этом лесу объелась?

И, вроде, все так хорошо начиналось, в четком соответствии с задумкой. Пришел, припугнул эльфов... Они там что-то завохтали, конечно, но воевать не рискнули, так что дело закончилось парой десятков убитых лучников, которые не успели убраться с пути гигантских магических циркуляров, да четверых магов, тщетно пытавшихся врезать по нападающим чем-то неудобоваримым. Корбин, кстати, так и не смог понять, чем – просто не успел, ученики расстарались, превратив непонятливых магов в хорошо прожаренный гуляш. Так что сделали эльфы в штанишки, да и выпустили Джурайю в бешеном темпе. А то, ишь ты – маг им нужен боевой. Своих выращивать разучились – чужого сперли. Ну, не совсем чужого и не совсем боевого, если вдуматься, но все равно сперли.

Так вот, выскочила Джурайя из леса – волосы растрепаны, глаза горят, не пойми что, в общем. То ли женщина, то ли фурия... Корбин даже залюбовался невольно – все-таки красивая она была в тот момент какой-то дикой, непривычной красотой. Ну а потом началось.

То, что Джурайя в шоке, Корбин понял сразу, но причину этого шока оценил неверно. Вначале-то он решил, что девушка такая дерганая от того, что ее впечатлили частично обугленные, а частично расчлененные трупы эльфов, но когда она перешагивала через них, как через деревяшки, а о деревьях, наоборот, заговорила, как о живых... С этого момента в состоянии легкого шока пребывал уже граф.

Нет, он всего ожидал, но того, что его, ЕГО, графа де'Карри, заставят работать садовником... И ведь не откажешься – беременные женщины вообще существа бешеные, а Джурайя и раньше голубиной кротостью не отличалась. К тому же нервировать беременных просто нельзя – отрицательно скажется на будущем ребенке. Один момент Корбин всерьез подумывал о том, чтобы скрутить Джурайю и силком утащить ее домой, но, подумав, решил, что сделает только хуже. Вот и оставалось смиренно помогать с лесопосадками, грозно порывая на учеников, чтобы не умничали, да подпитывать ее потихоньку силой...

Правда, один раз пришлось отвлечься. Он как раз при помощи левитации удерживал на весу здоровенный ствол дерева абсолютно незнакомой ему породы, а тут подошел какой-то эльф в одежде цветов правящего Дома и начал что-то нудеть. Корбин к его словам абсолютно не прислушивался, а когда эльф требовательно подергал графа за рукав, всерьез испытал соблазн ткнуть эльфа по голове тем самым деревом. Что он эльфу и объяснил тремя словами и энергичным жестом. Однако эльф не отстал, и граф поневоле вынужден был вступить в разговор. На его вежливое "Что надо, придурок?" он с удивлением получил ответ, что с ним собираются обсудить условия, на которых отпустят Джурайю. Это что же, побежденные собираются ставить ему условия?

Получив утвердительный ответ, Корбин впал в задумчивость. Думал он долго, секунд пять, и вопрос был важным – считать себя оскорбленным или нет. По всему выходило, что его пытаются не уважать. Обидеться, что ли?

Проследив взглядом красиво летящего от молодецкого удара эльфа (локтей на пять унесло,

бедолагу, и притом безо всякой магии, интересно, челюсть осталась целой, или как), граф собрался было вернуться к работе, но тут обратил внимание, что семеро лучников, сопровождающие говорливого переговорщика, синхронно захлопнули рты. Ну, что захлопнули – это понятно, удивление прошло, но зачем же за луки-то хвататься? Корбин нахмурился...

Р-раз! Вся семерка закачалась в паре локтей от земли, подвешенная за ноги и не в состоянии шевельнуть даже пальцем. Луки из их рук оказались вырваны и моментально изломаны на кусочки. Но вот вид у эльфов, когда они обнаружили, что их скрутило, был не столько испуганный, сколько обалдевший. Все правильно, они знали, что их противник – сильный маг, и были готовы и к поражению, и к смерти, однако рассчитывали на что-то стандартное. Ну, на то, что он их сожжет, разорвет на куски, обездвижит парализующим заклинанием... Хотя насчет парализующего они ошибались – все-таки менталист из Корбина был никакой. Однако менее всего они ожидали, что их скрутят той самой магией, в которой признанными экспертами считались как раз они – магией живой природы.

Оставив эльфов качаться на моментально оплетших их лианах, Корбин вернулся к прерванному занятию, презрительно усмехаясь про себя. Все-таки снобы они, эти эльфы, иначе поняли бы, что магия, дающая возможность управлять флорой, просто не могла пройти мимо серьезного боевого мага. Ведь в ней тоже были боевые заклинания, а значит, по мнению Корбина, этот ее раздел подлежал обязательному изучению.

Всему в этом мире приходит конец, даже самому скучному и неприятному. Пришел конец и лесовосстановительным работам. Однако домой Джурайя не торопилась – вместо этого она зашагала напрямик вглубь леса. Мысленно покрутив пальцем у виска, Корбин последовал за ней. Лучше бы не следовал – создалось впечатление, что с ума сошел теперь уже он сам. Джурайя, такое впечатление, действительно разговаривала с деревьями, и они, похоже, ее слушали. Интересно, это он уже надумал себе этот бред, или мир куда сложнее, чем видится с колокольни боевого мага? Правда, кое-какой багаж знаний в бездонную копилку Корбина этот краткий вояж все-таки принес. Как оказалось, деревья, которые Джурайя так активно сращивала, росли группами, и каждая такая группа была привязана к Месту Силы. Интересный факт, однако Корбина он не слишком волновал – куда больше его заботило то, что Джурайя еле стояла на ногах, большинство его учеников – тоже, а солдат и наиболее обессилевших молодых магов он уже отправил в замок, сотворив для этого портал. Сам Корбин тоже был не в лучшем состоянии, и его непрерывно глодала мысль, что эльфы могут и очухаться от полученной плюхи, и начать делать что-нибудь малоприятное. К счастью, ничего не произошло, но Корбин, как только Джурайя закончила, все равно немедленно сотворил портал в поместье Корнелиуса и, подхватив девушку, чтобы она, упаси Единый, опять не придумала себе повода задержаться, немедленно провел эвакуацию. Уже уходя в портал, он вспомнил, что так и оставил тех эльфов качаться на ветвях, но возвращаться из-за такой ерунды, разумеется, не стал.

Хорошо хоть, портал был достаточно мощный и с измененной структурой. Фирменная разработка самого Корбина – когда он занялся своей школой, перед ним возникла задача обеспечить переброску большого количества магов. Пришлось думать, как безбоязненно и быстро проводить их через традиционно опасный для групп магов портал. Решить этот вопрос он сумел, но секретом столь полезной в военном деле новинки ни с кем не делился.

Вообще, интересно получилось. Не один десяток опытных магов-ученых пытались решить проблему порталов. Как правило, они заканчивали работу на стадии теоретических расчетов, доказывающих, что это невозможно, ну, или на паре-тройке экспериментов, приводивших к тому же результату.

Корбин ученым не был – он был практиком, причем практиком военным. В теории порталов он

разбирался на уровне школы, то есть мог их открывать и закрывать. Все! Однако задача была поставлена, ее надо было решать – и он ее решил, эмпирическим путем найдя решение, теоретически считающееся невозможным. Не такое и сложное решение, кстати. Вот только глодал его червячок сомнения – а вдруг он не один был такой умный. Почему бы и другим не заняться тем же, а получив результат, просто не придерживаться его, подобно самому де'Карри, для личного пользования? Ну а теорию... Теорию потом самим же и подправить, чтобы другие этим не занимались.

Вообще-то, Корбин намеревался отправиться к себе в замок, а оттуда уже переправить Джурайю к Корнелиусу, однако, подумав, решил переиграть. В конце-концов, он вкалывал? Вкалывал. Ребята его вкалывали? Вкалывали. Имеют они право на маленькое вознаграждение? Без сомнения. Ну так пускай Корнелиус хотя бы ужином их накормит. К тому же, здесь готовят лучше, чем в его замке. Примерно так он и объяснил ворчащей Полин, помогая ей переправлять в трапезную огромные подносы, заставленные едой и напитками. Полин по-прежнему продолжала ворчать, однако с доводами Корбина в душе, похоже, была согласна. И вообще, хотя она и очень хорошо относилась к Джурае, но возникшая у девочки в последнее время привычка влипать в неприятности старую кухарку немного раздражала. Да и Корбина, который ее раз за разом вытаскивал и сейчас, похоже, в очередной раз еле стоял после такого приключения на ногах, ей было откровенно жаль.

Закончив с левитацией, Корбин обратно в трапезную не пошел. Здесь, на кухне, было тепло, уютно, и к тому же сидение здесь чем-то напоминало детство и молодость, когда он еще не был ни могучим магом, которого никогда не видевшие его люди боятся просто из-за его репутации, заочно, ни богатым и влиятельным вельможей. Был тогда совсем молодой человек, который мог наплевать на условности, и перед которым был открыт огромный сияющий мир, полный тайн и загадок. В очередной раз Корбин ощутил груз прожитых лет – маги живут долго и редко страдают от плохого физического состояния, но тяжесть воспоминаний еще никто не отменял. Память милосердна, она отторгает самое страшное и тяжелое, но все равно... Счастлива Джурайя – она молода, как когда-то был молод сам Корбин. Сейчас ее мелкие проблемки кажутся ей огромными, затмевающими весь мир, но ведь, по сути, с проблемами она по-настоящему еще практически не сталкивалась, а те, что были, разрешались достаточно легко. Прибегали друзья, выдавали очередным обидчикам порции свежих люлей, вытирали ребеночку сопли... Как сегодня, например. А Корбину когда-то пришлось ломиться по жизни самому. Об этом мало кто знал, но если бы не Прим, изрядно подлечивший его в свое время и еще не раз лечивший после, сейчас тело графа покрывала бы жуткая сетка шрамов. Даже Корнелиус не в курсе, что когда-то его сын буквально чудом спас Корбину глаза, страшно обожженные близким взрывом, пробившим защиту, а потом еще вырастивший заново три пальца на левой руке, этим самым взрывом оторванные. Они тогда решили, что не стоит волновать старика, а ведь Корнелиус в последнее время стареет буквально на глазах...

Корбин сидел, размышлял, механически поглощая пищу и даже не замечая, что он ест. Остановился он, когда поймал себя на том, что с интересом рассматривал изящную фарфоровую чашечку, прикидывая, с какой стороны лучше откусить. Окинул взглядом стол, на котором не осталось ничего съедобного, посмотрел на ехидно усмехающуюся Полин, погладил надувшийся, как барабан, живот... Да, это он удачно зашел.

Когда Корбин вернулся в трапезную, Джурайи там уже не было. Наелась и ушла спать, как ему объяснили. Его же ребятки, набив животы, вальяжно развалились на стульях, и теперь, как могли, выделялись перед такими же, как они, молодыми учениками Корнелиуса. Точнее, не столько учениками, сколько ученицами – в последний раз старый маг все-таки взял еще двоих соплюшек. Что интересно, набирал-то учеников и учениц одновременно для себя и для Корбина, но для себя оставил тех, кто тянул, в перспективе, на второй ранг, тех

же, что были послабей, отправил в замок Карри, боевой магии учиться. Контраст между ними сейчас был разительным. Мало того, что ученики Корбина, благодаря постоянным тренировкам, оказались заметно выше сверстников ростом, шире в плечах и мускулистее, они еще и в магии были сильнее. Вообще, Корбин заметил, что оперирование большими и при том разнообразными энергиями дает очень интересные результаты. Во-первых, его ученики развивались быстрее, чем у Корнелиуса. Те сейчас и на четвертый-то ранг едва тянули, причем не все, а у Корбина добрая, точнее, злая половина уже имела третий. А во-вторых, некоторые, кстати, тянули уже и на второй, о чем Корбин благоразумно помалкивал до поры. А ведь Корнелиус считал, что до второго ранга никто из них не дотянет в принципе. Больше того, Веллер недавно сдал на первый ранг. С трудом, конечно, вытянул, скрипя зубами от натуги – но ведь сдал! Все это наводило на интересные мысли, но их Корбин держал пока при себе – мало ли, вдруг потом пригодится.

Как бы то ни было, сейчас ученики Корбина по всем статьям выигрывали у рыхловатых домашних мальчиков Корнелиуса. Теорию они, может, знали и похуже, но когда один из них, рисуясь перед дамами, достал меч и начал эффектно крутить восьмерки, перебрасывая клинок из руки в руку, сразу стало ясно, что в деле покорения женских сердец теоретики – не конкуренты. Девчонки млели, глядя на бесплатное шоу, а ребята скрипели зубами от негодования, но не влезали, резонно рассудив, что этот самый, с мечом, как приехал – так и уедет, а они-то останутся. Так что незачем нарываться, рискуя получить в глаз, лучше просто подождать. Наивные – этот мальчик уже освоил порталы, которые ученики Корнелиуса будут изучать еще не скоро, так что, если захочет, явится сюда в любой момент. Корбин, помня молодость, на самоволки смотрел сквозь пальцы – главное, чтобы делу не мешали да не попадались, а пар мальчишкам все равно как-то надо выпускать.

Граф аккуратно тронул ближайшего ученика за плечо и негромко сказал:

– Отдыхайте пока, но без драк и без шума.

– Слушаюсь, Учитель.

"Вот я уже и Учитель", – почему-то горько подумал Корбин. Сейчас он чувствовал себя стариком на этом празднике жизни. Чуть ссутулившись, он вышел из трапезной и бездумно побрел по коридору. Однако рефлексы никуда не делись – ноги сами, независимо от разума, вынесли его к кабинету Корнелиуса, еще толком не отстроенного после памятной драки. Именно в этот момент да него донесся отчаянный вопль.

В кабинет Корнелиуса Корбин влетел, подобно снаряду, выпущенному из катапульты. Первое, что он увидел, был некромант, почему-то с лицом непонятного цвета, какими-то неуверенными, дергающимися движениями поднимающийся с полу, а также нечто большое и серое, с нечленораздельным визгом прыгающее под стол. Прежде, чем граф успел сообразить, что же происходит, тело уже сделало все само. В левой руке сформировался любимый Корбином шарик сжатого воздуха. Правая рука, подобно атакующей кобре, метнулась вперед, пальцы зафиксировались на горле некроманта. В следующий момент оказавшийся неожиданно легким старикашка брякнулся об стену и, прижатый к ней, весело дергал в воздухе ногами, не в силах дотянуться до пола, и безуспешно пытался что-то проскрипеть. Оставалось только чуть-чуть сжать пальцы...

Остановил его голос Корнелиуса, требующего немедленно прекратить убивать ценный источник информации. Ну, хозяин – барин. Корбин разжал пальцы, и некромант брякнулся на пятую точку, после чего задом-задом, на манер пресноводного зверя-рака, отполз в угол и затих. Только челюсть его мелко-мелко дрожала, заставляя зубы стучать не хуже идальгийских кастаньет. Оставалось разобраться с тем, кто сидел под столом.

Корбин, продолжая наблюдать за некромантом, скомандовал подстольному жителю вылезать. Испуганный голос, промяукавший в ответ пожелание остаться живым и небитым, показался ему смутно знакомым, но кому он принадлежал, Корбин сообразить не мог. Пришлось ответить нейтральной фразой и все-таки посмотреть, кого это ПрОклятый сюда занес. Оказалось – Древнего.

Нет, ну это надо же – Древний, который сам просится в ученики... Нонсенс. Ладно, это можно будет обдумать потом. Пока же стоило заняться некромантом.

– Чё, правда некромант? – о, это опять Джураин папашка. Не повезло ей с родственничками.
– Круто! В Конклаве Семи Миров их давно всех повывели, а у вас они, значит, ещё бегают?

– Уже не бегают... – задумчиво ответил граф. – Учитель, тебе некромант в каком качестве нужен-то?

– Не знаю. Смотря что скажет...

– Слушай, может, мне его все-таки убить? Не нравится он мне что-то, того и гляди – какую-нибудь пакость сделает.

– Не надо...

– Молчи, придурок старый, тебя не спрашивают. Корнелиус, мне кажется, ничего интересного он сказать не может.

– Ну, сейчас проверим.

– Проверяй. А потом я его все-таки прибью. На всякий случай и во избежание...

– Корбин, ну почему ты такой кровожадный?

– Не мы такие, жизнь такая.

– Так ведь он тогда из вредности ничего не скажет. Зачем ему говорить, если все равно умирать?

– У меня – скажет, – довольно ощерился Корбин. – Есть ведь разница в том, КАК умирать. Сейчас, только учеников свистну – пускай поучатся, раз такая оказия выпала. Пользительный со всех сторон опыт... А ты пока распорядись, чтобы слуги малый допросный набор притащили, а то он у тебя в подвале, небось, вообще уже заржавел. А можно, кстати, и большой набор, так будет даже интереснее. Только придется ремни на дыбе заменить... Ну и жаровню пусть не забудут. Куд-да, сволочь?!!

Ну, последние слова – это уже некроманту, на четвереньках кинувшемуся прочь из комнаты. Похоже, такой способ передвижения начал входить у Ценя в привычку. Ловко сцапав убегающего за шиворот, Корбин поднял его в воздух, посмотрел в побелевшие от ужаса глаза и ласково улыбнулся. От этой улыбки некромант побелел еще больше. Граф повернулся к Древнему:

– Ну что, мой юный ученик... Точнее, кандидат в ученики. Ты и впрямь хочешь стать боевым магом?

Древний кивнул, но уже как-то неуверенно. Похоже, до него начало доходить, что что-то здесь не так, однако Корбин предпочел не заметить эту неуверенность во взгляде и движениях.

– Ну, раз хочешь учиться, придется тебе доказать, что ты этого достоин. Сейчас я буду вести допрос, а ты – ассистировать мне. Учитель, ну где там жаровня? Так вот, мальчик, я тебе беду показывать, как вытягивать жилы, как пилить кости и как правильно и аккуратно снимать кожу... Потом ты его медленно и аккуратно убьешь. Имей в виду, что если он умрет раньше, чем через час, вступительный экзамен не будет засчитан и придется найти кого-нибудь другого и продолжать, пока ты не научишься правильно работать с материалом... Ну а потом, в качестве последнего штриха, из кожи некроманта тебе сошьют сапоги, и ты будешь их носить, пока не износишь... А им сносу нет. Так что кожу снимай аккуратно – иначе сошьют тебе сапоги из лоскутков, и они протекать будут. И еще имей в виду, наиболее качественная кожа получается, если она снята с живого некроманта...

С каждым словом Древний все больше и больше серел – похоже, это у него было аналогом то ли бледности, то ли зелени. Фраза про кожу, похоже, добила его окончательно – он бросился прочь, на ходу пытаясь открыть портал, однако тот почему-то не открылся, и великовозрастное дите забилося в тот самый угол, из которого только что сбежал некромант. Оттуда Древний наблюдал за Корбином широко открытыми от ужаса глазами. Некромант, кстати, вел себя спокойнее – он еще на середине прочувственного диалога Корбина потерял сознание и висел себе спокойно, ни на что не реагируя. Корбин между тем продолжал:

– Ну а когда, наконец, ты закончишь с кожей, надо будет отнести то, что осталось, на кухню – пускай Полин поработает. Предыдущего мы уже съели, и...

Из угла донеслись характерные звуки – похоже, Древний только что распрощался с ужином, обедом, а заодно и завтраком.

– ...и потому как раз я хочу, чтобы некромант умирал подольше – кровь успеет стечь, и мясо получится более нежным, – невозмутимо закончил Корбин.

– Перестань пугать людей, – вмешался, наконец, Корнелиус. – Ты же мальчика до нервного срыва доведешь...

– Три минуты семнадцать секунд. Почти рекорд. Я в свое время продержался чуть дольше, – улыбнулся Корбин.

– Так ведь я тебя ТАК и не пугал.

– Так ведь ОН и не человек, – в тон Корнелиусу отозвался граф. – Ладно, шутки в сторону. Фауль. Я поговорю с твоими родителями. Если они не против – возьму тебя в ученики, ну а нет – не взыщи, сам договаривайся. Учитель. Забери эту крысу и допрашивай его, сколько влезет. Но если что – сам с ним разбираться будешь. А я пока домой, а то мои ребята уже засиделись. Еще немного – и твоих задирачь начнут, а это не есть хорошо. В общем, завтра в семь – здесь. Фауль. Если не передумаешь – то с родителями. И прошу не опаздывать.

Глава 10

Джурайя

"К окну... К кровати... Опять к окну... Скрип...Скрип... С носка на пятку, опять на носок... Тяжелыми сапогами... блин! Кто здесь?" – всплывающие в голову мысли были вязкими, путаными. Сознание продиралось к реальности сквозь ворох сновидений. Сны, всю ночь

одолевающие Джурайю, был путанными и сумбурными, полные красок и эмоций, они внесли сумятицу в и без того запутанные чувства девушки, пережившей за пару дней больше, чем за прошедшие четыре года. И вот теперь кто-то в сапогах вышагивает по ЕЁ спальне ранним утром...

Джурайя лежала, свернувшись клубочком, под тёплым одеялом и ей меньше всего на свете хотелось вылезать на свет божий морозным ясным утром. "Я сплю... Неужели не заметно?! Могу я один раз после тяжёлого дня выспаться?!" – она недовольно засопела под одеялом, ещё глубже зарываясь в уютную темноту и теплоту.

– Можешь не притворяться, я знаю, что ты не спишь, – голос, раздавшийся от окна, разом согнал весь сон. Корбин! А ему-то что не спится? Сам вчера чуть не валился, спал бы да спал... Джурайя стащила с головы одеяло. – Вылазь, поговорить надо.

– А подождать твоё страшно срочное дело не могло? – недовольно буркнула она, – Если ты заметил, я не одета...

– Тебя всё ещё волнуют эти условности? После того что между нами было? – непонятно ответил Корбин.

"Он чего-то знает, чего не знаю я. Интересно что?"

– Нуу... Это ещё не повод, что бы ранним утром врываться без стука. Я планировала раньше полудня не вставать. Имею полное право.

– Ах, ну да... – граф хмыкнул под нос, – Тогда сделаем так: я задаю вопрос, ты говоришь "да" и спишь дальше. Договорились?

– А что за вопрос? – подтягивая одеяло под подбородок, осведомилась Джурайя.

– Ты согласна стать моей женой?

Веники поднебесные! Опять?! Что такое растёт в зачарованных лесах, чего он поел?

– Я тоже тебя люблю... Ты когда лес валил, грибы не ел? А листья?

Первая часть предложения совершенно не сочеталась со второй, поэтому Корбин наморщил лоб, пытаясь сообразить, в чём подвох.

– Что опять не так? Ты это себе по-другому представляла? – с сарказмом в голосе спросил многоопытный ловелас. – Учти, на коленях ползать и умолять тебя я не собираюсь. Так что давай ты не будешь корчить из себя невинность и немного подумаешь о будущем. Согласившись, ты облегчишь жизнь прежде всего себе.

– Слушай, там ещё такая травка росла, остролистная... Когда мы мусор жгли, куст случайно не спалили? Ветер в какую сторону дул?

– Ветра не было... – похоже, Корбина начинала раздражать затянувшаяся беседа. – А грибов, судя по всему, ТЫ наелась. Сначала с деревьями разговариваешь, потом беременная кочевряжишься, не так видите ли предложение сделали! Терпение у меня не бесконечное, поэтому спрашиваю в последний раз – ДА или НЕТ?!!!

– Корбин, ну в самом деле... Мы же это уже проходили. Я замуж только по взаимной любви

пойду. И вообще, почему я беременная? – чуть не плача, взмолилась ошарашенная натиском Джурайя.

– Почему? Ты сама сказала... – настала очередь Корбина удивляться.

– Я?! Упал и головой ушибся... Я девственница!!!

– Но-о-о... Тогда, на конюшне, ты сказала...

И вот тут до Джурайи наконец-то дошло, о чём таком загадочном и очень важном всё утро недоговаривает граф... Бедный, он всё это время думал, что переспал с ней, и спросить стеснялся. А тут ещё она с этой лошадью беременной масла в огонь подлила... А неслабо значит он тогда головой стукнулся... Всё таки...

Корбин в немом удивлении смотрел, как закатывается со смеху его опять несостоявшаяся невеста.

– Ло... ло... Лошадь!

– Сама ты лошадь! – вскипел уязвлённый граф. – Прекрати ржать и обзываться!

– Лошадь беременна! – выдавила сквозь всхлипы Джурайя. – Весь двор только об этом говорит, ты не слышал? Корнелиус новую породу выводит. Я наблюдаю. Беременность у кобылки протекает без осложнений!!! – Джурайя с каждым словом принимала всё более вертикальное положение, словно пытаюсь донести смысл своих слов непосредственно до мозга непонятливого собеседника. Одеяло она подхватила в последний момент, когда оно уже готово было соскользнуть на пояс, и прижав его кулаками к подбородку, уже спокойнее повторила. – Та лошадка, что мы у графа тенорского украли, помнишь? А я в штанах проснулась. Не веришь – Прима спроси, он меня сканировал. Поржал тоже от души.

В более дурацком положении Седьмой Паладин Ордена Неприкасаемых, граф Де'Карри не бывал, наверное, за всю свою долгую и насыщенную жизнь. Он тихо присел по стеночке прямо возле кровати, на которой в это время пыталась закуклиться в одеяло небеременная Джурайя. Потеряв из виду такую заметную фигуру, она перегнулась через спинку и обнаружила на расстоянии вытянутой руки Корбина, сидящего на полу и остервенело растирающего себе виски.

– Так вот чего ты с такой страшной силой кидался меня спасать? Ответственность чувствовал... За тех, с кем переспал... – в голосе сквозило неприкрытое разочарование. – Всё, расслабься. И... Дай мне в конце концов одеться!!!

Корбин вскочил и, не слыша Джурайи, стал нервно мерить шагами маленькую комнатку.

– Все знали! И молчали! Прим, зарраза, хоть бы заикнулся, что тебя сканировал!

– Он тактичность проявлял. А тебе кто сказал? Как я утром от тебя кралась, только Корнелиус с Древними родственниками видел, а их я в тот же день в известность поставила, что целомудрие блюду... – она опять хихикнула в кулак, спохватилась и покашляла, прочищая горло. Корбин бросил на неё бешенный взгляд и сжал кулаки.

– А я причём?! – возмущённо отозвалась Джурайя.

– Выходит, не при чём... Мда... А ведь сегодня на балу у короля я собирался представить

тебя как новоиспечённую дворянку и мою невесту...

То, что дальше рассказал незадачливый жених, заставило Джурайю крепко понервничать. Оказывается, бумаги, выбитые у короля во время приготовления к свадьбе, всё ещё ждали своего часа, а высший свет жаждал лицезреть свежее мясо – новенькую, да ещё и уже вышедшую из младенческого возраста. Сплетни при дворе распространялись быстрее скорости звука, и поэтому КТО и КАК выбивал дворянство для этой простолюдинки знала даже любимая болонка королевы. И именно сегодня она была официально, уже в третий раз приглашена на королевский бал. Третий отказ от королевского бала рассматривался как личное оскорбление короны, и тогда от патриаршего гнева не спас бы ни граф де'Карри, ни Корнелиус. Как незамужняя девушка она обязана была прибыть с опекуном или женихом, вот её благодетель и решил приурочить сватовство к этому мероприятию. Как всегда, поставив Джурайю перед фактом.

На бал идти желания не было, но о её, Джурайи, желании, никто и не спрашивал. Единственное, что менялось – это статус самого Корбина как сопровождающего лица, плавно трансформировавшегося из жениха в доверенное лицо опекуна. По его лицу сложно было сказать, доволен он в конечном счёте или нет, а вот на лице девушки была большими буквами написана вся гамма раздирающих её чувств – страх перед высшим светом, сожаление о потерянном на светском рауте времени и паника от того, что она идёт на бал с НИМ, совершенно ничего не зная о хороших манерах. Как на зло, оценив душевное состояние своей подопечной, Корбин удовлетворённо хмыкнул, пожелал успеть припудрить носик и очень уж сильно не затягивать корсет, и ретировался со злорадной усмешкой на наглой морде.

И тогда началась ПАНИКА... Джурайя металась по этажам в поисках ХОТЯ БЫ ОДНОГО человека, вхожего в высший свет, чтобы научиться за оставшиеся полдня хоть чему-нибудь, Корнелиус, схватившись за убелённые сединой волосы, стенал, что заказал для Джуни кучу мужской одежды и ни одного приличного платья. Элия сняла мерки с подруги и вместе с Примом и Кариной прыгнула телепортом с столицу за платьем, туфлями и всеми теми причиндалами, что так необходимы каждой приличной девушке, если она не хочет, чтобы её осмеяли на балу.

Корбину поручили пригласить лучшего парикмахера, что он и проделал с грацией носорога – не тратя времени на расшаркивания и уговоры, он просто сгрёб за шкуру личного королевского цирюльника и забросил в телепорт со словами, что если сделает лажу, то будет щеголять без уха. А если заартачится и откажется работать – будет красиво лежать в гробу с красивой красной полосочкой вокруг шеи. Главное голову подвязать, чтобы во время отпевания не отвалилась...

Изящно приглашённый мастер куртуазных причёсок оглядел скромно топчущуюся в уголке Джурайю, взял себя в руки, сотворил страдальческую физиономию (видимо при дворе понты были дороже жизни) и томно выдал: материал сырой, ни блеска, ни лоска, но он, профессионал и талант от Единого, сделает всё, что в его силах и даже немного больше, чтобы это бледное создание засияло ярче всех звёзд при дворе.

Четыре часа, проведённые наедине с королевским цирюльником, Джурайя ещё долго вспоминала в страшных снах, где ей являлся её мучитель с мучнисто-белым, обсыпанным пудрой лицом и чёрными кругами вокруг глаз, который, скаля карминно-красный рот в ухмылке и, щёлкая остро наточенными ножницами возле лица, говорил: "А вот ушки можно сделать и поаккуратнее!" обычно на этом месте она вскакивала с постели, вопя от ужаса и потом долго не могла успокоиться. Когда закончилась пытка щипцами, ножницами, бигудями и палитрой художника, Джурайя глянула в зеркало и не сразу поняла, что плящущая на неё

холёная дама с изысканными локонами и холодными глазами – это она сама. Как ни странно, краски на лице фактически не было, а та что была выглядела естественно, но шикарно. Кожа матово мерцала, глаза сияли холодным, загадочным светом, волосы струились мягкими локонам, чего никогда ещё с ними не случалось. Даже руки до самых кончиков пальцев были произведением искусства – а куда же делись те обломанные и частично обкусанные ногти и невыводимые заусенцы? Этот вопрос перестал волновать Джурайю в тот момент, когда Элька торжественно внесла платье...

Вопреки ожиданиям оно не было классическим бальным платьем на кольцах. Очень открытое сверху, оно держалось на одной единственной ляжке, перекинутой через шею, и полностью открывало спину, а вот подол свободно ниспадал вниз, как то так особенно облекая бёдра, что фигура, оставаясь тонкой, становилась необыкновенно женственной. Да и выбор цвета удивил – серо-сиреневая мерцающая ткань как будто лилась по телу, мерцая и переливаясь голубыми и белыми искрами. Когда Джурайю экипировали по всем канонам высшего света, оказалось, что совершенно некуда пристроить даже маломальский ножичек, что не могло не расстроить выросшую с холодной сталью в руках амазонку. Место нашлось – на ремнях на внутреннюю часть голени. Верхний ремень был затянут почти под коленкой и неприятно натирал нежную кожу. Туфли оказались тесноваты, и сдавленные пальцы заныли ещё при примерке.

Джурайя слонялась по большой гостиной в ожидании кавалера, пытаюсь не обращать внимания на неудобство от туфель, сквозняк, холодящий обычно закрытое тело и противный ремешок ножен, уже стёрший кожу под коленом. Погружённая в собственные переживания, она не сразу заметила стоящего в дверях с открытым ртом Корбина. А когда заметила, скопировала его выражение лица: перед ней стоял, помахивая тросточкой, одетый с небрежной элегантностью мужчина её мечты. Костюм боевого мага и военный мундир были отброшены полностью и безвозвратно – они были неуместны на этом похитителе сердец.

Первым в себя пришёл всё же Корбин – как более опытный и искушённый во всех отношениях. Он тряхнул головой, поправил виски большими пальцами рук, крутанул трость...

– Ну, и долго собираешься стоять? – недовольно процедил двухметровый денди. – Вечно вас, женщин, приходится ждать! – и вышел прочь. Джурайя пожала плечами – ей ничего не оставалось, как пойти следом...

Бальная зала поражала великолепием: высокие своды потолка были буквально залеплены светящимися шарами, постоянно меняющими цвет и интенсивность свечения. И несмотря на них, по углам создавался приятный полумрак. На лицах присутствующих была надета скучающая маска, и лишь по глазам иногда можно было определить, что именно чувствуют эти красиво одетые мужчины и женщины. Зависть, алчность, гордыня, наполняющие высший свет, создавали обстановку нездорового ажиотажа – было странно видеть, что двое любезно раскланивающихся господ готовы разорвать друг друга на клочки голыми руками. Корбин не был исключением. Он был холодно вежлив, насмешлив и отстранён, но Джурайя ясно видела, что каждого третьего, с кем он только что обменялся изящными приветствиями, он ненавидит, презирует или просто недолюбливает.

Её Корбин бросил на произвол судьбы, едва закончилась церемония знакомства юных дворянок, в число которых входила и она сама, с королём и двором. Подходя на поклон к трону, Джурайя заметила нездоровый блеск и неприятно влажный рот монарха и не смогла сдержать брезгливой гримасы, а отходя к своему месту, заметила и Корбина, со скучающим видом томящегося в обществе не меньше десятка дам всех возрастов. Он сделал ей знак рукой, и Джурайе опять ничего не оставалось делать, как подойти.

– Позвольте представить Вам, прелестные дамы, мою сегодняшнюю спутницу и подопечную. Джурайя, познакомься... – перечисленных имён она не запомнила, хотя искренне старалась. Из-за натянутых улыбок они показались девушке, далёкой от куртуазности, на одно лицо. – Ну я теперь я оставляю свою спутницу на ваше попечение и с вашего позволения отлучусь ненадолго... – и, элегантно развернувшись, скрылся в толпе.

"Тоже мне, сопровождающий, – недовольно ворчала про себя Джурайя, слоняясь по зале. – Мог бы хоть не сразу свалить. Я ж тут никого не знаю, а вот меня, похоже, знают все..." К ней подходили совершенно незнакомые люди, задавали порой очень странные и неприлично интимные вопросы. Она быстро потеряла интерес ко всем присутствующим и теперь сосредоточилась на том, чтобы на лице не отражалось ничего из того, что она испытывает на самом деле. Боль в сдавленных пальцах на ногах стала уже совсем нестерпимой, когда какой-то молоденький дворянчик предложил ей побеседовать в зимнем саду, на удобной скамеечке. То, с какой радостью Джурайя согласилась посидеть на скамеечке, привело юношу в небывалый восторг. Он захватил блюдо с фруктами, подхватил под руку не ожидающую подвоха находку и почти бегом втащил её в тот самый зимний сад, который так нахваливал. Ни девушка, мечтающая сесть и вытянуть ноги, ни её юный спутник, воодушевлённый столь быстрым согласием жертвы, не заметили пронзительного, как клинок, взгляда серых глаз Корбина Де'Карри, сверлящего их спины их другого конца бальной залы...

Что-то здесь не так, подумала Джурайя, едва присев на скамейку. Первые штук пять-шесть скамеек остались позади – кавалер, назвавшийся то ли Лексом, то ли Ленсом, просто протащил её за руку вглубь сада, представлявшего собой скорее лабиринт из розовых кустов, живых изгородей и плетущихся, цветущих и одуряющее пахнущих лиан. Некоторые скамейки были заняты разного рода парочками, честно говоря, не отличающимися добродетельным поведением. Найдя наконец подходящую, а попросту говоря самую отдалённую скамейку, кавалер наконец-то предложил даме сесть и сам примостился рядом. Он молот всякую чушь – про погоду, низко летающих птиц, про розы, лепестки которых не сравнятся с её губами, про вот этот персик, который в сто раз превосходит нежностью её кожа, и тому подобное, придвигая ближе и ближе, и как бы невзначай прикасаясь коленом к её колену, проводя пальцем по обнажённому плечу...

– Слушай, Ленс, или как тебя... Лекс? А тут и орешки есть! Угости даму – почтить пару штук, – решила занять навязчивого собеседника Джурайя. Юноша явно растерялся.

– А... чем? – он хлопал себя по карманам, пытаясь найти хоть что-нибудь, чем можно поддеть скорлупу.

– Да хоть во этом, – Джурайя приподняла подол и вытащила из ножен хорошо заточенный метательный нож. Не ожидавший такого поворота событий кавалер осторожно взял оружие и повертел в руке.

– Отличная штука! А где ты их ещё прячешь? – игриво начал он, опять придвигаясь к девушке.

– Не отвлекайся, дама желает орешков, – капризно проворковала Джурайя, послав юноше многообещающий взгляд из под тёмных ресниц. Воодушевлённый парень чиркнул лезвием по скорлупе и... распорол себе руку. На белую, выложенную мраморной плиткой дорожку полилась кровь.

– А... А-а-а...А-А-А-А!!! – заорал бедный мальчик, трясая рукой и разбрызгивая кровь во все стороны. Нож упал на плитку.

– Чего орать-то! – возмутилась Джурайя, подбирая ножик и оглядывая лезвие. Чем бы протереть? – мелькнула мысль. – Не подолом же. – Иди быстро к лекарю, их во дворце пруд пруди. Вон там видишь дверь – на ней твоя мама нарисована, как она вино пьёт. – В углу сада виднелась неприметная дверка с рисунком, на котором змея обвивала чашу на тонкой ножке – символ всех целителей. – Там точно лекарь есть. Кровь остановить сумеет. Да иди уже! – прикрикнула Джурайя, отстраняясь от летящих капель крови, – пока платье мне не забрызгал...

Незадачливый казанова скрылся за означенной дверью, и тут из-за кустов вывалила компания из трёх человек – изрядно подвыпивших и не в меру весёлых. Им давно приелись банальные вздохи на скамейках летнего сада, теперь они предпочитали более изысканные наслаждения. А что может быть более возбуждающим, чем разделить любовь прекрасной дамы на четверых? Многие дамы были очень даже не против подобных шалостей, особенно те, что легко соглашались...

– Ну что, Ленс! (А, всё таки Ленс, – отметила про себя Джурайя) Тебя можно поздравить – твоя дама не из каприз... – начал было один из них, но тут, окинув взглядом открывшуюся ему картину, застыл на полуслове. Картина была, что называется, маслом: на скамейке, возле залитой кровью дорожки, сидела изящная роковая красotka с холодными светлыми глазами и вытирала газовым платочком острый клинок метательного ножа. Подол платья на одной ноге был поднят до колена, на тонкой голени ремнями крепились ножны с клеймом гильдии убийц...

– А где Ленс? – выдавил мгновенно протрезвевший молодчик, пустив на последнем слоге предательского петуха.

Черноволосая бледная красавица стрельнула в него страшным взглядом и сказала фразу, от которой у всех троих подкосились ноги:

– А его больше нет...

Вопль, огласивший зимний сад, долетел до бальной залы как раз в тот момент, когда Корбин, не выдержав, решил проверить – чем так долго можно заниматься девственнице в зимнем саду с этим пронырой-молокососом...

Глава 11

Лорд Корбин

Да уж, такого облома Корбин в своей жизни еще не помнил. И ведь, что интересно, день начинался отлично...

Нет, с утра все начиналось неплохо. Вначале Корбин, по привычке рано вставший, открыл портал к Учителю и имел с Корнелиусом, который, похоже, еще не ложился, серьезный разговор о дальнейшей судьбе гроссмейстера. Корнелиус допрашивал старого некроманта всю ночь, однако узнать удалось крайне мало – тот просто почти не имел сведений, интересовавших Корнелиуса. Про Фан он знал только то, что та уже давно мутит воду и пылает жадой мести, но ни о ее укрытии, ни о ее нынешних возможностях не имел ни малейшего представления. Про все остальное некромант знал еще меньше – четыре последних года он вынужденно жил отшельником и контактов с внешним миром практически не имел. Впрочем, ему было не привыкать – почти тем же самым он до этого двести лет занимался.

Так что, если вдуматься, некромант оказался практически бесполезен, и вот тут-то выяснилось, что представления о его дальнейшей судьбе у Корбина и Корнелиуса принципиально различные. Корнелиус предлагал некроманта пожалеть и спрятать, а Корбин – прибить или, как вариант, выставить из дому и дать на прощание хорошего пинка под зад. Наверняка Фан уже в курсе того, что Гроссмейстер ее предал, а значит, постарается свести с ним счеты, так что получался все тот же вариант с ликвидацией, но чужими руками.

В общем, спорили они довольно долго – до тех пор, пока Корбину не пришла на ум интересная идея. Он предложил, раз уж им попался пусть самоучка, но опытный некромант-практик, не пускать в распыл и не изолировать столь полезную единицу, а использовать ее в качестве преподавателя боевой магии. Ведь боевой маг никогда не знает, на что нарвется – вдруг опять на некроманта? Пусть уж он будет обучен борьбе с этими самыми некромантами и защите от их заклинаний, так сказать, из первых рук.

Ну и потом, у Корбина было шестеро учеников, которые были просто слабы от природы. Четвертый ранг – потолок... А вот некромантия с ее нестандартным подходом к решению проблем с энергией могла позволить им добиться многого. Иметь под рукой несколько хорошо обученных боевых некромантов – это серьезно. Правда, мысли такого рода Корбин озвучивать не стал – незачем Корнелиуса посвящать в столь интимные подробности. Если что – с него взятки гладки, а что он там догадается... А он наверняка догадается... Так ведь догадки к делу не пришьешь.

Словом, с некромантом утрясли, однако, лишь только закончили с ним, как явились Древние в количестве трех экземпляров. Корбин втайне надеялся, что родители Фауля, если он подойдет к ним с просьбой поспособствовать обучению сыночка, просто сами возьмут ремни и высыплют соплу по многострадальной заднице, добавив ему немного ума и избавив тем самым Корбина от кучи проблем. Увы, папаша с мамашей отнеслись к идее сына хотя и без энтузиазма, но с пониманием, и потому явились к Корбину договариваться. Пришлось соглашаться – обещал все же, хотя Корбин понимал, что проблем ему эта ситуация еще добавит.

Отправив свежепринятого ученика в замок и поручив его заботам Веллера, Корбин вернулся в поместье Корнелиуса, где незамедлительно оккупировал кухню. Полин его, конечно, накормила, однако вновь погрозила полотенцем, чтобы решил, наконец, ситуацию с Джурайей. Вот и отправился Корбин, сытый и готовый к подвигам, прямоком в спальню к девушке. Лучше бы не ходил...

Таким идиотом Корбин не чувствовал себя уже очень, очень давно. А самое обидное было, что винить в ситуации можно было только самого себя – мысли надо формулировать четче, а курить меньше. И с пьянкой завязывать, а то это может плохо кончиться... Больше всего Корбину, если честно, хотелось кого-нибудь убить в тот момент, и каких усилий ему стоило удержать себя в руках, известно было только ему самому.

Что же, пришлось признать очередное поражение и уйти. Единственное, что позволил себе Корбин – это шпильку насчет бала. Приятно было наблюдать за метаниями, которые начались в особняке. Вот и сидели они с Корнелиусом, пили вино и посмеивались.

Фокус был в том, что приглашение на бал для женщин традиционно шло от королевы, а королева была в курсе ситуации. Ну да, все логично, мужчин приглашает король, а женщин – королева. Если король давным-давно забросил контроль за сим нудным занятием, перевалив его на широкие плечи секретарей, то королева предпочитала заниматься делами сама. Бывшая идальгийская принцесса была достаточно умна, энергична и в том, что владетельные дворяне Багванны еще не передрались между собой и не разорвали страну на

части, была немалая доля ее заслуги. Она мастерски умела улаживать споры, кое-как управлялась с казной, буквально разоряемой королем и его фаворитками, и в грош не ставила своего мужа. С Корбином у нее были уважительные отношения, вплоть до того, что она намекала ему о том, что неплохо бы, если в стране появится новый король без смены королевы. Вообще, если вдуматься, вариант был интересным – королева была, как и многие идальгийки, женщиной красивой. Да и мозги на дороге не валяются, однако Корбина смущали два факта – у королевы не было ни малейшего магического дара, к тому же граф не любил, когда ему ставят условия. Не без основания, он считал, что севший на трон имеет право сам выбрать себе королеву, ни на кого не оглядываясь. Корбин тогда отшутился, но зарубочку на память сделал. Впрочем, королева и не настаивала – женщина она была, надо сказать, видная, и мужским вниманием не обделенная. Кроме того, она отлично понимала, что люди, которые позволяют ей остаться у власти, нужны в любом случае, поэтому осложнений в отношениях с ней не возникало. И мало кто знал, что необходимые ему решения Корбин пропихивал не через короля, а как раз через королеву. Взамен он несколько раз помогал ей решить проблемы, требующие грубого физического вмешательства, не забывая аккуратно убирать за собой трупы, так что обе стороны сотрудничеством были вполне довольны.

А еще меньше людей знали о том, что Корбин был знаком с королевой еще в те времена, когда она не была королевой, а была обычной голенастой девчонкой, третьей дочерью короля Идальгии. Идальгия тогда воевала с Островной империей, и войну проигрывала. Империя – это, правда, громко сказано, просто нашелся неглупый король, объединивший под своей властью три больших и несколько десятков мелких островов и на этом основании объявивший себя императором. Правда, потомки его решили соответствовать – и у них, надо сказать, это неплохо получалось. Во всяком случае, войны с континентальными государствами они, благодаря сильной армии и великолепному флоту, позволяющем фактически контролировать море, вели довольно успешно.

Корбин, тогда еще наемный маг во главе наемной роты, был нанят королем Идальгии. Слава за графом шла громкая, дела у идальгийцев шли совсем плохо, так что король без звука выложил сумму, которую у него запросили. Ну а Корбин, соответственно, эти деньги отработал.

Для начала он тогда уничтожил флот островитян – дождался, когда тот скучкуется в небольшом порту, высаживая очередные легионы, и подпалил его. Точнее, даже не его самого – в порту были огромные склады угля, предназначенные для металлургов и захваченные островитянами. Корбин нанес мощный магический удар, превративший уголь в мелкодисперсную пыль и поднявший огромную тучу этой пыли над бухтой. А потом он эту пыль поджог.

Уголь сгорел почти мгновенно, взрывообразно, выжег весь кислород и создал сначала зону высокого, а затем низкого давления. Сначала прокатилась ударная волна, потом воздух хлынул обратно... Словом, мощный флот, бывший прямо в эпицентре, перестал существовать.

Конечно, этот удар не был для островитян фатален – кораблей у них было еще немало, однако замысел Корбина был в другом. Северные княжества, чей флот конкурировал с островитянами, были заранее предупреждены о намечающихся у тех проблемах. Соответственно, они нанесли удар, а противостоять им у Островной империи было нечем – кораблей хватало, но они были разбросаны на большом пространстве, и быстро собрать их в один кулак не получалось. В результате северяне успели высадить десанты и вволю пограбить прибрежные города и деревни, прежде чем их смогли выбить. Островитяне вынуждены были отвлечься на оборону своих берегов, и идальгийцам оставалось лишь спокойно выбить оставшиеся без снабжения и подкреплений войска противника.

Тогда Корбин и познакомился с будущей королевой Багванны. Романтично получилось, кстати, как в дешевых романах прямо. Ехала карета с принцессой – и угодила в засаду островитян. Однако малолетняя принцесса не успела даже испугаться, как в засаду влетел граф де'Карри, с небольшим эскортом ехавший по той же дороге. Островитяне слишком поздно сообразили, что в ловушку на пескаря влетела акула – Корбин, будучи в плохом настроении, покрошил их всех в мелкий фарш.

Возможно, принцесса тогда испугалась Корбина, возможно, влюбилась по-детски в героя на белом коне – кто знает? Факт тот, что относилась она к нему с величайшим пиететом, и с годами, даже после того, как она стала королевой, это отношение практически не изменилось.

Так вот, дворянское звание для родителей Джурайи Корбин покупал как раз через королеву. Та, кстати, одобрила выбор Корбина с точки зрения продолжения рода, и долго смеялась потом, узнав, чем все закончилось. Корбин не обижался, но и бумаги не аннулировал. Зачем? Уплочено – пусть лежат, мало ли... А что родители девушки о том не знали – так это исключительно их проблемы, могли бы и спросить.

Так что проблемы особой не было, но Корбин подкинул дезинформацию, что это приглашение – уже третье, и теперь Джурайя металась из угла в угол. Корнелиус, естественно, знал, что ничего страшного нет, но молчал – во-первых, считал, что девушке не повредит небольшая встряска, а во-вторых, Корбин, по его мнению, был в своем праве. Единственно, он заставил Корбина обеспечить Джурайе прическу, что граф и сделал, с присущей ему грацией носорога объяснив королевскому цирюльнику, что если что – то сразу... Цирюльник проникся – он был не дурак.

Зато когда Корбин увидел результат, то потерял дар речи. Нет, он и раньше знал, что Джурайя красива, но что она НАСТОЛЬКО красива... Воистину, когда на природные данные накладывается мастерство лучшего в королевстве специалиста по стрижке и макияжу, результат непредсказуем, но всегда сногшибателен.

Хотя, конечно, и сам Корбин сегодня был куда как неплох, только вот очень смущало отсутствие меча на боку – по установленной традиции, на этот конкретный бал надо было являться без оружия, точнее, без длинномерного оружия. Кинжалы допускались, трости с клинками – тоже, а вот обычные мечи – ни в коем случае. Традиции было несколько сотен лет, и Корбин не знал, что явилось традицией ее возникновения. Да и не интересовался он этим, предпочитая принимать все, как должное.

Ошеломили они друг друга обоюдно, но Корбин, как человек более опытный, пришел в себя первым и, скрыв смущение за нарочитой грубостью, поинтересовался, почему Джурайя так долго копается, после чего буквально увлек ее к карете – на этот бал положено было являться именно так. Этикет, чтоб его нехорошими словами...

Ну, на балу все было, как обычно – скучающие бездельники толпами и умные и влиятельные люди, кучкующиеся по интересам. Приходилось улыбаться и расшаркиваться, согласно этикету – не то, чтобы этикет очень волновал самого Корбина, но сегодня в этом серпентарии он был не один, а вольно или невольно подставлял под удар свою спутницу Корбину не хотелось. Его-то зацепить побоятся, даже ответить на открытое оскорбление, скорее всего, не рискнут, а вот девушке при случае припомнят. Не потому даже, что она что-то из себя представляет, или успела наступить кому-нибудь на хвост, а за то просто, что стала свидетельницей их позора. Зачем создавать ей лишние сложности? И так невооруженным взглядом было видно, что Джурайя волнуется до дрожи в коленках. Корбин, впрочем, ничего

другого и не ожидал – хорошо помнил, как сам когда-то в первый раз очутился при дворе и увидел короля. Нормальное состояние, она еще неплохо держалась, если вдуматься.

Ну, потом была традиционная церемония представления впервые вышедшей в свет дворянки. Таких, как Джурайя, было еще пятеро, но она заметно выделялась среди прочих – все-таки природу не обманешь, свежая кровь есть свежая кровь. Корбин же, пока шло представление, внимательно наблюдал за королем – ему совершенно не хотелось, чтобы этот молокосос и бабник остановил на девушке свое внимание. Увы, мысли частенько материализуются, и король, сглотнув слюну и остановив на Джурайе взгляд мутных после вчерашней попойки глаз, начал выдавать ей какой-то комплимент. Джурайю аж перекосило, а Корбин скорчил за ее спиной зверскую рожу, одновременно заставив чуть заметно засветиться воздух вокруг левой руки. Король все понял правильно – граф де'Карри от того, что при нем не было меча, не становился менее опасен. Он был оружием сам по себе, а о том, что он повернут на неприкосновенности "своих", знали буквально все. С него станется устроить разборки прямо здесь, на балу... Король предпочел не связываться, хотя обиду, конечно, затаил – еще одну к длинному списку всех предшествующих. И ведь сделать что-либо король был не в силах – могущество и влияние крупных сановников вроде Корбина или герцога Санторского давно уже как минимум не уступало королевскому, а может быть, и превосходило его. Конечно, простой народ за стенами дворца об этом не догадывался, но здесь-то все свои, и все в курсе, кто есть кто. Судя по чуть затравленному взгляду, король моментально сообразил, что в любой момент может оказаться с открученной головой... Вот все говорят "дурак, дурак", а как прижмет – так соображаловка работает просто великолепно.

Ненавязчиво продемонстрировав всем более-менее понимающим ситуацию людям, что произойдет, если кто-нибудь, не приведи Единый, посмеет разевать рот на чужой каравай, Корбин со спокойной душой оставил Джурайю на попечение светских кумушек, и отправился заниматься делами. В отличие от большинства собравшихся, он предпочитал не терять времени зря и, раз уж не получилось отвертеться от бала, воспользоваться ситуацией и провести пару-тройку деловых встреч. Правда, не слишком он и пытался уклониться от бала, хотя, конечно, знай он заранее, что так повернется, уклонился бы обязательно. Большим бы, в конце-концов, сказался – стандартная отговорка для таких случаев.

Единственное, чего Корбин опасался, так это длинных языков и общей распущенности светских дам, да и то не слишком – Джурайя была девушкой совсем другого склада, такую на раз не совратишь. Тем неприятнее было его удивление, когда спустя всего несколько минут обнаружил, что какой-то молоденький дворянчик под ручку увлекает девушку в зимний сад... Шустро, однако. Что это за чучело Корбин не знал – молодой, разве их всех упомнишь? Ничего серьезного из себя не представляет, однако сам факт был неприятен.

В первый момент Корбин не слишком беспокоился, однако, когда прошло минут десять, а Джурайя не вернулась, он все же решил прервать весьма содержательный разговор с маркизом Левадьеном, опытным и грамотным финансистом, и, извинившись, решительно двинулся к выходу. Несмотря на большой рост и внушительные габариты, он легко ввинчивался в толпу. Отчасти, это самые габариты ему помогали – люди просто старались убраться с его дороги, опасаясь, что граф походя отдавит им ноги. Корбин, кстати, вполне был способен на подобное, так что опасения были весьма обоснованными.

Так или иначе, до зимнего сада Корбин добрался довольно быстро, и как раз в тот момент, когда он вышел на центральную аллею, из глубины сада раздался дикий вопль. От этого вопля прыснули во все стороны со скамеек многочисленные парочки – одетые, не очень одетые и даже совсем не одетые, ну а Корбин бегом устремился к источнику звука. Честно говоря, он не слишком боялся за Джурайю – во-первых, вопль был мужским, и кричал явно не один человек, а во-вторых, граф сомневался, что кто-либо из присутствующих здесь,

исключая, конечно, его самого, способен причинить вред столь сильному магу. Куда больше его волновали возможные последствия – лишние трупы Корбину были не нужны.

Трупов, к счастью, не было – в самом глухом углу сада обнаружили трое молодых людей, с ужасом пятящиеся от целой и невредимой Джурайи, оправляющей платье. Корбин бесшумно подошел к ним сзади, прижав палец к губам и сделав страшные глаза. Джурайя, увидев это, понятливо делала вид, что ничего не замечает, и потому голос Корбина за спиной испуганных недорослей оказался для них полной неожиданностью.

– Что за шум, а драки нет?

Парни аж подпрыгнули. Присели и уперли в Корбина выпученные глаза на мученисто-белых лицах. Граф ласково положил огромные, привыкшие к мечу и потому совсем не благородного вида ладони на макушки ближайшим, ласково потрепал:

– Да не нервничайте вы так, молодые люди. Что случилось то?

– Она убила Ленса...

– Кто? Кого? Когда? И перестаньте дрожать, наконец. Вы же мужчины... Или не мужчины?

– Вот она... – один из парней ткнул пальцем в Джурайю. – Мы пришли, а тут... кровь! И она с ножиком!!!

– А вы зачем пришли? Парочка в зимний сад пришла – третий, как говорится, лишний? Я уж не говорю про четвертого и пятого... – вкрадчиво поинтересовался Корбин, глядя почему-то не на трясущихся парней, а на Джурайю.

– Так эта... присоединиться хотели! Ленс её склеил, а она и не ломалась, сразу пошла. Да по ней же сразу видно, что она сама развлечься хочет! – самозабвенно вещали парни, не видя сгущающихся у них над головой туч. – Воот... Мы всегда за компанию – так веселее! А она... взяла и убила! И труп спрятала!!! Она вообще извращенка!!!

– Тыкать в женщину пальцем невежливо, – уже почти ласково заметил Корбин. – Еще раз увижу – грабку сломаю. Так что она такого сделала?

– Ленса убила...

– А кто у нас Ленс?

– Сын барона де'Шубера...

– И что?

– Ну... как... убила же!...

Похоже, перепуганные юнцы начали приходить в себя и соображать, что, а главное, КОМУ они говорят. Корбин улыбнулся им и щелкнул зубами. Парни побледнели еще больше и попятились, но сзади раздалось предупреждающе покашливание Джурайи, и они замерли, не зная, кого бояться больше.

– Так я не понял, в чем сыр-бор. Я опять не понял, чего вы дергаетесь? Убила и убила, значит, туда ему и дорога. Хотите – и вас убьет?

В этот момент на дорожку вышел искомый Ленс и удивленно уставился на происходящее. Корбин, видевший его до того только со спины, удивленно посмотрел на него и спросил у присутствующих:

– А это у нас кто?

– Это – тот самый Ленс. Которого я убила.

– Да? Джу, ты никогда не рассказывала мне, что балуешься некромантией.

– Ничего я не балуюсь – я профессионально занимаюсь... Шутка, не бледнейте, малолетки. Всего то лишь попросила даме орешков почистить, а этот недотёпа чуть руку себе не оттяпал. Кстати, абсолютно без моей помощи! Отправила я его к целителю, а тут эти... хм... компаньёны... – Джурайя прыснула, представив себе картину свального греха с собой в главной роли, – ножик увидели и завизжали, будто я и им уже кишки выпустила.

– Да, мельчают люди, – согласно покивал головой Корбин. – Эй ты, Ленс, иди сюда. Не бойся, не убью... Пока не убью. Значит так, придурки. Предупреждаю в первый и последний раз. Еще раз увижу кого-нибудь из вас рядом с этой девушкой – сверну шею. А пока...

Никто из молодых дворян не то что не успел понять происходящего – они даже не увидели движений графа, но в следующий момент обнаружили себя лежащими под кустами. Все четверо. И все без передних зубов.

– Дорогая, пойдемте, я представляю вас королеве...

– С удовольствием, граф.

Джурайя элегантно взяла Корбина под руку, и они неторопясь пошли в сторону бального зала.

Глава 12

Джурайя

"Ну, королева, и что?... Я то думала – Королева! А она... Баба как баба. Элька в сто раз красивее. И где, я вас спрашиваю, благородство, одухотворённость, возвышенность? На Корбина как кошка на сало глядит. А он делает вид, что не замечает, а сам как самовар пыхтит, самомнение своё тешит... Нет, ну эти-то двое давно судя по всему знакомы, а я нафиг тут сдалась? Представил бы да отправил восвояси. Разговор у них серьёзный, государственный... Обо мне поговорили – как дамочки в бальной зале о новой болонке – вот, ваше величество, полюбопытствуйте, презабавшейшая тварюшка! Гадит только по углам, да ничего, воспитаем как-нибудь... Я понимаю, конечно, что они не последние люди в Империи. И не обижаюсь. Чего на двух снобов обижаться? Скучно мне. Сажу в уголке для мебели, даже руки занять нечем... Отпустили бы вы меня, господи, в бальную залу, я бы там чуть-чуть поразвлекалась... Они же не знают, что Корбин, когда говорил "Убила, значит так и надо" просто плоско пошутил. И про то, что я некромантией профессионально занимаюсь, тоже скорее всего первую часть услышали, а поправка на шутку из сжавшихся от страха мозгов вылетела. Походила бы, людей попугала... А тут... Единый правый, скучища какая! Ни одной книжки, ни фолиантика завалящего. Только вон – древо генеалогическое на всю стену, да портреты коронованных предков развешены. Смотрят как живые, заинтересованно так, один даже подмигивает. Подмигивает? Подмигивает... Корбину сказать? А если показалось,

обсмеёт ведь, обидно будет при королеве язвительные замечания выслушивать. Не ответишь ведь – не поймут... А вдруг так и надо? Может это фамильный призрак балуется, кто их знает, этих порфироносных... А если нет? Вряд ли Корбину понравится, что его подслушивают. Ляпнет что-нибудь, а потом переживать будет, свидетелей ликвидировать. С особой жестокостью. Проверить, что ли? Заодно и искорку проверю. Призраку моя магия, как мёртвому припарки, если что, не обидится..."

Щёлк! Маленькая бело-голубая искорка выстрелила с кончика указательного пальца в моргающую глазницу ростового портрета неизвестного монарха... Визг, раздавшийся оттуда, принадлежал явно смертному, да и грохоту бесплотный дух столько вряд ли бы наделал. "Надо бы мощностъ убавить, что ли..." – подумала Джурайя, она и не думала, что одна её маленькая искорка может наделать столько шума. Королева вскочила, закрыв рот руками, Корбин ударил в портрет своим знаменитым воздушным кулаком, пуфф!... Вопреки ожиданиям, не посыпались ни кирпичи, ни извёстка, лишь порвался старинный холст с изображением кого-то из королевских предков в полный рост. За холстом кто-то во что-то впечатался, судя по звуку, тоже в полный рост, а судя по треску костей, уже не встанет. Граф посмотрел на королеву так, что Джурайе, заварившей всю эту кашу, захотелось под стол залезть, чтобы под раздачу не попасть.

– Рейна! Твой шпион? – тихо, сквозь зубы выдавил Корбин.

"Ну, надо же, в психе весь этикет растерял! – весело подумала Джурайя, наслаждаясь зрелищем взбешённого не ею Корбина де'Карри. – А то всё Ваше Величество, да Ваше Величество, слушать противно. А как на хвост наступили – сразу по имени и на ты. А тут не так скучно становится!"

Королева охнула и по бабы замахала рукавами, как бы отгоняя от себя подозрения.

– Ты что? Зачем мне за тобой-то следить? Мои люди за королём и министрами приглядывают, ну ещё за парочкой вельмож, из неблагонадёжных. Мы ж с тобой много лет знакомы, да и разговоры у нас такие, что лучше посторонним не слушать. Дай-ка я посмотрю, кто там... был... – королева на плохо слушающихся ногах подошла к разорванному холсту и заглянула внутрь. – Ничего не видно... Темно и пылица...

– Я посвечу! – отозвалась Джурайя, посылая светящийся мягким светом шарик в нишу за бывшим портретом.

– Это же... – Рейна залезла поглубже в проём. – Это вообще не мой человек! Я его с послами из Руалии видела. Он мне сразу не понравился... А теперь ещё меньше нравится... – королева, обладающая неплохой выдержкой, передёрнулась, разглядывая лежащее в неестественной позе тело с торчащими из проломленной грудной клетки рёбрами и выжженной глазницей. Мерцающая рядом шаровая молния освещала широкую кровавую дорожку на каменной стене, по которой, видимо, сползло бездыханное тело. Рядом с Рейной в нишу засунулся Корбин, оценивая профессиональным взглядом шансы пострадавшего от двойной магической атаки на жизнь. Шансы были равны нулю.

– Мдя... Надо было сначала допросить... – задумчиво произнёс бывалый наёмник. Уж кто-кто, а он точно знал, что скорее всего этот шпион не был первым и уж точно не будет последним.

– Без глаза он ещё мог бы говорить, а вот без лёгких – вряд ли, – скептически хмыкнула Джурайя, намекая на то, что графу не мешало бы иногда быть и посдержаннее. – А теперь без некроманта не заговорит.

– А это идея! Дядюшка Цень начинает приносить пользу! – воодушевился Корбин. Джурайя застыла с открытым ртом. Дядюшка Цень?!

– А... Ты его что, нашёл? И ты его... того... не того?... – от изумления она не могла подобрать слова, чтобы попонятнее сформулировать вопрос на эту несомненно занимательную тему, поэтому невнятные фразы, содержащие в основном междометия, сопровождала выразительными жестами в районе горла. Хвала Единому, Корбин был сообразительным человеком.

– Нет, не того, – усмехнулся он. – Мало того, даже принял на работу в качестве учителя защиты от тёмных чар. А я тебе не говорил? Ну, значит, просто не успел. Да не волнуйся так, он сам на коленках приполз, пощады просил, так что козни строить не станет. Ты ротик-то закрой, а портал в лабораторию открой, а я пока нашего молчаливого друга в стазис погружу. Не завонялся бы...

Джурайя, со стуком захлопнув челюсти, выдохнула, укоризненно взглянула на негодяя-графа, который не сообщил ей ТАКУЮ новость, и небрежным жестом сотворила аккуратненький порталчик. Как раз на свободное место между стеллажами на высоте человеческого роста над полом, здраво рассудив, что этому моргуну уже ничего не повредит, задеть открывающимся порталом того же Прима или Корнелиуса не хотелось бы. Корбин пролевитировал тело в стазисе в голубоватую искрящуюся воронку, раздался глухой удар, телепорт схлопнулся, выдав напоследок небольшой фейерверк из бело-голубых искр.

– Красиво, – протянул граф, задумчиво глядя на тающие в полумраке искры. – Когда научилась?

– Да года три назад, только показать повода не было. – скромно ответила Джурайя. – А когда меня староста наш за шкуру приволок сил не было... Кстати, ты с них налог то снял?

– Да, как и обещал – через год.

– Ну и ладненько. Давно спросить хотела, да забывала...

– Ну-ну, – не упустил повода съязвить Корбин. – Память всё ещё девичья.

Рейна слушала, как перебрасывались фразами эти двое, и понимала, что их многое связывает. Откуда ни возьмись появилась досада на деревенскую выскочку, которая без всякого почтения разговаривает на "ты" с героем её девичьих, а потом и не девичьих, грёз.

"Ох и ушлые эти провинциалки! С молоком матери впитывают, как мужика охомутать, – думала королева. – Наверняка ведь знала, что если сбежит – обязательно догонит. Это ведь как у кошки с собакой – пока кошка сидит, собака вялая. А как побежала – инстинкт охотничий срабатывает, в глазах интерес. Надо поближе с ней познакомиться. С МОИМ-то опытом я её на чистую воду быстро выведу. Не родилась ещё та женщина, будь она хоть трижды магичка, которая у меня уведёт мужчину, которого я сама добиться не могу!"

Тем временем Корбин, что-то задумав, нервно расхаживал возле зияющей провалом ниши.

– Надо бы прибраться, – наконец выдал он. – А то хватится Руалия своего шпиона-дипломата, будет скандал на все Соединённые Королевства. Есть портреты похожие?

Королева пожала плечами, прошла в угол и отёрнула драпировку. За тканью были свалены

в кучу разномастные портреты, пейзажи, натюрморты в узорчатых медных, деревянных и гипсовых рамах. Корбин удивлённо присвистнул.

– Да тут кладбище искусства! Лучше бы пейзажи развесила, чем эти подозрительные рожи! – воскликнул он, перебирая подходящие по размеру рамы и подыскивая подходящий по полу и одежде персонаж.

– Предки Его Величества, обязаны в переговорной комнате висеть – по протоколу, – скривилась Рейна как от зубной боли. – Они у меня уже вот тут! – она сделала энергичный жест под подбородком. – Зырят изо всех углов...

– О! Вроде похож! – Корбин выволок на свет божий пыльное полотно.

За несколько минут ниша была заблокирована монолитной мраморной плитой, позаимствованной из мастерской, где королевский скульптор высекал барельефы с ликами действующего короля, и завешена наспех очищенной картиной. Великий эстет де'Карри отступил на несколько шагов и любовался творением своих рук. Стена с портретом выглядела вполне естественно.

– Ну, дамы, я вас покину, – неожиданно заторопился Корбин. – Джуня, домой захочешь, карету можешь не ждать, иди телепортом. А мне ещё поговорить надо кое с кем... неразговорчивым... Открой-ка мне портал, у тебя точнее получается. Только пониже опусти, не охота пятки отбивать... Честь имею, Ваше Величество, моя подопечная остаётся на Вашем попечении. Адъёс! – и шагнул в заботливо подставленный Джурайей портал, выводящий в его собственную комнату в замке Корнелиуса. Оглянувшись, он заметил, что контуры схлопывающегося портала подозрительно напоминают сердце...

Джурайя vs Рейна

Пауза между двумя женщинами, находящимися в комнате для переговоров, неприлично затягивалась. Королева откровенно разглядывала свою неожиданную соперницу, а та искоса бросала быстрые взгляды. Неожиданную – это потому, что не ожидала Рейна такой трогательной заботы о своей несостоявшейся невесте от эстета-бабника Корбина де'Карри. Она, принцесса по крови, королева по статусу, никогда не воспринимала всерьёз девушек даже из высшей знати, не то что простолюдинку. Развлечётся – это да. Какой настоящий мужчина, облечённый властью, сможет пройти мимо смазливой мордашки. А вот испытывать сильные чувства и заключать браки можно только с ровней. А всё остальное считалось дурным тоном и развратом. Зная всю историю их знакомства их уст самого графа, королева горела желанием побеседовать и с Джурайей – вдруг Корбин чего-то не договаривает? С его слов картина получалась до нельзя странная и запутанная – девчонка с самого начала пренебрегала его вниманием, подставляла, демонстрировала полное неуважение и что в итоге? Он так и не передумал жениться на ней, хотя должен был давно утратить интерес и переключиться на более благодарный и благородный объект.

А уж после того, как она чуть ли не прямым текстом предложила ему занять место короля на троне и в её покоях, Рейна ожидала немедленного объяснения в любви и конкретных шагов по устранению досадной помехи в виде короля, а вместо этого он притаскивает эту шавку на бал и даёт всем понять, что имеет не неё виды. А ведь лучшего короля, чем Корбин, и придумать сложно. А она, Рейна, уже и так лучшая королева, но, похоже, она не учла какой-то нюанс, и сейчас ей выпал шанс если не избавиться от соперницы, то хотя бы разработать тактику по её устранению.

Джурайя не могла не заметить странный интерес к своей скромной персоне коронованной

особы, что приводило её в явное замешательство. Королеву интересовал Корбин – это трудно не заметить. Уж не считает ли она, что Джурайя может с ней соперничать? Что только не придёт в голову женщине, ослеплённой ревностью! Сидит красивая, холёная, молодая королева и сверлит глазами её, нескладную деревенскую девку, даром что магичку. Таких Корбин пачками на сеновал таскал, пока эстетствовать не начал. "Не соперница я ей, – подавленно думала Джурайя. – Посмотрит и сама убедится. Может, успокоится."

Королева была действительно красива – как бывают красивы идадьгийские женщины на пороге своего тридцатилетия: черные волосы, убранные в изысканную причёску, обрамляли точёное изящное лицо. Карие глаза пылали страстью, тонкие ноздри на выразительном носу нервно подрагивали. А рот – вот у кого был рот! Чётко очерченные пунцовые чувственные губы незаметным движением одних только уголков меняли выражение лица от презрительно-снисходительного до подозрительно-сосредоточенного. Высокие скулы, высокая грудь (тут Джурайя завистливо вздохнула), тонкая талия и широкие бёдра дополняли образ роковой красоти. И дело было не в искусстве придворного цирюльника – благодаря его стараниям сама Джурайя выглядела хотя бы приличненько и со вкусом. Нет. Это была Порода. Именно Порода с большой буквы. Рейна могла выйти в лохмотьях и с всклокоченными волосами, и всё равно выглядеть, как Королева. И с этим трудно было спорить. Корбин конечно ещё повыделывается для виду, понабивает себе цену, но в итоге всё равно всё будет так, как захочет ОНА. И в этом Джурайя уже не сомневалась. С трудом подавив тяжкий вздох, она расправила плечи и подняла голову, давая понять, что готова к разговору.

– Рада познакомиться с очаровательной протеже старого Корнелиуса, – медовым голосом проворковала Рейна. – Корбин много мне о тебе рассказывал. Он говорил, что ты сиротка и не знала своих настоящих родителей. Это правда? Какая печальная история.

– Лучше бы я их и сейчас не знала, – не сдержала досады Джурайя. Какого лешего он делился подробностями её жизни с королевой?! – Папаша-инфантил Древний и эльфийская мать-кукушка в качестве родителей меня устраивают ещё меньше, чем Молчун с Мариссой. – Джурайя с мстительным удовольствием наблюдала, как меняется лицо королевы. Пожалеть хотела бедную сиротку? Фиг тебе с маслом! – Одни неприятности от них. И что самое интересное, что Древним, что эльфам я понадобилась буквально на днях, а до этого – двадцать с лишним лет – только некромант Цень меня и воспитывал... И на том ему спасибо, хоть драться научил, да с оружием обращаться.

Красивый рот королевы даже приоткрылся в немом изумлении – видимо не всё граф-болтушка выложил.

– Тебя воспитывал некромант? Я правильно поняла? Мать – эльфийка, а отец – Древний?! Что за дикая история?!

– Я сама в шоке, – пожала плечами Джурайя. – Не подумайте, что я хвастаюсь, меня совсем не радует моё происхождение, и я искренне считаю себя человеком. Родом из Горелых Выселок. Растили меня люди, а некромант учил. Ну... я так думала. На самом деле готовил к великой миссии – умереть смертью храбрых за правое дело завоевания мира для его морщинистой задницы. Спасибо Корбину, прищемил ему хвост... И меня заодно спас. И вот сижу я перед вами, простая деревенская баба... – Джурайя чувствовала, что её понесло, но остановиться уже не могла, – а могла бы ещё на том жертвенном камне в прах рассыпаться после торжественного сожжения Ковена Магов в полном составе. А в этом случае и вы бы тут, Ваше Величество, не сидели. И вообще ни один монарх Соединённых Королевств на тёплом месте не остался бы. Да и не было бы Соединённых Королевств – а была бы Возрождённая Империя, и господин её – Гроссмейстер. – Джурайя отчётливо представила

себе Ценев сарайчик, компанию мальчишек и себя в центре, рассказывающую страшную историю, и поймала себя на том, что и сейчас точно так же нагнетает обстановку, наслаждаясь выражением суеверного ужаса на лице слушательницы. – Хаос и разрушение царили бы над миром, и толпы ходячих мертвецов доедали бы в оврагах последних из выживших! – Джурайя подалась вперёд, глаза загорелись потусторонним огнём, – И жалкие горстки последних людей в ужасе ждали бы ночи, когда отворятся запертые на все засовы двери и страшная фигура в чёрной мантии, протянув костлявую чёрную руку, – тут она и вправду вытянула вперёд руку со скрюченными пальцами, – скажет: ОТДАЙ СВОЕ СЕРДЦЕ!!!

Корорлева издала дикий визг и вскочила, опрокинув кресло и запутавшись в подоле.

– Но пришёл отважный рыцарь по имени Корбин де'Карри, насовал в морду некроманту, довёл беднягу до истерики, заставил лизать свои сапоги и униженно молить о быстрой и безболезненной смерти, и спас мир... – скромно закончила Джурайя, наслаждаясь произведённым эффектом.

Придя в себя после неожиданной концовки, королева расхохоталась и долго не могла успокоиться. Она вытирала слёзы и держалась за сердце. Обеспокоенная её состояние Джурайя даже подала ей стакан вина, но в дрожащей руке вино расплёскивалось, не доходя до рта королевы. Постепенно успокоившись, Рейна совершенно не королевским жестом подняла упавшее кресло и уселась на прежнее место, одним глотком осушив остатки вина в бокале.

– Спасибо, Джурайя. Давно так не пугалась и не смеялась. – искренне проговорила потрясённая королева. – Умеешь ты разрядить обстановку, нечего сказать... Я чуть со страху не померла от твоего рассказа. Что это – магия?

– Ну какая магия, – скромно потупилась Джурайя, – я с детства мальчишек так пугала. Опыт, знаете ли.

– Ты мне одно скажи, странная девочка, – отважилась спросить Рейна напрямую. – Что у тебя с Корбином? Он сказал, что ты уже два раза свадьбу сорвала. Он тебе что, совсем не нравится?

Вот тут настала очередь Джурайи рассмеяться. Ничего не скрывая, она рассказала Королеве историю их знакомства с Корбином.

– Первый раз я его вообще не знала, думала, что какой-то зажавшийся похотливый старикашка на старости лет решил законного наследника забить, – закончила он рассказ, – а во второй раз вообще нелепая ошибка вышла! И что теперь, жениться из-за беременной лошади? Вы, Ваше Величество, сами подумайте, я же деревенская, этикету не обучена. Замуж по любви хочу, а не по расчёту. А какая у графа ко мне любовь может быть? Смешно, честное слово. Просто я ему подхожу по тем пунктам, что он сам для себя придумал, а это не правильно. Не по человечески. Вот и Прим со мной согласился – и теперь счастлив в браке, хотя Карина не маг и не алхимик. Просто любовь либо есть – либо её нет. И не нужно разменивать свою жизнь на всякие условности. У магов жизнь хоть и длинная, но, блин, не бесконечная. А я всё же надеюсь быть по-настоящему счастливой... – на минорной ноте замолкла Джурайя.

Рейна сидела, потрясённая прочувствованной речью девушки, которую в начале разговора она считала продуманной пустышкой. Каждое её слово калёным железом впечатывалось в её сознание – и правда, как она могла разменять свою жизнь на такие пустяки, как трон, власть, богатства? А была ли она счастлива хоть один день со времени вступления в патриарший

брак? Что она видела, будучи королевой? Лживые льстивые речи придворных? Монаршего супруга, который не стесняясь таскал в свою постель всё, что движется? Она ведь даже после первой брачной ночи не смогла себя заставить лечь с ним ещё раз в постель – брезговала. Потом были мужчины – тщательно ею скрывааемые, дабы не испортить репутацию – в основном рыцари и герои, в которых ещё живы были понятия о чести и достоинстве. За десять лет царствования, из которых вот уже шесть лет она фактически управляла государством за спиной недалёкого мужа, этих героев можно было перечесать на пальцах одной руки. Был Корбин – как мечта глубоко одинокой женщины, на которую взвалили непосильную ношу, о сильном плече. И всё. Красивые глаза Рейны наполнились слезами. Она готова была совсем не по-королевски разреветься перед этой странной девушкой, в которой она почему-то почувствовала родственную душу.

– А давайте к Корнелиусу сбежим! – почувствовав её настроение, предложила Джурайя, которой самой до слёз было жалко загубленной молодости несчастной королевы. – Вы же знаете Корнелиуса? Посидим, я вас с Элькой познакомлю – это моя подруга. Вы её сразу полюбите, её все любят! Только Адриса петь не просите – из него тот ещё менестрель, как достанет лютню – все окрестные коты в истерике закатываются – не выносят конкуренции... Ну, Ваше Величество, я же вижу, Вам расслабиться нужно! – Джурайя присела возле королевы, держа её за руку и заглядывая в лицо. Её действительно очень беспокоили скачки настроения Рейны, явно находящейся на грани срыва.

– Ладно, – стиснула пальцы Джурайи королева, решившись на приключение. – Только называй меня Рейна, когда мы без придворных, договорились? И... Не говори своим, что я королева. А Корнелиус сам промолчит...

Глава 13

Лорд Корбин

– Слушай, а как ты их так – рраз, и все лежат! Воздушного кулака я не заметила. Что-то новенькое?

– Хорошо припрятанное старенькое! – Корбин подбросил на руке литой кастет из потемневшей от времени бронзы, и спрятал обратно в карман. – Люблю, знаешь ли, размяться время от времени!

Джурайя удивленно распахнула глаза:

– Разве это честно?

– Девочка, – устало вздохнул Корбин. – При чем тут честно или нечестно? Знаешь, чем отличается рыцарь от солдата? Да тем, что солдат сражается практически исключительно для того, чтобы защитить собственную жизнь. Честь, Родина и все прочее – это чаще всего красивые слова, а реальность намного более сурова. Рыцари ломают копья на турнирах и щеголяют потом изящными повязками на царапинах, а солдаты стоят в строю и рубятся с такими же, как они, чтобы остаться в живых. Я ничего не умею против рыцарей, когда надо, они тоже сражаются, и часто великолепно, но все же это у них не всегда и даже не слишком часто, а для солдата война – обычная работа. Чтобы уцелеть, надо владеть любым оружием, потому что неизвестно, с чем придется иметь дело. И надо уметь использовать любую возможность для того, чтобы действовать максимально эффективно. Здесь ведь эффективность означает не победу по очкам, а жизнь... Просто для сведения – я ведь рыцарских шпор не имею, не сподобился, да и не пытался их получить, если честно, зато, будучи солдатом, все еще жив. Нет, я, при нужде, могу драться и на дуэли, но где ты видела

дуэль? Я просто поучил зарвавшихся щенков.

– Не слишком ли жестоко?

– Нормально. Запомни, такие уроды понимают только силу. Или боишься ты – или боятся тебя, третьего не дано. Ты маг, сильный маг, оружием владеешь неплохо, приемы рукопашного боя знаешь... Если что – ничуть не сомневаюсь, что отстригла бы им головы... Ну, или еще что-нибудь.

– И кое-что еще, и кое-что другое, о чем не говорят, о чем не пишут в школе, – ехидно пропела Джурайя.

– Именно, – Корбин не обратил внимания на шпильку. – А вот представь себе, что на твоём месте была бы обычная девушка... Ну, любая, первая попавшаяся. Без Дара и без ножа под рукой. Эти шибзики разложили бы ее под кустами и поимели, не торопясь и с чувством. А она потом молчала бы, чтоб не позориться, понимаешь? Зато сейчас они напуганы и на какое-то время притихнут. А может, и просто поумнеют.

– А если нет?

– Ну, я не могу защищать всех сырых и убогих. В конце-концов, у девушек есть свои родные, свои женихи... Пускай разбираются сами. А вот если на тебя кто-нибудь посмеет руку поднять – я его просто убью. Так убью, что он будет рад тому, что, наконец, умер... Лучше, если все поймут это сейчас – тогда и проблем в будущем не будет.

Джурайя несколько секунд молчала, переваривая услышанное, а когда собралась наконец ответить, обнаружила, что они как-то незаметно дошли уже до бального зала. Ну а дальше Корбин двинулся вперед, подобно тарану, и людские волны качнулись от него в сторону, как от форштевня корабля. Джурайя пристроилась за его широкой спиной, в кильватер – все-таки это было куда удобнее, чем самолично оттаптывать ноги, не успевшие убраться с ее пути. Корбин таким рефлексом не страдал, поэтому под ноги смотреть даже не собирался. Ну а, зная об этом, народ просто шарахался.

Так они достаточно быстро дошли до неприметной двери в углу зала. Дверь была незаметная, через такую обычно слуги ходят, но было одно немаловажное отличие – неподалеку от нее изображали скучающих дворян трое крепких парней. Нет, дворянами они как раз были, эти мальчики из личной службы безопасности королевы. В первом поколении дворянами, королева сама произвела их в дворянское сословие, и все эти свежее испеченные аристократы знали, что будущее их зависит только от нее. Умрет королева – и все, останешься ты с ничего, по сути, не значащим титулом среди враждебно настроенной толпы дворян потомственных. Потеряешь доверие благодетельницы – получится еще хуже, до вечера, скорее всего, не доживешь. Свои же и удавят втихую, а сумеешь сбежать – все равно поймут. Не свои – так охотники за головами, не они, так вот, хотя бы, граф де'Карри отыщет, и тогда останется только жалеть, что не умер от рук своих бывших товарищей. Те хотя бы сработают чисто и аккуратно, а охотники или тот же граф постараются сделать так, чтобы остальным показательный пример создать. Бывали прецеденты... Так что, имея перед собой сладкий пряник и страшный кнут, эти ребята были отменно выдрессированы и преданы королеве, как псы.

Корбин приветливо кивнул охране, те едва заметно подобрались, но пропустили графа и его спутницу без звука. Дверца даже не скрипнула, открывая проход в хорошо знакомый Корбину коридор. Ну а в конце коридора, в комнате для секретных переговоров, ожидала их Рейна, королева Багванны.

Если честно, Корбин не совсем понимал, зачем Рейне потребовалось пообщаться с Джурайей. Хотя... Ну, захотелось женщине, любопытно ей стало – так пусть ее, покажем, нам не жаль. Правда, надо было постоянно за своей речью следить, а то вдруг назовешь Рейну по имени, да еще и на "ты". Она, конечно, против не будет, тет-а-тет они так между собой и общались, но Корбин считал, что Джурайе, известной своим пренебрежительным отношением к титулам, надо хоть немножко проникнуться уважением к монархам, пусть даже не как к личностям, но хотя бы как к символам государства. Циником она еще успеет стать, это от нее никуда не убежит, но циничным, как считал Корбин, можно быть, попробовав проблему на вкус, а не заочно. Так что пусть смотрит, слушает и проникается важностью ситуации.

Ну, королеве Джурайя не слишком понравилась, это было видно с первого взгляда. Корбин, правда, понимал, что королеве не понравилась бы абсолютно любая женщина рядом с ним – ну имеет она на него виды, как ни отшучивайся. Ежу понятно, что ее отношение к Джурайе такое же, как было у него до очного знакомства с девушкой – корова, задача которой произвести законного наследника графства Карри. Только если Корбин предполагал просто завести кучу детей, то королева, несомненно, предпочла бы после решения этого вопроса банально убрать соперницу. Ну, хотя бы в какой-нибудь дальний монастырь. Он, Корбин, конечно вряд ли ей позволил бы подобное при любых раскладах, просто потому, что не терпел, когда кто-либо лез в его личную жизнь и диктовал ему, что делать, но королева-то этого не знала... Ну а сейчас граф и вовсе не был склонен давать девушку в обиду кому бы то ни было, вот только приходилось разводить политесы – еще с Рейной не хватало поссориться. Женщины коварны, а отвергнутая женщина – вообще страшный враг, так что приходилось деликатно маневрировать.

Между тем Рейна, после обязательной церемонии представления ей молодой дворянки, величественно кивнула и царственным жестом отослала Джурайю. Та послушно кивнула и, отойдя, принялась рассматривать портреты. Молодец, девочка, сообразила, как себя вести надо.

– Послушай, она и впрямь сильный маг?

– А? Что? – вопрос застал задумавшегося Корбина врасплох.

– Я говорю, она что, сильный маг? Выглядит... Сопля-соплей. Я думала, ты что-нибудь получше найдешь.

Хорошо хоть, у королевы хватило такта говорить негромко, а у Корбина хватило ума поставить полог, не дающий окружающим слышать их разговор. Ничего сложного, кстати, просто воздух на границе окружающей их полусферы вибрировал с невероятной частотой. Никому не мешает, пройти через такую преграду можно запросто, но не слишком громкие звуки гасит отлично. Единственный, пожалуй минус – изнутри тоже не слышно, о чем говорят снаружи. Ну и еще, хороший чтец по губам вполне способен разговор прочитать, но сейчас это не так важно – что Джурайя этим редким искусством не владеет, Корбин знал. Да и владела бы – что с того? Она в их сторону даже не смотрела.

– Она – действительно сильный маг, – спокойно, умело пряча раздражение, ответил граф. – Пожалуй, по силе в королевстве она сейчас номер второй. Поверь, у девочки большое будущее. Жаль только, что в обучение к знающему специалисту она попала слишком поздно.

– И что ты собираешься с ней делать?

– Учить. Пока что просто учить. И хватит об этом. Будто у нас более насущных проблем нет.

Рейна согласно кивнула, и следующие несколько минут разговор шел сугубо практический, о делах государственных, важных до зевоты... Вообще, конечно, Корбин прекрасно понимал, что на плечах Рейны сейчас лежит непосильная ноша – королевство, которым надо как-то управлять в условиях жесткого противодействия со стороны тех, кто, по идее, обязан всемерно поддерживать. Самое паршивое, что как только он займет престол, все это дерьмо придется ему разгребать. И не хочется – а придется, и не брать власть уже нельзя – королевство разваливается на глазах, нужна сильная рука. Придется много вешать, рубить головы... Грязная работа, а иначе нельзя – плохо кончится, время, когда можно было обойтись без крайних мер, упущено давно и безвозвратно. Корбин все это прекрасно воевал, и перспектива внушала ему ужас, но... Делать, нечего, механизм государственного переворота уже запущен, и маховик заговора набирает обороты. Процесс пошел, как любил говорить Прим, химича в своей лаборатории.

И вот в разгар разговора что-то завизжало так, что даже сквозь полог слышно было. Корбин полог дезактивировал немедленно, одновременно рефлекторно ударив воздушным кулаком по источнику шума. Как оказалось, руалийского шпиона зашиб насмерть... Кошмар, уже в королевском дворце, самом охраняемом месте государства, шпионы!

Самое паршивое, что допросу шпион уже не подлежал – граф вложил в удар слишком много силы, и у шпиона не было никаких шансов. Ребра раздроблены, легкие – в клочья, сердце, печень – все расплющено. Хорошо еще, был на шпионе какой-то амулет, ослабивший удар, а то и вовсе не на что смотреть было бы. С такого расстояния удар воздушным кулаком, нанесенный магом высшего ранга, превращает незащищенного человека в нечто, подобное медузе – ни одной целой клеточки. Очень неплохой амулет у шпиона был, надо сказать, львиную долю энергии удара утилизировал... Жаль, что не посмотреть на него, не узнать, кто такую игрушку сделал – поглотив энергии больше, чем мог переварить, амулет рассыпался мелкой серой пылью. Впрочем... пыль-то каменная. Уж не со своей ли игрушкой пришлось столкнуться? Корбин когда-то не раз и не два делал на продажу подобные, относительно маломощные амулеты, позволяющие эффективно отражать прямые атаки магов второго, а при удаче, и первого рангов. Естественно, против своего создателя такой амулет не плясал, да и не делал Корбин того, что сам бы не смог сломать, однако наличие подобной игрушки говорило о серьезности намерений руалийцев. Снабжать шпиона амулетом стоимостью в небольшую деревню затратно и расточительно, но руалийцы явно не скупились – игра, похоже, переходила в следующую фазу.

Вот тогда и пришла в голову мысль использовать Ценя. Ну, в самом деле, иметь под рукой профессионального некроманта, и из чистоплюйства не воспользоваться его опытом было, по мнению Корбина, совершенно нерационально. Поэтому, плюнув на условности, он немедленно погрузил труп в стазис, чтобы не протух, и отправил его в лабораторию, а потом, плюнув на этикет, и сам отправился следом.

В первую очередь требовалось отыскать Ценя. Корнелиус спал после бессонной ночи и выматывающего, благодаря Джураие, дня, Прим и вовсе смылся. К жене под бочок, небось, хотя это, конечно, его дело. Интересно все же, чем его Карина так очаровала? Хорошо хоть, нашелся какой-то расторопный слуга, который был в курсе, где разместили некроманта, и проводил графа. Тот, конечно, и сам бы нашел без проблем, но планировку самых нижних подвальных этажей он помнил не слишком хорошо, и с провожатым получалось немного быстрее.

Аккуратно отодвинув в сторону засов и бесшумно, благо петли были хорошо смазаны, открыв дверь в камеру, Корбин зыркнул на не в меру любопытного слугу, который, вытянув шею, как

пустынный нелетучий птах-страус, пытался заглянуть ему через плечо. Под взглядом графа слуга съежился, втянул голову в плечи, и поспешно ретировался. Меньше знаешь – крепче спишь, как гласит древняя мудрость, а, зная склонность Корбина к заметанию следов и устранению свидетелей, крепкий здоровый сон для не в меру любопытных грозил перейти в сон вечный. Корбин поглядел слуге вслед и довольно улыбнулся – естественно, парню ничего не грозило, но наличие серьезной репутации – вещь приятная.

Камера, кстати, уздилищем не выглядела. Довольно таки большая комната, воздух свежий, мебель без особых изысков, но добротная и все, что надо, имеется. Санузел во второй комнате, так что с гигиеной проблем нет. Единственно, окна отсутствуют, но тут уж извините – это частная тюрьма, или почему?

Цень сидел за небольшим столиком и читал какую-то книгу. Поднял глаза, увидел, кто пришел, и испуганно вздрогнул. Корбин подошел к нему, бесцеремонно забрал книгу, взглянул на название... М-дя, кто бы мог подумать, что грозный некромант увлекается любовными романами. В нем что, романтик умер?

Подвинув к себе свободный стул, граф ничуть не изящно плюхнулся на него и начал в упор рассматривать некроманта. Цень побледнел, однако Корбин не собирался доводить его до инфаркта, во всяком случае сейчас. Негромко, но очень отчетливо, он сказал:

– Мы тут с утра посовещались и решили, что с тобой делать дальше. Да не дергайся ты так, ничего страшного тебя не ждет, хотя это, конечно, как сказать еще. В общем, убивать тебя нерационально, отпускать нельзя, а держать здесь нет смысла – только баланду на тебя переводить... В общем, я предлагаю тебе поработать у меня в школе преподавателем некромантии. Детально что от тебя потребуется обсудим позже, а пока что я просто хочу, чтобы ты понял – или ты работаешь на меня, или просто идешь на все четыре стороны. Думаю, славная девушка по имени Фан моментально найдет способ с тобой встретиться. Что скажешь?

– Я могу подумать?

– Конечно, у тебя пять секунд на размышление, после чего, если будешь молчать или юлить, то просто вылетишь за ворота.

– В таком случае, я согласен. Выбора у меня, по сути, нет.

– Молодец, умненький дедок, печатью маразма не отмеченный... Собирайся, пошли.

– Что, уже? – слова Корбина были для Ценья, похоже, полной неожиданностью. Все правильно, в Поднебесной живут медленно и плавно, говорят долго и витиевато... Корбину, впрочем, на реакцию некроманта было плевать.

– Разумеется, уже. Пошли-пошли, продемонстрируешь мне свою квалификацию, а то, возможно, тебя проще все-таки прибить, чем использовать. Вставай, старик, нас ждут великие дела!

Десять минут спустя они уже стояли у огромного лабораторного стола, на котором лежал погруженный в стазис труп. Цень внимательно осматривал его, безо всякой брезгливости раздвигая кости и проверяя состояние внутренних органов. Потом он выпрямился:

– Мозг не поврежден, в стазис его погрузили вовремя, поднять зомби и допросить проблемы нет, но отвечать он не сможет – легкие разрушены, гортань тоже.

- А что, состояние мозга критично для подъема зомби?
- Нет, только для допроса. Информация хранится именно там.
- Ясно. Писать сможет?
- Если при жизни умел – то да. Руки целые.
- Думаю, умел. Шпионы вообще, как правило, народ достаточно грамотный. Приступай. Хотя нет! Стой. Сейчас я тебе Досталю твоих новых учеников. Пускай заодно посмотрят, так сказать, вживую.
- Должен предупредить, что, когда все закончится, и я отпущу его, выглядеть это будет крайне неаппетитно. Да и сам процесс, честно говоря, далек от эстетики.
- Ничего, переживем как-нибудь. Здесь есть все, что тебе надо?
- Да, – ответил Цень, окидывая взглядом многочисленные шкафы и шкафчики, в изобилии стоящие у стен и висющие на них, а также заставленные колбами, ретортами и прочей алхимической атрибутикой стеллажи. – Очень богатая лаборатория, в ней есть буквально все...
- Хорошо, значит, одной проблемой меньше.

Прямо из лаборатории Корбин связался с Веллером, и через полчаса из аккуратно открывшегося портала в лабораторию шагнули несколько учеников. Четко, по-военному, построились, отрапортовали о прибытии. Мальчишки, все еще играют в солдатиков... Но это и хорошо. Корбин коротко и ясно изложил им ситуацию по их перспективам, как классических магов, пояснил, что в качестве некромантов они смогут добиться многого, но дело это непростое и не слишком приятное. Ну и четко сказал, что ребята могут отказаться, и, когда все шестеро заявили о согласии, добавил, что лично он не шутит и рекомендует всем задуматься над его словами после того, как они посмотрят, что здесь сейчас произойдет.

Ну а потом Цень начал работать. Всегда приятно посмотреть на работу опытного профессионала, какой бы мерзкой при ближайшем рассмотрении она не была. Четкие, выверенные движения, указывающие на огромный опыт в подобных делах, аккуратно и точно смешиваемые ингредиенты... Ну а потом труп зашевелился.

Гнусное было зрелище – кости, шевелящиеся в открытых ранах, хлюпающие обрывки легких, коричневая жижа вместо крови, капающая на пол... Однако двигался зомби вполне уверенно, и, хотя говорить, как и предсказывал Цень, не мог, писать был вполне в состоянии. Ну и писал, соответственно, ответы на вопросы, которые задавал ему Корбин. Писал шустро, аккуратно, красивым четким почерком, удобным для прочтения – наверное, за этот почерк его ценило начальство.

Увы, все это было зря – шпион этот мало что знал. Рядовой исполнитель, которому поставили задачу следить за королевой и дали информацию о нескольких секретных ходах. Откуда у руалийцев эти сведения, что они еще знают, о чем догадываются – все это оставалось тайной за семью печатями. Корбин даже думал, что допрашиваемый водит его за нос, но Цень заверил, что зомби неспособны лгать. Оставалось вздохнуть и продолжать допрос, надеясь узнать хоть что-то интересное и оправдывающее усилия, которые пришлось приложить.

Увы и ах, вскоре Корбин пришел к выводу, что допрос надо прекращать вследствие его бесполезности. Граф дал Ценью отмашку, и тот, с какой-то злорадной ухмылкой, отпустил мертвого. Вот тогда-то Корбин и понял, что понимал некромант под словом "неаппетитно".

Как только дезактивировалось заклинание, и исчезли скрепы, удерживающие зомби в этом мире, труп начал разлагаться просто с нереальной скоростью. Прошло меньше минуты, а он уже растекался мерзкой жижей, запах гниющей плоти заполнил лабораторию.

– Убрать! – прохрипел Корбин.

– Один из учеников, наиболее находчивый, а главное, обладающий крепким желудком (двое уже блевали) моментально испепелил тело, выдав порцию огня такой мощи, какой никогда раньше не мог добиться. Труп исчез, но запах остался. Корбин немедленно начал вентилировать лабораторию. Запах стал слабже, но не исчез. Лишь минут через десять, благодаря совместным усилиям собравшихся, удалось кое-как привести атмосферу в порядок.

– Вот потому такие эксперименты проводятся на открытом воздухе, – наставительно поднял палец Цень.

– Знал и молчал... – Корбин смерил некроманта уничижительным взглядом, потом повернулся к ученикам: – Ну что, не передумали?

К его удивлению, ребята не передумали – очевидно, возможность сравняться по силе с более одаренными товарищами оказалась отличным стимулом для того, чтобы предаться столь неблагодарному занятию, как некромантия. Ну что же, их право. Корбин только скомандовал: "Продезинфицировать здесь все!" и отправился в кабинет Корнелиуса.

Ну а там он застыл на пороге с разинутым ртом – за столом сидели, пили чай и мило беседовали Корнелиус, Элька, Адрис, Джурайя и... Рейна.

Глава 14

Спиртное и все-все-все

Нет, ну до чего странный народ – эти графья! Шпиону в личной королевской переговорной не удивился, а королеву в гостях обнаружил – и теперь стоит с открытым ртом. Да ещё Рейна – вот тоже язва! С милой непосредственностью поддерживая легенду о новенькой королевской фрейлине вопрошает:

– О! А там, за открытым ртом – это случайно не знаменитый граф Корбине де'Карри? Ну надо же, какая удача! Всю жизнь мечтала с ним познакомиться!

Джурайя на лету подхватила королевскую игру:

– Позволь тебе представить Корбина де'Карри собственной персоной. Корбин, познакомься – это Рейна, фрейлина королевы, из новеньких. Она чувствует себя очень одинокой и слегка не в своей тарелке, вот мы и сбежали с бала – расслабиться в хорошей компании.

– Рад знакомству, мадам... Или мадмуазель? А, всё же мадам... Вы очаровательны! – Хвала Единому, Корбин быстро ориентируется в ситуации! А главное – весь этот цирк только ради двух зрителей – Эльки с Адрисом. Корнелиус знал Рейну ещё совсем девочкой, когда она

прибыла знакомиться со своим будущим женихом в сопровождении Корбина вместо личной гвардии.

Корнелиус тогда был частым гостем при дворе, хоть и не являлся уже королевским магом. Тот король, Линарт IV, отец нынешнего раздолбая на троне, вырос на глазах Корнелиуса, и, возможно, только благодаря ему дожил в свое время до коронации. Ведь целью заговорщиков было не только устранение его отца, Гестина II, но и всех его наследников. В юности он не раз выговаривал Корнелиусу, что, останься он придворным магом, не запрись он в своём замке-крепости, и Гестин II был бы жив, на что Корнелиус всегда резонно говорил – был бы жив Гестин, не было бы сейчас Линарта IV, а всего лишь наследный принц преклонных лет...

Тогда, почти пятнадцать лет назад, Рейна была едва вошедшей в подростковый возраст принцессой, третьей дочерью и неперспективной невестой, напуганной сверх всякой меры покушением, оскорблённой пренебрежительным отношением придворных дам и страшно одинокой... Как, впрочем, и сейчас... Всего-то и нужно было – пара тёплых слов, ободряющий взгляд "У тебя всё получится!" и несколько дельных советов, как правильно себя подать, чтобы Рейна перестала так отчаянно трусить. Вся проблема была в том, что ни одна приличная принцесса ни за какие коврижки не соглашалась становиться женой Дидера I и единственного, тогда просто Ди, наследного принца, безвольного и глуповатого бабника, перепортившего женскую половину двора в полном составе ещё в возрасте четырнадцати лет. Учитывая его слабохарактерность, каждая вторая придворная дама искренне считала себя будущей королевой, потому что принц ей это пообещал. И именно поэтому отец Рейны, хитрый и пронырливый король Идальгии, по быстрому решил сбавить балласт в виде третьей дочери без приданого в виде земель и не очень-то тряхнув казной. Счастью короля Линарта не было предела, когда он, познакомившись с совсем молоденькой принцессой, проникся её умом, рациональностью мышления и умением вести себя. Эта была единственная возможность сохранить государство после своей смерти – свалить дела государственные на королеву, и при этом дать шанс выжить Дидеру, своему единственному сыну, такому долгожданному и любимому, но такому бестолковому...

Их обвенчали сразу – боясь упустить удачу (а боялись этого обе стороны родителей молодожёнов), и Рейна осталась во дворце под личной опекой Линарта. У неё было время, чтобы постичь все тонкости правления, освоить искусство интриги, научиться лавировать, недоговаривать, запугивать, решать проблемы путём тихого устранения мешающего объекта – её учил король, не надеявшийся на сына. Она стойко пережила несколько атак принца, считавшего, что он вправе требовать от малолетней наречённой первой брачной ночи, но не переставшего таскать в свои покои всё, что шевелилось, благо то, что не шевелилось, расшевеливать ему было лень. В день совершеннолетия Рейна, скрепя сердце и приняв противорвотное, легла на брачное ложе, стоически, сжав зубы и глаза, перенесла пыхтение, потение, возню и резкую боль от первого контакта, и, с сознанием выполненного долга, одёрнула сорочку и удалилась восвояси. Как она и ожидала, принц потерял к ней интерес, ослабил на весь двор "бревном" и продолжил чёс, не претендуя больше на супружеский долг. Рейне ещё не было и двадцати, когда внезапно скончался король Линарт. В отравлении подозревали всех – кроме принца Дидера, потому как полный придурок, а в первую очередь – саму Рейну. Ей не к кому было обратиться за помощью, и она отправила верного человека к Корнелиусу... Как независимый эксперт при вскрытии королевского тела был назначен Прим, сын Корнелиуса, выдающийся маг-целитель и ученый, который и определил у умершего обширный инфаркт, не имеющий ничего общего с отравлением... Если кто и хотел подставить будущую королеву, ему это не удалось. А те, кто мог этого хотеть больше всего, в течении пары-тройки месяцев скончались естественной смертью или вследствие нелепой случайности ("Если ещё буду нужен – не стесняйся" – сказал тогда граф, получая очередное вознаграждение из рук уже коронованной Рейны).

Так что теперь, едва Корнелиус увидел выходящих из портала Джурайю с Рейной, он понял, что королева здесь не с официальным визитом. Совместно с Джурайей и самой королевой была разработана легенда – тщательно, во всех подробностях, и только после этого послали за Элией и Адрисом – за той самой весёлой компанией, которую обещала Джурайя.

– ... Прикиньте – эти утырки Корбину стали на меня жаловаться, что я их дружка прирезала! Мы, говорят, хотели её вчетвером поймать, но, блин, не успели! Я моргнуть не успела – а они уже лежат, болезные, зубы в ладошку складывают! На фиг, спрашивается? Обратно то не вставить! А он их... Ха-ха!... кастетом, четверых одним ударом!

– Кастетом? – нахмурилась королева. – Так не благородно...

– Зато эффективно! – ввернула рассказчица корбиновское словцо. – Честный герой – мёртвый герой. А он нам пока живым нужен.

Корбин довольно ухмылялся и разглядывал развесёлый коллектив, собравшийся за накрытым столом в кабинете Корнелиуса. Мог ли он подумать, что будет пить обжигающий рот напиток со странным названием "виски" (изобретение Прима, между прочим! Серьёзный вроде учёный, а перегонный куб из алхимического устройства в самогонный аппарат превратил.) в компании бывшего учителя, профессионального мошенника, единственной на все Соединённые Королевства девушкой-парламентёром, королевой и бывшей невестой, полуэльфкой-полудревней... Всё это было похоже на горячечный бред, но, похоже, такой набор собутыльников никого, кроме него самого не смущал. Вот уже полчаса Корбин силился понять – что ещё не так. Что то, ускользающее от его внимания, но не дающее покоя... Расслабившись, он стал рассеянно разглядывать всех сидящих за столом, и испытанная тактика дала неожиданный результат – в поле зрения остались только два объекта – Рейна и Корнелиус. Рейна оставалась самой собой – ну, может, румянее чем обычно, глаза блестят, лицо умиротворённое... А вот Корнелиус... Только сейчас Корбин понял, ЧТО не давало ему покоя. Корнелиус молодец на глазах. Нет, он всё так же оставался убеждённым сединой благородным мужем, но вот морщин стало гораздо меньше, фигура подтянулась, глаза горели ярко и заинтересованно а движения потеряли старческую вялость и медлительность. Сейчас он выглядел не намного старше самого Корбина, максимум лет на сорок по земным меркам и всё больше напоминал фреску на потолке храма Единого, где был изображён Корбольд Неистовый, попирающий ногой некроманта, причисленный к лику святых в прошлом столетии.

– Эх ты, каратель! Портишь лица молодым и задорным бандитским оружием, а знаешь, сколько времени уйдёт, пока их придворный целитель-недоучка им новые зубы вырастит? Год шепелявить будут, не меньше. Экий ты гад! – весело поддел Корбина учитель, которого теперь и язык не поворачивался назвать стариком. Рейна бросила на Корнелиуса быстрый взгляд и, залившись краской, опустила глаза.

– Ещё какой! – гордо выпятил грудь свеженаречённый гад и раскланялся на шутовской манер.
– Спасибо, спасибо, оваций не надо. Просто возложите цветы к моему подножию.

Теперь всё встало на свои места – между Корнелиусом и Рейной, что называется, пробежала искра. Этим объяснялся и румянец на царственном лице и внезапное омоложение четырёхсотлетнего мага. Маги – они такие, навалилась рутина – старость подкрадывается на мягких лапах, пробудился интерес к жизни – и триста лет долой, здравствуй молодость! "Эх Рейна-Рейна... – с некой досадой думал Корбин, чувствуя себя где-то обманутым. – И дня не прошло, как намекала на совместное правление, корону обещала, а теперь сидит и постороннему мужику глазки строит... Эх, женщины! Нет в них постоянства! А если бы

согласился? Опять в дураках бы остался." В размышлениях он упустил момент, когда рука королевы легко коснулась его рукава. Корбин повернул голову и увидел Рейну, выходящую в коридор.

– ... Извини, Кор... Не знаю, как сказать... Ну... в общем... я беру назад свои слова. Ну те, про совместное сидение на троне. Понимаешь, я такая одинокая была, а ты меня всегда выручал... Я потом мечтала всегда, как ты будешь править твёрдой рукой, заботиться обо мне. А я наконец-то себя просто бабой почувствую, ребёночка рожу – не потому. Что надо, а потому, что хочется уже – возраст-то уже не тот, ещё несколько лет, и внуков нянчить надо будет... Во-о-от... Придумала я тебя, от тоски. А сейчас с Корнелиусом поближе познакомилась – и чувствую, что тепло из сердца идёт, а не из головы... Что это? Может, любовь? У меня такого ещё не было. Меня к нему тянет. И его ко мне тоже – я это как женщина чувствую. И я сразу, как только это поняла, решила с тобой поговорить. Что бы всё было честно. Ты мне хороший друг, просто друг, понимаешь? Ты обиделся?

Они стояли возле большого витражного окна. Корбин стоял, сложив на груди руки, и задумчиво смотрел на падающий снег, на укрытый белым покрывалом сад, на деревья в причудливых искрящихся шапках. У него за плечом, переминаясь с ноги на ногу, оправдывалась королева, что само по себе не могло не радовать. С начала разговора он не проронил ни слова, заставляя Рейну всё больше и больше нервничать, заикаться и краснеть, как адептку-первогодку перед наставником на первом испытании.

– Успокойся, королева называется... – Корбин соизволил повернуться лицом к собеседнице и теперь сверлил её насмешливым взглядом сверху вниз. – Чего мне на тебя обижаться? Если мне корона нужна будет, я и тебя не спрошу. А тебе я давно объяснил, как я к тебе отношусь. И, поверь, с тех времён ничего не изменилось. Так что не надо извиняться и краснеть, я рад, что ты сама всё поняла. Друзья? – он протянул Рейне открытую ладонь.

– Корбин! – Взвизгнула королева, как девчонка повиснув у него на шее, игнорируя руку. – Я так рада! Я так тебя люблю! – Она от души чмокнула опешившего графа в щёку и вприпрыжку поскакала к кабинету.

Корбин оторопело потёр щёку, подвергнувшуюся неожиданной атаке, и, подняв голову, встретился глазами с Джурайей, стоящей в дверях. Пробегающая мимо озорная королева обхватила её за плечи, покружилась с ней на пороге и исчезла в тени кабинета, освещённого тусклым светом свечей.

– Там Полин горячее принесла, Корнелиус всех к столу зовёт. – каким-то бесцветным голосом произнесла Джурайя и с неестественно прямой спиной двинулась за ускокавшей королевой. "Нет, я никогда не пойму женщин..." – недоумевая, думал граф, входя в кабинет.

Джурайя

Джурайя методично вливала в себя бокал за бокалом, фактически не ощущая вкуса обжигающего пойла, которое в самом начале и в рот-то взять боялась. Её одолевали самые противоречивые чувства, и единственным выходом на сегодняшний день из создавшийся ситуации было напиться и забыться, чтобы голова не разрывалась от той чехарды, которая в ней творилась. "Я рада, что у Корбина всё сложилось. – уговаривала она сама себя, вливая в рот очередной бокал залпом. – Я сразу говорила, что ему не пара, нечего и расстраиваться. Чего я разнюнилась? Он мне что-то обещал? Нет. Мы помолвлены? Опять нет. Я от него беременна? Тоже нет. Так с чего переживать? Он был со мной честным до конца, а то, что Эльке что-то там показалось, это я сама дура поверила. Так что никого, кроме себя винить нельзя. Мдя... Но от этого легче не становится... – Перед глазами всё ещё стояла сцена у

окна – когда два силуэта сплелись в свете луны в страстном поцелуе, и слова королевы "Я так тебя люблю!". Не просто так ведь она ему признаваться кинулась? – А я, как дура, весь вечер Рейну убеждала, что между мной и Корбином ничего нет, что он меня просто как ученицу Корнелиуса опекает... Вот идиотское положение... Конечно ничего нет, коль у него что-то с самой королевой! Наказал меня Единый богатым воображением... Ладно, прорвёмся как-нибудь. Жалко, что Элька, зараза, опять откажется со мной поработать... А может быть Лес не откажется? Он ведь умеет – успокаивать, мысли правильные навевать. Эх, рвануть бы к эльфам. Уши остроухие кому-нибудь надрать...". В голове наконец-то оформилась одна вполне устойчивая мысль – и её нужно было озвучить сразу, пока она не ушла.

– Рейна, а ты эльфийский лес видела? НЕТ?!!! А хочешь, покажу? – Джурайя, пошатываясь, резко встала, перевернув тарелку с салатом на штаны сидящего рядом Адриса. – Вот Адрис с Элькой тоже не видели, – аргументировано произнесла девушка, пытаясь говорить чётко и внятно, отчаянно борясь с заплетающимся языком. – Кто за экскурсию в Зачарованные Земли – поднимите руки! – над столом взметнулись руки, причём две из них принадлежали Рейне, две Эльке, одна Корнелиусу, причём её цепко держала рука Рейны за указательный палец, и одна её собственная с кубком. – Шестеро против двоих! Большинством голосов постановили – отправляемся сейчас! – и возле стола открылся красивый, искрящийся голубыми искрами, молочно-белый портал с сиреневой дымкой. По ту сторону телепорта виднелись раздел трав и толстые стволы с узловатыми ветвями и серебристой листвой. Слышалось пение птиц, а из-за края портала сияла просто нереальная огромная луна.

– Джуня, а может, не сегодня? – осторожно начал Корнелиус, – Ты утомилась, перенервничала, поспи, а завтра утром все и отправимся, так ведь, Корбин? – он вопросительно взглянул на ученика, но тут же понял, что ошибся и поддержки ждать неоткуда. Корбин сидел, небрежно развалясь в кресле, а глаза его горели лихорадочным блеском.

– А почему нет? – независимо отозвался он, – Там сегодня коронация и чествование нового Верховного, кстати, моего старого знакомого. Надо бы проконтролировать, пару наставлений дать – ведь не без моего участия он тёплое местечко получил. А то ещё обидится, что я не пришёл, плакать будет, – Корбин улыбнулся зверской улыбкой, – эльфы, они ведь такие чувствительные, чуть что – сразу в слёзы!

– Дурацкая затея, – буркнул себе под нос Адрис. Он весь вечер был непривычно молчаливым и нервным. Элька ерзала рядом с ним, не зная, как растормошить возлюбленного. – Какой лес среди ночи? Жулька, какая тебя муха укусила? Ты на ногах не стоишь, иди спать, чудо эльфячье. Свалишься ведь, и никого трезвого нет, кто портал обратно домой откроет...

– Какой-то ты нервный стал, Адрис, – задумчиво протянул Корбин, глядя через стол в портал. – Тебе бы успокоиться надо, съездить куда-нибудь, в челюсть например... – Адрис с тоской взглянул на неудачно состарившего Корбина и отвернулся. – Не дуйся, пошутил я, – великодушно бросил Корбин, – айда, расслабимся. Чё-то ты и впрямь не в себе, может, в лесу полегчает – на травке поваляешься, грибов поешь...

– Корбин, ну хватит, – укоризненно взглянула на остряка Элия, поглаживая Адриса по руке. – Мы можем и здесь остаться, не так уж мне и хочется на этот лес смотреть... – голос её предательски дрогнул, а глаза подозрительно заблестели. Адрис как будто очнулся от дурного сна и внимательно присмотрелся к Элии.

– Всё, мы тоже идём! – старательно натянул он на лицо улыбку, которая вышла малость кривоватой, но никто, кроме Эльки, этого не увидел. – Ну, потопчем же травы Зачарованного леса! Эль, ну ты идёшь или нет?! Сколько тебя ждать можно? – и буквально втащил

ошарашенную сменой его настроения девушку в портал.

... Лес встретил их тревожным шелестом листьев. На границе Зачарованных Земель, у раздела трав, куда вывел портал Джурайи, нетрезвую компанию встречали открыто стоящие лучники. От внезапной смерти в виде Корбина их спасло только то, что луки висели за спиной и в руках лучников не видно было стрел. Сделав пасс и втянув обратно приготовленную было шаровую молнию, Корбин внимательно осмотрел вытянувшихся по стойке смирно эльфов. Сейчас они больше напоминали почётный караул.

– Что, орлы, встречаете начальство? – грозным рыком заставил их вздрогнуть граф. – Доложить по форме, как догадались, кто идёт?

Из строя шагнул вперёд лучник со знаком отличия в виде серебряного обруча.

– Нас выслал Верховный эльф Лаллиэль, ему Лес сказал что Джурайя идёт... Вот... Встречаем, чтобы не случилось чего...

– Не понял, – грозно нахмурился Корбин, – чего случиться-то может?

– Ну... Верховный Иселендил не признаёт новой власти, сейчас вот возле Старшего дома вместо коронации суд устроил... Мало ли, может его кто-то тайно поддерживает. Вот Лаллиэль нас и выслал, сопроводить в целости и сохранности госпожу Джурайю на поляну Старшего дома. – Лицо эльфа посветлело, лицо озарила юношеская улыбка. – С Лаллиэлем Лес говорит, мы все за него, а он сказал нам на госпожу Джурайю молиться надо! – он вопросительно взглянул на стушевавшуюся "госпожу".

– Не-а, молиться не надо... – пробормотала она. Едва ступив на территорию Леса, в голове чуть-чуть прояснилось. – А вот с вашим Исен... Изем...мудилом..., неважно вообще, разобраться надо. – И решительно направилась впереди караула в просвет между деревьями.

К Старшему дому суровая сплочённая команда пробиралась в режиме разведки, не поднимая шума и пыли, а потому на поляну вышли незаметно и некоторое время наблюдали театральное действо под предводительством Иселендила Великолепного, бывшего Верховного и по совместительству джурайино деда. К моменту их прибытия, он уже распалил себя своей собственной гневной и обличающей речью настолько, что искренне удивлялся – почему силы небесные не испепелили отступников и мятежников прямо на этой самой поляне, а вместе с ними и эту старую корягу, которая всю жизнь ему магию зажимала, а скотине Лаллиэлю отливает полным черпаком, аж девать некуда?! И где, интересно, его нимб святого мученика, безвинно истязаемого и погубляемого грубыми необразованными животными?!!!

– ...не жалея себя, отдавал я свою жизнь служению народу, а вы, неблагодарные, не вступились даже, когда меня, Верховного Эльфа (!!!) били по лицу сапогами! – наступал он на Лаллиэля, потрясая холёными кулаками перед его лицом. Вежливый Лаллиэль терпеливо и со страданием на лице выслушивал вопли Иселандила, время от времени отступая на шаг назад и стирая с лица слюни, которые обильно разбрызгивал орущий оппонент.

– Руками, – вставил он в короткий промежуток между тирадами.

– Что руками? – сразу не сообразил Иселандил.

– Били по лицу руками, – пояснил Лаллиэль, усилием воли подавляя рвущийся из груди смех.

– А вот под зад пинали ногами. Так ведь на то он и зад, и ноги из него растут, так что всё логично. – Дружный хохот сотряс поляну, на которой присутствовал весь личный состав Зачарованного Леса. Коронация Лаллизля отодвигалась на неопределённый срок, но представление Иселандила было ничуть не хуже, и давно не развлекавшиеся эльфы рады были поработать массовой. Зря Иселандил рассчитывал на их поддержку – рядовые эльфы давно устали от снобизма и самодурства зарвавшегося Верховного.

Корбин сделал страшные глаза, поднес палец к губам, призывая желающих сообщить о его прибытии заткнуться, и сунул кулак под нас одному из сопровождающих гостей эльфов. Тот, дурик, не понял намёка и открыл уже было рот, готовясь объявить о явлении Корбина народу. Над поляной моментально установилась тишина, однако увлечшиеся дебатами правители, прошлый и нынешний, не обратили на нее ни малейшего внимания.

Бесшумно ступая, Корбин в три широких шага пересек отделяющее его от спорщиков расстояние и, зайдя со спины, отвесил дедушке Джураи такого пинка под зад, что ноги эльфа оторвались от земли. Пролетев пару локтей подобно ошалевшей лягушке, бывший правитель с шумом грохнулся в заросли какого-то колючего кустарника. Судя по крепким матюгам, ушибся он сильно, но не смертельно. Правильность этого предположения была подтверждена тут же – разъяренный, побитый, но не сломленный эльф буквально вылетел на поляну, хлюпая разбитым носом и размахивая каким-то сукон, подобранным, судя по всему, в том же кустарнике.

Боевой пыл его, правда, угас сразу же после того, как он увидел, кому обязан эффектным полетом. Корбин улыбнулся ему широкой и ласковой улыбкой, от которой, случалось, бледнели даже короли, и приглашающе потер кулак. Эльф тут же бросил сук и замер, разрываясь между гордостью, которая требовала встретить нахала так, как подобает перворожденному, и инстинктом самосохранения, настаивающем на необходимости залезть на самое высокое дерево, укрыться там листиками, и не отсвечивать как минимум пару дней. Ну, или пока де'Карри не уберется подальше.

Наблюдать за его метаниями было интересно, однако Корбин был слишком пьян, чтобы получать от этого эстетическое удовольствие. К тому же, его давно уже сильно мучила совсем другая проблема, и потому он намерен был разобраться с ситуацией как можно быстрее.

– Я не понял, – начал он, грозно хмуря брови. – Только вчера мы, вроде бы, договорились о том, что некоторые свиньи сидят и не квакают, а взамен я не разношу здесь все вдребезги и пополам, и что я вижу сегодня? Ты что, урод, не понял, чем приказ от совета отличается? Я не посмотрю, налево твою жопу, что ты дед самой красивой женщины в этих водах, а просто заставлю тебя собственные уши сожрать! Тебя что, мечом давно не протыкали? Я же тебя на твоём любимом ясене повешу, и не обязательно за шею, понял, дуб?

С каждой секундой граф распалялся все больше и больше, и лишь те, кто знал его достаточно хорошо, ощущали нотки веселья в его голосе. Таковых было немного – Корнелиус, Джурайя, Райна, да еще новоиспеченный эльфийский правитель, который явно наслаждался, наблюдая, как у его бывшего шефа прямо на глазах подкашиваются ноги. Однако у Корбина не было времени затягивать спектакль.

– Ты, ты и ты, – небрежно ткнул он пальцем в толпу эльфов. – Возьмите это чудо, отведите вон в те кусты и хорошенько попинайте ногами. Я потом проверю на наличие синяков. А ты, – он повернулся к ставленнику Джураи, – отвечай, сволочь, почему почетный караул такой вшивенький? И где столы, которые должны быть уже накрыты в честь коронации к прибытию великого меня и сопровождающих героев рангом пониже? Где, я тебя спрашиваю?

– Сей момент сделаем, – отозвался новоиспеченный правитель, поддерживая предложенную ему игру. – Не извольте беспокоиться, ваша милость...

– Ну, вот и хорошо, – буркнул Корбин, демонстративно остывая. – Займите пока дам, что ли...

Когда, окруженные толпой испуганных эльфов, его товарищи отправились осматривать достопримечательности, а дедушку Джурайи принялись с демонстративным хеканьем пинать в ближайшем овраге, Корбин, наконец, сделал то, о чем мечтал с момента высадки из портала.

Джурайя выпихнула перед собой оторопевших Рейну, Адриса и Элию, наспех представила их Лаллиэлю, Корнелиус поздоровался с ним первым как старый знакомый, а на приветствие Лаллиэля "Ты всё не меняешься, Корбольд!" досадливо махнул рукой, глазами призывая быть посдержанней в речах, при этом страшно косясь на Рейну. Лалли всё понял и переключился на дам, заговаривая им зубы байками о чудесах Зачарованного леса. Рейна с Элькой ойкали, ахали и по всякому выражали восторг после каждого предложения словоохотливого Верховного, как по волшебству на поляне появлялись столы, сервированные с таким изыском, что даже Рейна, будучи королевой не первый год, потрясённо молчала.

Адрис незаметно для всех влез на тот самый сук, что облюбовала для себя в своё время Джурайя и так же, как и она тогда, прислонился спиной и затылком к тёплой шершавой коре.

Джурайя тихонько пятилась в сторону деревьев, ей очень нужно было поговорить с Лесом. Она только сейчас заметила, что всё ещё сжимает в руке полный бокал виски, мысль о том, чтобы выпить его содержимое, вызывал стойкий рвотный позыв, а вылить с священном Лесу рука не поднималась. Под ногу подвернулся толстый узловатый корень, и она чуть не упала, расплескав большую часть содержимого бокала и кое как удержав равновесие.

– Брось, а то уронишь, – раздался в её голове насмешливый голос. Лес! Конечно это он, узнал, родимый! Джурайя подобралась поближе к стволу и присела на сплетённые корни у основания ствола. – Экая ты сегодня дама! – заметил Лес. – На коронацию к Лалли наряжалась?

– Да нет... – растерянно ответила девушка вслух. – Я сюда неожиданно собралась. В голове бардак, надеялась, что хоть ты просветлишь, на путь истинный наставишь...

– Ходят тут по окраинам толпы просветлённых, песни поют, чушь городят... Нажрут грибы и орут на весь мир – со мной говорил Единый! Хотя единственный, кто с ними говорил – это я, когда уговаривал не жрать гадости и их шизофрения, когда они гадости таки наелись. Ты вон тоже... просветлилась уже. Да вылей ты и остатки! А бокал в дупло положи, потом Лалли скажу, чтобы забрал.

Джурайя плеснула остатки под корни.

– Я потом ещё подойду, хорошо? – извиняясь, спросила Джурайя. – Предупрежу на поляне, что я здесь, недалеко. Может, посижу с ними чуть чуть...

– Иди уж, Светлая Госпожа! Ротик прикрой – светляк залетит. Это тебя эльфы так называли. Ха! Светлая госпожа с тёмной магией. Логика у моих деток никакой, одни эмоции. Иди, иди, а то искать побегут. Дружок твой неуравновешенный опять мне тут дров наломает – в прямом смысле этого слова...

Джурайя звонко рассмеялась удачной шутке и умчалась на поляну. На душе заметно полегчало. А спустя минуту к этому самому дереву, но с другой стороны, подошёл Корбин де'Карри собственной персоной. Он опасливо оглянулся вокруг – скитаясь вокруг поляны, он никак не мог выбрать уединённое место, вечно натываясь то на парочки эльфов, но на патруль лучников, то на Корнелиуса, – и с наслаждением начал подписывать дерево.

– Мда-а-а... Чего только мне под корни сегодня не льют... – раздался задумчивый голос. Корбин ошалело завертел головой, но благородного занятия не прекратил. – Ты что думаешь, что в органическом соединении этиловый спирт меня быстрее проберёт? Ну почему, почему из тысяч просто деревьев, которым по барабану, чем их удобряют, ты выбрал именно меня? – только сейчас Корбин понял, что голос звучит в его голове. Мыслеперечь! – осенило многоопытного мага. Ну надо же, так чётко, и без картинок, я и не знал, что так можно!

– Ты кто? – мысленно ответил Корбин, застёгивая ремень.

– Конкретно я? Или тебя весь симбиот интересует? – спросил голос.

– Сим... что?! – не понял Корбин. – Говори по человечески, не выделяйся!

– Рад бы был, да не могу – дерево я, – глумливо отозвался голос. Корбин готов был поклясться, что голос был не совсем трезв.

– Не тренди, любезнейший. Деревья не разговаривают.

– М-да... – задумчиво отозвался голос. – Раньше считалось что они и не бухают. А теперь гляди-ка! Выпил-то всего ничего – а на разговоры тянет, как с ведра. Крепкое пойло, эльфийское вино раз в десять полегче будет...

– Кто же тебе налил, уважаемый? – хохотнул Корбин. Он уже утвердился в мысли, что его посетила та самая белочка, которой так любил пугать его Прим во время совместных возлияний, а потому чувствовал себя спокойно и расслабленно.

– Да подружка твоя. Пришла с рюмкой, корни мне продезинфицировала какой-то гадостью. Крепкая, зараза! Как вы это пьёте?

– Джурайя что ли? – обрадовался Корбин. – И давно она здесь была?

– Да вот только что, – отозвалось дерево. – Обещала ещё прийти, за жизнь поговорить...

– Отлично! – потёр руки довольный пьяный граф. Он горел желанием воспользоваться своим неадекватным состоянием и под эту марку наконец-то признаться Джурайе в... А вот в чём конкретно, он сейчас мучительно пытался сформулировать. Слова получались все сплошь заезженные и пошлые, что вовсе не соответствовало возвышенности его намерений.

– Не мучайся, скажи как есть. Не бревно же она бесчувственное, – хохотнул заметно развеселившийся голос дерева, – сама тут на корне сидела, мучалась сомнениями... Ой, пардон! Чужой секрет выдал! Эх, алкоголь, самые светлые умы от тебя гибнут... – дерево грустно шевельнуло ветвями.

– Спасибо, братан! – Корбин похлопал крепкой ладонью по стволу. – Хоть ты и глюк, но выручил крепко! А теперь молчи, мне с девушкой объясниться надо, – многозначительно поднял указательный палец Корбин, издали заметив приближающуюся фигурку в вечернем

платье, ковыляющую по траве в столь неуместных в лесу туфлях.

Джурайя не поняла, в какой момент она оказалась в крепких объятиях мужчины своей мечты. За деревом что ли прятался?! А теперь он смотрел ей прямо в глаза, с идиотской улыбкой на лице, и отпускать её совсем не собирался. Наверное, ещё сегодня днём она была бы самой счастливой женщиной на этой грешной земле, но после того, что она видела сегодня вечером...

– А ты не перепутал? – сделала она робкую попытку прояснить ситуацию.

– Молчи! – всё так же загадочно улыбаясь прижал ей палец к губам Корбин. – Я сейчас не в себе, со мной говорило дерево и видимо, белочка меня всё же посетила, но... Это мелочи. Я давно хотел тебе сказать, что ты самая... – он прижал Джурайю крепче, – самая...

Лицо девушки потемнело от негодования. Что бы не разреветься, она закусил губу до крови. Р-раз – и она вывернулась из захвата, два – и половой агрессор получил по наглой роже, три – и ему в грудь прилетел неслабый удар пяткой в грудь. От серьёзного ранения его спасло только то, что туфелька с острой шпилькой слетела в полёте, но и без этого он от неожиданности впечатался в ствол не менее оторопевшего дерева.

– Кобель! – яростно выкрикнула Джурайя, со злостью смахивая предательски выступившие слёзы, – Я то думала, что ты... А ты!!! Ты ещё хуже!!! -еле сдерживая всхлипы, она стащила вторую туфлю, швырнула её в графа и уже не сдерживая рыданий, умчалась прочь.

– Фигассе... – только и выдавил из себя Корбин, рефлекторно перехвативший в полёте туфельку и ошалело тарачившийся теперь вслед исчезнувшей за толстыми стволами Джурайе.

– Вот это темперамент! – выдохнуло дерево.

– А за что?! – возмутился Корбин. Что, простите, он опять сделал не так?!!!

– Пойди и спроси, – философски изрекло дерево задумчиво шелестя листьями.

– Ага, может, ещё прощенья попросить? Прости, милая, что ты дура! – гнев, раздражение, обида бурлили внутри и не находили выхода. – Сумасшедшая девка... За что, Единый, мне это наказание?! Почему из тысяч и тысяч НОРМАЛЬНЫХ баб ты наградил меня этой... этой... дикой кошкой! – наконец нашёл верное определение возмущённый Корбин.

– Ты б поговорил с ней, что ли... – аккуратно посоветовало дерево, разом протрезвев.

– Облезет! Пусть теперь сама со мной объясняется! А я ещё подумаю, стоит ли её слушать... – граф побрёл прочь, машинально подобрав и вторую туфлю, потирая ушибленную грудь свободной рукой и почёсывая ушибленный затылок каблуком одной из двух туфель, болтавшихся у него в другой руке.

Глава 15

Лорд Корбин

Недоумение сменилось обидой, обида – бешенством, бешенство – болью, только сменяли друг друга эти состояния непривычно медленно, очевидно, сказывалось алкогольное опьянение. Однако же, так хреново Корбину давненько не было – года четыре, пожалуй, или

даже чуть больше. А главное, не было никакой возможности сбросить напряжение привычным методом – устранить источник раздражения или хотя бы сорвать на нем злость. Как только Корбин осознал это, перед ним как будто наяву предстала картина того, как он держит в руках чье-то тонкое, беззащитное горло и медленно сжимает пальцы. Корбин мотнул головой, и картинка тут же сменилась другой – ревущим огненным смерчем, вздымающим в небеса и втягивающим в себя весь этот проклятый лес. Картина была настолько реальной, что Корбину стоило немалых усилий загнать ее обратно, в темные глубины сознания. А главное, он прекрасно понимал, что вполне в силах сделать и первое, и второе, и от этого понимания ему стало еще более больно, а главное, стыдно. Вновь, в который уже раз, получалось, что граф способен решить любую проблему тех, кто его об этом просит, и не в силах решить свою собственную...

– Не дождетесь! – процедил Корбин сквозь зубы. – Хрен вам...

Он еще сам не знал, что за хрен, кому хрен, чего от него не дождутся, однако это сейчас для него было уже неважно. С усилием распрямившись, Корбин загнал чувства внутрь себя, задавил их, скрыв от окружающих, как крышка закрывает кипящий котел. Медленно обернулся, обведя ставший вдруг совершенно чужим и неприятным лес тяжелым, недобрым взглядом. Возможно, ему показалось, но некоторые деревья вдруг перестали шелестеть листвою и подозрительно затаились – впрочем, чего еще ожидать после такой дозы спиртного? Только явления белочки, разумеется.

– Сами решайте свои проблемы. Надоело! – сказал Корбин в пространство. Пространство молчало. Корбин покачнулся, но остался на ногах, усилием воли вернул контроль над телом. Еще не хватало, чтобы кто-то видел его слабость. Нет уж, граф привык быть сильным и не собирался ни отказываться от этого, ни выглядеть жалким неудачником. Он, граф де'Карри, всю жизнь ломился вперед, подобно корабельному тарану, и это всегда помогало. Поможет и теперь – во всяком случае, Корбин на это надеялся.

Злобно ругаясь про себя, он зашагал в сторону поляны, на которой, похоже, намечалось продолжение банкета. Во всяком случае, пьяные выкрики и женский смех доносились именно оттуда. Вообще, эльфийский лес – очень благоустроенное место, благоустроеннее даже, чем королевский парк. По нему можно идти, как по дороге – деревья растут ровно, аккуратно, под ноги ничего не лезет, даже в темноте не споткнешься. Однако сейчас под ноги как раз лезло все подряд – то толстые, узловатые корни, то крапива, то густой, колючий кустарник. Корбина, впрочем, Единый силушкой не обидел, поэтому он шел напролом, ни на что не оглядываясь, и оставляя позади себя настоящую просеку. К счастью для них самих, никто ему по дороге не попался – иначе Корбин, наверное, просто растоптал бы их и не заметил. Правда, один раз, в кустах, ему встретилось чье-то полубесчувственное тело – то ли пьяное, то ли мертвое, то ли еще по какой-то причине отлеживающееся. Корбин, проходя, отвесил телу пинок под зад, и возмущенный вопль оповестил его, что тело все же живое и, возможно, даже трезвое. Судя по голосу, это был многострадальный дедушка Джурайи, но проверять, так ли это, Корбин не стал. Во-первых, лень было, а во-вторых, тело, извиваясь так, что любая змеюка бы позавидовала, молниеносно уползло еще глубже в кусты и там затаилось. Плюнув ему вслед и, судя по возмущенному писку, попав, Корбин решительно зашагал дальше и пару минут спустя вышел на поляну.

Там, похоже, веселье было в разгаре. Знаменитый эльфийский оркестр играл что-то бравурно-заунывное, пафосно-героическое и бесконечно скучное. Впрочем, собравшимся здесь это совершенно не мешало – народ хлестал вино в три горла, и был намерен, похоже, и дальше предаваться этому интересному занятию. Более того, все настолько увлеклись, что даже не обратили на Корбина внимания, что было последнему только на руку. Моментально вычленив из пьяной толпы необходимого ему человека, граф решительно направился к нему.

– Эль... – от неожиданности Элька подпрыгнула.

– Нельзя же так! Над ухом! Я же от страха...

– Тише, Эль, не кричи так. Как по голове кувалдой, чес-слово. На вот, передай Джу – она забыла. А я домой – голова трещит. Давай, хорошо вам отпьянствовать.

С этими словами Корбин неловко сунул в руки Эльке Джурайины туфли и быстро отошел обратно в лес. Там, не привлекая лишнего внимания, Корбин открыл портал и отправился в свой замок.

Родные стены встретили Корбина могильной тишиной. Ну да, сейчас была ночь, а шаги часовых были из комнаты графа абсолютно не слышны. Это было, конечно, здорово, но сейчас Корбину хотелось взвыть от этой тишины. Кое-как добредя до своей койки, он бухнулся на нее, не снимая сапог, и забылся глубоким, тяжелым сном.

Утро было не менее мрачным, чем конец вчерашнего вечера. Небо подернулось густыми, низкими тучами, шел мелкий, противный снег, скорее даже снежная крупа. Порывы холодного ветра завывали в трубах, по двору гуляли миниатюрные смерчки, закручивая сероватую снежную пыль в неприятные на вид спирали. Даже свет, пробивающийся сквозь тучи, был серым и противным.

Корбин с трудом сел – голова болела нещадно. Прочитал заклинание... Как ни удивительно, оно все же подействовало, и граф смог, наконец, принять вертикальное положение. Тем не менее, приятного все равно было мало – затекшие от долгой неподвижности и неудобной позы мышцы ныли, мешая двигаться. С трудом, хрустя суставами, Корбин кое-как размял их и на негнущихся ногах подошел к зеркалу. Из его сияющей глубины на графа смотрело опухшее лицо с набрякшими веками и красными, как у кролика, глазами. Мерзкое зрелище. Корбин невольно передернулся, зло скрипнул зубами и решительно отправился приводить себя в порядок.

Полчаса спустя свежий, с мокрыми волосами граф спустился в столовую. Общее самочувствие было уже вполне терпимым, однако мрачные мысли из головы никуда не исчезли. На душе было мерзко и хотелось кого-нибудь убить. Слуги, очевидно, своим обостренным чутьем опытных халдеев чувствовали настроение хозяина и старались не попадаться ему на пути. А вот в столовой Корбина ожидал сюрприз.

– Корбин, здорово!

– Привет, Прим. Давно не виделись. Какими судьбами?

– Да вот, отец вчера срочно вызвал, я к нему, а дома никого нет...

– Вечером?

– Ну да.

– Пфе! Бухал твой папаша в это время, в эльфийском лесу бухал. Спонтанно просто все получилось.

– Бывает... В общем, домой возвращаться было неохота, вот мы и рванули к тебе. Решили, что тебе будет приятно.

– Рванули? Так ты не один?

– Ну да, Карина с Альбертом тоже здесь.

– А почему не за столом?

– Они у меня ранние пташки, сам знаешь... Уже позавтракали и смылись куда-то.

– Ну да, и никто меня не предупредил... Всех слуг перепорю, ПрОклятый меня возьми. Чуть дашь слабину – и готово дело, ты уже не знаешь, что происходит в твоём собственном замке. Кстати, тебя я бы тоже выпорол.

– Это еще за что?

– А почему ты мне не сказал, что у нас с Джураией ничего не было?

– А ты не спрашивал.

– Это – мои слова, – вымученно улыбнулся Корбин. – Ладно, пошли жрать, я голоден, как волк.

После плотного завтрака самочувствие Корбина вошло в норму, чего никак нельзя было сказать о его душевном состоянии. Поэтому разговор не клеился, и Прим, подумав, откланялся, попросив у Корбина разрешения оставить жену и сына в его замке – снова тащить Карину с сыном к отцу, который наверняка не в духе после вчерашнего, ему не хотелось, а отправлять их домой было лень. Лучше уж он потом, вечером или когда там, заскочит за ними. Ну и с Корбином посидят, поговорят за жизнь. Граф лишь вяло махнул рукой в ответ, соглашаясь, и Прим отправился к отцу, а Корбин, по-прежнему пребывая в скверном расположении духа, поплелся к себе в комнату. Там он снова плюхнулся на кровать, некоторое время бездумно рассматривал потолок, а потом незаметно для себя снова заснул.

Проснулся он уже ближе к обеду. Есть не хотелось совершенно, в теле была неприятная вялость. Кое-как встав, Корбин произвел ревизию организма и с удивлением убедился, что тот функционирует нормально, просто не хотелось функционировать самому графу. Злобно сплюнув, Корбин решительно взял себя в руки и занялся делами, но на обед все равно не пошел – ну не лезло в него сейчас абсолютно ничего. Так он и сидел, разбираясь с накопившимися за праздничные дни бумагами, почти до ночи.

Поединать он себя все-таки заставил. Просто потому, что надо быть сильным, а какие силы, когда не ешь? К тому же, Прим не вернулся, заночевав у отца, и надо было составить компанию Карине – невежливо иначе как-то. Ужин прошел вяло, разговор не клеился, и вскоре Корбин ушел спать, сославшись на мигрень и вызвав удивленный взгляд гостыи. Правда, ему от этого взгляда было не тепло и не холодно.

Ну а утром он проснулся резко, как всегда, когда чувствовал чье-либо присутствие. Рука рефлекторно легла на рукоять меча, по старой привычке прислоненного к кровати, однако мозг успел включиться в анализ обстановки, и Корбин расслабился – в его кресле, как обычно, забравшись в него с ногами, сидел Альберт и читал книгу.

– Альберт, сколько раз тебе говорить: не прокрадывайся в комнату, пока я сплю. Пришибу ведь ненароком...

Корбин пытался говорить сурово и раздраженно, но почему-то это у него не получалось. Маленький паршивец прекрасно это чувствовал и пользовался расположением графа вовсю.

– Ладно тебе, дядя Кор, – совсем по-взрослому ответил он, захлопывая книгу и слезая с кресла. – Я уже два часа здесь сижу, а ты даже не пошевелился. Кто угодно мог спокойно зайти и тебя прирезать.

– Не кто угодно, – машинально ответил Корбин. – Я дверь на засов запер... Ты как зашел?!!

– Да просто, – пожал плечами сорванец. – Там щель есть. Засов крутящийся, ножик сунул и приподнял.

– Щель? В моей двери? – Корбин встал, в одних трусах прошлепал к двери, осмотрел ее и задумчиво сказал: – Пожалуй, я повешу нашего плотника. В моих личных покоях щелястая дверь... Я что, мало плачу этим дебилам? Как только чуть ослабишь контроль – и готово дело, вместо работы в трактире пиво дуют. Давно я никого не вешал.

– А может, просто выпорешь?

– Посмотрим, – Корбин, сообразив, что подает подрастающему поколению неподобающий пример, начал быстро натягивать штаны. – Так что ты здесь делаешь?

– Книгу читаю. Я ее в прошлый раз начал читать, а утром прихожу в библиотеку, а ее нет. Сказали – ты забрал. Вот я и взял ее тихонечко... Все равно уже довольно поздно.

– Да? – Корбин только сейчас обратил внимание на свет, струящийся сквозь задернутые шторы. Подошел, распахнул их – и невольно зажмурился от ударившего в глаза солнца. – Это сколько же сейчас время?

– Полдень почти что, – рассмеялся Альберт. – Ты вчера такой был, что сегодня тебя будить все боятся.

– Боятся, говоришь? – задумчиво переспросил Корбин. – Это хорошо, хоть выспаться дали... А то как Лик к родне в деревню укатил, так с каждой мелочью ко мне ползут, по утрам будят. Совсем страх потеряли, никакого уважения к барину... Нет, я кого-нибудь точно повешу.

– Да что ты сегодня все вешать да вешать кого-то хочешь? Тебе, дядь Кор, что, заняться больше нечем?

– Настроение такое, – буркнул Корбин.

– Опять с Джу поругался? – догадливо предположил юный нахал, и тут же ловко спрятался за кресло, спасаясь от летящего в него тапка. – Дядь Кор, да ты не нервничай, все у вас образуется.

– Молчи уж, умник, – фыркнул граф. – Много ты понимаешь...

– Знаешь, дядь Кор, понимаю...

Корбин медленно подошел к нахалу, внимательно посмотрел на него и хотел было прочитать суровую отповедь, но осекся – с совсем еще детского лица на него смотрели мудрые глаза много повидавшего в жизни старика. И Корбин в очередной раз с тоской подумал о том, что

не всемогущ, что ни ему, ни Приму не удастся помочь этому мальчишке избавиться от воспоминаний о слабости, болезни, уродстве... Можно вернуть человеку здоровье, сделать его сильным и быстрым, но избавить от кошмара беспомощности и неумолимо приближающейся смерти не в силах никто.

Мрачно вздохнув, Корбин спросил:

– Прим не появлялся?

– Не-а, – мотнул головой Альберт. – Вернее, появлялся на минуту, маму забрал – и к деду.

– Вообще охамел, – проворчал Корбин. – Опять свалил тебя на мою многострадальную шею.

– Да ладно, тебе же самому со мной веселее.

– Будто мне без тебя скучно...

– Скучно-скучно. И потом, родителям сейчас не до тебя, да и не до меня, если честно.

– А что случилось?

– Да, у меня, наверное, скоро братик будет. Или сестра, – махнул рукой мальчишка. – Но лучше, все же, брат.

– Это ты зря, – задумчиво отозвался Корбин. – Я, помнится, когда-то мечтал о том, чтобы у меня был хоть кто-нибудь родной. Отец был уже стар, да и времени на меня у него вечно не было... Завидую я тебе, если честно. Хотя Прим, конечно, гад – мало того, что опять затихарился, так еще и тебя спихнул. Дескать, работай, Корбин, работай, солнце еще высоко. Своих детей нет – на вот, Альберта понянци.

– А что мне завидовать? Мама и отец в последнее время заняты только самими собой. Тебя постоянно нет, да и к тебе в замок без отца не попадешь. Скучно мне, дядя Кор.

– Скучно, говоришь? – в голове Корбина со звонким щелчком выкристаллизовалась мысль. – Ладно, пошли.

– Дядь Кор, а завтрак?

– Ты еще не ел?

– Ел... А ты?

– А я потом поем. Когда тебя, хе-хе, сбегрю.

Все же пришлось потратить какое-то время на умывание, однако Корбин, большой любитель водных процедур, на сей раз справился быстро. Десять минут спустя он, в сопровождении Альберта, бодро шагал по замку, небрежно отвечая на приветствия часовых. Их путь лежал в комнату телепорта.

– Вот, возьми, – Корбин сунул Альберту в руку амулет. – Это тебе для того, чтобы пользоваться телепортом. Пропуск в эту комнату и дорога обратно. Запоминай код портала. Другие открывать не пытайся, ошибешься – на куски тебя разорвет. Если что, потом я тебе коды покажу, но не сейчас. Чтобы вернуться – просто повернешь камень на амулете, он

восстановит портал. Сейчас и попробуешь. А сейчас – вперед!

Когда они вышли из портала, Альберт удивленно завертел головой. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись горы – высокие, скалистые, кое-где припорошенные снегом. Но все же здесь было явно теплее, чем в Багванне.

– Где мы? – шепотом спросил Альберт.

– Юго-восток Идальгии, это формально. А на деле – ничейные земли.

– Почему?

– Пока неважно, это вопрос политики и общих возможностей государства. Главное в другом. Что ты знаешь о драконах?

О драконах Альберт, как оказалось, знал немного – примерно то же, что и большинство людей. Не интересовался прирожденный механик драконами, предпочитая более приземленные материи, а зря.

Ну вот что знали люди про драконов? Да только то, что это гигантские, кровожадные ящеры, способные летать по небу, плевать огнем, закованные в прочную, прочнее, чем рыцарские латы, чешую, слабо уязвимые для магии и практически безмозглые. И мало кто знал, что драконам просто не повезло.

Все дело в том, что любое существо способно полноценно развиваться только тогда, когда есть, ради чего, собственно, развиваться. И каждый развивается по своему – волки отращивают крепкие зубы и быстрые ноги, птицы имеют крылья и клювы, а человек тренирует мозги. И все развиваются только ради того, чтобы выжить. А драконы не развивались.

По сути, драконы являлись самыми совершенными существами на планете. Они действительно были огромны – взрослый дракон достигал сорока локтей в длину. Они и впрямь были почти неуязвимы. Летать они могли далеко и быстро, огнем плевались метко. Сожрать на обед медведя – это для дракона было нормой. Кстати, и для изменений климата драконы были почти неуязвимы, потому как были вполне теплокровными. Поэтому данный им от природы мозг, ничем не уступавший, а во многом и превосходивший человеческий, почти не развивался. В результате мало какой дракон умел толком разговаривать, а уж мыслей сложнее, чем "что бы пожрать" у них в голове вообще не встречалось.

Вот физическое совершенство драконов и погубило. Их и так-то было не очень много, потому как кормовая база не бесконечно, а потом у них появился конкурент в лице человека – слабого, но умного и потому ставшего сильным. Результат был закономерен.

Дракон может сжечь деревню, разогнать пару десятков кое-как вооруженных крестьян, но он бессилен против армии и установленных на стенах замков баллист. Драконы попадали в ловушки, их травили, заваливали камнями в их собственных пещерах и уничтожали еще тысячью способов, которые только мог придумать изобретательный человеческий мозг. К тому же, как оказалось, хотя драконы и были малоуязвимы к магии, но все же слабые места у них были, а сами они магией не владели в принципе. Когда это выяснилось, маги, до того наблюдавшие за процессом с почтительного расстояния, повизгивая от радости вмешались в истребление ящеров. Драконы, конечно, тоже не оставались в долгу, но люди еще и плодились с колоссальной скоростью, и постепенно драконы были вытеснены с равнин в горы. Там, правда, люди достать их уже не могли, но это им особо и не требовались. Отрезанные от мира, разбитые на маленькие популяции в разбросанных в разных частях

материка горных цемях, драконы были обречены на медленное и мучительное вымирание.

Все это Корбин рассказал Альберту, стоя на краю скалы, рассматривая великолепную картину, открывающуюся перед ним, и с удовольствием вдыхая свежий горный воздух. Альберт слушал внимательно, он вообще умел слушать, но, когда граф закончил свой рассказ, с недоумением спросил:

– Дядь Кор, а зачем ты мне это рассказываешь?

– Ну, догадайся.

– Здесь, я так понимаю, водятся эти самые драконы?

– Да.

– Ты хочешь мне их показать?

– В общем, и это тоже.

– А где они? – мальчик, похоже, не чувствовал страха. То ли по детскому максимализму, то ли потому, что привык чувствовать себя рядом с Корбином в абсолютной безопасности.

– Да здесь один сидит. С самого начала нас слушает, кстати.

– Где? – Альберт удивленно завертел головой. – Я ничего не вижу. Где они?

– Да здесь же. Эй, Орли, выходи!

– Мог бы так и не орать, – раздался из-за камней негромкий, приятный баритон. – Я и так все прекрасно слышу.

Слова произносились правильно, четко, только чуть замедленно – ничего удивительного, строение голосовых связок драконов заметно отличалось от человеческого. Впрочем, это было почти незаметно – драконы, если много говорят с самого детства, если с ними заниматься и их учить, очень умные существа. Если бы не их махровый индивидуализм, возможно, именно они, а не люди, владели бы этим миром. Но все это Корбин объяснил Альберту потом, а пока что тот просто пялился на оказавшееся перед ними чудо.

Дракон был красив – небольшой, всего семи локтей в длину, бронзового окраса, с блестящей, как будто смазанной жиром, чешуей. Могучие крылья были сейчас аккуратно сложены на спине и не мешали движению. Ящер мягко и практически бесшумно подошел к людям и изобразил на неожиданно подвижной морде улыбку:

– Я рад тебя видеть, мой лорд. Ты не один... Это тот, кому я должен принести клятву?

– Если захочешь.

– Думаю, он будет достоин, – ответил дракон, внимательно оглядывая замершего Альберта.

Интересная это была история, хотя и довольно банальная. Позже Орли рассказал ее Альберту, и тот не мог не понять, насколько ему повезло. За пятнадцать лет до этого Корбин, тогда еще наемник, проходил по этим местам и подобрал новорожденного дракончика, мать которого погибла. Для малыша это означало смертный приговор – драконы никогда не

выхаживали чужих детенышей, но Орли повезло. У Корбина не было серьезных дел, а перешагнуть через умирающего от голода малыша не хватило духу. Вот и получилось, что Корбин сначала забрал дракончика в свою секретную избушку, выкормил, а потом, когда дракончик подрос, и скрывать его стало затруднительно, отправил обратно в горы, благо тот уже мог и летать, и добывать себе пищу.

Этим бы, наверное, все и кончилось, но так получилось что драконы, хотя и не могли похвастаться высоким развитием, свято блюли свой собственный кодекс. Одним из положений этого кодекса была как раз полная, абсолютная верность своему спасителю. Вот только Корбину это было не надо – он был настолько могуч, что серьезной помощи от дракона ему было не получить, а геморрою клятва верности, которую дракон в своем юношеском максимализме хотел принести, это сулило немало. Однако дракона было не переубедить, и Корбин договорился с ним, что пускай тот принесет клятву тому, на кого граф укажет. Орли, подумав, согласился, и на том все и затихло бы, если бы дракон постоянно не напоминал Корбину об этом. Корбин же, регулярно навещающий своего питомца, не хотел связывать разумное существо такой, фактически, рабской клятвой. Ну а потом подвернулся человек, которому Корбин доверял и считал, что уж этот-то ни в коем случае не будет злоупотреблять доверием дракона...

Когда отзвучали слова Клятвы дракона, Альберт с восхищением посмотрел на расправившего крылья Орли и спросил:

– А ты сможешь покатасть меня по небу?

– Конечно, малыш... Садись.

– Стоп, – вклинился в разговор Корбин. – Орли, ты теперь за него отвечаешь, так что осторожнее. Альберт, открой мне пока что портал – заодно и с амулетом потренируешься.

Когда портал открылся, и Корбин собирался уже уходить, Альберт внезапно шепотом, но очень серьезно, спросил:

– Дядя Кор... Скажи, ты хотел, чтобы Орли принес клятву Джу?

– Это уже неважно, – ответил Корбин и шагнул в портал.

Глава 16

Адрис

Впервые за много лет Адрис сидел на дереве просто так. Без всякой цели, ни от кого не прячась, никого не выслеживая, а так, по велению души. Его детство не располагало к такого рода развлечениям, как бесцельное лазание по деревьям и тем более сидение на ветках, да ещё и на самых нижних, не прикрытых листвой. Он вырос в самом неблагоприятном в этом королевстве городе, какой только можно было представить с точки зрения маленького беспризорника. Преступные синдикаты правили везде, даже в сиротских приютах, куда его время от времени притаскивала городская стража. Пронырливые настоятели приютов сдавали своих подопечных в аренду ворами, мошенникам, профессиональным нищим и в дома терпимости и имели с этого немалые деньги, позволяющие жить на широкую ногу самим и прикармливать ленивых городских стражей, дабы не ленились и выискивали на улицах славного города Облопошина новые и новые жертвы.

Адрису везло. Он вообще был везучим – он не умер в младенчестве, его не заморили в

приютских "комнатах для наказания" (а попросту в карцере) за побеги и нарушение дисциплины. Он ни разу не попался полиции, хотя с нежных пяти лет бегал под началом главаря гильдии воров – дитя с лицом ангела имело острый глаз, быстрый ум и поистине обезьянью ловкость. Как форточнику ему не было цены – детское тельце могло просочиться даже в дверцу для кошки. Пару раз его застукивали хозяева домов, и тогда его спасал только природный артистизм – богатые люди никак не ожидали увидеть посреди своей гостиной не озлобленного волчонка, а милого несчастного ангелочка, который хлопая большими и мокрыми от слёз ресницами жалобно протягивал худую ладошку и тоненьким голосом просил: "Дяденька, тётенька, дайте покушать чего-нибудь! Я три дня не ел, а из вашего окошка так вкусно пахло!" После этого маленького концерта он обычно уходил с туго набитым животом, полными карманами сладостей и мелкой денежкой – какой добропорядочный гражданин упустит возможность почувствовать себя воплощённым милосердием, особенно когда для этого так мало надо... И только вечером, а может быть и на следующий день, обнаружив обчищенные с недетской тщательностью тайники и сейфы, добропорядочные граждане рвали на себе волосы и кляли себя на чём свет стоит, что не взяли маленького "ангела" за шкуру и не обыскали рваные одёжки. И где только прятал?! И кому могло прийти в голову, что обноски малыша – это тщательно продуманный до мелочей воровской костюм с системой кармашков, клапанов и мешочков, абсолютно не заметных неопытному глазу...

Впервые влезть на дерево Адриса заставила необходимость – ему было девять лет, от детской пухлости не осталось и следа, худое скуластое лицо больше не вызывало умиления и ангельские глазки уже не каналы. Всё чаще приходилось драпать и прятаться, вот в этом ему и помогали раскидистые деревья. Как-то раз он просидел в густой кроне дерева полдня в двух шагах от дома губернатора, в который занесла его нелёгкая. Адриса искали по всему городу – не шутка ведь, охраняемый лучше графской усадьбы особняк обнести! – а он через кружево листвы наблюдал, как мечется господин губернатор по этажам и перекладывает нажитое нечестным трудом из одних тайников в другие. Наивный, он думал, что если за окнами его собственный сад и его охраняет дюжина гвардейцев, то можно занавешивать окна новомодной полупрозрачной переливающейся материей вместо плотных штор... Адрис потом вернулся в этот дом, методично вычистив все увиденные тайники и ещё парочку на той половине дома, что была скрыта от его глаз.

Тогда он получил свои первые деньги – десятую часть от награбленного, очередную трёпку "Ещё раз сунешься без спросу, сорванец, уши не надеру, а оторву и съесть заставлю!" и укрепился в убеждении, что работать нужно на одноразовых заказах, сразу оговаривая свою долю.

Не один раз хотели перекупить Адриса в гильдию убийц – парень был рослым, сильным, и, что неожиданно, умным. Он на лету схватывал любые приёмы боя, владел любым оружием, какое попадалось в его руки, а впервые сев в седло (уводил он как-то сотоварищи в возрасте шестнадцати лет нескольких гвардейских коников в боевом оснащении), он скакал так, будто в седле родился. Но... сколько бы не обещали господа убийцы, был у малолетнего вора свой кодекс чести, не позволяющий поднимать руку на беззащитного. То первое конокрадство не прошло для Адриса бесследно – уходя от погони, он словил на излёте стрелу в верхнюю часть бедра. И снова Адрису повезло больше остальных – он привёл свою пятёрку вороных в упряжи заказчику. Остальные компаньоны остались лежать в дорожной пыли со стрелой в спине...

Адрис долго отлёживался в загородной резиденции заказчика после большой потери крови, а потом и просто гостил, гулял в лесу, избавляясь от неприятной и непривычной слабости, лазал по деревьям – ради тренировки...

А вот теперь... Теперь он не смог бы внятно объяснить, чего это его, взрослого мужика,

понесло на дерево. И почему это он, сидя на удобно изогнутом суку и прижимаясь спиной к шершавому стволу, испытывает прямо таки детскую радость и безмятежность, коих, вероятно, не знал с рождения. И почему именно здесь, в этом странном лесу и именно на этом дереве, то что мучило его в последнее время, сформулировалось в чёткий вопрос, который он проговорил одними губами: "Что же делать с Фан?"

... Фан снова возникла в его жизни внезапно. И, хотя еженощно мучаясь кошмарами с её участием, он точно знал, что Фан обязательно объявится, к встрече с ней он оказался не готов...

Адрис никогда не упускал возможности поклоняться по Альдерре, отправляясь за пределы кукольного замка Корнелиуса с его же поручениями или с заказами от Прима или Полин. Он любил этот город, его красивые дома, зелёные улицы, незапертые двери, окна без решёток, детский смех... Ни разу у бывшего вора не возникло желания воспользоваться небрежностью хозяев – он словно вычеркнул всё, что связывало его с преступным миром, из своей жизни. И вот однажды, выбираясь с окраины города к центру, к торговым рядам, и, пребывая как обычно в задумчивости, нос к носу столкнулся с ней...

Сначала Адрис даже не узнал Фан – рассеянно извинился и собирался обойти возникшую из ниоткуда женскую фигуру, но был грубо схвачен за рукав.

– Как ты изменился! Ты повзрослел, стал серьёзен и воспитан. Будь ты таким ТОГДА, я бы осталась с тобой подольше! А ведь тогда ты был ещё совсем мальчишкой... – они сидели с Фан за столиком под зонтиком во дворе кофейни. Адрис пил прохладный чай и главной его задачей было – не проколоться. Не дать понять этой древней калоше, что он знает про неё ВСЁ, что счастлив быть от неё подальше, что в замке Корнелиуса о ней ЗНАЮТ. Он старательно изображал брошенного и страдающего, а потому озлобленного, но всё ещё равнодушного дурачка.

– Я всё тот же, Фан, – соорудил он обиженную физиономию. – Да и ты не изменилась – всё так же молода и прекрасна. Что тебя занесло в Альдерру? Лучшей жизни всё ищешь? Богатых мужичков меняешь, как перчатки? Как ты вообще меня вспомнила, удивляюсь...

– Ну-ну, не обижайся. Мне необходимо было спрятаться на время, когданибудь я обязательно тебе об этом расскажу, – Фан лукаво поглядела на Адриса и погладила его руку. Несчастный парень приложил недюжинное усилие, чтобы не передёрнуться от отвращения от её ласки. – Мне очень грустно было с тобой расставаться. Кстати, где ты сейчас живёшь?

– А ты что, хочешь снова жить со мной? – недоверчиво хлопал глазами Адрис, как бы не веря своему счастью. "Единый! Только не это! Скажи нет! Скажи, я свечку в храме в руку толщиной поставлю!"

– Нет, любовь моя... – Фан грустно вздохнула, метнув быстрый взгляд на собеседника. Удовлетворённо хмыкнула, обнаружив на его лице гримасу разочарования. "Только бы не выдать облегчения! Пусть думает, что я расстроен" – Мой нынешний покровитель ревнив, боюсь, он накажет нас обоих, если уличит меня в неверности. Но мы могли бы быть вместе, если ты исполнишь одну мою просьбу...

Адрис в ужасе наблюдал, как приближается к нему гладкое прекрасное лицо Фан. Во сне обычно оно трескалось как маска, а из под него выглядывала старая безобразная личина. Фу-у-у... Пронесло. Ничего такого не случилось... Зато случилось то, ради чего он и затеял весь этот спектакль – Фан кинула! Она безоговорочно поверила в то, что он до сих пор ослеплён своей любовью, что он всё тот же дурачок, которым можно крутить как угодно... Вот

теперь у Адриса появился шанс помочь Корнелиусу, отплатить ему за добро. Только он пока не знает, как...

С тех пор вот уже полгода он два раза в месяц встречается с Фан в той кофейне. Она расспрашивала о его жизни, обо всех обитателях замка, Адрис в ответ рассказывал её сильно упрощённый вариант "жизнь господ глазами конюха", и всё ждал и ждал, когда же она попросит его о чём-то ТАКОМ, что он сразу поймёт – час пробил. И это ожидание сводило с ума...

"Не держи всё в себе – поделись с теми, кому это важно" – раздался голос в его голове. Адрис едва не слетел с ветки от неожиданности. "Не крути головой, ты на мне сидишь" – в ответ на его озадаченность ответил голос. А Джулька не соврала! Это чокнутый лес с чокнутыми деревьями, которые разговаривают! "А ты думал, Светлая Госпожа вообще врать не умеет!" – в голосе явно слышалась ирония.

– Что за Светлая Госпожа? – спросил Адрис.

– Ты называешь её Джулька, – ответил голос. – А мои эльфы – Светлая госпожа. Смешно, да?

– Ага, смешно. В ней из светлого одни глаза, а характер о-о-чень неоднозначный. А тебя как зовут? – вежливо поинтересовался Адрис.

– Мои эльфы зовут меня Мать Леса, а вон тот вяз, – ветвь дерева явственно шевельнулась в сторону могучего вяза по другую сторону поляны, чуть в глубине леса, – Моя Фройлен... – дерево кокетливо зашелестело листвой.

– Э-э-э... Очень приятно, фройлен... А мне вас как звать?

– Когда я была ребёнком, меня звали Веточка, – задумчиво прошелестело дерево.

– А я буду звать вас Вета, хорошо? Фройлен Вета – как вам? – Адрис вовсю веселился, подбирая имя разумному дереву.

– Это прекрасно! У меня появилось нормальное имя, а не эти, разрази их гром, эпитеты... Спасибо, вы очень галантный молодой человек. Адрис? Я ведь не ошиблась? А во-о-он там, среди молодых эльфов – ваша фройлен?

Только сейчас Адрис понял, что до сих пор не представился и ничего не говорил об Эльке. То, что дерево читает его мысли, пробирало до мурашек.

– Да, она. Её Элия зовут, и она тоже маг. Как и все они, кроме меня... А я не знаю, как это сборище беззаботных магов защитить от одной старушки...

– Не нужно говорить, твоя душа раскрыта, я вижу всё, что нужно. Ты должен рассказать Корнелиусу о Фан. Вместе вы решите, что делать. По одному вы бессильны, она пройдёт по вашим трупам...

– Да... Я поговорю с ним. Завтра. – решил Адрис, разглядывая сверху поляну.

С высоты его положения то, что происходило на поляне выглядело весьма забавно: вот вокруг Эльки сменился уже третий состав эльфийских ловеласов – первые два почему-то ползали на коленях между стволов и усиленно искали непонятно что. Развлекается, –

догадался Адрис. – Опять что-то внушила бедолагам, теперь пока не сжалиться, будут искать неизвестно что незнамо где. Во Жулька бежит – босая, сопли на кулак наматывает... Обидел кто? Вряд ли. Кто её обидит, двух дней не проживёт... Ага, вот и возмутитель спокойствия! Идёт, грудь растирает, явно ушибленную, и туфельки Джулькины в руках... Веники Поднебесные! Когда вы уже поладите! Вот ведь нашла коса на камень. Ну Корбин, ну мужик, тараном сквозь эльфов прошёл – кто не спрятался, я не виноват, хорошо, хоть не задавил никого – Эльке туфлишки всучил, буркнул что-то и свалил... Ну точно, поругались. Спросить потом надо, сейчас-то из-за чего? Корнелиус с Рейной в уголке за столом милуются – этим хоть трава не расти, накрылись всеми щитами – дабы не беспокоили – и беседуют себе. Эх, хорошо быть магом... Что же я, елки вязаные, такой неволшебный? Бросит меня Элька, как пить дать бросит...

Джурайя

Джурайя пролетела через поляну, не разбирая дороги. Единственным её желанием было забиться под корни какого-нибудь дерева и выплакаться всласть. А вот и дерево, с которого началось её знакомство с Лесом... А с него свешивается нога в сапоге. Адрис... Хорошо ему сейчас, сидит, общается с интересным человеком... тьфу, деревом. Джурайя тоже хотела посоветоваться именно с ЭТИМ деревом, сама не зная почему, а тут Адриса принесло... Девушка помялась в нерешительности, вытерла слёзы и всё же подошла к стволу.

Примерившись, она несильно дёрнула за сапог. Судя по звукам и судорожным хватательным движениям, она застала Адриса врасплох.

– Уступи место даме, – угрюмо обратилась к кое-как восстановившему равновесие парню Джурайя. – Посидел – дай другим посидеть...

Нога убралась наверх, вместо неё спустилась рука.

– Места хватит на двоих, залезай, потолкуем! – голос звучал бодро, поломавшись чуть-чуть для вида, Джурайя приняла приглашение и через минуту уже сидела рядом с Адрисом, свесив вниз босые ноги.

– ...представляешь, каков кобель? – ещё через пару минут размазывала макияж по лицу Джурайя. Она уже вкратце изложила свою версию событий Адрису, напроочь забыв о конспирации называя вещи своими именами – Рейну королевой а Корбина кобелём. – Я то думала, он честный, благородный, порядочный... А он кобель!

– По-моему, подруга, тебя заклинило, – прокомментировал пламенную речь Адрис. – Кобель, кобель... С чего ты взяла, что он с Рейной? Вон Рейна – видишь? – от Корнелиуса глаз отвести не может. А дядь Кору сколько на вид дашь? Лет сорок по нашим меркам. Включи мозги, малахольная! Любовь у них, видать, с первого взгляда. Корбин свалил, а королева и не заметила. Улавливаешь? – Адрис уже свылся с мыслью, что в их круг плавно влилась ещё и королева. – Мужик к тебе со всей душой, по-хорошему, заметь, даже не приставал охальнически... Хотя с его талантами мог просто под кустом завалить и получить всё, что хотел... Это я так, к сведению... Так вот. Даже не приставал!!! А ты? Избила, обозвала, разрыдалась и бежать. Кто ты после этого?!

– Дура я... – Джурайя сосредоточенно ковыряла пальцем шершавую кору ветки. – Рейна с Корнелиусом у меня под носом целый вечер амуры крутили... Эх, ну что я за дура?!

– Людям свойственно видеть не то что есть на самом деле, а то, что они боятся увидеть...- влез в разговор знакомый голос.

– Тонко подмечено, фройлен Вета! – рассмеялся Адрис.

– Вы уже и по имени знакомы? – позавидовала Джурайя.

– Юноша сам меня назвал, – скромно ответило дерево, – Люди не дают нам имён, а от эльфов путного имени фиг дождёшься. Моего Ульме называют Отец Леса. Да, он отец Леса, и что, имени уже не надо?

– А... ваш Ульме – это вон тот могучий вяз на той стороне? Которого я напоила? – робко поинтересовалась Джурайя.

– Ты напоила моего Ульме?! – возмущённо воскликнула фройлен Вета. – А я то думаю, с чего он не в сезон мне серенады поёт и с тоской вопрошает "Ну где же эти пчёлы?" – странно было слышать смех на мыслеречи, но это было именно так – фройлен Вета хохотала во весь мысленный голос. – Ты, Светлая Госпожа, кого хочешь уморишь! – Голос дерева неожиданно посерьёзнел. – А ещё ты зря обидела своего *Le chevalier*. Ульме говорит, ты сделала ему очень больно... во всех смыслах. Его сердце обливается кровью, а обида застилает взор... Странные вы, люди. Вот когда мы хотим вырастить новую поросль – мы просто ждём пчёл, а у вас так всё сложно...

...Джурайя сидела за изысканным столом, краем уха слушала что-то эпически-заунывное, исторгаемое из глоток уже весьма нетрезвых менестрелей, разглядывала Корнелиуса с Рейной, Адриса с Элькой и вспоминала попытку Корбина признаться ей... в чём? Это так и осталось тайной. Поверить в его любовь ей было намного сложнее, чем в его интрижку с Рейной, и теперь единственное что оставалось Джурайе – сидеть и мучиться в неизвестности. Через три дня она должна была прибыть в замок Корбина и вступить в должность младшего наставника группы девочек... А теперь? Хорошо если Корбин её сразу не прибьёт. Тогда будет шанс извиниться за своё поведение. Опять. Интересно, сколько раз она ещё облажается, пока не поумнеет? Ладно, махнула рукой Джурайя. Что будет, то будет. Выгонит – уйду. Не выгонит – останусь и буду работать. Постараюсь хотя бы не разочаровать... И... надо извиниться, надо.

Туфли остались висеть на сучке – ноги не вынесли пытки тесной обувью и категорически отказывались втискиваться обратно в шёлковый плен, каким бы красивым он не был. Теперь Джурайя наслаждалась прикосновением к голым пяткам шелковистой травы и терпеливо ждала окончания церемонии чествования нового Верховного Лаллиэля, обзывательства Светлой Госпожей и мечтала о том, чтобы завалиться спать. Спать она завалилась прямо за столом, так и не дождавшись окончания хвалебных речей, а утро встретило её звонким пением птиц и шелестом листвы...

Глава 17

Лорд Корбин

Ну что же, всему на свете приходит конец. Вот и отдых закончился, ему на смену пришли суровые будни, что не могло не радовать графа де'Карри – он, как всегда, с головой залез в работу, что не оставляло времени для разных ненужных мыслей. Дел же за праздники накопилось с избытком, так что Корбин спихнул пока что школу на младших наставников и занялся хозяйством. Ведь ту же школу надо содержать, для этого нужны немалые деньги, а значит, их надо зарабатывать. Корбина, в отличие от большинства дворян, такой расклад совершенно не коробил, и поэтому свое огромное графство он держал в ежовых рукавицах и от обязанностей сюзерена по руководству не отлынивал и на плечи управляющего их не

перекладывал.

С делами он разгребся только ближе к вечеру – как раз к моменту, когда во дворе состоялась образцово-показательная порка. Так уж получилось, что как раз перед праздниками какой-то дворянский сынок из вассалов герцога Санторского решил поохотиться и с размаху влетел в графство Карри. Ну, ничего страшного, в принципе, дело житейское, но был тут один маленький нюанс – Корбин охотиться не любил. Не то чтобы он был ярким противником такого времяпровождения, просто, как и многие профессиональные убийцы, считал, что убивать ради забавы – моветон. Нет, хочешь есть – охоться, но бить кучу зверья просто потому, что есть такая возможность... Не одобрял этого Корбин, поэтому и не охотился практически. Ну и еще была у него одна маленькая слабость – жалко ему было зверей, тварей бессловесных. Людей граф никогда не жалел, а вот зверей – жалел, хотя и не относился к тем дурачкам, что меняют говядину на морковку. Только никто, кроме него самого, этого, разумеется, не знал.

Так вот, Корбин совершенно не осуждал дворян, которые любили поохотиться, а тем более тех, кто охотился ради пропитания. Он считал, что это – их право, а значит, незачем вмешиваться. Однако при этом он не терпел, когда кто-то охотился на его земле, и нарушителей этого правила выгонял с нее пинками, в особенности простолюдинов. К дворянам, конечно, относились чуть иначе, но это выражалось лишь в том, что им не били морды. Хотя... Как сказать. В принципе, любой десятник графской дружины мог оставить задержанного без зубов, невзирая на его титулы, и даже не сообщить потом начальству. А что? Каждый десятник у Корбина имел рыцарское достоинство. Титул, которым мог награждать сам граф, не спрашивая королевского разрешения, чем он и пользовался вовсю. Титул, правда, был ненаследуемым, зато давал его обладателю много преимуществ, в частности, такое вот право без опасений набить морду другому дворянину. Или вызвать его на поединок, если уж по-благородному разобраться охота. Скорее всего, сейчас получилось бы точно так же, однако тут случай получился особый – когда зарвавшийся дворянин наскочил на конный разъезд гвардии Корбина, он повел себя не совсем адекватно. Вообще, вот так нарваться – это надо было еще ухитриться, земли у графа было много, а дружинников – не очень, и они контролировали, в основном, дороги и крупные села. Поэтому у благородного браконьера были все шансы спокойно поохотиться и смыться, никем не замеченным, таких случаев наверняка было немало, но вот нарвался. И, вместо того, чтобы, подчиняясь приказу десятника, слезть с лошади, сдать оружие и проследовать в расположение части "до выяснения", он выхватил меч и во главе сопровождавших его егерей с похвальной храбростью и редкой глупостью попытался оказать сопротивление.

Именно что попытался – что такое десяток олухов-малолеток, пусть и неплохо вооруженных, против пятерых опытных, хватких гвардейцев, ветеранов многих войн? Меньше, чем ничто. Словом, две минуты спустя шестеро позорно бежали, а четверо остальных, во главе с предводителем, были надежно скручены и, два дня спустя, предстали пред светлыми очами графа де'Карри. Тот же как раз был занят одновременно подготовкой к празднику, решением глобальных проблем, да еще и Корнелиус в гости пригласил... Короче, сунули всех четверых в подвал замка и благополучно о них забыли, благо заполненные алкогольным угаром праздники немало этому способствовали. Хорошо хоть, кормить граф приказал сразу же, а то потом бы и не вспомнил, заморили бы голодом дурачков...

Ну а не далее как вчера вечером к замку подъехала целая кавалькада из двух десятков всадников, и какой-то умник, похожий на герольда, начал дуть в предмет, похожий на трубу. Дудел он, прямо скажем, хреново, но цели своей добился – его услышали. Со стены замка начальник караула прокричал, что если герольд немедленно не прекратит издавать непотребные звуки, то его свисток засунут в его же задницу – и пусть хрипит дальше.

Герольд обиделся и прокричал в ответ, что он – герольд его милости барона Лютена и

требуется... Что он там требует, слушать никто не стал – на стене как раз дежурил десяток Кэпмена, известного сквернословя, и десятник как раз подошел узнать, что творится. Услышав вопли герольда, Кэпмен высунулся между зубцов и послал того... Ну, проще перечислить те места, куда несчастного герольда не послали. Проще говоря, и герольду, и всем остальным было предложено отправиться пешим маршрутом в далекое эротическое путешествие, причем предложение это было дано высоким слогом, с многочисленными изящными оборотами, от которых вяли уши даже у самых опытных и привычных ко всему солдат.

Герольд, тем не менее, не унялся и снова задул в свою дудку. На сей раз в воротах замка открылась небольшая дверь, оттуда вышел невысокий, но крепкий человек в кольчуге, не говоря ни слова и не обращая никакого внимания на стоящих позади герольда людей, за ногу ловко сдернул дударя с коня и в два счета обмотал трубу ему вокруг шеи. После этого он, все так же не обращая ни на кого внимания, громко высморкался на лежащего герольда и вразвалочку ушел обратно в замок. Дверь захлопнулась. Занавес!

Пока герольда освобождали от неожиданного украшения, на стену замка вышел сам Корбин – ему как раз сообщили о незваных визитерах. На его абсолютно невежливый вопрос кто там пожаловал и какого рожна им здесь, собственно, надо, последовал ответ (говорил на сей раз не внезапно охрипший герольд, а какой-то рыцарь с неплохо поставленным голосом), что прибыл барон Лютен со свитой. Корбин, в свою очередь, ответил, что никого не ждет, и повторил вопрос о причинах столь внезапного визита. Ответ был прост и лаконичен – за сыном. Ну и за его спутниками, конечно – барон не был склонен бросать в беде своих людей.

Ну, вот тут и выяснилось, что пленные по-прежнему сидят в подвале и, всеми забытые, ожидают своей участи. Однако отдавать блудного сына отцу Корбин не собирался. Виновен? Виновен. Ну а раз виновен – сначала срок отмотай, а потом уж иди на все четыре стороны. Тут как раз рудники серебряные работают недалеко... Барон, услышав это и зная скверный характер Корбина, а также то, что надавить на графа он никак не может, резко спал с лица и принялся искать компромисс. Корбин популярно объяснил, что компромисс искать не с чего. Попался? Попался. Имел все шансы отделаться парой ударов в ухо, но если уж обнажил меч против людей графа на его же собственной земле – будь любезен отвечать. За такие шутки вообще полагалась петля или, с учетом дворянского достоинства виновного, плаха. Кто-то, услышав разговор, предложил всунуть баронскому сынку лом в задницу и раскалить противоположный конец. Идею неожиданно дружно поддержали все собравшиеся на стене люди графа, и барон окончательно сбледнул, однако Корбин прервал дискуссию и заявил, что по малолетству и глупости прощает дурачка, но вот порку и ему, и его спутникам, чтоб неделю сесть не могли, считает необходимой. Барону, конечно, не слишком нравилось, что его сына и наследника прилюдно выпорют на конюшне, как нашкодившего крестьянского пацана, но спорить он не стал – понимал, что легко отделался.

Граф, надо сказать, казнить сопляка не собирался в любом случае. Такие вот задиры, лихие и не боящиеся ни Единого, ни ПрОклятого, сильные физически и быстрые в принятии решений, как ни крути, являются будущим любого государства. Пока есть такие вот – есть, кому это государство защищать и давать нормальное, здоровое потомство, которое будет защищать его в будущем. Конечно, очень многое зависит от правильного воспитания, но и сильная кровь значит очень многое. Ну а глупость – она, скорее, от недостатка опыта. Молодость – недостаток, который имеет свойство проходить, а опыт, наоборот, склонен с годами накапливаться. Впрочем, барону о таких вот рассуждениях графа де'Карри знать не стоило – пускай помучается неизвестностью, глядишь, лучше за своим непутевым отпрыском присматривать будет.

Однако на экзекуцию Корбин не попал. Честно говоря, не очень-то и хотелось, поэтому, когда к нему заявился незваный гость, Корбин тут же с удовольствием воспользовался предложением в

виде важного и срочного разговора для того, чтобы никуда не идти. Крикнул, чтобы начинали без него, и с любопытством уставился на визитера. А посмотреть, кстати, было на что, ибо визитером был не кто иной, как Адрис, который стоял и с интересом, чуть ли не рот открыв от изумления, рассматривал окружающий интерьер – в замке графа де'Карри он был впервые.

Вообще, на Адриса Корбин наткнулся, когда уже шагал к месту проведения наказания, пересекая, чтобы срезать путь, обеденный зал. Адрис там как раз рассматривал висящие на стенах батальные полотна, изображающие героических предков Корбина – то во главе конной лавы атакующих вражеские порядки, то мудро руководивших войсками с вершины холма, то в одиночку поражающих копьем дракона. Как профессионал, Корбин мог с уверенностью сказать, что та атака рыцарской конницы по сильно пересеченной местности, да еще и вверх по склону, ни к чему хорошему привести не могла. Расстановка войск на второй картине была, несмотря на солидный вид полководца, бездарной, а художник, рисовавший третью картину, дракона в глаза не видел, ни живого, ни мертвого. Остальные картины так же изображали моменты, весьма далекие от действительности, но, очевидно, таковы были законы жанра – показать чистенькую и победоносную войну без замешанной на крови грязи и собственных кишок на чужом копье. К тому же, картины весьма нравились далеким от войны гостям, особенно дамам, поэтому Корбин их тоже терпел. Вот и на Адриса потемневшие от времени полотна произвели впечатление – он так увлекся, что даже не обратил внимания на вошедшего графа.

– Ну и что ты там увидел? – с усмешкой спросил Корбин, бесшумно подойдя к Адрису сзади. Тот аж подпрыгнул от неожиданности.

– Здравствуй, Корбин...

– И тебе не болеть. Что тебя занесло в мою скромную обитель и как ты, кстати, сюда попал?

– Телепортом.

– Все страньше и страньше. У тебя иммунитет против магии – значит, ты и сам воспользоваться ею самостоятельно тоже не способен. Как ты открыл портал?

– А я и не открывал. Попросил Прима, он помог, вопросов лишних не задавая.

– Да? По ушам получит... Ладно, а скажи-ка мне, друг сердечный – таракан запечный, каким ветром тебя сюда вообще занесло? Вряд ли просто так – ты ведь меня, насколько я знаю, не слишком жалуешь.

– Разговор есть. Серьезный. И не для чужих ушей.

– Даже так? – Корбин говорил насмешливо, однако внутренне подобрался. Знал ведь, что Адрис просто так к нему не припрется, давняя антипатия, возникшая между ними еще в первую встречу, никуда не делась, а значит, дело действительно серьезное. – Ладно, пошли ко мне, поговорим.

Корбин резко свистнул. Как по волшебству появился дежурный слуга и граф приказал, чтобы проводили экзекуцию без него, потому как "мое сиятельство занято важным разговором". Ну и приказал напомнить, чтоб сильно не били – так, для науки, не более, после чего отправился обратно к себе. Адрису не оставалось ничего, кроме как пристроиться в кильватер быстро шагающему графу и стараться не отстать и не заблудиться в многочисленных коридорах и переходах замка.

В своем кабинете, Корбин, кивнув Адрису на грубоватый, но удобный стул, сразу же полез за вином – пить не хотелось, но законы гостеприимства требовали хотя бы минимального внимания к гостю. Адрис от вина не отказался, да и от закуски в лице копченой рыбы тоже – он заметно нервничал, а на нервной почве у многих людей начинается жор. Пока парень насыщался, Корбин, развалившись в своем кресле (пустое, хвала Единому – Альберта уже два дня не слышно и не видно) и, крутя в пальцах бокал из тонкого, почти невидимого стекла, с интересом, совершенно не скрываясь, наблюдал за гостем. Адрес этого видеть не мог, но внимания не обращал. Слишком нервничает по какому-то другому поводу, сделал вывод Корбин, однако с расспросами не лез – ждал, пока Адрис сам придет в требуемую кондицию. По опыту он знал, что так обычно удастся получить информацию гораздо быстрее и не ошибся – очень скоро Адрис заговорил.

Он рассказал Корбину и о том, как на него вышла Фан, и о своих опасениях, и даже о своем разговоре с деревом. Вот ведь забавный глюк, подумал тогда Корбин. Всем в этом лесу что-то мерещится. Тут, видать, не от грибов крышу рубит – наверное, пыльца какая-то особо едкая... Ну а когда Адрис иссяк, граф задал ему всего один вопрос:

– Ну и зачем ты мне все это рассказал?

Похоже, Адрис не ожидал такого продолжения разговора, однако замешательство было недолгим:

– Понимаешь, Корбин, это может быть опасно, и я подумал...

– Да-да, – невежливо перебил его граф. – Когда у всех начинаются проблемы, эти самые все дружно бегут к дяде Корбину. Спаси, помоги, реши... Знаешь, как мне это надоело все? Я уже чувствую себя не владетельным графом, а каким-то сказочным героем, которому делать нечего – только чужие проблемы решать.

– Я к тебе ни разу не обращался, – обиделся Адрис.

– Именно поэтому я с тобой сейчас разговариваю, – кивнул Корбин. – Так что ты от меня хочешь-то? Сказал бы Корнелиусу, и делу конец. Глюк тот на удивление мудро посоветовал.

– Понимаешь, я думаю, это не глюк...

– Плевать, пускай это будет хоть император Поднебесной. Почему ко мне-то пришел?

– В общем, сказал я Корнелиусу, – убитым голосом ответил Адрис.

– И что, он тебя послал?

– Нет, просто не обратил внимания на мои слова. Его понять можно – у него, похоже, любовь...

– Ну да, губа у моего Учителя не дура, – хохотнул Корбин. – Красть – так миллион, любить – так королеву.

– Какую королеву? – не понял Адрис.

– Да Райну... Ах да, ты не в курсе, я забыл. Райна у нас – самая настоящая королева, так что готовься к тому, что скоро ты станешь лицом, приближенным к трону. Неплохая карьера для уличного босняка, правда? Только учти, что притащив ее в дом Корнелиуса, наша юная

ведьмочка оказала вам всем плохую услугу – оказавшись вблизи трона, вы все попадаете под удар и будете очень соблазнительными мишенями для завистников. Готовьтесь к ушатам помоев и яду в вине. Это нас с Корнелиусом трогать не рискнут, а вы все – смертники. Это я тебе так, для сведения говорю, чтоб не удивлялся потом.

Адрис сидел и разевал рот, как выброшенная на берег рыба. Корбин несколько секунд с удовольствием смотрел на потрясенного парня, потом усмехнулся:

– Не переживай, не все так плохо, все-таки ваша лихая троица – мелкие сошки, так что при соблюдении определенных мер безопасности подобное переживается почти безболезненно, да и начнется все это еще не скоро. Впрочем, об этом потом. Так что там Корнелиус?

– А? – Адрис, казалось, очнулся. – Дяде Кору сейчас ни до чего нет дела, он, как и любой влюбленный мужчина, занят только одним, точнее, одной... Я к Приму обратиться попробовал, но тот тоже только отмахнулся. Что с ним – не понимаю, я всегда считал его более осторожным.

– У него прибавление в семействе ожидается, а он молчит, тихушник... – отозвался Корбин. – Я сам случайно узнал. И ты, выходит, бросился ко мне?

– Ты – самый вменяемый в их компании, – опустил голову Адрис.

– Да, и еще – самый сильный, – печально вздохнул Корбин. – Вот и привыкли ко мне... Бегать. Давай рассуждать логически. Что ты от меня конкретно хочешь? Чтоб я Фан шею свернул?

– Ну, не знаю... Может быть.

– Да что вы все, сговорились? Райна использует меня, как бретера, Корнелиус – как пугало, а ты просто пришел и предлагаешь пришибить старуху, которая тебе не нравится...

Адрис несколько секунд сидел, опустив голову, потом встал и бесцветным голосом попросил:

– Если можно, переправь меня обратно к Корнелиусу...

– Сядь. Мы еще не закончили. Вот так, молодец. Ну-ка, отвечай: ты так боишься этой самой Фан, или есть еще что-то?

Адрис не ответил. Корбин внимательно посмотрел на него, поморщился:

– Боишься, но, похоже, не слишком. Точнее, сильно боишься, но не за себя. У тебя приличная защита, так что ты имеешь некоторые шансы справиться с ней в единоборстве и прекрасно понимаешь это. Да и не трус ты, хотя иногда и наивен, как младенец. Значит, боишься за что-то или за кого-то. За что-то... Мелковато, да и нет у тебя ничего, если вдуматься. Значит, за кого-то. За кого? За Корнелиуса? Вряд ли, он большой дядя и вполне может о себе позаботиться. За. Жду? Возможно, но не настолько ты к ней привязан, чтоб через себя переступить и ко мне обращаться. Остается один человек – Илия. Я прав, или есть еще что-то, чего я не знаю? Молчишь... Значит, я все-таки прав. Да и немудрено догадаться – что она твое слабое место только слепой не знает. И ты банально испугался, что не сможешь ее защитить?

– Да.

– Смотри-ка, какой емкий ответ. Кстати, я ее и сам бы в обиду не дал. Из вашей троицы, ты уж прости, она вызывает у меня наибольшую симпатию. Самый вменяемый человек, как ни крути. Да и самая красивая, кстати, так что тебе, парень, крупно повезло с женщиной. Ладно, не нервничай, сам я ловить твою дурочку узкоглазую не собираюсь – пошлю в поместье Корнелиуса на постоянную дислокацию группу учеников. Я их натаскивал специально на борьбу с магами, так что если Фан нарисуеться слишком близко, они ее тихо и спокойно пришибут, на личности не глядя.

– Она – высшая...

– Но она – не боевой маг. Мало что-либо уметь и иметь силы – надо еще знать, как приложить свои умения. Все, что я знаю о Фан, говорит о том, что она – мастер интриги, но как боец она нигде всерьез не засветилась. Соответственно, и опыта у нее не так уж много. Попадется мне – сверну шею, ну а мои мальчики просто порежут ее на лоскутки. Так что не боись.

Корбин хлопнул Адриса по плечу, ободряюще подмигнул и налил ему еще вина. Адريس выпил бокал залпом, не поморщившись и не закусив. Граф понимающе кивнул – похоже, тревога немного отпустила парня. Улыбнувшись, он спросил:

– У вас как, свадьба-то намечается? Или так дурака валять и будете? Четвертый год уже пошел.

– Ага, как же... – Адريس вновь стал неожиданно серьезен. – Боюсь, бросит она меня.

– Дурак ты, и уши у тебя квадратные. С чего взял? Думаешь, она не понимает, как ей повезло? Где она еще найдет человека, который с голыми руками бросится ее защищать сначала от меня, а потом – от некроманта?

– Ты вон тоже Джульку от всех подряд защищаешь. Что же вы вечно как кошка с собакой?

– Не путай теплое с кислым, – поморщился Корбин. – От меня все ждали и ждут подобного поведения. Как же, герой, – с неожиданной горечью фыркнул он. – Такие действия воспринимаются окружающими, как нечто само собой разумеющееся, особенно с учетом моего атрофировавшегося на фоне собственного могущества инстинкта самосохранения. Это, кстати, может мне потом выйти боком... Ладно, не о том речь. Ты, в отличие от меня, бросался ее защищать от людей, которые безо всякой магии, голыми руками способны были тебя придавить, даже не напрягаясь. Что я, что Цень превосходили тебя на несколько порядков, а ты не испугался... Элия – не дура и прекрасно понимает, что рядом с тобой она – как за каменной стеной. Поверь, это дорогого стоит.

– Я даже не маг...

– Да, не маг. Хочешь – станешь?

– Корнелиус сказал, что абсолютная защита – это еще и абсолютная бесталантность.

– Во-первых, нет правила, которое нельзя обойти, а во-вторых, абсолютной защиты не бывает. Подумай, пошевели мозгами.

– Некромантия?

– Она самая. Да не морщись ты так. Пойми, не бывает хорошей и плохой магии – бывают

хорошие и плохие люди. Кстати, первыми некромантией занялись как раз подобные тебе, это я знаю точно. Так что подумай, всерьез подумай – тебе не обязательно это афишировать, но лишний козырь в рукаве не помешает – глядишь, когда и пригодится, ту же Элию защитить. Я ведь не всегда буду рядом.

– Хорошо, я подумаю.

– Подумай-подумай, хотя это, конечно, только и исключительно твое дело.

В общем, расстались высокие договаривающиеся стороны довольные друг другом. Отправив Адриса домой в сопровождении четверки своих учеников, Корбин хотел поработать еще, но тут ему сообщили пренеприятную новость – через портал явилась новая наставница женской группы, о скором прибытии которой Корбин благополучно забыл.

Глава 18

Джурайя

Неделя ада... Врут жрецы Единого – ад здесь, главное хорошо влипнуть. А влипла Джурайя абсолютно добровольно и судя по всему безвозвратно. Кому пришла в голову чумовая идея отправить её к Корбину в качестве наставника группы девочек? Что она вообще знает о боевой магии, она, которая стремилась научиться обуздать разрушительную силу своей магии? Да, ей ничего не стоит выжечь одним махом небольших размеров городок. Казалось бы – чего ещё? Годы, годы ушли на то, чтобы научиться не сжигать, а разогревать постепенно, не убить, а напугать... И что теперь? Надо заново учиться, а её бац – и в наставники. Адрис говорит, что ей самой наставник не помешал бы, и Прим с ним всецело соглашается, да и сама она не против...

Лучше всего для Джурайи было бы, если бы Корнелиус с Корбином перестали валить её на экзаменах и выпустили бы уже с каким-нибудь завалящим рангом в свободный полёт. Она ещё могла понять Корнелиуса – опекает, хочет защитить. Но вот поведение Корбина было для неё загадкой. Всё, что было связано в жизни Джурайи с именем графа де'Карри, было страшно запутанным и необъяснимым. С одной стороны только он всегда умудрялся быть в нужное время в нужном месте, чтобы вытащить эту девочку-беду из всех передряг, но, вытащив, превращался в снобы и зануду, в которого хотелось кинуть тапком и послать в... храм Единого, просить смирения и любви к ближнему. А после лесных приключений, ставших следствием ночного театра абсурда, Корбин и вовсе задался целью убить её своим пренебрежением и презрением. Джурайя и сама понимала, что была не права, что обидела несостоявшегося жениха в лучших чувствах, но, с одной стороны, поверить в роман Корбина с Рейной было для Джурайи намного проще, чем поверить в его же любовь к ней самой. Причин на то было достаточно, и главная из них – то что сама Джурайя себя совсем не любила. Она с детства привыкла быть чумой, язвой и пацанкой. Ну иногда ещё лахудрой и наказанием божьим... Красивой она сама себя видела в зеркале один раз – перед балом, да и то посчитала своё отражение оптическим обманом, вызванным небывалым искусством королевского цирюльника. Зато утро следующего дня всё расставило по своим местам.

...Пробуждение принесло с собой целую симфонию звуков-запахов-картин, от которых захватило дух: Джурайя находилась в просторной залитой солнцем комнате, на огромной кровати, и не сразу поняла где находится. Ей казалось, что она лежит в белом тёплом облаке, в золотом сиянии, и сначала подумала, что от передоза того пойла, которым травил их Прим, она умерла и попала в рай, тем более что в воздухе витали неземные ароматы и изумительное пение птиц... Но по тому, что нещадно раскалывалась голова, а во рту стоял отвратительный вкус, всё же сделала вывод, что похмелье и рай несовместимы.

Прищурившись от яркого света, Джурайя сумела разглядеть, что кровать накрыта балдахином из невесомой ткани, из которого она тут же попыталась выбраться, запоздало спохватившись об одежде. Судорожно оглядев себя, девушка облегчённо вздохнула – платье было на месте. В комнате было всё, что необходимо девушке для придания себе надлежащего вида – и даже наполненная благовониями ванна за занавесочкой в углу, и большое зеркало на стене рядом с умывальником.

Возле зеркала Джурайя зависла на несколько минут, разглядывая свою хмурую, бледную привычную физиономию с тёмными кругами под глазами. Где ж та фея, что была вчера на балу с Корбином? "А надо было вчера на всё согласиться, чтобы он сегодня утром проснулся и вот это увидел спящее на своей руке, – мстительно думала Джрайя, яростно чистя зубы. – Он бы себе руку отгрыз, чтобы я не проснулась и целоваться к нему не полезла! Ну что за народ эти мужики – столько лет меня рассматривал, и ничего, а один раз красивой увидел по пьяни – и вдруг чувствами какими-то непонятными воспылал..." Воспоминания о нелепой ссоре с объектом своей тайной страсти не добавляли хорошего настроения, поэтому наскоро приведя себя в порядок и распрощавшись с гостеприимными но скучными эльфами, Джурайя поспешила в замок Корнелиуса...

Корнелиус vs Рейна

Станный разговор получался у двоих людей, знакомых более десяти лет. Они старательно обходили один немаловажный вопрос, боясь ранить чувства друг друга. Мгновенно вспыхнувшая симпатия, омоложившая не на одну сотню лет многоопытного мага, приносила с собой кучу проблем, и одной из них было сакраментальное "А что делать с королём?". Вот для этого вопроса уже неоднократно они по очереди открывали рот, не решаясь его произнести. Рейну понять было легко – внезапно став нежной возлюбленной, трудно было раскрываться как расчётливой стерве, которая уже прикидывает, каким способом убить ставшего помехой мужа, будь он трижды король, кобель и скотина. Корнелиуса понять было ещё проще – не приведи Единый Рейна подумает, что он пытается извлечь из их союза какие-нибудь выгоды для себя лично или (о ужас!!!) примостить своё седалище на трон. При этом оба понимали – помеха в виде монаршего супруга очень и очень серьёзна, не сказать опасна... Одно дело одноразовые герои, от которых можно было легко избавиться, послав "за подвигом во имя прекрасной дамы", другое дело – любимый, с которым хочется быть и день и ночь, а статус, титул и семейное положение этому активно препятствуют.

– Как я устала от всей этой суеты! – вырвалось у Рейны. Они сидели под сводами деревьев-великанов Зачарованного леса, а ночную тишину нарушали надоевшие до зубной боли менестрели да цикады в траве, договариваясь, когда смогут увидаться вновь. – Давай сбежим. Всё бросим и сбежим. Поселимся в маленьком домике у моря... Не важно где... Только чтобы никто нас не нашёл, никогда... – Королева умоляюще заглянула в глаза Корнелиуса.

– Я бы с удовольствием, – задумчиво глядя на узор ветвей на фоне звёздного неба, ответил маг. – Вся разница в том, что тебе двор опостылел, а я не смогу своих птенцов бросить... Пойми меня правильно, ты мне очень дорога, но ученики, они ведь дело всей моей жизни... Я за два века каждого своего ученика по имени помню, знаю чем занимается, жив ли, женился ли... Они мне как дети. Как бы мне не хотелось быть с тобой каждую минуту, ситуация такова, что мы не можем себе этого позволить, пока...

Опасный вопрос опять повис в воздухе, так и не произнесённый никем.

– И тебе нельзя пока скрываться... – продолжил Корнелиус. – На кого ты целую страну бросишь? На мужа-дегенерата? На его кузенов-рвачей? Нельзя тебе сбежать. И мне нельзя.

Мы можем видаться – так часто, как ты захочешь. Я просто настрою тебе стационарный телепорт из твоей спальни в мой кабинет, кристалл вызова можно вставить в перстень, будешь всегда на связи...

– Чёртово королевство! И бросить-то не на кого! – в сердцах выругалась Рейна, и тут у Корнелиуса возникла идея.

– Корбин!

– Что Корбин? Ты хочешь, чтобы Корбин короля потихоньку пришил? – не веря в своё счастье, осторожно осведомилась Рейна.

– Да нет, зачем потихоньку? Можно громко и с размахом – государственный переворот, и он у власти! Единственное, за что отвечает Дидер – армия – разваливается на ходу. Не оправдываясь, милая, – пресёк попытку Рейны Корнелиус, – это не твоя вина. Я знаю, армия не подчиняется королеве, пока жив верховный главнокомандующий... он же король... Корбин силен – и знает это. За одну ночь он может взять власть, никто не будет возражать, возражалки не выросли, понимают все... А вот Руалия возразить может, а вместе с ней и Островная Империя... А северные варвары – их хлебом не корми, дай в заварушке поучаствовать. Скорее всего опять монетку будут кидать – на чьей стороне выступать. А тут уж дело случая – либо война два на два, либо Багванна против всего континента... Думать надо. К тому же не в одиночку, будущий король не должен о своём назначении в последнюю очередь узнавать – как ты думаешь? – Глаза мага задорно поблёскивали, а Рейна восхищённо любовалась им – ну надо же как повезло! И умный, и красивый, и зрелый... И любит её, по настоящему любит...

За спиной Корнелиуса раздалось деликатное покашливание. Он с трудом оторвался от глаз возлюбленной и перевёл затуманенный взгляд на неожиданно возникший раздражитель. Раздражителем был Адрис.

– Дядь Кор, поговорить надо. Дело важное, но не для всех, – извиняющимся жестом он приложил к груди руку, – Рейна, прости что краду его. Верну, обязательно верну. – И нетерпеливо переступил ногами...

– ...вот так всё и получилось. Я ещё могу её за нос поводить месяц-другой, потом она начнёт догадываться. Хитрая зарраза, как змея. Как я раньше её не разгадал?! – Адрис закончил свой рассказ о Фан. Элия стояла рядом и гладила его по руке. Она была безмерно счастлива, что всё обернулось именно так – просто Фан хочет их всех убить! Подумаешь, пустяк какой, главное Адрис всё так же любит только её одну, и ни на кого больше не смотрит! Разве не счастье? Адрис вопросительно смотрел на Корнелиуса и терпеливо ждал реакции на свой рассказ.

Корнелиус озадаченно тёр виски. Для него Фан была отложенной проблемой, только её не хватало теперь для полного счастья.

– Надо с Корбином переговорить. – наконец выдал замученный проблемами маг. – Его это тоже касается. Соберёмся через недельку-две, обсудим, стратегию разработаем. Не волнуйся, Адрис, проблемы будем решать по мере их поступления. Просто держи пока меня в курсе дел, ладно? А мы с графом что-нибудь придумаем. – Он похлопал оторопевшего Адриса по плечу и почти бегом направился в сторону скучающей Рейны.

– Ты видела? – только и смог спросить обескураженный парень. Он столько времени ходил по лезвию бритвы, встречаясь с заклятой вражиной, выведывая информацию, а от него

отмахнулись, как от мухи?!

– Рис, не волнуйся. Дядя Кор сказал, решит, значит решит. Только на Корбина я бы так не рассчитывала... – Элия призадумалась. – Насколько я поняла его, когда он мне Джулькины туфли в руки совал, мы его изрядно достали. Все. А последняя капля в тарелке с заливным спит... А нет, показалось. Рядом с тарелкой. – Элька осуждающе смотрела на подругу, спящую сном младенца, уронив голову на сложенные руки. – Хорошо хоть не под столом! Наворотила делов, и дрыхнет, ни стыда, ни совести.

– Да-а-а... – протянул Адрис, обнимая за плечи Элию. – Корбина мне по-мужски жалко. Столько лет готовился, признаться боялся, в ангелы-хранители заделался... и для чего? Пяткой в грудь получить? Убил бы, чес слово... А ты то откуда знаешь? – спохватился Адрис.

– А...- Элька махнула рукой, – Корбин даром что сто лет в обед, а в психе как ребёнок – читай его, как открытую книгу, все эмоции так и плещут... – девушка нахмурилась, вспоминая состояние внешне невозмутимого мага-война.

– Менталист ты мой, душевидец... – ласково потрепал по волосам любимую Адрис. – Пойдём монстрика нашего будить, беззащитных графьёв избивающего, да домой пора. У меня ещё на утро дельце одно есть... – У Адриса возникла необходимость переговорить с Корбином лично. Почему-то он не разделял уверенности Элии в том, что Корнелиус осознал всю серьёзность угрозы, исходящей от его давней зазнобы...

Джурайю разбудить эльфы не дали. Нельзя тревожить Светлую Госпожу!!! С почётом и трепетом сильнейшие маги во главе с самим Лаллиэлем левитировали её свернувшееся клубочком посапывающее во сне тело в прекрасные хоромы, снаружи больше напоминающие храм своими стрельчатыми сводами и устремлёнными вверх башенками на крыше, а насколько сумела разглядеть Элия, то и кровать под балдахином напоминала больше алтарь как размером, так и роскошью. "Как дети! – умилилась девушка, глядя на экзальтированных эльфов, бережно опускающих на кровать-алтарь драгоценную ношу, – пока задницу не начистишь, никого не слушаются, а вот после порки папу мы боимся, а маму любим больше жизни... Светлая Госпожа, надо же..."

Джурайя

Тогда, наскоро собравшись, наспех распрощавшись с Элией и так и не найдя Адриса, Джурайя чуть ли не бегом исчезла в телепорте в замок Корбина, чтобы как можно быстрее избавиться от тянущего чувства неизвестности. Опозориться на пять минут, и обратно, под крылышко Корнелиуса, зализывать раны... Она была больше чем уверена, что Корбин выпрет её, как только увидит. Вопрос был только в том, с членовредительством или нет. Сама она склонялась ко второму варианту, хотя голос разума подсказывал ей, что до такого граф просто не опустится. А вышло всё совсем не так...

Корбин не вышел её встречать. Пытка неизвестностью продолжалась. Радовало одно – поселили её в самом дальнем флигеле, а значит собирались терпеть её присутствие подольше, чем до утра.

О это утро! Никогда ещё утро не длилось целую вечность. Проснувшись засветло, любящая поспать до полудня Джурайя проворочалась больше часа, но так и не смогла снова заснуть. Пришлось вставать, одеваться, приводить себя в порядок... Как не хватало её сейчас горячего чая с булочками, которыми каждое утро её пичкала добрая Полин! Рассвет Джурайя встретила голодная, а, следовательно, злая. Ей уже не казалось, что она так уж сильно виновата перед Корбином и приготовилась с честью вынести порку на конюшне и позорное

изгнание из замка, в которых уже не сомневалась, и, откровенно говоря, уже ощущала себя мученицей в руках палача. "Ничего, вот потом узнает, что это было просто недоразумение, и что зря он так жестоко со мной обошёлся, а будет поздно... – злорадно думала Джурайя. – Даже где кухню не показали, позавтракать по-человечески и то негде..."

Каково же было её разочарование, когда Корбин с равнодушным и отстранённым видом методично расписывал обязанности наставника, объявлял о жаловании, а потом ещё и глумился над её положением иждивенца на шее Корнелиуса, как будто остальные ученики своим учителям приплачивали... "Сволочи, – тоскливо думала Джурайя, ковыряя выложенный булыжником двор носком сапога. – Дайте экзамен сдать, я сама себя прокормлю. И не упёрлась мне ваша благотворительность..."

Но то, что было дальше, повергло Джурайю в настоящий шок. Проверка на профпригодность, Веники Поднебесные! Какая к гоблинам профпригодность?! Маг-недоучка, вместо боевой подготовки – занятия с Ценем и джигитовка, а этот супостат её в фехтовальный зал тащит! На спарринг с ним же! Боги, за что караете! Ладно бы сразу добил, а то ведь покалечит, Прим подлечит, а он потом опять покалечит... "Всё, я разгадала его тайну, – обреченно думала Джурайя, тащась по лестницам и переходам следом за Корбином. – Он меня специально оставил, чтобы мучить и зло на мне срывать. А чтобы всё прилично снаружи выглядело, жалование положил, садист... И ведь не сбежишь – я теперь его собственность, без права голоса." От осознания своей зависимости от Корбина де'Карри ей стало совсем плохо, к тому моменту они пришли в подвал замка, где располагался огромный фехтовальный зал. Как объяснил ей по дороге граф, летом народ тренируется на открытом воздухе, но зимой часть тренировок по фехтованию и рукопашному бою переносится сюда – так удобнее, хотя, конечно, все равно большая часть практического обучения проводится или на улице, или на полигоне, вольготно разместившемся в заброшенных каменоломнях неподалеку от замка.

Зал поражал размерами, оснащённостью и количеством оружия на стенах, в шкафах, на стойках... По словам самого Корбина, в этом учебное помещение вполне могло поспорить с королевским арсеналом, хотя, конечно, Джурайе оставалось об этом только догадываться – в арсенале она ни разу не была, да и не стремилась туда совершенно.

Прежде, чем приступить к поединку, Корбин заставил Джурайю одеть защитный костюм – легкий, прочный, не стесняющий движений и одновременно не дающий учебному клинку покалечить человека. Сетчатая маска на лице надежно защищала глаза. Впрочем, клинки у каждого были свои, самые настоящие. Корбин, кстати, доспех не одел – создавалось впечатление, что Джурайю как противника он ни в грош не ставил, и это было обидно и досадно. Осознание, что она, со своим воробыным весом, отсутствием опыта и невозможностью спалить здесь всё к гоблинам угнетало. "Конечно, он живёт в три раза дольше меня – как минимум, и всё это время только и делал, что тренировался людей убивать по одиночке и группами. Ладно, продам своё здоровье подороже... Пусть хотя бы вспотеет... Чему-то же Цень меня учил."

Оказалось, немногому.

Размышления на грустные темы заставили её задержаться в боевой стойке. Вывел её из задумчивости голос Корбина, который внимательно на нее смотрел и ехидно улыбался.

– Ты проиграла.

– Уже? – чуть не подпрыгнула от неожиданности Джурайя.

– Ты встала в стойку, вместо того, чтобы нанести удар, когда я не держал в руках оружия и

вообще не был готов к бою. Таким образом, ты отдала мне инициативу, то есть право первого хода перешло к более опытному и подготовленному противнику. Конечно, ударить я бы тебе не позволил, но попытаться все равно стоило.

– Прямо сразу, без объявления войны? – уже больше по привычке огрызнулась она.

– Разумеется. Настоящая война всегда начинается внезапно. Сделать это можно хотя бы так, – Корбин изящно выхватил клинок. Джурайе показалось, что мимо ее уха что-то свистнуло, и на пол упала прядь срезанных волос. – Достаточно старый прием, родом, кстати, из Поднебесной. Первое движение, когда меч только покидает ножны, совмещается с ударом. Есть и другие варианты...

– Плакали труды придворного цирюльника, – с сожалением проводила девушка плавно падающие на пол волоски.

– Мы не в бирюльки играем, а учим ребят убивать и оставаться в живых самим. Итак, тактика боя тебе неизвестна, придется учить. Продолжим?

Следующие пять минут Корбин безжалостно гонял Джурайю по залу. Пот с нее стекал в три ручья, но Корбин был безжалостен. Самое обидное, что Джурайе ни разу не удалось не то что коснуться Корбина, но даже задеть его меч, зато кончик его клинка раз за разом тыкал девушку точно в лицо. Наконец, граф поднял меч, показывая, что бой окончен.

– Фехтовать ты тоже не умеешь. Пойми, знать, как надо бить, еще не все. Фехтуют НОГАМИ! Сумеешь удержать выгодную для себя дистанцию и сохранить контроль над пространством – победишь, нет – умрешь и пополнишь счет более грамотного противника. В общем, прежде, чем наставничеством заниматься, тебя бы саму подучить, а то сейчас ты – мясо, не более... Да и оружие у тебя – дрянь.

Катана служила верой и правдой, но попытка заступиться за оружие была прервана резким свистом и звоном. С недоумением посмотрев, она обнаружила в своей руке лишь короткий обломок у рукоятки. Надо же, а ведь она даже не почувствовала удара. Корбин в своей обычной издевательской манере усмехнулся:

– Наставник должен разбираться, в том числе, и в оружии. Ладно, на вот.

Граф вытащил из огромного шкафа другую катану – чуть длиннее, чем у Джурайи, и немного тяжелее, однако даже неискушенной в оружии девушке сразу стало ясно, насколько это оружие лучше того, что было у нее.

Джурайя протестующе выставила вперед ладонь.

– Ну и нахрена мне оружие, которое ценится дороже меня? Поцарапаю – из жалования вычтешь. А мне потом пахать на тебя лет сто пятьдесят, пока не расплачусь...

– У меня она все равно без дела валяется, – равнодушно пожал плечами гадский граф, насильно впихнув ей в руку обмотанную мягкой кожей рукоятку. – Все, завтра подойдешь к Лику, он определит тебе учителей по фехтованию. А сейчас, прости, мне некогда. Дела...

– А мне её в руках таскать или в тряпочку заматывать? – невинно поинтересовалась Джурайя, пытаясь не показать, как удобно легла в руку катана. – Меня, видишь ли, в Горелых Выселках так разбаловали, что меч без ножен даже в руки не возьму. – Она уже выровняла дыхание и теперь нагло ухмылялась, глядя исподлобья графу прямо в глаза.

– В шкафу на дверце, – раздражённо кинул через плечё Корбин. Джурайе показалось, что он сбегает. – Сама разберись, недосуг мне... – и выскочил из зала.

...Знала ведь она, всегда знала, что с девочками ей никогда не найти общего языка... Но наивно полагала, что девочки-маги будут чем-то похожи на неё саму, а значит легче будет прийти к взаимопониманию. Ничего подобного. Женская часть учеников Корбина встретила её в штывы. Сразу и бесповоротно. И бесполезно было объяснять, что не по своему желанию она находится в замке и является ещё более подневольной, чем они сами. И ещё бесполезнее было докапываться, почему они так настроены против новой наставницы... Это и так было яснее ясного. Старшие девочки, если их можно было назвать девочками, были едва ли моложе чем она сама в момент знакомства с Корбином. Деревенские, крепкие, сильные и фигуристые, они могли уже рожать детей, а вместо этого осваивали нелёгкую профессию боевого мага. Природа брала свое, и, совершенно ясно, что объектом обожания стал граф Корбин де'Карри, наставник, учитель, красавец мужчина, такой недоступный и легендарный! Мало для кого было секретом, что наставницей к ним придёт ТА САМАЯ, что отказалась стать его женой, и о которой с таким жаром рассказывали мальчики, побывавшие в эльфийском лесу... Девочки ожидали появления небывалой красотки, сильной и властной, и что в итоге? Появляется какая-то замухрышка в штанах, у самой глаза перепуганные, голосок срывается... Это чувело могло стать соперницей в борьбе за внимание графа только по ошибке, решили старшие. И устроили заговор...

Джурайя была в отчаянии. Её распоряжения игнорировались, просьбы встречались с сарказмом, на приказы отвечали отказом и грубостью... Она набралась смелости и попросила Корбина официально отказаться от неё, как от наставницы, потому что она не справляется... И получила ещё порцию ехидства и тазик холодного презрения, я мол, и не сомневался, но, видишь ли, Корнелиусу обещал. Так что терпи и работай.

– Как с ними можно работать, если я только вошла, и меня уже ненавидят?! – чуть не плакала Джурайя.

– Ну я же как-то терплю твоё присутствие, – процедил Корбин, глядя сквозь неё.

– Ну ладно, – едва сдерживая гнев, а соответственно и выплеск, бросила Джурайя. – Потом не жалуйся, что из группы девочек выжило только младшее звено, – и, резко развернувшись, почти бегом выскочила из кабинета.

А по дороге к конюшне, где Джурайя рассчитывала сбросить пар при помощи полюбившейся ей джигитовки, её остановили четыре старших девочки...

– Что, отшил тебя Корбин? – с почти осязаемой ненавистью сквозь зубы проговорила самая старшая из них. "Петра, – вспомнила её имя Джурайя".

– Не нарывайся, ученица... – уже не сдерживая ярости, прорычала Джурайя.

– А то что? Нажалуешься Корбину? – издевательски протянула Петра. Краем глаза Джурайя наблюдала, как остальные трое занимают боевые позиции, преграждая ей путь к отступлению. "Неплохо их учат, грамотно обложили, – пронеслось у неё в голове с весёлой злостью". – И что ты ему скажешь? Что злые девочки тебя не слушаются? – продолжала Петра, раззадоривая сама себя. Ещё бы – их четверо, боевая единица, сработанная и сплочённая. Понимающая друг друга без слов... – Слушай сюда. Если я тебя ещё раз возле Корбина увижу, пеняй на себя. – Молчание Джурайи было превратно истолковано как страх и Петра распоясалась вовсю, – переломаю твои тонкие ножки, выдерну твои наглые ручонки и

засуну тебе их в задницу, усвоила урок?! – забыв об осторожности Петра хотела схватить Джурайю за волосы и не сразу поняла, почему не может двинуть рукой. А когда поняла, было поздно... Джурайя держала в жёстком захвате кисть девушки, лёгким движением заставляя её всё ниже пригнуться к земле. Петра бросила взгляд на подруг почему не спасают? – и увидела вокруг неё и соперницы стену бело-голубого пламени. Подруги бессильно топтались по ту сторону, а при попытках приблизиться получали болезненный укол искрой.

– Отпусти, ты не имеешь права меня калечить! Тебя на конюшне заporют! Корбин на мне женится, поняла? Я здесь самая сильная, а ты довыпендривалась... – орала Петра. Одна из трёх девочек по ту сторону пламени метнулась за подмогой. С мстительной улыбкой Джурайя выпустила Белое Пламя из ладони и поднесла его к лицу Петры.

– А мне всё равно, – плотоядно ухмыляясь, проговорила она. – Начнут пороть – спалю конюшню. А может и весь замок. – Джурайя наслаждалась ужасом на лице Петры, – сейчас я тебя не убью. Но урок ты запомнишь на долго, пока причёской не покроешься... – и с ювелирной точностью сняла полоску волос с головы бьющейся в истерике Петры, оставляя ежик в четверть пальца, – а будешь дёргаться, совершенно случайно отрежу тебе полголовы... а если повезёт – то просто ухо...

Бритье наглой ученицы было почти закончено, когда сквозь стену пламени Джурайя увидела быстро приближающиеся фигуры. Корбин, Лик и... неужто? Впереди графа и старого вояки бежал явно её Древний папаша... Вот только его здесь не хватало... Гнев уже отпустил её, Петра рыдала, закрывая руками лысую голову со свисающими из-за уха чудом уцелевшими прядями, и вызывала даже некое сочувствие. Джурайя устало убрала стену из огня, Белое Пламя скрылось в ладони. Она стояла совершенно открыто, не пытаясь защититься. "Паразит, – думала Джурайя, – глядя на бегущего Корбина, – запудрил девчонке голову. Небось и правда жениться обещал, если до первого ранга дотянет. А она, дурочка, и рада стараться".

– Что здесь происходит? – ледяным тоном произнёс Корбин. Услышав родной голос, выпущенная из захвата Петра кинулась к нему на грудь и забилась в рыданиях.

– Учитель, она чуть не убила меня! Обещала голову отрезать! Выгоните её! Она нас всех убьёт! – причитала лысая обезьяна, обхватив несчастного Корбина поперёк туловища. "Вот змея! – весело подумала Джурайя, – знает, как на свою сторону одеяльце перетянуть"

– Джуня! Доча!!! Ты цела? Ручки, ножки, не поранила? – папаша, гоблины задери его заботу... – Как ты, маленькая, против четверых одна?! – он заботливо осматривал и обхлопывал Джурайю, и на миг ей даже показалось, что он повзрослел. Нетерпеливо высвободившись из рук Шалопая, Джурайя рывкнула:

– Ты что не видишь – цела я! А ты, – она бросила испепеляющий взгляд на Корбина, – учи своих волчат, что даже если их четверо, на них как минимум должны быть поглотители магии, чтобы грубой силой с одним справиться. А перед этим обязательно подумать, СМОГУТ ли они осилить этого одного. – Она уже собиралась гордо удалиться, как вдруг вспомнила кое-что, – Да, и ещё... Держи своих баб на коротком поводке и оповести всех, что я работать приехала, а не тебя очаровывать.

Разворачиваясь, Джурайя видела осуждающий взгляд Фауля, адресованный Корбину, открытый рот самого Корбина и тщательно скрываемую улыбку Лика. Глаза заливали слёзы, и поэтому тщательно стараясь держаться прямо и независимо, она пошла прочь от троицы...

А потом был разговор... Тяжёлый, откровенный разговор со всеми девочками, включая самых

младших. Притихшая Петра сидела в сторонке, с завистью наблюдая, как доверчиво жмутся к бокам Джурайи две малявки – и Джурайя не гонит их, как было принято в женской спальне. Джурайя отвечала на ВСЕ вопросы с предельной откровенностью, и девочки чувствовали это.

– Ты правда из благородных? – вопрос, болезненный для них всех, бывших крепостных...

– Да какая из меня благородная! Одно название... В Горелых Выселках всю жизнь прожила. Если бы Корбину вожжа под мантию не попала с этой женитьбой, до сих пор бы там жила.

– А у тебя были... ну... мужчины... – это уже от старших, насущная проблема.

– Да нет, жду большой любви и моря романтики.

А потом был задан вопрос, в ожидании ответа на который замерли все – и, кажется, даже перестали дышать. Как и следовало ожидать, задала его одна из малявок.

– Джу, а вы с Корбином жених и невеста?

– Нет, – очень честно ответила Джурайя. – Я его очень сильно обидела, и как бы я его не любила, он вряд ли меня простит. Мы очень разные, я не хочу за него замуж – это будет ад. Для нас двоих будет лучше, если мы сможем стать друзьями. Ну или хотя бы не ненавидеть друг друга... А что, Петра, Корбин дал тебе понять, что ты ему нравишься? – грех было не воспользоваться откровенным разговором. Это была своего рода игра, и если Петра хотела сохранить остатки уважения к себе других девочек, она должна быть откровенной...

– Нет... – хмуро отозвалась Петра. – Но мне этого очень хочется... – девушка опустила глаза, щёки наливались багровым румянцем.

– Он не полюбит врушку и лицемерку, – Джурайе было искренне жаль эту девочку, но... правда за правду. Кто знает, может быть она и пригодится ей в будущем? – Таких хватает при дворе, поэтому он и хотел жениться на простой деревенской девке, чтобы голову не ломать – соврала-не соврала... Ты красивая, сильная, у тебя есть дар... Пройдёшь испытание на ранг, получишь лицензию, вот тогда и можешь рассчитывать на его внимание. Если больше вот так не спалишься... Запомни, вчетвером на одного безоружного, а тем более не врага, честные люди не нападают. Кстати, про волосы... Хочешь, Прима попрошу, он поколдует?

... А на следующий день была новая напасть...

– ...ну кто так девок тренировать придумал! Вы посмотрите, что делается! В магическом поединке они парней уделали, а в спарринге сами огребли. Нет, не потому что тренироваться надо. Нет, не бабы. Да сам посмотри! Они же легче почти в два раза! И по природе своей бабской физически слабее... Ну и что, что на войне все равны, вот и учите, чтобы силы уравнивать! Как? Я откуда знаю, как. Ценя попросите, он меня учил... Чё ржёшь, дубина! Кое чему научил... Похвастался уже Корбин, как меня по фехтовальному залу гонял? Я бы на тебя посмотрела, как он тебя гонять будет... Что? Эти сосунки? Да они только и могут, что девчонкам один на один руки выкручивать. Поединок? Один на один? Конечно нет, – Джурайя ругалась с опытным воякой, на плечи которого была возложена почётная миссия обучения волчат боевым искусствам. Без разделения тренировок по половому признаку. Сейчас этот здоровяк смотрел на неё сверху вниз, посмеиваясь над её горячностью и явно не веря, что при грамотном подходе даже девчонка может драться не хуже опытного война-мужчины. – Если Прим в замке, давай четвёрку. Ты же их четвёрками тренируешь? – теперь речь шла о том, чтобы Джурайя подтвердила свои слова действиями, то есть о поединке с кем-нибудь из мальчиков. – Вот и давай тех, что посильнее. Работать будем в полный контакт, Прим

починит если что. Лично я магию не использую, доспех не одеваю. Давай, давай, чего теперь, на попятную? Очканул, доблестный? Как на словах, мы все смелые, а как до дела доходит, вам, мужикам, проще сказать "С бабами не дерёмся", чем опозориться...

...Джурайя стояла в середине тренировочной площадки. С четырёх сторон света, как недавно девочки, её окружили ребята из старшей четвёрки. Каждый из них уже успел набрать мышечную массу и был почти вполнину тяжелее Джурайи. И на полголовы выше...

Бой был окончен очень быстро и совершенно неожиданно для старого, опытного вояки, многое повидавшего на своём веку. Хуже всего было то, что из четверых самых сильных его учеников, его тайной гордости, целых не оказалось. А Джурайя, которую он не воспринимал всерьёз, даже не запыхалась...

Больше всех опять же был травмирован Фауль – его травма была моральной... Его маленькая, беззащитная дочурка уже второй раз за два дня была вынуждена драться одна против четверых здоровых, наглых, натасканных учеников...

Джурайя стояла, окружённая девочками, ласково глядя по голове самую младшую, в силу своего возраста скучавшую без материнской ласки и жавшуюся к Джурайе с того самого дня, когда состоялось примирение девочек со своей новой наставницей, и насмешливо смотрела, как Прим, чертыхаясь, чинил, не сходя с места, боевую четвёрку, как отчитывает наставника Корбин, и впервые за много дней ей было хорошо...

Глава 19

Итак, приехала новая наставница. Зачем, спрашивается? Куда спокойнее для Корбина было бы, если бы он ее больше в глаза не видел, но вот приехала. И что теперь с ней делать, спрашивается? Первым порывом Корбина было вообще выгнать ее из замка, и запретить даже близко к нему приближаться, однако он подавил в зародыше это весьма и весьма заманчивое желание. Вместо этого Корбин приказал разместить вновь прибывшую в дальнем крыле и не беспокоить его как минимум до утра.

Но утром все же пришлось встретиться. А куда деваться? Раз уж оказался настолько слабохарактерным, что пошел на поводу у Корнелиуса – изволь расплачиваться. Вообще, Корбин, когда ему сказали, что Джурайя будет у него стажироваться, вначале потерял дар речи, а потом долго и обстоятельно объяснял всем присутствующим, что он думает по этому поводу. Нет, ну в самом деле, хоть бы спросили его мнение по этому вопросу! Он им кто – граф, или так, погулять вышел?

Однако Корнелиус его тогда уломал. Толкнул прочувственную речь о том, что молодежь надо холить, лелеять, учить и пестовать, подмаслил ее сверху рассуждениями о том, как разочарована будет девушка и какую моральную травму нанесет ей его, Корбина, отказ, когда ей уже было обещано... Ну и добил Корбина тем, что объяснил, какой позор падет на седины его старого учителя, если Корбин нарушит данное им, учителем, слово. В общем, после получасовой речуги Корбин был согласен уже на что угодно, лишь бы его оставили в покое.

Увы, проиграв тот бой, Корбин получил сейчас проблему в виде явившейся таки на стажировку Джурайи. Ну и зачем она, спрашивается, явилась? Как вообще посмела? После того, что она учинила в лесу, стоило бы выпороть ее на конюшне... Хотя нет, теперь же она бла-агородная, ее на конюшне пороть не положено...

Пока Корбин предавался размышлениям и смаковал мысли по поводу того, что бы следовало сделать с наглой девчонкой (надо сказать, фантазия у графа была богатая, и поэтому

четвертование возглавляло список в качестве самого мягкого из возможных наказаний) Джурайя под его светлые очи и явилась. И даже без извинений. Обидно... Стояла ссутулившись и рассматривая пыль под сапогами, упрямо сжав губы.

Ну ладно, не извинилась и не извинилась – не собачиться же с девчонкой? Смешно, право слово. Объяснил ей обязанности, сказал, какое жалование ей положил. На что она хмыкнула одним краем рта "А тут ещё и платят! А я думала – взяла катану и крутись как хочешь..." Не поймёшь её, то ли оскорбилась, то ли издевается... Пришлось объяснить, что это – не его прихоть, а жизненная необходимость. Она ведь магом хочет быть, ни от кого не зависеть? Замечательно! А на какие шиши жить собирается? Или милая дама считает, что Корнелиус ее до конца жизни кормить будет? А ху-ху не хо-хо? Корнелиус ее, конечно, не прогонит, но у него ведь и кроме нее дел в пять слоев, не будет он ее опекать, как дитя малое. У него вон, если она не заметила, личная жизнь налаживается, он, может, хочет создать семью, так сказать, здоровую ячейку общества, и тут уж Джурайя окажется ему, скорее, обузой. Так что пускай привыкает получать за свой труд звонкую монету и жить самостоятельно.

Джурайя расстроилась, конечно, но чувства ее щадить Корбин не собирался. Вместо этого он утащил ее в фехтовальный зал, где устроил полноценный экзамен по владению оружием. Мечом своим она, кстати, владела вполне на уровне, но Корбин ей об этом, разумеется, не сказал. Напротив, высказал большое "фи" по поводу ее талантов – это чтоб не расслаблялась. Ибо нет предела совершенству, а на уязвленном самолюбии она начнет тренироваться намного энергичнее. Глядишь – и прогрессировать начнет быстрее, так что, можно сказать, все для ее же блага.

Ну а потом потянулись серые будни. Джурайя в жизнь замка вписалась без особых проблем и с обязанностями своими, в общем-то, справлялась. Однако хлопот с ней меньше не стало – воистину, она и впрямь притягивала к себе неприятности. Сначала поцапалась с Ценем, причем так, что, не вмешайся Корбин, дело вполне могло дойти до смертоубийства. Потом сцепилась с собственными подопечными, напугав их до полусмерти да еще и, в своей обычной манере, обвинила Корбина в том, что он во всем виноват. Ну и, как финал, совершенно недостойное наставницы поведение на тренировке по рукопашному бою.

Тут, правда, надо признать, была вина и самого Корбина. Точнее, даже не столько его вина, сколько его некомпетентность в некоторых вопросах. Ну не умели ни он, ни его наставники учить женщин рукопашному бою. Те приемы, которыми все они владели, были хороши для крупных, сильных мужчин, обладающих немалой физической силой. Увы, женщинам такой стиль подходил слабо. Да что уж там, не годился он для женщин. Джурайя об этом заявила на первой же тренировке, и она была права. Более того, наставник, тренирующий молодых магов, и сам прекрасно это понимал. Скажи ему это Джурайя в приватной обстановке – и проблем не было бы в принципе, но она, со свойственной молодежи в целом и ей в частности, бестактностью, прямо на тренировке заявила наставнику, что он неправильно учит девочек. Наставник, седоусый воин, стоптавший не одни сапоги в походах, естественно, был обижен и заявил, что "яйца курицу не учат, а место бабы вообще у плиты да в койке". Джурайя тоже в долгу не осталась, обозвав наставника старым пнем. Словом, разозлившийся ветеран сказал Джурайе, что любой из его учеников, присутствующих здесь и сейчас на тренировке, в два счета вобьет молодую хамку, у которой еще молоко на губах не обсохло, в землю по уши. Джурайя же заявила, что она любого из них научит родину любить. Тут еще Фауль влез ее защищать... Его дружно послали с обеих сторон, после чего Джурайе предложили показать, какая она воительница. Девушка обычно безразлично относилась к такого рода подначкам, но сейчас, похоже, наступил край, потому что она вскипела и предложила любой четверке (а именно на такие тактические единицы разбивались молодые маги при обучении) прямо сейчас устроить учебный бой. Если они, конечно, и впрямь такие крутые, как сами заявляют, и не боятся получить по сусалам. Наставник дал добро – думал, наверное, проучить Джурайю.

Зря старался.

Джурайя, как оказалось, вполне способна была усваивать уроки, которые преподносила ей жизнь. Во всяком случае, уроки, которые Корбин преподнес ей во время фехтовального поединка, она усвоила вполне, поэтому, пока излишне самоуверенные ребята демонстративно закатывали рукава, она на всю катушку использовала эффект внезапности, и в результате один из парней тут же выбыл из игры с отбитой напрочь коленной чашечкой, а второй словил удар в пах. Двух оставшихся Джурайя по полной программе отметелила – она была легче их, маневреннее, поэтому довольно легко измотала их и подловила на неизвестные парням приемы. Ну а так как работали в полный контакт, то одному она, не церемонясь, сломала челюсть, а второму – руку.

Хорошо, Прим в тот момент был в замке, однако вместе с ним к месту побоища явился и сам Корбин. Посмотрел на результаты боя, хмыкнул и разразился короткой, но энергичной и полной цветастых эпитетов и образных сравнений речью, суть которой сводилась к нехитрой, в общем-то мысли – что вы за боевые маги, если вас любая баба отлупить может? После чего приказал Джурайе тренировать девчонок по своей методике и удалился.

Так или иначе, своим появлением в Школе не признающая авторитетов Джурайя внесла в ее размеренную жизнь свежую струю, ну и в довесок, видимо, чтобы жизнь малиной не казалась, добавила изрядную порцию бардака. С учетом того, что молодые, а иной раз и просто малолетние, ученики и так давали жару наставникам, делая жизнь нескучной, это не добавило Джурайе особой любви среди прочих наставников. Правда, и ненависти не вызвало – все-таки немолодые, опытные воины давали ей скидку на пол и возраст. Так уж было принято в свое время в роте, которой командовал Корбин, что молодых не гнобили, а, напротив, старались подтянуть до своего уровня, потому что с этим самым новичком, вполне возможно, очень скоро придется драться плечом к плечу. Потом это правило как-то очень органично распространилось и на Школу, ну и на Джурайю тоже – наверное, по инерции.

Увы, очень скоро все это стало выглядеть мелочью, не заслуживающей внимания. Прошла всего неделя с ее появления, как начались события, перевернувшие все с ног на голову, и начались они с того, что среди бела дня отдыхающего после ночного марш-броска, который он провел вместе со своими подопечными, лично, так сказать, подавая пример, Корбина разбудил вызов от Корнелиуса.

Новости, которые сообщил Корбину старый маг, были страшными и напрямую касались его ученика. Точнее, касались они теперь уже только Корбина, ибо ученик его был мертв.

Вот как бывает. Живет себе мальчишка, учится, в самоволки бегают – нормальный, в общем-то, процесс. Первая любовь... Открыл портал в город, пошел со своей девушкой по городу гулять и нарвался на подонков из высшего света. Молокососы искали приключений – и нашли их. Девушка была из простых, так почему бы не поразвлечься? Парень, правда, хотел ее защитить, но ошибся. Надо было сразу глушить их магией, насмерть, а не пытаться отбросить пьяных мерзавцев силовым щитом. От ответственности его бы Корбин защитил, а вот щита оказалось явно недостаточно – слишком много было противников. Когда молодой маг понял свою ошибку, было уже поздно – его буквально изрубили мечами, девушку уволокли в подворотню... Словом, поглумились. Ну а когда труп опознали и доставили к Корнелиусу, тот вызвал Корбина немедленно. Тот явился сразу, и не один...

– Корбин... – начал было Корнелиус, и осекся. Граф поднял на него глаза – уже совершенно сухие, спокойные. Чуть улыбнулся уголками рта, и Корнелиусу стало страшно. Пожалуй, впервые с того момента, как он встретил Корбина, ему стало по-настоящему страшно находиться рядом со своим учеником, потому что он знал, что последует за таким

спокойствием. Если бы Корбин психовал, лез на стенку, на него был бы еще шанс как-то повлиять, но граф был спокоен, а это значило, что решение принято и приговоры подписаны.

– Говоришь, герцог Шале? Это хорошо. Его особняк, кажется, на Большой Ручейной? Надеюсь, никто еще не сбежал – ловить их по всей стране большого желания нет.

– Корбин, никто не позволит тебе устраивать вендетту в центре города...

– Ну что же, – граф осторожно снял голову ученика с колен, опустил ее на пол, положил, прощаясь, руку ему на лоб. Потом спокойно встал, нарочито медленными движениями отряхнул штаны. – Тогда предупредите тех, кто захочет мне помешать, что, если они хоть мяу сказать посмеют, я снесу этот город. Никто, слышите, НИКТО не смеет трогать МОИХ учеников.

Он говорил очень спокойно, негромко, но в наступившей тишине каждое его слово звучало невероятно четко. Держался он, надо сказать, отлично – полностью владел собой, не позволяя эмоциям захлестнуть мысли. Пожалуй, сейчас только хорошо знавшие его люди могли понять, что Корбин на пике эмоций – выдавали графа лишь некоторая замедленность речи и большие паузы между словами. Повернувшись к замершим ученикам, Корбинскомандовал:

– Всех сюда. Всю школу.

Полчаса спустя жители столицы наблюдали интересное и необычное зрелище. По улице шел знаменитый на всю страну вельможа, боевой маг, бабник и скандалист граф де'Карри. Шел, приветливо улыбаясь встречным, не очень даже и торопясь, и полы простого черного плаща чуть колыхались за его спиной от легкого ветерка. А позади него шло человек шестьдесят – совсем молодые парни и девушки, одетые по-дорожному, старающиеся невозмутимостью копировать графа и не скрывающие, что на каждом из них оружия достаточно, чтобы вооружить пару-тройку городских патрулей. Это было необычно, поэтому люди с интересом смотрели вслед идущим, а самые умные бежали домой. Им, умным, была известна простая истина: не понимаешь – бойся. На сей раз они были правы...

Где-то на середине дороги их встретил префект столицы. Немолодой уже, грузный человек, верно служивший уже второму королю, потерявший глаз на войне и сейчас крепко держащий в руках всю полицию города, он страшно боялся. Это было видно, так же, как было видно, что свой долг он намерен исполнить. За его спиной переминались с ноги на ногу пара десятков стражников, страстно мечтающих оказаться подальше от этого места вообще и от столицы в частности.

Корбин уважал префекта, уважал за честность и смелость. Насколько было известно графу, префект еще ни разу не брал взятку – а это было почти невероятно. Поэтому Корбин остановился, и, повинувшись взмаху его руки, остановились его ученики.

– Остановитесь, граф, – голос префекта был тверд, а на побледневшем лице не дрогнул ни один мускул. – Я не могу позволить вам совершить то, что вы задумали.

– А что я задумал? – устало спросил Корбин. – Я еще сам не решил, что я буду делать, а вы уже, похоже, знаете. Отдаю должное вашему профессионализму...

– Не валяйте дурака, – на скулах префекта заиграли желваки. – Вы все прекрасно понимаете.

– Что я опять должен понимать?

– Вы идете к дому герцога Шале, сводить счета за своего ученика. Я не позволю вам устраивать бойню в городе.

– Так ведь они, сволочи, из столицы и раньше почти не выезжали, а теперь вообще хрен выберутся. Увы, барон, у меня нет выбора.

– Граф, не делайте глупостей. Я вынужден буду арестовать вас, если вы не подчинитесь.

– Бу! – Корбин резко выдохнул и ткнул пальцем в сторону стражников. Обычный жест, не более, но на месте осталось только пятеро, остальные разбежались, бросая оружие – репутация графа была страшной. – Барон, с кем вы собираетесь меня арестовывать?

Префект оглянулся и побледнел от гнева.

– Скоты...

– Совершенно с вами согласен. А вообще, завидую я вам – скорость, с которой вы узнали, куда и зачем я иду, достойна восхищения. Примите добрый совет – не лезьте в это дело. Мне будет жаль, если придется вас... отодвинуть.

Префект молчал. В нем боролись страх перед де'Карри, чувство долга и осознание того, что он все равно ничего не может сделать. Но еще одну попытку он, к чести своей сделал.

– Граф, если начнутся беспорядки, я обязан поднять гарнизон...

– Поднимайте, – равнодушно пожал плечами Корбин. – Мне в этой ситуации разве что людей будет жалко – я и один способен не оставить от столицы камня на камне, и каждая собака это знает.

– Но послушайте, разве нельзя ничего сделать, как-то решить дело миром?

– Можно. Пускай мне выдадут тех, кто напал на моих ребят – и мы разойдемся миром. Обещаю.

– Там было восемь молодых дворян, и среди них два сына герцога... Он не отдаст своего наследника.

– Его проблемы. Как вариант, могу предложить выдать мне их головы. Так хотя бы умрут без мучений.

– Граф...

– Что граф? Еще скажите, что жизнь этих щенков стоит больше, чем жизнь МОЕГО ученика. Он – сын крестьянина. И что с того? Закон на стороне герцога? Напомнить, что дипломированные маги приравниваются к дворянам? Это вам так, для формальных бумажек. В общем, я пойду медленно, и у вас будут пять минут на то, чтобы донести до герцога расклады. Сбежать они все равно не смогут – дороги к дому уже перекрыты моими солдатами, хотя, конечно, этого вы пока не знаете... Да-да, у меня есть люди, умеющие работать в городе не хуже ваших шпииков. В общем, если герцог не согласится, то пусть все, кто будет в особняке, принимают яд или там вешаются – им же лучше.

– Я передам. Но неужели никак...

– Нет.

Префект ушел на негнущихся ногах, а Корбин, как и обещал, чуть снизил скорость. Совсем чуть-чуть, но и этого хватило для того, чтобы, когда он подошел к особняку герцога Шале, тот напоминал какую-то помесь растревоженного улья и спешно готовящейся к обороне крепости. Префект благоразумно находился снаружи.

– Граф, он отказался. Подумайте еще раз...

– Я уже достаточно думал. Моих учеников больше НИ ОДНА ЖАБА тронуть не посмеет. Я думал, это и так все знают, но раз нашлись непонятливые – буду выводить их на корню. Чтобы не позорили дворянское звание и породу нам не портили.

– Там женщины и дети.

– Мне плевать. Парнишке было всего четырнадцать, почему я должен делать этим ублюдкам скидку на возраст? Девчонке, которую он защищал и которую изнасиловали эти подонки, было столько же. Почему я должен различать их всех по половому признаку?

– Там два мага, кажется, второй ранг, – негромко сказал префект и уже громче, так, чтобы все слышали, добавил: – Я снимаю с себя ответственность за последствия.

Корбин благодарно кивнул. Про магов он был в курсе, дымка щита вокруг замка была вполне видимой для него, но все равно приятно. Подождав, пока ученики рассредоточатся вокруг особняка, граф подошел поближе и озвучил свои требования – надо было придать вендетте хотя бы видимость законности. В ответ в грудь Корбину полетела стрела. Что же, ответ более чем однозначный. Граф ловко поймал стрелу, повернулся и зашагал обратно – больше разговаривать было не о чем.

Его уже ждали. Четверо молодых гвардейцев приволокли крепко избитого человека – посланника, которого герцог послал за помощью. Корбин внимательно посмотрел на него – самый обычный, ничем непримечательный человек в простой одежде. Если бы не маги, имел бы шансы проскочить...

– Сколько еще людей вышло из замка?

– Не знаю... Мне никто не говорил, выходил я один.

– Вижу, не врешь. Хорошо. Убейте его быстро – он ни в чем не виноват.

Отчаянный вопль резанул по ушам и тут же сменился бульканьем. Корбин поморщился, развернулся и вскинул руку. Повинуясь этому знаку, со всех сторон к особняку вышли его ученики, и началась атака.

Собственно, атакой это можно было назвать весьма условно. Просто атакующие маги давили, обороняющиеся держали щит... Секунд семь или восемь, наверное. Потом щит исчез – очевидно, тридцатикратный перевес в численности сказался. Ну а затем в подвале здания начала подниматься температура.

Все происходило медленно, постепенно, Корбин не торопился. Ученики подогревали, а он обеспечивал ток воздуха, превращая резиденцию герцога Шале в огромную печку. Из особняка доносились крики, кто-то хотел выпрыгнуть из окна и не смог – щит, блокирующий

резиденцию, расположился точно вокруг стен... В общем, не было ничего особо зрелищного, просто все, находившиеся в доме, заживо запеклись до хрустящей корочки.

После учиненной мести Корбин распорядился всем ученикам отправляться в замок. Сам же он отправился бродить по городу. На душе было пусто, возвращаться домой не хотелось. Хотелось напиться до беспамятства и забыться, но граф понимал, что это не поможет. Поэтому он просто шел по улице, ловил ртом снежинки... Хорошо хоть, все боялись Корбина, поэтому не рисковали приближаться, отвлекая графа от тяжелых, но важных мыслей.

– Корбин... – раздался внезапно сзади знакомый голос. Граф обернулся – прямо перед ним стояла Анна.

– Чего надо?

– Корбин, я хотела извиниться...

– Другого времени выбрать не могла?

– Могла, но... ты прости меня. Я была не права.

Корбин вздохнул и обмяк, будто из него выпустили воздух. Он никому не говорил об этом, но когда-то весьма сильно переживал размолвку, и Анна очень удачно выбрала время для извинений. Анна, видимо, почувствовала это – ловко подхватила его под руку, увлекая за собой. Пятнадцать минут спустя Корбин уже сидел за столом в ее доме и, потягивая из бокала густое красное вино, медленно приходил в себя.

Глава 20

Джурайя

День не задался с самого утра... Вернее с самого-самого утра всё вроде было очень даже не плохо: миновала неделя в качестве наставницы, в группе – полнейшее взаимопонимание, девочки слушаются с полуслова и в рот заглядывают, с поваром познакомилась – мировой дядька! Ничуть не хуже Полин. После четырёх дней тренировок первая победа в спарринге мальчик-девочка, пацан тёр ушибленные места и канючил, что всё было не честно, но, как известно, на войне как на войне. Неча было перед хорошенькой соперницей мускулами играть – тогда бы и не пропустил серию пах-шея-дых... Жизнь отравлял только Фауль, который бегал за ней с носовым платком и проверял, одела ли она тёплые носочки. В роль вошёл. Интересно, эти Древние все такие на потомстве сдвинутые? В приподнятом настроении Джурайя скакала вниз по лестнице, чтобы собрать девочек на тренировку на льду – полезная штука, никогда не знаешь ведь, в каких условиях работать придётся. Лёд сегодня как раз то, что надо – не провалится, не треснет. Да и по сугробам погонять девчонок не лишнее будет. Только надо проконтролировать, чтобы носки тёплые одели...

– Джу! – от неожиданности Джурайя чуть не свалилась с лестницы. Нет, она знала конечно, что Цень тоже здесь, но от личного общения предпочла бы воздержаться... А вот поди ж ты, стоит на три ступеньки выше и смотрит свысока. – Иди в библиотеку, принеси в некролабораторию фолианты, я там стопку отложил.

– Ага, бегу и падаю... – наглость – второе счастье. Ещё и приказы раздаёт, гнида. – Тебе надо, ты и иди. – Джурайя уже развернулась, чтобы продолжить путь, как вдруг собака Цень зацепил её за руку выше локтя крюком посоха.

– Подчиняйся, адептка! Я заведу кафедрой некромантии, а ты младший наставник и находишься в моём подчинении! – с этими словами дедушка Цень едва не покатился с лестницы – Джурайя неожиданно и резко дёрнула посох на себя. Теперь Цень был лишь на ступеньку выше и на полголовы ниже Джурайи, которая держала его за шкуру, как нашкодившего кота и сверлила страшными светящимися глазами. К горлу был приставлен клинок из бело-голубого пламени, выходящий из ладони бывшей ученицы, и это было по-настоящему страшно.

– Сейчас я отпущу тебя, и ты пойдёшь в сраку гоблина... Медленно... – Джурайя не говорила – цедила слова сквозь сжатые зубы. – А если дёрнешься, твой пепел я сама смету с лестницы – я знаю, где веник.

Джурайя разжала побелевшие пальцы на воротнике некроманта и еле сдержалась от смеха, глядя, как шустро можно пятиться по лестнице вверх. Проводив паразита недобрым взглядом, она пошла своей дорогой.

Девочки уже вовсю собирались, когда к Джурайе подбежал пацанёнок лет десяти.

– Джу, тебя Корбин вызывает, срочно!

– Пряма так срочно? – расстроилась Джурайя.

– Ага, злой, как чёрт, к нему некрогад пришёл, а он через пару минут как выскочит! Иди быстрее, а то нам с ним сегодня ещё тренироваться вечером...

– ... а так же являясь заведующим кафедры, господин Цень имеет полное право отдавать распоряжения младшим по званию, – Корбин мерил шагами кабинет, заложив руки за спину, и размеренно и нудно отчитывал Джурайю за "наподобное поведение". Жертва её "наподобного поведения" сидела в уголке и взирала на неё с выражением полного превосходства. – Младший по званию, не зависимо от того, в каких отношениях он состоял ранее с вышестоящим лицом, обязан беспрекословно исполнять ВСЕ распоряжения означенного лица. Грубость и угрозы физической расправой недопустимы по отношению к заведующим кафедрой и прочим преподавателям и караются с применением физических мер воздействия. – Корбин остановился напротив Джурайи и сурово взглянул ей в лицо. – Младшая наставница Джурайя, вам всё ясно?

– Яснее некуда! – лицо младшей наставницы выражало в данную минуту что угодно, только не раскаяние в содеянном. Джурайя стояла сжав кулаки и губы и сверлила наливающимися белым свечением глазами Корбина. От её взгляда исподлобья у Корбина по спине пробегали мурашки, хотя уж он то точно знал, что в прямом противостоянии Джурайя ему не соперница. – А теперь послушайте вы меня... ОБА. Если этот глист ещё приблизится ко мне на расстояние меньше двадцати шагов и, не приведя Единый, попытается со мной заговорить, спалю к гоблиновой маме. А теперь можешь готовить розги, чтобы пороть меня на конюшне. Только учти, предварительно тебе придётся меня убить. Так что давай, порадуя своего ручного трупоеда, а то он что-то загрустил...

Корбин открыл было рот, но, не найдя достойного ответа, со стуком захлопнул челюсти – он смотрел на Джурайю в бессильном раздражении и думал, что порой убить её было очень и очень заманчивой идеей. Шорох в углу оторвал от кровожадных мыслей – Цень беспокойно ёрзал на стуле.

– Тебе что, преподобный, заняться нечем?! – гаркнул Корбин, найдя более отзывчивую жертву своего гнева. – А ну бегом к ученикам, занятие более четверти часа идёт, пока ты

здесь прохлаждаешься! – перепуганный сменой позиций некромант в ужасе шмыгнул из кабинета, тихонько прикрыв дверь. Корбин стоял спиной к постепенно перестающей светиться девушке и задумчиво глядел в окно. – Ты свободна, – бросил он ей, не оборачиваясь. – Аудиенция окончена.

Джурайя безразлично пожала плечами и вышла вслед за Ценем. Корбин проводил взглядом за её отражение в тёмном стекле и тяжело вздохнул.

Настроение было безнадежно изгажено, девочки, чувствуя настроение наставницы, старались изо всех сил порадовать её, а Джурайя в свою очередь пыталась не показать, что расстроена. Она привела своих девочек ровно к обеду, взмыленных, румяных, всех в снегу, лично проследила, чтобы все переоделись в сухое, и обедала с ними за одним столом. Джурайя чувствовала себя не наставницей, а старшей сестрой в большой семье, присутствие девочек наполняло её странным, неведомым ранее теплом, а в душе крепла необходимость опекать их, заботиться... А потом до темноты новоиспечённая наставница проторчала в библиотеке, изучая особенности боевой магии применительно к женщинам. "Этак я скоро в папочку Фауля превращусь, – думала она со смехом, выходя из библиотеки. – Буду девочкам носы подтирать и шапочки на уши натягивать – чтобы не продуло! Ну вот, вспомни... родственника, вот и оно..." Под лестницей, прямо на полу, сидел Шалопай, уронив голову на руки, что было очень странно...

Фауль поражал Джурайю своей неуёмной энергией. В детстве таких детей называют проказниками, в юности – наказанием божьим. Он всегда искал приключений на свою древнюю задницу, был душой компании и заводилой во всякого рода проказах. Едва появившись в замке, он в первую же ночь подбил на самоволку не меньше десятка старших мальчиков, сам открыл портал и до рассвета они шлялись по ночной Альдерре, пугая случайных прохожих, грабителей и убийц громкими криками, хохотом и вспышками магического происхождения. Конечно, утренние занятия по теории они проспали, на боевой подготовке были варёными, о причинах группового недомогания догадаться было не сложно, вычислить зачинщика было недолго, и Фауль уже привычно прятался под столом от гнева учителя Корбина и его всемогущего ремня. Но едва выйдя за дверь, он мгновенно забывал о наказании и его мозг лихорадочно подыскивал новый способ повеселиться. Шалопай на то и был Шалопаем, что никогда не стоял на месте, и, если не бегал за Джурайей с неусыпной отцовской заботой, то травил байки, показывая их в лицах, под восторженными взглядами однокашников. Этого странного Древнего вскоре полюбили все, даже Лик питал к нему некую слабость. И вот это воплощение веселья и озорства сидит под лестницей, а руки, скрещенные на коленях, ощутимо дрожат. Джурайя ощутила укол тревоги и обозлилась сама на себя за это неожиданное проявление родственных чувств.

– Фауль, что случилось? – Девушка присела перед Шалопаем, пытаясь заглянуть в его лицо. Древний поднял голову и Джурайя отшатнулась – в его глазах стоял ужас, под глазами залегли тени, губы тряслись в беззвучном плаче.

Спустя полчаса Фауль сидел в её комнате с ногами на кровати, и стучал зубами об край стакана. На стакане уже виднелось несколько сколов от соприкосновения с острыми клыками демонического существа, а само существо всё ещё пыталось унять дрожь во всём теле, хотя уже и так выпил лошадиную дозу успокоительного. Джурайя потрясённо молчала. После рассказа Шалопая, в течении которого рассказчик два раза скрывался в туалетной комнате, из которой потом раздавались звуки мучительной рвоты, она на некоторое время потеряла дар речи. Она понимала жестокую необходимость такого рода урока всем остальным, дабы неповадно было на учеников Корбина руку поднимать, да и самого зверёныша, что был зачинщиком беспредела, мало было убить, но вот метод, которым это было сделано... Не выжечь, не вырезать семью с домочадцами и челядью, а запечь... Причём так, чтобы все

старшие приняли участие, чтобы все были замазаны одним общим делом. Чтобы никто потом не смог сказать – я не принимал участия, это всё они... Одной половиной сознания Джурайя понимала, что иначе было нельзя, но другая яростно сопротивлялась и билась в мозгу, что и так ТОЖЕ НЕЛЬЗЯ!!! Как то по-другому, как – она не знала. Но не ТАК!

Джурайя резко встала, на лице застыла решимость.

– Пошли, – она потянула Шалопая за руку. Он растерянно встал, явно не понимая, чего от него хотят. – Пошли, открывай портал... к месту преступления.

– С ума сошла?! – бедняга шарахнулся в сторону, едва не перевернув кровать. – Я туда не вернусь!

– Ещё как вернёшься... Ты же не хочешь, чтобы я одна туда пошла? А я пойду... Пешком. Потому что я там ни разу не была и телепорт не сумею рассчитать. Одна по ночному городу. Ну что? Остаёшься?

Фауль дрожащей рукой очертил круг, открывая телепорт. Возле дома, ароматно пахнущего шашлыками, они оказались плечом к плечу.

– А тебя-то что сюда понесло? – мрачно поинтересовалась Джурайя, глядя на трясущегося папашу. – Открыл телепорт – и сиди отдыхай. Обратно я и сама могу, без сопливых.

– Ты же знаешь, что я тебя одну не оставляю. Тем более ЗДЕСЬ... Ты куда?! – Джурайя направлялась напрямик в ворота в ограде, ведущие к дому.

– Давай за мной, – приказным тоном бросила Джурайя через плечо, – посмотришь на дело рук своих, экскурсию мне устроишь, полюбуйся, доча, этих людей помогал убивать твой папочка... Ну, чего застыл-то? Натворил – имей смелость посмотреть на результаты!

... Джурайю выворачивало снова и снова, а перед глазами стояли картинки одна страшнее другой – запечённые тела с выгоревшей одеждой и полопавшимися глазными яблоками... сомкнутые обгорелые руки матери на шее ребёнка – чтобы избавить от медленной, мучительной смерти... сваренное тело в бадье из-под воды, хорошо разваренное мясо легко отслаивалось от костей и ошмётками сползало на дно закопчённой ёмкости... Там, в доме, пахло кухней и костром, и девушка с мазохистской настойчивостью обходила этаж за этажом, таща за руку уже бьющегося в истерике Фауля. А едва выйдя на улицу, уже не смогла сдержать реакции организма на увиденное. Немного выждав после последнего спазма, Джурайя всё же смогла распрямиться. Невидящими глазами она смотрела на этот памятник зверству. "Он чудовище, – проносилось в её затуманенном мозгу, – только чудовище могло это сделать... Единственный мужчина, которого я люблю больше жизни – чудовище..."

А вот паника Фауля теперь не имела ничего общего с тем, что было внутри – его единственная дочь, его кровиночка, явно была в шоковом состоянии, и у него сердце разрывалось от того, что он отчасти был причиной её страданий. Он гладил её по волосам, заглядывал в лицо, пытался увести от этого страшного дома, а Джурайя всё стояла и смотрела в одну точку. А потом она подняла руку ладонью вперёд и засветилась, как умели светиться только члены семьи Геллерт – бело-голубым клановым светом.

– Помоги, – одними губами проговорила Джурайя, и Фауль ещё до произнесённой просьбы понял, что от него требуется. Он встал за спиной дочери и взял её за плечи. В Джурайю хлынул поток непривычной, жесткой силы. "Наша, Древняя, – сразу определила она, в первый раз мысленно признав своё родство с Фаулем. – Хорошо..."

Дом с закопчёнными стенами дрогнул и начал оплывать – камень плавился под рукой хрупкой девушки, стекал вниз ручейками лавы... Спустя несколько минут на месте дома было озеро расплавленного камня, распространяющее вокруг нестерпимый жар. Джурайя привычно отобрала избыточное тепло, преобразуя его в привычную, классическую силу, как выяснилось – эльфийскую. Озеро пылающей лавы подёрнулось серым налетом, потом покрылось коркой, и в конце концов застыло чёрным вулканическим стеклом с идеально гладкой поверхностью. Как гигантская надгробная плита всем, кто погиб сегодня в этом доме. Джурайя резко развернулась и пошла прочь, пытаясь сглотнуть ком в горле. За ней поспешил Фауль, поддерживая под локоть. Он затащил Джурайю в первый же попавшийся под руку трактир и буквально влил в неё целую кружку горячего грога – сведённые скулы наконец-то смогли расслабиться, взгляд обрёл осмысленность, девушка устало откинулась на спинку стула и вдохнула полной грудью.

– Спасибо, папа, – выдавила она, пытаясь удержать слёзы. Ей это удалось, а вот Фаулю нет. Он беззастенчиво вытирал мокрые щёки, осознав, что в первый раз за всё время Джурайя назвала его папой...

Корбин

Корбин тяжело опустился на лавку, с усилием стянул ставшую вдруг неподъемной куртку. Хреново было так, что, казалось, сейчас он просто упадет – пожалуй, так он себя чувствовал только после ранения, когда у него просто не было времени даже остановить кровь. На него перли пятеро вражеских магов, и он смог заняться собой только когда разделался с ними. Крови тогда из него вытекло столько, что целитель, занимавшийся Корбином, всерьез не мог понять, как тот жив остался. Вот и сейчас была такая же слабость, тошнота, голова кружилась. Наверное, заболел чем-то... Во всяком случае, именно поэтому Корбин плюхнулся на первое попавшееся свободное место, даже не озаботившись, чтобы за спиной была стена, хотя уж это-то, казалось, было вбито в мага на уровне рефлексов. Обведя тяжелым взглядом практически свободное от людей, заставленное столами помещение, граф уже хотел впасть в полубессознательное состояние, когда его внимание привлекла парочка, напивающаяся в углу. С трудом сфокусировав взгляд, Корбин узнал этих двоих и ткнул в них пальцем:

– Вы, двое, живо ко мне.

Шалопай тут же сотворил портал и буквально прыгнул в него. Корбин проследил за ним взглядом, через силу беззлобно усмехнулся:

– Дома поймаю – уши надеру... А ты почему стоишь? Или не боишься?

– После того, что я видела, надо бы бояться... Да вот сил не осталось, – мотнула головой подошедшая Джурайя. Она стояла возле стола, сложив на груди руки, как бы защищаясь от сидящего на лавке Корбина и прожигая его яростным взглядом.

– Это плохо – меня положено бояться... Что стоишь? Садись, в ногах правды нет. У Корнелиуса была?

– Если ты предлагаешь сесть, где по-твоему находится правда? – Джурайя осталась стоять. – Меня отец на экскурсию сводил. Показал ваши художества.

– Это какие?

– Групповое творение "Корбин и ученики". Мне не понравилось и я всё переделала...

– В смысле?

– Там сейчас каток из вулканического стекла. А то детишки вокруг бегают – ни дай Единый внутрь бы зашли, а там такое... Ты сам-то внутри был? Хочешь, картинку покажу? Меня Прим научил, очень живенько получается.

В мозгу Корбина, помимо его воли пронеслись картины запеченного дома. Та, что изображала обгорелые женские руки на горле запеченного ребёнка со взорванными глазницами, задержалась дольше остальных. Её сменила картина оседающего, плавящегося здания. Завершала видеоряд гигантская лужа обсидиана.

– Зря, – равнодушно ответил Корбин. – Пусть бы стоял шедевр архитектуры, другим уродам о бренности всего сущего напоминал.

– Ты – чудовище!

– Я знаю. Что с того?

Ответить Джурайя не успела. Двери внезапно распахнулись, и в них хлынула толпа вооруженных людей. Человек двадцать, не меньше, и среди них – красивая женщина с кукольным личиком. Фан...

– Ну, здравствуй, граф.

– И тебе не болеть... старческим маразмом.

– Шути-шути, недолго тебе осталось. А это и есть твоя Джурайя? Неожиданно, конечно, но это хорошо, что она тоже здесь. Действительно, вы красивая пара. После смерти вас закопают в одной яме, обещаю.

– Тетенька, а летающую вафлю не боишься? Я ведь сейчас и тебя, и твоих мальчиков в позы поставлю и друг друга сношать заставлю...

Острое чувство опасности придало сил, разгоняя кровь и заставляя сердце биться чаще и мощнее. Вялость не ушла, но отступила куда-то на задний план, и Корбин разом почувствовал себя лучше. Во всяком случае, его скверное чувство юмора, до того где-то прятавшееся, успешно вылезло наружу. На Фан это, впрочем, впечатления не произвело.

– Ты дурак, граф, напрасно тебя Цень боялся. Впрочем, он прямолинеен, как и все мужчины. Драться с более сильным – это надо же додуматься. Проще было тебя отравить.

– А вот хрен тебе, бабушка, – Корбин окончательно овладел собой, происходящее его не то чтобы забавляло, но и не пугало совершенно. – Я боевой маг, и в ядах разбираюсь – мало ли с кем стакнуться придется, мелких врагов у меня хватает. Вот ты, например...

– Дурак, – брезгливо повторила Фан. – Ты был у своей знакомой, пил у них, ел... Выпил вино, в котором было растворено одно вещество... Совершенно безвредное, кстати – так, пряность. Закусил фруктом, который тоже безвреден. Сок этого фрукта смешался у тебя в желудке с тем, что было подмешано в вино, и вместе они образовали даже не яд, его бы ты распознал и принял меры. Просто оно, впитавшись в кровь, на пару часов лишило тебя магии. Ну а пока ты не можешь колдовать, тебя несложно просто убить. Я не кровожадна, и если ты

не будешь дергаться, тебя убьют быстро, без мучений, и прикопают на заднем дворе. С девочкой такого не обещаю – мужчины тоже заслуживают награды... Впрочем, перед смертью она получит удовольствие, правда, мальчики?

Мордовороты с готовностью заржали – шутка показалась им очень удачной. Волна бешенства, подкатившая к горлу Корбина, окончательно растворила предательскую слабость. Теперь он, кстати, понимал ее причину – исчезла магия, и это вызвало эффект сродни похмелью, но сейчас это было уже неважно.

– Слушай сюда, старая ведьма, – прохрипел он. – Говорят, предсмертное проклятие мага всегда сбывается... Так вот, если я выживу, я тебя убью, медленно и страшно, а если нет, ты все равно умрешь.

– Ой-ой-ой, как страшно, – снисходительно улыбнулась Фан. – Я прямо вся дрожу... Все мы умрем, только одни раньше, другие – позже. Ну а ты, извини уж, умрешь прямо сейчас. Я же не буду смотреть на это неэстетичное зрелище, а пока что навещу нашего общего знакомого – зажился Корнелиус на этом свете. Ты уж извини, мне он будет дороже в качестве воспоминания. Приступайте, господа.

Фан сделала изящный жест рукой, открывая портал, и исчезла. Корбин мрачно посмотрел ей вслед – за Корнелиуса он не боялся, но сейчас перед ним самым вплотную замаячил призрак смерти. Нет, он успел оценить вошедших – это не были профессиональные солдаты или наемники, скорее, это был какой-то сброд. Похоже, Фан решила сэкономить на настоящих бойцах – тут были и несколько дворян из тех, что в разное время каким-то образом оказались обижены графом, и какое-то отребье то ли из подворотен, то ли из тюрьмы, и еще какие-то мутные личности, которым, судя по их виду больше привычно было срезание кошельков, чем мечи на поясе... Словом, угрозу они представляли, скорее, количеством, причем не Корбину. Они этого еще не понимали, но граф был способен нашинковать их в капусту – в тесном помещении, вооруженные не слишком подходящим оружием, они бы, скорее, мешали друг другу, чем могли всерьез навредить опытному воину. И Фан это, похоже, не слишком понимала. Ну да, она же не боевой маг и даже отдаленно не представляла, на что способен воин уровня Корбина, иначе досмотрела бы представление до конца, сука эстетствующая. Правда, один маг их все-таки страховал. Корбин знал его – второй ранг, не слишком умный... Опять же, Фан явно экономила, похоже, с деньгами у нее было туго. Этого мага Корбин не слишком опасался – не сомневался, что сможет достать даже в нынешнем плачевном состоянии. Самым худшим было присутствие Джурайи – она была слабо подготовлена к такого рода схваткам, вообще слабо подготовлена, и угроза ее жизни была более чем реальной. Впрочем, приходилось играть с теми картами, которые оказались на руках.

Между тем, двое подошли, встали по бокам и чуть сзади. Еще двое зашли спереди, пинком откинув лавку. Они были совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, благо стол был довольно узкий. Сами того не понимая, эти двое поставили себя на первое место в списке погибших, но пока что они были уверены в себе. Даже мечи из ножен достать не потрудились, пижоны.

– Ну что, морда графская, сам пойдешь, или тебя сначала прирезать? Лучше сам иди, а то кровь оттирать неохота.

Корбин кивнул и со вздохом медленно поднялся. Посмотрел на своих противников и улыбнулся.

– Че лыбишься...

Это было последнее, что успел сказать наглец. Руки Корбина сделали движение вперед, назад и снова вперед. Очень быстрое, практически неразличимое взглядом движение, у кого другого оно бы и не получилось, но Корбин был воином с более чем полувековым опытом и умел намного больше, чем обычные люди. Да и силы у него было немеряно.

Те двое, что стояли перед ним, были нейтрализованы мгновенно – одному Корбин выбил оба глаза, другому вырвал кадык. Окровавленные руки метнулись обратно и ухватили так удобно вставших сзади недоумков за мошонки. Рывок! Корбин был очень силен, а плоть человеческая, увы, не самый крепкий на этом свете материал. Ну а потом вновь движение вперед – и тяжелый дубовый стол перевернулся на стоящих перед Корбином. Никого, правда, не придавил, но шарахнуть назад заставил, давая графу столь необходимые сейчас доли секунды.

– Держи мага! – рыкнул Корбин Джурае. Та понятливо кивнула, хотя граф сейчас был к ней спиной и не мог ее видеть, и обрушила на уже изготовившегося к атаке вражеского мага мощный удар чистой силы. Сам же Корбин, выхватив меч, на замахе разрубил лицо какому-то неудачнику и стремительно атаковал.

Следующая пара минут слилась для Джураи в сплошную череду ударов. Маг противника был неизмеримо опытнее, зато она – сильнее, поэтому девушка интуитивно выбрала наиболее эффективную в данном случае тактику – непрерывно атаковала. Ее удары бессильно разбивались о щиты противника, но и сам он ничего не мог поделать, просто не успевая убрать щит, чтобы ударить в ответ. Джурае отлично понимала, что, будь на ее месте любой из учеников Корбина, он мог бы и атаковать, и держать щиты одновременно. Увы, она так не умела – и ей оставалось только бить, в надежде, что или противник устанет раньше, или до него доберется граф. К счастью, вражеский маг тоже не мог одновременно атаковать и обороняться – то ли не умел, то ли не хватало сил заниматься этим под непрерывными атаками, поэтому ситуация была патовая.

Корбин между тем рубился. Впоследствии, когда все уже кончилось, Джурае с удивлением обнаружила, что помнит каждый момент этого боя, хотя, казалось бы, у нее не было времени приглядываться. Во всяком случае, она поняла, что бывает, когда сбывается мечта идиота.

Когда-то ей очень хотелось посмотреть, как будет выглядеть Корбин в настоящем бою, как он будет двигаться, как будут перекачиваться могучие мускулы... Ага, увидела. Лучше бы не видела. Это было страшно – хотя после того, что она сегодня уже видела, можно было сделать выводы: всё, что делает Корбин – страшно... Он даже не пытался драться – просто убивал своих врагов, крайне эффективно и совершенно изящно. Против мастерства и опыта бывалого солдата и наемника они ничего не могли противопоставить. Раздавалось только мясницкое хеканье, летели во все стороны ярко-алые, как сок граната, брызги крови да сползали со стенки чьи-то кишки. Мышцы, правда, перекачивались, но было это не красиво, а просто жутко. А потом все как-то резко кончилось – точнее, кончились враги. Последним Корбин достал мага – просто зарубил, развалив от плеча до задницы. Небрежно вытер меч о собственный рукав, подошел к Джурае.

– Ну что, держалась молодцом. Ты как, в порядке?

– Если можно так сказать... – девушку трясло.

– Ну, вот и ладушки. Все, баста, карапузики, кончились танцы. Сейчас спалим здесь все, пойдем и прирежем эту несчастную Фан... Сможешь к Корнелиусу портал открыть?

Он был весел и бодр, хотя и получил пару небольших ранений. Так, царапин, они ему даже не

мешали. И все же эйфория победы не помешала ему услышать щелчок тетивы.

Один из нападавших, самый умный или самый осторожный, уцелел. Он в самом начале бойни нырнул под стол, а сейчас воспользовался единственным оставшимся у него шансом. Скорее всего, если бы Корбин не собрался спалить заведение, он так и сидел бы, боясь вздохнуть, но выбора у него, в общем-то, не осталось, и он воспользовался арбалетом. Как оказалось, успешно.

Корбин, возможно, успел бы уклониться от летящей ему в спину стрелы, но тогда она наверняка попала бы в Джурайю. И граф сделал единственное, что показалось ему правильным – остался на месте. Джурайя лишь увидела, как вздулась рубашка у него на груди, как она лопнула и из нее высунулся окровавленный наконечник. Длинный и тяжелый арбалетный болт пробил Корбина насквозь, но ни на что большее его не хватило, он так и остался в ране. Граф посмотрел на него, попытался что-то сказать, но изо рта его потекла струйка крови, и он просто рухнул перед Джурайей на грязный пол.

Его убийца пережил Корбина на какую-то секунду. Последнее, что он видел – белое пламя, несущееся в лицо...

Джурайя плохо помнила, что и как она делала, в голове как калейдоскоп складывались обрывки фраз... "Пока теплится жизнь, живая вода может спасти..." – это Прим о своём изобретении... "Мы не умирали ещё, поднимать умерших – дело некромантов, а не эльфов..." – Лаллиэль, на вопрос, почему они не пытались спасти убитых Корбином лучников... "Если тело мертво не больше часа, мы можем вернуть жизнь..." – это Шади Геллерт, дедушка... "У тебя наша кровь, инстинктивно ты всегда будешь стремиться к нам..." – это Домина, бабушка... В порыве отчаяния она представила лица единственных, кого с чистой совестью могла назвать родственниками – Шадо и Домины, и открыла телепорт. У Джурайи не было никакой уверенности, что портал ведёт туда, куда нужно, единственное о чём она думала, так это то, что только они смогут спасти Корбина, а то, что он мёртв, не вызывало никаких сомнений...

Семья Гелерт.

Муж с женой занимались своим семейным делом – исследовали образцы крови своих новых знакомых. Их очень заинтересовало то, что некоторые люди способны заниматься магией, а некоторые напрочь лишены дара, и искали причины столь колоссальных различий внутри одной расы привычным способом – при помощи генных исследований. Только что они тщательно изучили уникальный образец – кровь человека, имеющего природный иммунитет от магического воздействия, почти абсолютный...

Шадо диктовал, и Домина записывала результаты исследования на мнемокристалл, когда, сметая колбы и пробирки, на большой стол вывалились из телепорта два тела, одинаково залитые кровью... Одно из них, то что побольше, явно было мертво, а вот другое... Другим телом была их внучка, непонятно каким образом втащившая мёртвого гиганта в телепорт, и теперь она, прижимая к груди голову мёртвого графа, смотрела на них своими чудными эльфийскими глазами, на дне которых плескалось безумие.

– Шок, – мгновенно сориентировался Шадо. – Домина, противошоковую терапию, быстро. Инъекция через одежду, не до стерильности...

– Нет! – Джурайя буквально взлетела над столом. – Сначала он! Его только что убили, вы можете, вы сами говорили! Быстрее! – в этот момент она ощутила резкую боль в плече. Домина, улыбаясь под нос, выкинула шприц в контейнер.

Засыпая, привалившись спиной к ножке стола, Джурайя успела увидеть, как с Корбина срезают одежду, как сильные узловатые пальцы вытаскивают стрелу, как мертвое тело кладут в стеклянный саркофаг, накрывая лицо непонятной маской, как иглы с тонкими трубочками впиваются в вены на руках, ногах, под ключицы, саркофаг под лёгкое жужжание накрывается крышкой и внутри него загорается сине-фиолетовое свечение, как мёртвое тело выгибается дугой, и опадает, а грудная клетка начинает размеренно подниматься и опускаться. "Дышит... Моё чудовище будет жить... – мелькнула мысль. – Фан идёт к Корнелиусу. Она скажет, что убила Корбина, старика удар хватит..."

– Домина...Бабушка... Скажи Корнелиусу, что с Корбином всё в порядке...

– Подожди, теперь твоя очередь, – мягко возразила Домина, беря на руки девушку, как ребёнка.

– Нет, сейчас... Это важно... очень...- краем уплывающего сознания она успела отметить распоряжение Домины "Иди, Шади, так надо, Джуня просит..." – и провалилась в спасительный сон.

Корнелиус

Маг сидел в своём кресле, ожидание просто убивало его. Рядом, прижавшись плечом, пристроилась Элия. Корнелиус гладил её по спине, пытаясь унять дрожь – Элию весьма ощутимо потряхивало, что было неудивительно. Сегодня был тот самый день, когда совместными усилиями должна была разрешиться ситуация с Фан. Адрис ещё три дня назад оповестил всех, кто участвовал в операции, что именно сегодня, в новолуние, Фан придёт в замок. И вот теперь время тянулось как густой сироп, облепляя тело, навевая вялость, убивая волю. И Корбин всё не шёл и не шёл... А ведь именно он должен был руководить своими волчатами во время так называемой тренировки – боя четырёх учеников магов-войнов против одного, но высшего, и без боевой подготовки.

– К...К-к-корнелиус... – стуча зубами, проговорила Элия, – зачем ей всё это? Её ведь уже не ищут, жила бы себе спокойно... Высшая, молодость сохранила, ей бы жить да радоваться, замуж выйти, а она... Убивать, убивать, убивать... Вон сколько королевств вокруг – а она специально сюда полезла, за тобой следила, к Адрису опять присосалась. Зачем?

– Понимаешь, дочка, – Корнелиус рад был разговору, который отвлек бы от муки неизвестностью, – Фан всегда всё делала для того, чтобы ей было хорошо. Когда я стал главой Ковена, она стала почти членом нашей семьи, купалась во всеобщем уважении и ей было хорошо... Но не так хорошо, как ей хотелось. Что бы стало ещё лучше, нужно было убрать меня и посадить себя на моё место, что и было ей обещано Гроссмейстером. Поэтому она так легко предала меня. Даже не предала... Нет, совсем не предала. Просто отодвинула помеху к полному счастью. Посчиталась только чуть-чуть, ну с кем не бывает? Единственное существо, которое она любит, о котором заботится, которому желает добра – это она сама. Фан считает себя богиней, высшим существом, и требует такого же отношения от других. И что интересно, получает. Почти всегда... Да... – в кабинет вошла Рейна, держа в руках поднос с графином и бокалом, ласково потрепала седые короткие волосы Корнелиуса, чмокнула в макушку и присела на подлокотник кресла с другой стороны. Корнелиус налил треть бокала и заставил Элию выпить зелье, приготовленное Примом специально для таких случаев. Нервная дрожь постепенно отпускала девушку и теперь она отчаянно боролась с зевотой. – Фан не оставила своей сумасбродной затеи возглавить Ковен, и единственное препятствие на её пути – это я и Корбин. Куда он подевался... Не может же Адрис эту ведьму до утра по замку таскать...- Рейна налила ещё треть бокала из графина и влила их в

Корнелиуса. Тот облегчённо вздохнул и благодарно прижал к себе королеву. – Так вот. Корбин намеренно её разозлил – она ведь совершенство, идеал красоты, женственности, обаяния, кладёшь мудрости и сияет ярче солнца... Во всяком случае, она так считает... А тут какой-то солдафон дразниться женщиной старой и некрасивой... Смерть ему! После такого немыслимого оскорбления, да ещё и принародного, Фан ничего не остаётся, как убить Корбина, хотя у неё были на него другие планы. Но для начала нужно избавиться от меня – тогда мальчишка от горя потеряет голову и станет более лёгкой добычей. Такие вот пироги с котятами...

В этот момент пространство возле тёмного провала окна со скрипом разверзлось и из дымного телепорта вышел Шадо Геллерт, Древний, учёный генетик и просто дедушка Джурайи...

Спустя четверть часа Шадо покинул кабинет тем же путём, а две напуганных женщины и застывший в отчаянии маг обдумывали сложившуюся ситуацию... На Корбина рассчитывать не приходилось, и, по словам Шадо, ещё долго придётся обходиться без него. Хорошо, хоть жив остался. Всё же Джуня молодец. И как она его таскает? Как бы не надорвалась... Да ладно, или Прим или бабушка с дедушкой подлечат, главное живы, живы!

– Всё! – воскликнул Корнелиус, вскочив с кресла, и теперь он нервно шагал вдоль окон пружинящей походкой, потирая лоб. – Начинаем операцию. Ждать больше нет смысла, мы всё знаем. Элия, Рейна – живо в замок Корбина – там сейчас безопасно. Да и Лика надо предупредить, чтобы обучение не пострадало. Скажете Приму – он за старшего на время отсутствия Корбина. – Корнелиус одним движением открыл портал телепорта и буквально затолкал в него девушек. Едва развеялся дымок сомкнувшегося портала, маг бросился бегом к тренировочному залу, обычно пустующему, но именно сегодня тщательно подготовленному к приёму важной гостии...

Замок Карри

Что чувствует человек, которого неожиданно вытолкали из знакомой комнаты в полную темноту? А если это молодая женщина, напуганная за себя и того, кто ей дорог? И не важно, королева она или потомственная прислуга, социальное положение не меняет сути вещей – обе женщины были совершенно растеряны и стояли, боясь пошевелиться, вцепившись друг в друга до тех пор, пока глаза не стали привыкать к темноте. Ни Рейна, ни Элия ни разу не бывали в этой цитадели нового поколения магов-воинов, и силуэты, проступающие из тьмы, казались им зловещими и враждебными. Собрав всю волю в кулак, Элия раскрыла ладонь и на ней появился неуверенный огонёк – жалкое подобие того шара, что она сотворила на празднике совсем недавно...

Вокруг был, несомненно, кабинет. В отличие от кабинета Корнелиуса, кабинет Корбина напоминал оружейную комнату с элементами приятных излишеств – мягкого дивана, удобного кресла и дубового стола с письменным прибором, выточенным из камня. Стоящий посреди стола колокольчик явно был не просто украшением, и привыкшая к подобному способу вызывания слуг Рейна уверенно взяла его в руки...

Виконт Ликтер Ля Пляса был немало удивлён дребезжанию сигнализации среди ночи. Недовольно кряхтя, он выбирался из-под одеяла, чертыхаясь, натягивал сапоги и единственная мысль, засевшая в голове не давала покоя старому вояке – какой ненормальный решил влезть в кабинет Корбина да ещё и трогать его личные вещи, магически настроенные на одного хозяина и поднимающие тревогу при прикосновении чужих рук?! "Если это опять Шалопай, выпорю собственноручно, – ворчал про себя Лик. – Одно дело – баловство, а вот в кабинет учителя лезть – это уже хамство..." И меньше всего он

ожидал увидеть Элию и королеву Рейну, испуганно жавшихся друг к другу...

Глава 21

Фан

Фан была далеко не дура, крови не боялась, да и мстительностью отличалась изрядной. В другое время она с удовольствием поглазела бы на то, как графа де'Карри шинкуют на окрошку, но, увы, дела требовали ее присутствия совсем в другом месте. А все граф виноват – именно он не дал ей посмотреть на зрелище собственной смерти. Он оказался куда сильнее, чем рассчитывала Фан – кто другой давно бы уже рухнул без сил, а он лишние полчаса брел по улице, да еще и до этого трактира добрался... В результате у Фан просто не осталось времени.

Впрочем, она была не слишком расстроена. Да, Корбина она ненавидела, но если смотреть на казнь всех, кого не любишь, на действительно важные дела не останется времени. С нее достанет того, что ей принесут голову наглого графа, и она, тщательно забальзамированная, займет достойное место в особняке Фан, в стеклянном шкафу, среди таких же, но более ранних трофеев. В том же, что именно так и будет, Фан не сомневалась – против двух десятков убийц никто не устоит, тем более в таком состоянии, в котором пребывал сейчас Корбин. Правда, рядом оказалась эта его дурочка... Да и ПрОклятый с ней, в трактире Фан оставила для подстраховки нанятого здесь же, в городе, мага. Не слишком сильного, но уже много лет работающего на гильдию воров, и потому опытного и достаточно искусного. Плюс совершенно без каких-либо моральных устоев. Девчонку-недоучку, вздумай она дергаться, даже если она и сильнее, он размажет по полу ровным слоем. Так что можно спокойно заниматься серьезными делами, оставив грязную работу этим варварам.

Конечно, можно было бы открыть портал прямо к месту, куда ей требовалось попасть, но всегда существовал риск, что всплеск магии засекут, и тогда она огребет проблем по самое не балуйся. Конечно, она сильнее, но в своем доме и стены помогают. Выцарапывать мага из его жилища – занятие неблагодарное, сил уйдет непозволительно много. Куда проще затратить немного времени и прогуляться пешочком, тем более что идти недалеко, да и погода отличная, можно свежим воздухом подышать.

А вот и цель ее путешествия. Поместье Корнелиуса, его игрушечная крепость. А у ворот нетерпеливо ходит этот дурачок Адريس. Универсальный ключ к замкам в этом доме. Влюбленная в нее никчемность. Хотя, надо сказать, в постели он был неплох, так что, возможно, она еще найдет ему применение. Впрочем, там видно будет...

О, увидел, заулыбался... Все-таки какие они все примитивы, эти мужчины. Стоит им увидеть симпатичную мордашку – и все, они готовы делать все, что им скажешь. Еще и попискивать от удовольствия будут. Вот, того же де'Карри взять – умный, смелый, сил столько, что представить страшно. И что? Связался с этой девчонкой, и теперь его уже наверняка закопали. А все почему? Да потому, что вместо четкого анализа и грамотного планирования, которые, как она знала, всегда были его сильной стороной, последнее время жил на эмоциях. Вот и результат, вполне закономерный, кстати – не разглядел опасности прямо перед носом, за что и поплатился.

– Здравствуй, Фан!

– Здравствуй, малыш. Как ты, не скучал без меня?

– Скучал...

А глаза-то, глаза – как у печальной коровы. Нет, такого даже обманывать неинтересно. Впрочем, надо, надо...

– Я тоже скучала. Очень-очень.

– Правда?

– Конечно. Пригласишь в дом?

– Ну да, я же обещал показать, как живу.

"А крепость не такая уж и игрушечная", подумала Фан, входя в ворота вслед за Адрисом. Приличная стена, тяжелые ворота, часовой... Взять дом Корнелиуса открытым штурмом было практически безнадежным делом – усиленные магией стены так просто не разрушить, а укрывшиеся за ней защитники безбоязненно успеют изрядно проредить атакующих. Однако любую крепость можно взять изнутри – главное свернуть шею старому хрычу и его пацифисту-сыночку. Эти двое, пожалуй, единственные, кто представляют для нее хоть какую-то опасность. Ученики, судя по уровню Анны, не опасны. Хотя, конечно, с Анной ей повезло. Вот он, живой пример того, насколько опасна может быть оскорбленная женщина. Своими руками графу отраву поднесла... А ведь у одного наставника учились, в друзьях даже числились.

Вообще, если подумать, не очень удачный получился расклад. Она-то вначале планировала, что в случае войны Корбин устроит соседям кровавую баню, не всем, конечно, но вражеским магам точно. Уж в этом-то сомневаться не приходилось – Фан представляла, чего стоит де'Карри в открытом бою. При таких раскладах поневоле вмешается Ковен – ему совершенно не по нраву будет, когда его членов убивают за здорово живешь. Попробуют призвать Корбина к порядку, но тот наверняка их пошлет – он ведь будет разгорячен схваткой, опьянен победами... Тогда Ковен обрушится на него всей мощью, но это отнюдь не будет гарантией победы. Впрочем, ей это безразлично. Победит Ковен – он будет ослаблен настолько, что ей останется только добить несогласных с ней и стать во главе единственной серьезной организации, объединяющей магов континента. Победил бы де'Карри – он был бы настолько измотан, что его можно было бы добить, не сильно напрягаясь. В обоих случаях результат был бы для нее один и тот же. Увы, Корбин теперь мертв, однако все пока что поправимо. Придется только немножко поиграть с геополитикой. Ничего страшного, время еще есть.

Додумать Фан не успела – Адрис начал экскурсию по дому. А ничего так, уютненько. Пожалуй, прикончив Корнелиуса, можно остаться здесь жить. Король добро даст – зря, что ли, она столько ночей его ублажала? Кстати, этот потасканный вечный мальчик тоже был не так уж и плох...

А Адрис между тем, показывая ей всевозможные трапезные, библиотеку, лабораторию, незаметно дошел до спортивного зала, который, правда, почти всегда пустовал – спортом ученики Корнелиуса себя не слишком утруждали. Однако сейчас в зале кое-кто был...

– Корбольд?

– Ну да, а кого ты ожидала увидеть? Я тебя ждал, ждал... Адрис, спасибо, можешь быть свободен.

Адрис вежливо поклонился и бесшумно исчез. Фан оглянулась, но никого больше в обширном помещении не было.

– Так мальчишка...

– Разумеется, Адрис сразу же сказал мне, когда ты придешь.

– Я его...

Дальше шла неперебиваемая игра слов, не сулившая ни Корнелиусу, ни его ученикам вообще, ни Адрису в частности, ничего особенного.

– Я рад, что ты пришла, Фан, – с улыбкой отозвался Корнелиус. Ни присутствие Высшей, которая пришла по его душу, ни ее слова о том, что она сделает с самим Корнелиусом, его учениками, а заодно и всей этой страной, казалось, не произвели на него впечатления.

– Рад?

– Ну да. Я давно ждал, что ты придешь. Считать на сто ходов вперед, как ты, я не умею, но на два хода – без проблем.

– Да? А вот твой ученичок, похоже, нет. Поэтому он сейчас уже умер.

– Да жив он, жив, – отмахнулся Корнелиус. – Меня уже предупредили. Проваливается неделю в койке – и оклемается. А вот то, что ты пришла сюда – просто подарок судьбы для него.

– Это еще почему? – Фан насторожилась. Слова Корнелиуса не походили на блеф, а его безмятежный вид начинал ее нервировать.

– Просто он все жаловался мне, что по-настоящему сильного противника для испытания своих волчат найти не может. Сама понимаешь, высших в мире не так много, и найти такого, который рискнет насмерть драться с боевыми магами, практически невозможно. А теперь, не обижайся уж, тебе никуда не деться, да и маг ты хоть и высший, но... Слабенькая ты высшая, честно говоря. Как раз, чтобы молодежь вкус крови почувствовала.

Фан нервно оглянулась, но никого не увидела. Корнелиус, перехватив ее взгляд, лишь улыбнулся:

– Девочка моя... Хотя какая ты девочка? Я был молод, а у тебя уже были внуки... Постарайся не опровергнуть моих надежд и уж, во всяком случае, встретить смерть достойно.

Корнелиус встал и, не обращая на женщину внимания, направился к стоящему углу зала удобному креслу. Фан зашипела и бросила в него заклинание, которое должно было разорвать старого мага на куски, но безрезультатно. Попыталась открыть портал и уйти – с тем же результатом. Корнелиус обернулся, удивленно поднял брови:

– Фан, ты, кажется, не понимаешь. Здесь – мой дом, поэтому тебе не открыть портал, если я не захочу. А на мне – амулет-поглотитель. Не трать зря силы – я все равно уйду раньше, чем ты сможешь его сломать, а силы тебе еще ой как понадобятся. В общем, если сумеешь отбиться – уйдешь живой, нет – извини.

Оглянувшись вокруг, Фан вдруг с испугом увидела, как перед стоящими по периметру скамьями взметнулась чуть колеблющаяся дымка антимагических щитов. Щиты явно держались на амулетах, и сломать их у Фан не хватало сил – сделавший их маг был намного сильнее ее, и она уже догадывалась, кто мог постараться. В зал чинно входили ученики

Корнелиуса, спокойно рассаживались по скамейкам, готовясь наблюдать захватывающее зрелище. Вот вошел Адрис под руку какой-то соплюшкой, вот старшие ученики втащили кристалл записи – явно собрались снимать все, что произойдет, для будущих поколений. Фан вдруг поняла, что уже сейчас в зале столько магов от четвертого до первого ранга включительно, что ей, даже если она каким-то чудом проломит щиты, с ними не справиться в любом случае. Ну а когда все расселись, в зал вошли четверо.

Фан моментально просканировала четверку, которую выставили против нее. Ничего опасного, трое имеют третий ранг, метка соответствует возможностям, четвертый – тоже, но силой тянет на второй. Амулетов, вроде, нет, хотя у всех четверых мечи, ножи, метательные звезды и еще что-то колюще-рубяще-режущее, она не разобрала. Это что? Шутка? Четверо молодых парней, почти подростков, с низкими рангами против нее? Однако шуткой это не было – ребята спокойно вытащили из ножен мечи и, рассредоточившись, двинулись к ней. Ну что же...

Фан атаковала – не так уж и страшны были ей ТАКИЕ противники. Однако ее коронный воздушный кулак, простое и эффективное заклинание, способное смять защиту любого из противостоящей ей четверки, отбросить его на сотню локтей и превратить кости нахала в труху, встретило пустоту. Ребята, вместо того, чтобы решительно атаковать, начали маневрировать, перемещаясь, казалось бы, хаотично, но, тем не менее, все ближе и ближе подходя к ней, а она не могла в них попасть. Больше того, она даже практически не успевала наносить удары – ребята начали бить в нее боевыми заклинаниями, не очень сильными, зато с отменной частотой, периодически добавляя к ним что-нибудь железное вроде метательного топора или сюррикена. Все силы Фан вынуждена была бросить на защиту, лишь изредка несильно огрызаясь и всякий раз промахиваясь, и тут она поняла смысл сказанного Корнелиусом. Четверка привыкших к совместным действиям, отлично сработавшихся боевых магов не могла сравниться с ней силами, но они и не собирались с ней драться – они шли ее убивать. Все понятно – тактика проста, как гвоздь. Сейчас, прикрывая друг друга и не давая перейти в атаку, подойдут поближе, а потом просто возьмут в мечи, атаке со всех сторон она противостоять не сможет. Будь она боевым магом – справилась бы, конечно, но сейчас Фан просто не знала, как грамотно распорядиться имеющимся у нее в наличии колоссальным арсеналом.

Но и просто так, продолжать обороняться без шансов на успех, было глупо – загонят в угол и возьмут измором. И Фан атаковала, вложив все силы в отчаянный бросок. Ее щиты, до предела насыщенные энергией, резко пошли вперед, расширяясь и отбрасывая мальчишек, однако они, к ее удивлению, смогли отбить удар – их собственная защита, о которой они не забывали, просто отклоняла потоки силы, переводя удары в касательные. Да, она оттолкнула их, разорвала дистанцию, но практически выложились, и это было начало конца. Ее вновь атаковали и, хотя она еще несколько секунд кружилась, отмахиваясь от нападавших, удержать всех четверых в поле зрения просто не смогла. А потом ее грубо схватили за волосы, и острый, как бритва, нож скользнул по ее горлу. В первый момент она даже не почувствовала боли, просто горлу вдруг стало горячо, но вместо очередного заклинания у нее получился лишь булькающий звук, сопровождаемый алым фонтаном. Конечно, этого было недостаточно для того, чтобы убить высшую, рефлекторно она запустила процесс регенерации, однако ее убийцы не собирались останавливаться на достигнутом, и секунду спустя позвоночник Фан хрустнул, соприкоснувшись с чьим-то коленом. А потом подоспели остальные...

Корнелиус

Стук-стук-стук... Неприятный, наводящий на размышления звук. Корнелиус поморщился – все же у учеников Корбина уважение к старшим вообще и женщинам в частности отсутствует в

принципе. Его-то самого уважают не за возраст даже, а за то, что он учитель их учителя, а значит, свой... Сделал Корбин кучу уменьшенных подобий самого себя, как пирожки налепил. Вроде и все чуть-чуть разные, куснешь, а начинка-то одна.

Стук-стук-стук... Ну кто же так делает? Взяли труп Фан за ноги и волочат по ступеням, только голова по ним подпрыгивает. Отсюда и звук... Нет, с этими мальчиками надо что-то делать. Абсолютно не размышляющие механизмы для одного-единственного дела – убийства тех, в кого ткнет пальцем их обожаемый Корбин. Правда, крайне эффективные механизмы, нельзя не признать. Хорошо хоть, не в курсе пока, что случилось с самим Корбином, а то запылала бы столица с четырех концов. А что? Сил у них на это хватит, а решимости да дури – вообще в избытке. Больше полусотни боевых магов... Неконтролируемых боевых магов, привыкших работать, как единый организм. И никому их не остановить, даже если он сам попытается это сделать. Ну, его-то, положим, они просто нейтрализуют, а остальных схарчат и не подавятся.

Стук-стук-стук... Да когда же это кончится-то? И интересно, где они ее прикопают? Или все-таки сожгут? Страшновато даже представить, на что способна фантазия этой, с позволения сказать, молодежи. Хотя, надо признать, обучил их Корбин отменно, удивительно даже. Высшую завалили – и не вспотели даже. Впрочем, а чего еще ждать?

Корнелиус усмехнулся – в своей школе Корбин учил совсем не так, как это было принято у других. Обычно ведь что? Наставник набирает двух-трех, редко больше, учеников и занимается с каждым индивидуально. Пытается, в меру собственных способностей, дать теорию магии, научить составлять заклинания... А Корбин поломал все эти устоявшиеся традиции моментально. Вместо глубокой теории – сплошная практика. Система зубрежки. Зачем учить, как сплести потоки энергии? Вызубри готовое заклинание, отработай его до автоматизма на полигоне и двигайся дальше. Вместо многообразия – тактика применения стандартного набора и ее сочетание с умением владеть оружием. Так же он солдат готовит – зачем делать мастера рукопашной схватки, если тот, может, и не применит своих знаний ни разу, а загнется на марше от поноса? Уровень подготовки определяется критерием стоимость-эффективность, а значит, вбит стандартный ответ на любую ситуацию, который солдат или боевой маг выполнит, даже не задумываясь. Зачем ему голова? Все вколочено на уровне рефлексов.

Когда Корнелиус как-то сказал Корбину об ущербности такого подхода, тот рассмеялся и ответил, что, помнится, совсем недавно тот же Корнелиус настаивал на куда более примитивной подготовке. Пускай радуется теперь, что по методике Корбина удалось натаскать вполне приличных бойцов, а не претензии выдает. Ну а теорию... Теорию, если что, можно и после подтянуть. Тем, кому это будет интересно и кто выживет в войне. А пока надо сделать так, чтобы эти мальчишки не погибли в намечающейся бойне. "Солдат не должен умирать за Родину – он должен сделать так, чтобы его враг умер за свою Родину". Интересно, где Корбин такого нахватался? Или сам придумал? Нет, вряд ли – скорее всего, в библиотеке своей очередную книгу с афоризмами нашел, умник. Да, скорее всего. Как он сказал недавно: "Мужество, честь и отвага – все вместе признак последнего боя и окончательного стратегического тупика". И ведь не поспоришь. Если вдуматься, герои в войне выживают куда реже, чем те, кто правильно и грамотно делает свою работу, по возможности, стараясь не собирать вместе всю троицу. Хотя, конечно, звучит... Неприятно звучит, чего уж там.

Но, однако же, дисциплина у него на уровне, куда там армии и даже гвардии... В последнее время, ОСОБЕННО гвардии. Бардак там первостатейный, когда это было, чтобы пьяный солдат бил морду сотнику? Нет, в походах, конечно, и не такие эксцессы случались, но в мирное время, в столице... А главное, солдату за это НИЧЕГО НЕ БЫЛО!

На фоне всего этого, мальчишки графа, готовые по одному движению бровей своего наставника стройными рядами промаршировать и в огонь, и в воду, смотрелись намного предпочтительнее. Вначале, конечно, Корнелиус кривился – заставить магов ходить строем... Уму непостижимо! А что ответил Корбин? Да то, что зато теперь если он командует "Лежать!" все упадут, а если Корнелиус сделает со своими учениками то же самое, они спросят "Зачем?". А пока спрашивать будут, в них прилетит что-нибудь тяжелое и острое. Нет, в шагистике тоже есть свой смысл... Во всяком случае, приучает команды не задумываясь исполнять.

Но преданы, конечно, ребята своему наставнику, как псы. Как же, он не только вознес их из грязи в элиту – он сумел создать нечто вроде рыцарского ордена, где каждый мог рассчитывать на полную поддержку всех. Да, были какие-то внутренние противоречия, но внешнего врага они всегда встречали единым фронтом. Вчерашняя расправа над герцогом Шале – отличный тому пример. И все они теперь повязаны кровью...

Корнелиус вздохнул. Все-таки Корбин – страшный человек. Такое впечатление, что слово "жалость", когда речь заходит о врагах, из его лексикона просто испаряется. Даже он, старый наставник, не смог представить, что его бывший ученик придумал для наказания виновных. И притом обвинять Корбина вроде бы и не за что. Да и боязно, будем честны с самими собою. Ученик, похоже, давно уже вышел из-под контроля, даже удивительно, что он все еще поддерживает Корнелиуса практически во всех начинаниях и оберегает от неприятностей. Вон, охрану прислал, причем даже не по его просьбе, а по просьбе Адриса, который, несмотря на то, что был очень хорошим человеком, для Корнелиуса представлял, скорее, обузу.

– Мы закончили, – раздался за спиной старого мага довольный голос. Корнелиус обернулся – позади него стоял один из той четверки, которая сначала разобралась с Фан, а потом и с ее трупом. Похоже, парень в группе был командиром – Корбин обычно не назначал старших, а просто разбивал учеников на тактические единицы по четыре человека. Ну а там уж лидер постепенно выявлялся сам собой.

– Не слишком быстро? Что вы с ней сделали? Закопали?

– Да нет, в канализацию спустили. Там не найдет никто. Вынесет потом в реку, ну, или крысы сожрут, они там крупные.

Корнелиус поморщился – его коробило от неприкрытого цинизма молодежи. Впрочем, те просто пытались копировать поведение своего наставника. Получалось не все и не всегда, иногда это вообще выглядело опереточно, но с этим приходилось мириться. "Потом придется заново переучивать их, отучая и от избытка дисциплины, и от налета цинизма, потому как это будет мешать им, тормозя дальнейшее развитие. Но это – потом, для начала им надо выжить". Что же, Корбин, говоря так, в чем-то был, разумеется, прав, хотя его правота напоминала, скорее, правоту хирурга, вынужденно ампутирующего ногу без наркоза. И хреново, и иначе никак. Поэтому старому магу оставалось только кивнуть и вернуться к своим мыслям.

Глава 22

Джурайя

Стеклянный саркофаг был открыт – регенерация тканей была завершена и больше не было необходимости сохранять полную стерильность. Корбин ровно дышал, на коже не было и следов от полученных ранений, только напротив сердца белело пятнышко незагорелой кожи,

нежной как у младенца. Джурайя сидела возле него на стуле с высокой спинкой, обхватив колени и иногда гладила его руку или проводила пальцем по тому самому светлому пятнышку напротив сердца...

Девушка проснулась через пару часов, как только закончилось действие лекарства в маленькой комнате в уютной кровати. Рядом на подушке лежала смешная игрушка в виде большого мягкого медведя с глуповатой мордой. Тусклый свет ночника позволял заметить отсутствие кровавых разводов на коже, а тело прикрывала мягкая пижама. Рядом на подлокотнике кресла, аккуратно сложенная, лежала чистая одежда – брюки, рубашка и куртка. Брюки и куртка были синие, слегка потёртые, рубашка – белой, с коротким рукавом и круглым вырезом, без единой пуговицы, зато отлично тянулась. Её пришлось натягивать через голову. Всё идеально сидело на стройной фигуре Джурайи и приятно облегалось тело. Обувшись в стоящие тут же мягкие тапки в виде зайцев, она нерешительно вышла в коридор. Возле двери в мягком кресле дремала Домина. Джурайя тронула её за плечо и бабушка встрепенулась от резкого пробуждения.

– А я так и знала, что ты подскочишь, – мягко проговорила она, прижимая к себе девушку. – Пойдём, покажу тебе твоего ненаглядного. Тело восстановилось, а вот с головой подольше будет...

Они стояли возле саркофага, накрытого крышкой. Внутри что-то жужжало, по тонким прозрачным трубочкам в вены спящего графа непрерывно вливались неизвестные Джурайе препараты, рядом на стене один под другим располагались три мерцающих экрана с постоянно меняющимися цифрами, соединённые с саркофагом проводами.

– Почему он не открывает глаза? – беспокойно спросила Джурайя.

– Он в искусственном сне, так будет лучше. А то вскочит, ценный аппарат разломает... вены поранит. Я уже немножко в вас, людях, разобралась. А мальчишки везде одинаковые. Видишь тот экран? – Домина ткнула пальцем в средний. – Он показывает уровень регенерации коры мозга. Всё же мёртвым был, нейронные связи, не обогащённые кислородом, отмерли... Когда мозг полностью восстановится, включится механизм возврата памяти. – Домина ткнула пальцем в верхний экран. – Пока утрачены воспоминания нескольких последних дней, постепенно они будут возвращаться, но в обратном хронологическом порядке начиная с последних секунд жизни... Ну ладно, посиди тут. Можешь с ним поговорить, Шади в последних исследованиях выявил, что человек в искусственной коме способен воспринимать речь. Если что-то пойдёт неправильно, включится сигнализация, Шади прибежит, так что не волнуйся, угрозы для жизни твоего жениха больше нет, а я спать. Ох и суматошный сегодня денёк... – Домина тяжело разогнулась, похрустела суставами пальцев, чмокнула Джурайю в макушку и тихонько вышла.

"Жениха, – горько думала Джурайя, механически поглаживая пальцы Корбина, – Я видела, ЧТО он делает с врагами. А судя по его поведению, ко мне он испытывает не менее нежные чувства. Почему не убил ещё? Может, Корнелиуса не хочет расстраивать? Спит, как ангел... ангел смерти... Так безмятежно улыбается... наверное, ему снится ТОТ дом... и что я выглядываю из окна верхнего этажа..."

– Прости, я была не права тогда, в лесу... И потом, с Петрой... Просто я очень люблю тебя и ревную, и ничего не могу с собой поделать, – неожиданно вслух сказала она. – Кстати, сегодня ты мог выпустить хотя бы детей. Дети не виноваты в грехах своих родителей. Наверное, ты не видел другого выхода, но я никогда не смогу забыть того что увидела... Надеюсь, Фауль тоже... Прощай, я должна кое-что сделать этой ночью. – на лице появилось выражение горечи и ожесточённости. – Я знаю, ты хотел бы сделать это сам, но... ради жизни

невиновных... я не могу поступить иначе. Пострадать должны только преступники. Ты сможешь мной гордиться, – с болью в голосе закончила Джурайя. Она поцеловала Корбина, едва коснувшись губ, и тихо испарилась в темноте. За её спиной граф открыл глаза...

Телепорт безошибочно вывел Джурайю прямо к кровати спящей Анны. Теперь, когда ей достаточно было представить лицо человека, к которому она стремилась, перемещение в пространстве занимало всё меньше времени.

– Анна, просыпайся... Смерть твоя пришла. – Анна встрепенулась на широкой кровати и столкнулась взглядом с сидящей на краю ложа Джурайей. Ее лицо было освещено голубоватым шаром, мирно покоящимся в ладони. – Вставай. Я не убью тебя спящей, ты можешь одеться, собраться с силой и оказать сопротивление. Кстати, почему одна спишь? Где же супруг?

– Какое тебе дело! – вспыхнула Анна. Она не была расположена к светской беседе. – Все мужики козлы, а твой покойничек хуже остальных! Так что спасибо скажи, что он сдох. – Анна нервно натягивала платье и срывающимися пальцами пыталась зашнуровать корсет.

– Спасибо я уже сказала тем, кто его спас. Да ты не наряжайся сильно, всё равно всё сгорит или порвётся... – Анна обрушила неожиданную атаку, но она разбилась об щиты. Джурайя грустно улыбнулась. – Вот что ты за человек? Я пришла тебя на честный поединок вызвать, а ты исподтишка убить пытаешься... Такое ощущение. Что тебя Корбин учил, а не Корнелиус.

– Ты пожалеешь, пришла в этот дом! – заорала Анна, метнувшись к двери. В просторном холле её ждал сюрприз. Тщательно связанные, с кляпами по рту, ровными рядами были разложены стражи, гвардейцы, слуги и пара телохранителей-магов.

– Я подготовилась. Терпеть не могу убивать невинных, пришлось чуть-чуть попотеть.

Анна в ужасе кинулась в маленькую, неприметную дверцу в самом конце холла. Когда Джурайя неторопясь вошла в комнату, её ждал сюрприз. Она ожидала чего угодно – тайного хода, вооружённых до зубов солдат, любовника в конце концов, но то, что предстало перед её глазами, повергло её в шок. Анна держала на вытянутых руках новорожденного ребёнка, прикрываясь им...

– Ты же не убьёшь невинного, тем более младенца! – похоже страх лишил её разума, раз она решила прикрыться собственным ребёнком, решила Джурайя. – Если ты посмеешь приблизиться ко мне, я начну её душить!

– Твоя дочь? – гримаса отвращения исказила лицо Джурайи.

– Да! – выкрикнула Анна, её скрюченные пальцы впивались в мягкое тельце под распашонкой, ребёнок недовольно кряхтел, куксился и тёр личико кулачками.

– И тебе её не жалко? – недоверчиво спросила убийца.

– Мне себя жалко! А она мне жизнь испортила! Орёт постоянно, муж по борделям шляется, любовника не завести – распёрло после родов! А тебе я вижу жалко её, ты всегда была сентиментальной душой! А теперь дай мне уйти, или её кровь будет на твоей совести! – выставив ребёнка, как щит, Анна стала медленно приближаться к стоящей в полной растерянности Джурайе. Вот она подошла на расстояние вытянутой руки и хотела обойти угрозу, как вдруг...

Боль пришла не сразу. Сначала мелькнула белая вспышка и Анна с изумлением увидела собственные руки падающие вниз, перерубленные в локтях. Джурайя подхватила дитя и прижала к груди.

– Тварь, – жёстко произнесла она. – У тебя нет права на жизнь, если ты способна принести в жертву собственную дочь. Ей будет лучше без тебя, прости... – мелькнуло Белое Пламя и голова с длинными волосами покатилась по полу, а обезглавленное туловище рухнуло, как подкошенное, заливая кровью пол. Только сейчас, брезгливо переступив ногами, Джурайя заметила, что до сих пор на её ногах надеты смешные тапки-зайцы...

"Да уж, ребёночка здесь не баловали, – раздражённо думала хладнокровная убийца, лихорадочно обшаривая шкафы и комоды в детской в поисках самого необходимого. – Кому нафиг нужны ползунки, расшитые золотом?! А шёлковые распашонки в рюшечках и пуговицами из изумрудов в виде капли НА СПИНЕ! Уродство. Бедная куколка. Натерпелась со своей мамашей..." Бедная куколка лежала на кушетке в единственных нормальных штанишках, пускала пузыри и засовывала большой палец ноги в рот.

– Ладно, – решила Джурайя, – пойдём спросим более компетентное лицо. – Она бережно подняла ребёнка и вышла в холл. Осторожно перешагивая через связанные тела, некоторые из которых храпели со здоровым молодецким посвистом, она наконец-то отыскала то, что искала. Пожилая прислуга тревожно переводила взгляд с Джурайи на ребёнка и пыталась что-то мычать из-под кляпа. Облегчённо вздохнув, девушка вытащила кляп из её рта.

– Головку придерживай, неумёха! – тут же услышала она тревожный окрик, перехватив ребёнка поудобнее. – Да не сажай на попку! Ребёнку ещё месяца нет, безрукая!!!

– Вы няня? – уточнила Джурайя, прижав малышку крепче к животу, устроив её голову на согнутом локте. – Я забираю девочку, мне нужно её имя и самое необходимое на первое время. Помогите собраться, будьте человеком...

– Зачем тебе Ягодка? – запальчиво воскликнула няня. – Оставь, папаша всё равно сбежал, а мы тут воспитаем уж как-нибудь, не пропадёт.

– Ягодка? Что за имя? – опешила Джурайя.

– Ну, – засмущалась няня. – Я её так зову, пока мать не слышит. А при матери только полным именем – Алистрина... Наградили вот, теперь жить бедняжке с кличкой...

– А-а-а... Понятно. – понимающе покачала головой Джурайя, пытаясь высвободить прядь волос из крепкого кулачка. – Нет, я её не оставлю. Ей со мной лучше будет. Воспитаю, как родную, хоть мать у ребёнка будет... – она присела возле няни, перерезая верёвки на её теле. – Алистрина, ничего себе, – пробовала она на язык имя. – Может просто Аля? Или Лиска? Или Листик? – она перебирала уменьшительные прозвища, глядя в личико малышки, которое расплывалось в широкой беззубой улыбке.

– Гляди-ка, – ворчала старая нянька, кряхтя поднимаясь с пола, – матери не улыбалась, а вот чужой тётке – пожалуйста... Забирай, только вместе со мной. – Она уже поднялась и теперь стояла, растирая поясницу двумя руками. – Одинокая я. Для меня Алечка – вся жизнь моя. Да и тебе тяжело будет тащить. Незамужняя ведь, бездетная...

Джурайя ошарашено уставилась на женщину, не понимая, откуда она о ней всё знает.

– Да не удивляйся так! Тощая, глаза бешенные, кто на такой женится? Да в тапках этих

дурацких... – поджав губы, нянька осуждающе покачала головой, глядя на зайцев, и пошла к выходу. – Пошли, каморка там у меня. Ещё от детей одёжки сохранила. Вот теперь когда мамы нет... а её почти никогда нет... одеваю как человека. Можешь меня Каталиной звать. – пожилая женщина, открыв стенной шкаф, выволокла из него объёмистый сундук, доверху набитый детскими шмотками.

– Джурайя, – рассеянно представилась девушка.

– Ну чего встала? – возмутилась грозная нянька, перехватывая поудобнее приданое. – Открывай уже свою дьявольскую дверь... Спаси Единый, по каким страстям только не шаритесь... Эх, молодёжь...

Замок Карри

– Нам срочно нужно видеть Прима! – говорящая держалась прям-таки с королевским достоинством. Стоящая рядом магичка развеяла свой ночник, как только зажглись осветительные шары. Лик усмехнулся в усы – не ожидал он, что Примовы похождения могут аукнуться ему в семейной жизни.

– Опоздали, дамочки! – глумливо ответил верный страж и управляющий. – Женат ваш жеребец, прибавления в семействе ждёт. Почему здесь ищите? В замке отца его тоже нет, валите-ка домой.

Дамы переглянулись с недоумением, и это было странно.

– Мы только что от Корнелиуса, он нас сюда выпроводил. Корбин ранен, его долго не будет, а у Корнелиуса сейчас убийство Фан намечается, а Корбина нет, и там теперь опасно, вот он нас сюда и спровадил, от греха подальше... – та, что помоложе, магичка, тараторила со страшной скоростью, спросонья Ликтер не успевал поймать суть сумбурной речи. Единственное, что отпечаталось в сознании – Корбин ранен и у Корнелиуса опасно. – А Корнелиус говорит, скажите Лику, что Прим назначен старшим, чтобы обучение волчат не страдало за время его отсутствия...

– Кого? Корнелиуса? – вконец запутался бедолага.

– Да Корбина же! – нетерпеливо воскликнула магичка, притопнув ножкой. – Адрис сейчас Фан по замку водит, а потом в спортзал поведёт...

Адрис? Это тот новенький, из некромантов? Который по индивидуальной программе обучается? А что его в спортзал потащило, да ещё с дамой?

– Через коня прыгать? – хохотнул Лик, пытаясь понять, о чём говорит девчонка. – Или борьбой заниматься?

Та, что постарше, прикрыла глаза и потёрла виски руками. Похоже, тоже была не в восторге от того, что несла её подруга.

– Я – королева Рейна, – молодая женщина выпрямилась и шагнула вперёд. – Это – Элия, невеста того самого Адриса и ученица Корнелиуса. А вы, если не ошибаюсь, Ликтер ля'Пласса? Корбин много о вас говорил, когда выбивал для вас дворянский титул. Но я бы всё равно подписала все бумаги, даже если бы у вас не было столько заслуг перед королевством. А сейчас, если позволите, сядем для разговора здесь или перейдём в другие, любые на Ваш выбор, апартаменты, – ошарашенный Лик вытянулся по стойке "смирно",

пытаясь осмыслить то, что он только что выпроваживал из хозяйского кабинета саму королеву.

Спустя час, сидя в изящной гостиной, где в прежние времена граф любил принимать дам, Лик качал головой, переваривая всё услышанное. Рейна с Элией сидели на огромном мягком диване, обложившись подушками и явно борясь со сном. Наконец управляющий решился:

– Дамы, останетесь до утра и будете ждать известий. – Он бодро поднялся и дёрнул за золотой шнур возле двери. Раздался мелодичный звон. В гостиную скользнули четыре лакея с выправкой бывалых бойцов. – Если Корнелиус беспокоится о вашей безопасности, лучше всего ночь провести здесь, в гостевые спальни вас проводит конвой...

Если девушек и царапнуло слово "конвой", они предпочли его не заметить, проваливаясь в глубокий сон в удобных кроватях...

– Шалопай! Вставай, пострелёнок, разговор есть... – шёпотом говорил Лик осторожно трясая за плечё Древнего. Остальных не перебудить бы...

– А чт... – жёсткая широкая ладонь накрыла зубастый рот вскочившего парня.

– Ш-ш-ш. – Ликтер приложил палец к губам, отошёл к двери и поманил ничего не понимающего Фауля рукой. Всё давно знали, что в темноте Древний видит лучше кошки. Вот и сейчас на его лице горели, как блюдца, два нечеловеческих зрачка во всю радужку.

– ... вот так, сынок, – угрюмо закончил наставник, – тебе особое задание – сбегай-ка домой, посмотри, как там Корбин с Джураией. Отдохнёшь, с родителями побудешь, а к обеду вернёшься. Лады?

– Лик, не переживай, – Фауль ободряюще хлопнул удручённого думами Лика. Шалопай шалопаем – но до чего же парень душевный! – Если мамуля с папулей за него взялись – будет как новенький! А Приму скажешь?

– Конечно! Только утром, чего среди ночи человека срывать? На работу придёт и всё узнает...

Едва в дымном телепорте скрылся Древний, двор озарился бело-голубым сиянием. Джулька вернулась! – встрепенулся Лик, кидаясь на двор. То, что он увидел, надолго выбило из колеи старого война, многое повидавшего на своём веку...

Глава 23

Лорд Корбин

Последние слова Джураии эхом звучали в ушах. Странно, очень странно. И что она хотела этим сказать? Нет, не понятно. Жаль, что он слышал только последнюю часть фразы – наверное, услышь он все, пищи для размышлений было бы куда больше. Однако же... Где это он? И вообще, что произошло? Последнее, что помнил Корбин – это марш-бросок по заснеженному лесу, а дальше... Дальше непонятно. Он что, с какого-нибудь обрыва головой навернулся? И вообще, где он? На его комнату это совершенно непохоже.

Корбин пошевелился. К его удивлению, каждое движение отозвалось болью, но не той, которая бывает при ранении, а легкой, даже приятной – как вскоре после большой физической нагрузки, или, возможно, после сеанса массажа... Да, была у него когда-то давно

массажистка родом из Поднебесной – массаж делала великолепно, ну и все остальное тоже, конечно. Однако стоп, не те ассоциации... Нет, какой, к ПрОклятому, массаж? Больше всего по ощущениям похоже на последствия лечения у Прима, после того, как тот фактически прирастил почти отрубленную руку. Так же все было. Выходит, его лечили? Интересно, от чего? И что за непонятные гибкие трубки опутывают тело с ног до головы, впиваясь в кожу? Корбин потянулся, чтобы отодрать их, и тотчас же что-то заверещало, да так противно, что, казалось, сейчас мертвые проснутся. От неожиданности граф на мгновение замер, а секунду спустя в комнату буквально влетел Джураин дедушка, что-то сделал, Корбин даже не успел понять, что, и сознание вновь куда-то упорхнуло.

Когда Корбин пришел в себя вторично, было утро. Самое смешное, что в комнате без окон, с явно искусственным освещением, нельзя было определить время суток, однако граф был уверен, что сейчас утро, а чувствам своим он привык доверять. Рывком сел на кровати и удивился той почти эйфорической легкости, с которой двигалось тело. Трубки, так раздражавшие его, куда-то исчезли. Граф помотал головой – и в этот момент, почему-то кусками и в обратном порядке, нахлынули воспоминания.

Вот тупая боль в спине и мерзкий вкус собственной крови во рту. Вот он рубится в не слишком большом помещении с какими-то придурками, неправильно вооруженными и скверно обученными. Вот Фан, которая говорит ему о том, что с ним случилось. Вот Джурайя, демонстрирующая ему картинки из сгоревшего дома. Вот... Словом, память восстановилась.

Следующие несколько минут Корбин посвятил анализу происшедшего. Вырисовывалась неприглядная картина – похоже, его ранили настолько сильно, что Джурае пришлось обращаться за помощью к своим могущественным родственникам. Не страшно, конечно, но неприятно – как ни крути, но это должок, а Корбин не любил быть должен. Вот они, последствия его упоения собственным могуществом – зарвались вы, Ваше Сиятельство, окончательно утратили осторожность вместе с чувством реальности, и получили в результате по полной программе. Однако предаваться самобичеванию глупо – надо что-то предпринимать.

Ну, раз он здесь, Джурайя как минимум жива. Грозные бабушка и дедушка (хотя Корнелиус и говорил как-то, что Древние – чуть ли не пацифисты и убить кого-нибудь для них совершенно неприемлемо, но, защищая внучку, они наверняка поступят любым принципом) отвинтят голову всякому, кто покусится на нее. За Корнелиуса Корбин тоже не слишком волновался – старик и сам не промах, да и в доме его разместились отнюдь не худшие волчата из его, Корбина, стаи. Явится туда Фан – съедят и костей не оставят, не явится – что же, он, граф де'Карри, не из тех людей, что, следуя заповедям Единого, после удара по левой щеке подставляют правую. Скорее, он достанет меч и выпустит обидчику кишки, даже если ради этого придется ехать на другой край континента. А что поделать? Выгодно это, остальные тысячу раз подумают, стоит ли связываться. Так что при любом раскладе Фан можно считать уже мертвой. Кстати, а как там у нас с магией?

Магия была на месте – похоже, организм уже восстановился, и Корбин со спокойной душой и чистой совестью продолжил анализ. Анна его траванула... Ну что же, будет на этом свете одной дурой по имени Анна меньше. Граф аж облизнулся – перед ним как будто воочию предстала картина: обгоревшие обломки ее дома, и она сама, повешенная на воротах. Хотя нет – это будет банально и слишком просто для нее. Стоило придумать что-нибудь поэкзотичнее... Да вот, хотя бы, Зеленый Лист – подсмотренное у эльфов заклинание. Идея, правда, была человеческой – в Поднебесной было принято преступников класть на побеги бамбука. Эта дрянь растет со страшной скоростью и прорастает буквально сквозь человеческое тело. Жутковатая и мучительная смерть. Бамбука, правда, под рукой не было, не рос он в этих местах, но эльфы научились многократно ускорять рост любой травы, так что

получалось не хуже. Корбин же это заклинание узнал, споив эльфийского палача и, хотя и не использовал его ни разу, на всякий случай запомнил. Вот, похоже, случай и представился.

А вот почему Джурайя нервничала из-за увиденного в доме, Корбин понять решительно не мог. Ну да, картинки неприятные, но ему приходилось видеть и хуже, особенно во время штурма упорно сопротивляющихся городов. Хотя, конечно, он малость переборщил – детей стоило выпустить... Впрочем, может, оно и к лучшему – во всяком случае, некому будет потом мстить. Так что нечего терзаться, дорогой граф, вы были, может, и не совсем правы, но на четверку по пятибалльной шкале сработали вполне. Что еще ожидать от человека, находящегося на пике бешенства? Да и потом, герцог сам виноват – ему ведь предлагалось решить дело миром. А раз так, нечего и голову ерундой забивать.

Придя к такому выводу, Корбин решительно слез с кровати и вдруг обнаружил, что он, как говорится, в чем мать родила. Пришлось срочно задрапировываться изъятой все с той же кроватью простыней из белой, очень мягкой ткани, и отправиться искать удобства – организм решительно требовал сбросить избыток влаги.

Удобств в комнате не нашлось, и Корбин всерьез уже начал присматривать подходящий сосуд, благо всяких то ли ваз, то ли колб имелось под рукой изрядно, но тут открылась дверь, и на пороге появилась сладкая парочка – дед и бабушка Джурайи. Высокие, бодрые, улыбки в сто зубов... Вместе с ними появились и одежда, и дорога к удобствам... Словом, час спустя, чисто вымытый и одетый в удобную, хотя и непривычную одежду, Корбин завтракал в компании двух древних и с интересом слушал рассказ о том, как Джурайя притащила его сюда.

– В общем, молодой человек, благодарите этого вашего Единого за то, что девочка успела. Еще бы пара минут – и вас не спасло бы никакое чудо.

– Гм... Если честно, я в Единого как-то не слишком верю.

– Не верите в богов?

– Почему же? В богов я как раз верю – схлестывался пару раз. Ничего сверхъестественного в них не было, та же магия, только очень большой мощи. Кстати, не запредельной, я такое тоже могу... Если честно, даже я сам для каких-нибудь дикарей за бога бы сошел, так что есть у меня подозрения, что боги – это просто очень сильные маги, решившие таким образом обеспечить себе безбедное существование. А что? Создал свой культ – и тебе ничего не надо делать, твори с некоторой периодичностью небольшие "чудеса", а верующие тебе сами принесут все, что захочешь. Ну а Единого я не видел, не видел и того, что он творит, поэтому отношусь я к этому персонажу довольно скептически. Хотя, конечно, отрицать его существование не рискну – может, и есть там что-то, о чем я просто не знаю.

Древние задумчиво переглянулись между собой и аккуратно увели разговор от столь деликатной темы. Похоже, знали они чего-то, что не стоило знать скромному магу из захолустного мирка. Корбин, впрочем, не обижался – у каждой Марфушки свои игрушки, только поинтересовался, сколько времени он здесь провалялся, что случилось за время его вынужденного бездействия и когда он может отправиться домой.

Результат был обескураживающим – провалялся он всего-то пару дней, но лечить его собирались еще как минимум пару лет. Им, видите ли, интересно, как будет вести себя человеческий организм после экстренной регенерации. Ну, для практически бессмертных древних что пара дней, что пара лет, а вот Корбин так долго здесь ошиваться не собирался, о чем и заявил, вежливо, но вполне недвусмысленно. И предупредил, что если его попытаются

удержать, то он поступит, как легендарный криминальный авторитет Колобок – тот, если верить преданиям, ухитрялся сбежать от кого угодно и в любой ситуации. В результате короткого, но насыщенного эмоциями и сложнопостроенными словесными конструкциями на разных языках разговора, высокие договаривающиеся стороны пришли к компромиссу – Корбин отлеживается у древних под их наблюдением еще неделю, а потом, если все будет в пределах нормы, отправляется домой. Ну и раз в полгода, хотя бы, а по возможности чаще, будет являться на обследование. С учетом холерического темперамента графа и его привычки ломать все, что попадет под горячую руку, условия для обеих сторон были вполне приемлемыми. Даже посуду бить не пришлось. А вот что расстроило Корбина по-настоящему, так это запрет как минимум год пить вино, самогон, брагу и даже пиво – видите ли, этиловый спирт (надо, кстати, уточнить у Прима, что это такое, а то терминология в разных мирах тоже разная, а демонстрировать лишний раз свое невежество перед древними как-то неохота) может пагубно сказаться на состоянии только что восстановленной коры головного мозга. Дебиллом стать можно, проще говоря.

Новости, которые накопились за эти дни, стали не то чтобы неожиданными – скорее, пятьдесят на пятьдесят. То, что Фан больше не коптит это небо, было вполне ожидаемо и даже радовало. А вот то, что Джурайя сама лично пришибла Анну, чем расстроила бабушку с дедушкой до чрезвычайности, оказалось неожиданным. Правда, сразу стали понятны последние слова девушки – она выполнила работу с ювелирной точностью, так, что никто, кроме Анны, не пострадал. Обидно, конечно – самому хотелось, ну да ладно... Оставалось непонятным, почему древние так странно переглянулись, сообщая об этом, но Корбин не придал этому значения, считая, что ничего страшного не могло произойти в принципе – не стали бы от него это скрывать. Ну а раз так – что же, придется принести себя в жертву науке, ну и отдохнуть заодно, раз уж такая оказия выпала.

Так что пришлось Корбину семь дней жить в доме у родственников Джурайи, работая подопытным кроликом. Правда, надо сказать, время он даром не терял, значительно расширив свой кругозор, в особенности пополнив знания о техномагии, которая процветала в этом мире, и о Конклаве Семи Миров.

Вообще, техномагия была штукой интересной, но для Корбина, увы, недостижимой. По самым скромным подсчетам, древние обогнали родной мир Корбина как минимум на пару тысячелетий. Общие принципы дополнения собственной, врожденной магии техническими костылями были понятны, но вот использовать их... Хотя, надо признать, кое что ценное Корбин для себя почерпнул. Например, то, что сооруженная Альбертом грубая и несуразная паровая повозка имеет, оказывается, огромное будущее. Граф мысленно сделал себе пометку пристальнее поглядывать за работой малыша и, по возможности, подбросить ему кое-какие честно подсмотренные здесь идеи, но развивать тему пока не стал за неважностью. Куда интереснее с точки зрения ближайших перспектив были сведения о Конклаве.

Конклав Семи Миров... Корбин слышал это название от Фауля, позже пробовал узнать поподробнее – но не смог. Дело в том, что Фауль и сам толком не знал ничего о Конклаве. Вернее, знал, но то, что для Корбина было откровением, для него было знаниями общего характера, совершенно бессистемными и потому трудно поддающимися анализу. Разбираться со всем этим у Корбина времени не было, поэтому анализ информации был оставлен до гипотетически возможных лучших времен. Сейчас же информация, вполне упорядоченная и развернутая, лилась к Корбину широкой рекой. И чем больше он узнавал – тем больше ему не нравилась ситуация.

Ну, на самом-то деле, миров в этом самом Конклаве было намного больше семи, вот только заправляли всем именно правительства той семерки, которые первыми объединились, создав мощную межмировую структуру. Единое экономическое пространство, единое

правительство, единая валюта, да и армия тоже единая. Кстати, мир, в котором сейчас находился Корбин, был одним из этих семи центральных миров. Остальные же миры, вступившие в эту организацию, были тоже вроде как равными им, но только теоретически, на деле же они были вассалами этой первой семерки.

Информацию о множественности обитаемых миров Корбин воспринял спокойно – в конце концов, это не было для него новостью. Старые книги упоминали о том, что человечество не одиноко, достаточно настойчиво. Да и Корбин на практике успел поработать с этим явлением, когда в первый раз Фаулю задницу драл. Плюс, к родителям он тогда Фауля приволок, и переход в другой мир ощутил. О Конклаве и, соответственно, о наличии множества миров Фауль постоянно что-то тоже говорил, только путано и непонятно, так что чему удивляться? Точно так же спокойно Корбин воспринял информацию о том, что миров, теоретически, бесконечно много. Бесконечность рациональный ум графа представить не мог, поэтому с тем же рационализмом Корбин просто не стал терять время на обдумывание бесполезной информации. А вот политику Конклава обдумать, разумеется, стоило – ну, не нравилась она графу, хоть убей.

Начав когда-то со вполне достойного и мирного дела защиты торговых, политических и территориальных интересов, Конклав Семи Миров очень быстро переродился в нечто совсем противоположное. Увы, но, как это часто случается, почувствовавшие силу пацифисты моментально отторгли большинство мирных идей, как нечто несущественное и если и достойное реализации, то лишь в максимально отдаленном будущем. Сейчас Конклав, подобно гигантскому магическому пылесосу, втягивал в сферу своего влияния любой мир, представляющий хоть какую-то ценность и эксплуатация которого могла принести выгоду. Были, правда, и исключения.

Ну, в первую очередь, к таким исключениям относился родной мир Корбина. Тут, правда, был один маленький, но важный нюанс – этот мир был прародиной расы древних, поэтому им до поры удавалось сохранять его в неприкосновенности. Пока мир был не слишком развит, это было не так и сложно – его эксплуатация была просто нерентабельна. Впрочем, что будет дальше и сколько продлится такая ситуация, было пока неясно.

Во-вторых, были миры, которые оказались достаточно сильны, чтобы отстоять свою независимость. Таковых было мало, однако все же они были – их не трогали не потому, что не могли справиться, объединенным силам Конклава вряд ли что-либо могло противостоять, а потому, что подчинение этих миров было чревато затратами, которые не могла бы окупить никакая их последующая эксплуатация. Были еще миры, которые были столь малоразвиты, что их подчинение было, опять же, нерентабельно. И еще была четвертая группа миров – миры, обитателей которых просто боялись.

Естественно, Корбин, как человек военный и здравомыслящий, заинтересовался именно второй и четвертой группами. Со второй, в принципе, все было понятно – эти миры были по развитию примерно на одном уровне с Конклавом, и зачастую сбивались в небольшие военно-политические союзы. Где-то была техномагия, где-то – "чистая" магия, но принцип был один и тот же – высокое развитие, мощные армия и экономика, хорошие полководцы и смелые солдаты. С четвертой группой все было намного сложнее.

Как правило, это были миры с чрезвычайно суровыми условиями, породившими существ, приспособленных к любым трудностям. Корбин с интересом рассматривал цивилизацию драконов – почти таких же, как и в его родном мире, но, будучи поставленными жестким климатом на грань вымирания, вынужденных развиваться. Было интересно смотреть битву двух воздушных армий, в каждой из которых были сотни закованных в крепчайшие панцири монстров... Да, если такие вырвутся в соседние миры, остановить их будет совсем непросто.

В другом мире жители были вынуждены жить в озерах кипящей лавы. Как объяснили Корбину древние, показывающие ему удивительные живые картинки на чем-то, что они называли экраном, жизнь в том мире была построена не на углероде, а на кремнии. Знать бы еще, что это такое... Еще был мир, в котором царила вечная ночь, под покровом которой выходили на промысел неуязвимые для магии охотники, быстрые, как молнии и состоящие, казалось, из одних только клыков и когтей. Были и еще многие другие, не менее интересные миры, но больше всего Корбина привлек один, на первый взгляд ничем не примечательный.

Обычный мир, населенный людьми. Местами довольно густо населенный, надо сказать. Люди жили в огромных городах, подобных которым Корбин никогда не видел. Жили, работали, иногда воевали, но чаще все же торговали, плавали по морям и даже летали по воздуху – должно быть, у них было много сильных и искусных магов. Стилль их жизни ничем не отличался от сородичей Корбина и они, казалось бы, были ничем не примечательны, если бы не одно но – возле любого упоминания об этом мире была обязательная пометка "посещение данного измерения и любые контакты с его представителями запрещены". Естественно, это не могло не заинтересовать Корбина, и он попросил уточнений. Результат оказался неожиданным.

Тот мир, как оказалось, был невероятно беден магией. Нет, он не был лишен ее полностью, но, по непонятным причинам, ее было невероятно мало, в результате чего тамошние маги обладали возможностями не большими, чем балаганные фокусники. Казалось бы, это должно было привести мир к отсталости и упадку, а – нет, такая ситуация привела к прямо противоположным результатам.

Вынужденные обходиться без магии, люди пошли по нетореному пути могучей технической цивилизации. Не техномагической, что было обычным, а чисто технической, и в первую очередь стали развивать что? Правильно, оружие.

Могучие маги Конклава с усмешкой смотрели на мышиную возню в заштатном мирке и готовились со временем провести его оккупацию – экономическую, а надо будет, и физическую. Для этой цели был даже внедрен могучий маг-менталист, имеющий при себе большое количество заряженных амулетов, что позволило ему длительное время удерживать в подчинении целый народ – сильный, но легко поддающийся внушению. Молодого и талантливого, но неудачливого художника, чья биография была выбрана в качестве легенды, деликатно... нет, не устранили даже, а изъяли, а на его место поместили засланца. И все шло вначале достаточно хорошо – зомбированный народ напал на соседей, одних подчиняя, других с невероятной жестокостью уничтожая, однако, как оказалось, его возможности, равно как и возможности обороняющихся, были оценены неверно. Результат оказался, по меньшей мере, неприятен – мало того, что армии эмиссара Конклава были разгромлены, а сам он погиб, большая война привела к очередному резкому скачку тех самых военных технологий. Два могучих взрыва превратили не самые маленькие города того мира в кучи отравленного пепла, и в Конклаве испугались. Оружие, способное на подобное воздействие у них, конечно, было, но... Одно дело, когда ты грозишь уничтожением соседям, расположившись в безопасном убежище и зная, что у них нет никакой возможности до тебя добраться, и совсем другое, когда над твоими собственными городами могут в любой момент появиться чудовищные грибовидные облака. Подобное было бы неизбежно в случае попытки вторжения – не приходилось сомневаться, что ученые немагического мира, поставь перед ними всерьез цель пробиться в сопредельные пространства, решат эту проблему быстро и эффективно, и тогда остановить воинственно настроенных пришельцев было бы весьма затруднительно. С учетом же того, что "городоуничтожающее" оружие в том мире развивалось и множилось с ужасающей скоростью, предсказать победителя в намечающейся бойне было и вовсе невозможно. А ведь были еще невиданные по мощи самоходные боевые машины, закованные в толстую броню и вооруженные так, что способны были уничтожить любого

противника, даже не приближаясь к нему. Были летательные аппараты, перемещающиеся с невиданной скоростью и вооруженные еще лучше. Были боевые корабли, способные стирать с лица планеты целые континенты... И это ведь еще далеко не все.

Ну а потом выяснилась и вовсе страшная вещь. Те немногие маги, которые были в том мире, вынужденные работать с чрезвычайно слабым магическим полем, поневоле развили в себе дар огромной мощи. В том мире их хватало только на то, чтобы показывать мелкие фокусы, но, попав в мир с нормальным магическим полем, они способны были в пыль растереть горные цепи. Это оказалось последней каплей – напуганное правительство Конклава распорядилось перекрыть все контакты с тем миром, в надежде, что все "как-нибудь само рассосется". С тех пор в тот мир предпочитали не заглядывать, ну а кто пытался – те жестоко получали по шее от пограничников, выставленных Конклавом.

– Почему ты заинтересовался этим миром? – спросил тогда Корбина дед Джурайи. – Ты как будто собрался воевать с Конклавом...

– Воевать? Не-ет, я не дурак. Просто я не хочу попадать в сферу его влияния. Чревато, знаете ли.

– Почему?

– Да потому, что наш мир, когда вашего влияния не хватит, чтобы его защитить, может стать, в лучшем случае, сырьевым придатком. Зачем мне это? Чтобы мои дети были "варварами из диких земель", подбирающими крошки с барского стола? Нет уж. Я предпочту разговор на равных, тем более что оружие, уничтожающее города, пусть и не так эффективно, я тоже воссоздал.

Древний в сомнении покачал головой и посоветовал Корбину не слишком распространяться – "чревато, знаете ли, молодой человек". Однако пояснения не прекратил, более того, устроил Корбину экскурсию в небольшой музей оружия разных миров, в том числе и из того, изолированного. Их оружие Корбин тогда рассматривал очень тщательно, поражаясь простоте и элегантности решений, а также тому, насколько велики резервы его модернизации. Вот, например, если заменить ту субстанцию, которую называют "порох", на одноразовые амулеты с теми же функциями, да сами пули зачаровать, да... Словом, интересные были варианты.

Однако все проходит, закончилось и временное заточение Корбина. Поблагодарив хозяев и надев подаренную ему вместо той, изорванной в бою, одежду, непривычную, но удобную, он открыл портал и отправился напрямик в свой замок. А в спину ему задумчиво смотрели две пары старых, мудрых глаз.

Древние

– Все-таки, он мальчишка. Не удержался, спер автомат.

– Ты ожидал чего-то другого?

– Нет, разумеется...

– Тогда чего переживаешь? Лучше скажи, зачем ты вообще позволил ему это сделать?

– Мне кажется, так он лучше сможет защитить нашу внучку.

- Пфе, будто он без автомата на это неспособен...
- Дорогая, ты знаешь, береженого свои боги берегут и чужие не трогают.
- Что за ахиня?
- Да вычитал в одной книге.
- Небось из запретного мира?
- Ну да...
- И кто тогда из вас мальчишка? Впрочем, что сделано – то сделано, хотя я и считаю это лишним. Корбин и без технологий того мира чрезвычайно силен. Аномально силен, я бы сказала, для человека, конечно.
- Знаешь, а ведь он еще не вошел в полную силу.
- Ты считаешь?
- Знаю. Пределов его потенциала я определить не смог, но в будущем он, теоретически, конечно, имеет шанс превзойти даже нас.
- Скажешь тоже – нас он превзойдет... Впрочем, не будем загадывать. Ты лучше вот что мне скажи: ты зачем ему пить запретил? Ведь никакой опасности вино для его не слишком-то могучих мозгов пока не представляет.
- А чтобы не спился.
- Он что, алкоголик? Впрочем, кто бы сомневался, в отсталых мирах алкоголизм – настоящий бич.
- Нет, он не алкоголик, даже до начальной стадии ему еще очень далеко. Но... Ты знаешь, я подумал, что если мы хотим здоровых правнуков, то пускай вначале очистит организм. Да и девочке будет приятно...

Глава 24

Замок Карри

Ликтер стоял посреди двора в полной растерянности и тёр глаза в надежде что то, что он видит, является очень качественной галлюцинацией, что само по себе было невозможно, учитывая трезвый образ жизни, здоровый организм и защитные амулеты. Хотя... пара сотрясений и несколько ранений в голову могли сказаться и в зрелом возрасте...

Навстречу старому вояке шла младшая наставница, неся на руках орущего младенца, а за ней, пыхтя и чертыхаясь, тащила огромный сундук крепкая бабёнка средних лет.

– Лик! – окликнула его Джурайя, выводя из ступора, – помоги Каталине, надорвётся.

"Не глюк... – расстроился Лик, – а жаль"

– Джулька, ядри тебя в корень! То котят полную кухню натащит, теперь вот дитя

притараканила, Корбин-то в курсе? – возмущался старший наставник, отобрав сундук у несговорчивой бабёнки. Каталина, оказав короткое сопротивление, с облегчением вздохнула.

– А что мне ещё было делать? Мамашу её я убила, папаша ноги сделал. Чем ребёнок виноват? Да и Каталину не бросишь, я же не зверь какой... – После заявления об убийстве матери младенца фраза "я же не зверь" звучала слегка фальшиво, но Джурайя, похоже, этого не замечала. – Лик, открой нам западный флигель – ну тот, что для особо важных гостей, а? Он и от Корбина подальше, и к кухне поближе... И удобства все есть...

Даже не пытаясь спорить, бывалый воин сделал, как просили и совершенно выбитый из сил, завалился спать, здраво рассудив, что утро расставит всё на свои места. Но, вопреки ожиданиям, утром началось форменное безобразие...

Что случается, если в слаженный, работающий как машина коллектив. Запустить одного младенца? Не случается совершенно ничего! Никто не работает, ничего не происходит, никто не решает производственные проблемы, всё время абсолютно всех занято одним единственным малышом. И совершенно не важно, что для ухода за ним требуется одна единственная нянька, которая идеально справляется со всеми своими обязанностями, и не важно, что эта самая нянька гоняет королеву полотенцем за то, что она немытыми руками полезла к дитяте, и совершенно не важно, что и Джурайя уже взмолилась – дайте отдохнуть! Ребёнок устал! Западный флигель теперь представлял из себя проходной двор. Всем, абсолютно всем было просто необходимо хотя бы на минутку заглянуть в новоиспечённую детскую, потискать малышку, сделать ей козу, пощекотать пяточку...

Закончилось безобразие только тогда, когда во флигель ворвался разъяренный Ликтер, который и раздал всем сестрам по серьгам... Недовольные ученики в сопровождении наставников разбрелись по классам и тренировочным площадкам, королева была выставлена восвояси (Давайте-давайте, вашество, дела государственные не ждут, организуй-ка, Джуня, их величеству коридорчик до опочивальни), Джурайя была выперта вместе с ученицами на утреннюю тренировку (А тебе чего, особое приглашение требуется? Дуй давай, потом девок тренировать будешь, как младенцев пеленать!), нянька отправлена спать (А ну, не возражать! Полон замок народу, присмотрим какнибудь...), а сама виновница переполоха оказалась в огромных лапах Ликтера Ля Пляса, мгновенно прекратила плакать, насосалась из бутылочки и уснула с довольной улыбкой на маленькой мордашке... Именно эту идиллию и застал Шалопай, уже больше часа разыскивающий Лика по всему замку...

Фауль, стоя на пороге, открывал и закрывал рот. Вид грозного наставника, качающего на руках младенца и напевающего себе под нос колыбельную, выбил его из колеи едва ли не сильнее, чем экскурсия по запечённому дому.

– Дверь-то прикрой, да и рот тоже... Сквозняк, дитя простудишь.- Проворчал Лик, хитро поглядывая на Фауля. – Да не стой столбом, иди, с внучкой своей познакомься. Руки помыть не забудь!... Ну что за народ хилый, а ещё Древний... Вставай, чего расселся на полу, да дверь-то прикрой. Лапы не тяни! Когда успела? Да уж успела, шустрая у тебя дочь. Одну ночь погуляла и вернулась с младенцем. Прошу, говорит, любить и жаловать – теперь это моя дочка.

Дар речи Шалопай обрёл только после графина воды, влитого в него уверенной рукой Лика. Так что новостей тот дождался только после того, как успокоил новоявленного деда, что это подкидыш, Джурайей из ночной вылазки притащенный. Фауль облегчённо выдохнул и в ответ рассказал свои новости, не менее занимательные для Лика.

– Повезло Корбину с девчонкой! – ухал Лик, хлопая по плечу Древнего ученика. – Сам ты хоть

и Шалопай, а дочь у тебя не девка, а огонь! Ни приведи Единый такую жену, а вот графу нашему другой и не надо. Будет и на него управа! Так и вижу, как гоняет Джуня нашего героя сковородкой по замку "А пошто ты, ирод, государство малое истребил! Сколько раз тебе говорить, добрее нужно быть!!!" и по темечку его ррраз! А потом с сотрясением мозга к бабушке с дедушкой на своём горбу тащит – подлечите супруженика, погорячилась я опять чего-то... – просмеявшись, Лик обнаружил, что Шалопай сидит притихший и задумчивый. – Что случилось-то, сынок? Хорошо ведь всё...

– Лик... – Фауль явно подбирал слова. – Лик, ты же давно Корбина знаешь, вы друзья. Слушай, только по-честному скажи... А он вообще как, нормальный?... Мы ведь возле того дома толпой были, некоторые совсем дети, мы ведь знали, что в доме полно народу, а большинство просто подневольные – прислуга, рабы... А Корбин приказал – и никому в голову не пришло возразить, заступиться за них. Если бы мне Джуня не показала, что внутри, я бы тоже гордился – за своего мстили ведь, справедливость наводили... Вот и получается, что никакой справедливости мы не вершили... А просто зверствовали. Я бы понял, если бы Корбин прирезал виновного. Око за око – это есть почти во всех культурах. Но он полностью уничтожил весь род, от стариков до грудных младенцев. И как... Мы ведь очень чувствительны ко всему, до чего дотрагиваемся магией. Они умирали – и я это чувствовал. А потом Джурайя затащила меня в этот дом... Я чуть с ума не сошел. Дважды. И с тех пор я боюсь. Нет, мне не являются во сне убитые мной люди – но я боюсь, что когда-нибудь Корбин вот так же обрушится на Джурайю. А я ничем, понимаешь, ничем не смогу ей помочь! Мать с отцом мне рассказали, что произошло, почему Корбин оказался беззащитным перед смертельной опасностью. Он прикрыл собой мою дочь. Я должен быть ему благодарен, но я боюсь этого человека до судорог, и... я не считаю, что Джурайе место рядом с ним... Она добрая, хорошая девочка, мухи не обидит... Мне страшно представить, что Корбин с той Анной сделает, которая его отравой накормила...

– Да ничего не сделает, – не глядя на удручённого Фауля, буркнул Лик. – Всё уже твоя добрая милая дочурка сделала – отрубила руки и башку, а вот ребёночка приголубила. Стоят они друг друга, одного поля ягоды. Да не бойся ты так за неё! Уж кто-кто, а она от графского гнева никогда не пострадает. Он скорее себя убьёт, чем её обидит... Так-то. Корбина лучше пожалей – характер у твоей дочурки не девчачий. Кошка она дикая. Граф то от неё уже люлей получал, а она от него – ни разу. Вот и думай, кому сочувствовать. А за дом тот не переживай. И не такое творили. Помню один раз целый остров со всеми его обитателями выггли, за то что они наших разведчиков поймали и съели. Дикари, что с них взять... Король соседский орал тогда на весь континент "Это геноцид!", а сам теперь там кроликов разводит... Я тебе ещё одну историю расскажу. Лет тридцать назад, когда я еще служил в королевской гвардии, ехали мы через южные земли. Южные – в смысле, через южный континент, населенный людьми, чья кожа черна, как головешка. Взбрело тогда в голову королю составить описание тех мест – вот он и послал экспедицию. Картографы, натуралисты, дипломаты, и полусотня солдат в охране. Мы довольно долго ходили в тех местах... Там мы находили руины огромных древних городов, сгинувших под тяжестью лет, находили и города живые, не меньшие, чем наши. В одном из таких городов местные встретили нас очень дружелюбно, устроили в нашу честь праздник... Что там было подмешано в вино, я не знаю, но утром мы проснулись связанные и без оружия. А на площади горел костер и кипели котлы.

Понимаешь, эти чернокожие сволочи не были дикарями – просто вера у них была такая. Раз в год они приносили жертву своему богу, варя скот живьем в масле, а потом съедая, и чем больше жертв – тем лучше. Мы просто оказались в неудачное время в неудачном месте, а белых людей они людьми не считали – относились, как к скотине. Я думал, все, конец.

У меня оставался амулет, который мне подарил Корбин. Маленький кристалл, который надо

было разломить – и он сообщал Корбину, что со мной плохо, и показывал дорогу. Я смог его сломать, но думал, что Корбин вряд ли успеет мне помочь, а скорее всего, даже ничего не почувствует. Но он успел – явился в город совсем один, без солдат, только со своей магией и своим оружием. А пять минут спустя он уже развязывал нас, а все остальные были мертвы. В том городе жило шесть тысяч человек. Корбин... Он же воздушный маг – вот и приказал воздуху уйти из их легких. Они все задохнулись – и мужчины, и женщины, и старики, и дети. Знаешь, я не считаю, что он сделал что-то плохое, потому что он спас нас всех.

То, что он сделал с тем герцогом – тоже правильно. Теперь никто не посмеет поднять руку ни на кого из его учеников. Это – принцип меньшего зла, потому что в следующий раз для того, чтобы защитить своих, ему пришлось бы устраивать резню куда грандиознее. Детей, конечно, жалко, но... Они ведь могли выполнить условия нашего графа. Не такие и суровые, кстати.

Что же касается тебя... Знаешь, насколько я знаю Корбина, а я, поверь, знаю его очень неплохо, Джурайе ничего не грозит в принципе. Больше того, если кто-то когда-то что-то посмеет даже не замыслить, просто подумать против нее... Пускай сразу вешается – выйдет намного полезнее для здоровья. За спиной Корбина она в полной безопасности, настолько полной, насколько вообще возможно в этом мире.

Бедняга Фауль уходил от Лика в растрёпанных чувствах, не зная, что и думать теперь о графе, но в полной уверенности, что уходить ему нельзя – такой опасный человек может очень многому научить, в том числе и тому, как противостоять ему самому. Нужно только хорошо учиться...

Лик задумчиво посмотрел ему вслед: за это совсем непродолжительное время древний повзрослел, похоже, сильнее, чем за все предыдущее тысячелетие. Что же, возможно, это и хорошо...

Корнелиус

Корнелиус вот уже долгое время наблюдал за своей любимой ученицей, не понимая, почему эта девочка-праздник всё больше и больше уходит в себя. Что-то мучило Элию, не давало покоя, грызло изнутри. Корнелиусу тоже было что рассказать Эльке, но надо ли?

– Корнелиус, как учёный учёному... Мы с Доминой наткнулись на одно забавное совпадение... А может и не совпадение? Скажи, как Адрис относится к Корбину?

– Хвала Единому, трения позади... А сначала думали – прибьют друг друга. Адрис-то тоже не пальцем деланный, хоть и не маг, а за себя постоит, да и фантазией боги не обделили. Если бы его Корбин прищемил серьёзно, боюсь, Адрис придумал бы что-нибудь занятное и общественно-опасное. Но у Корбина хватило ума с пацаном не бодаться, теперь даже учить его взялся.

– Чему учить? У мальчика абсолютный иммунитет к магическому воздействию, он бесталанен.

– Да не абсолютный. Некромант его пробил. Вот некромантии и учит... К добру или к худу, время покажет. Не скажу, что меня это радует, но не вмешиваюсь пока... Пусть играют. Общий язык нашли, что не может не радовать.

– Немудрено, кровь не водица. Чтобы дед с внуком – да общий язык не нашли?

– Дед? Внук? О чём вы?

– А-а-а... Так я ради этого и пришёл. Адрис ваш по крови – внук Корбина. Мы очень удивились его неспособности к магии, однако это факт – прямая наследственная линия, причём мужская. Ну, удивляться то нечему. Помнится, он и сам говорил о неизвестном количестве внебрачных детей... А судя по деду, да учитывая моноталант, могу предположить, что по силе внучёк переплюнет печально знаменитого Гроссмейстера... Кстати, о нём ничего не слышно?

– Да... не только слышно. Видно даже. На Корбина и работает. Адриса и учит... Вот ведь как всё перепуталось...

Маг тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Да, в тот раз они с Шадо друг друга взаимно удивили. Бедняга Древний никак не ожидал от Корбина создания корпуса боевых некромантов, а сам Корнелиус даже предположить не мог, что волею судьбы столкнувшиеся лбами мужчины – дед и внук. Вот и возникла следующая проблема – а стоит ли говорить об их родстве им самим и их близким, и следует ли Элии знать о том, что Адрис, являясь прямым потомком Корбина, изучает в его замке запрещённое во всех цивилизованных мирах искусство некромантии... По всему выходило, что сказать обо всём следует пока только одному человеку – Элии, как самой уязвимой из всех, и то только потому, что она и сама о чём-то начала догадываться...

Джурайя

Ждала ли Джурайя появления Корбина? Возможно. Но, скорее, больше боялась этого. Всё же он хозяин в своём замке, и вполне мог просто отказать девушке оставить ребёнка. Даже не объясняя причин. Именно поэтому она ни разу не посетила больного у своих родственников, хотя теперь могла ходить к ним как в соседнюю комнату. Дни слились в одну сплошную полосу, вереница кормление-занятия-кормление-марш-бросок-кормление-прогулка и т.д. и т.п. пролетала мимо сознания. Каталина только охала и ворчала, негодуя по поводу того, что кормить, гулять и укладывать разрешалось только самой новоявленной матери, которая пыталась в свободное время ещё и постирать-погладить, но этого гордая нянька уж точно не могла допустить. А чем тогда ей прикажете заниматься? Что же она, так просто свой хлеб ест? Не дождётесь! И даже выторговала себе одну прогулку – утреннюю, самую длинную. Несчастной няньке было непонятно, для чего нужно таскать с собой кристалл связи, закодированный на активацию на Лискин рёв. Пара к нему была всегда в кармане Джурайи, и нередко тренировочная площадка оглашалась детским криком, а наставница срывалась с места и неслась во весь опор успокоить ребёнка, провожаемая понимающими взглядами учениц. А ещё странная хозяйка укладывала ребёнка в своей комнате, хотя девочка была на редкость крикливая. Частенько, просыпаясь по привычке от детского плача, Каталина заходила к Джурайе и наблюдала такую картину – хозяйка с малышкой на руках не глядя разогревает искрой молоко, левитирует бутылочку и кормит, судя по виду, даже не просыпаясь, но при этом никогда не забывая похлопать по спинке и дать ребёнку срыгнуть. К концу первой недели количество детских криков по ночам свелось к двум недовольным пискам, а лицо молодой мамы приобрело более здоровый вид – видимо, стала высыпаться. Каталина только качала головой на все эти чудачества, ворчала больше по привычке и уходила спать. Служба в доме Анны вспоминалась ей теперь как страшный сон, зато не давали покоя угрызения совести от того, что обязанностей она теперь выполняет неприлично мало для порядочной прислуги...

Вот и сейчас Каталина, гуляя с ребёнком, шла привычной дорогой к тренировочной площадке, везя с собой порцию молока, чтобы, так сказать, не отвлекаясь от основной работы, хозяйка могла дитя покормить, а заодно и перерыв девчатам устроить. Вид нянька имела расхристанный, так как только что закончила стирку. Вот отдаст на полчаса Ягодку, а сама побежит развешивать, а заодно и причесаться и одежду поправить успеет...

Джурайя издали заметила Каталину с коляской и, подняв вверх раскрытую ладонь, стукнула по ней кулаком, объявляя перерыв.

– Каталина! Зачем стирку с утра затеяла? Не оправдывайся, у тебя на лице всё написано! Распаренная, растрёпанная, зима на дворе, простудишься ещё! Бегом в дом, да бальзаму не забудь выпить, который Прим принёс. Давай, давай, и пока не обсохнешь, ребёнка не дам. Можешь не торопиться, мы и с Алькой тренировку можем провети... Правда, солнышко? Сейчас тебя мама покормит и будет девочек гонять, а ты посмотришь и поучишься... – Джурайя уже отвлеклась и не смотрела на Каталину. Иначе бы увидела, что она нос к носу едва не столкнулась с Корбином, который шарахнулся от пронёсшейся мимо няньки с недоумением на лице...

– Что здесь происходит? – от громового рыка Джурайя подпрыгнула и едва не выронила бутылку. Тепловой щит вокруг неё и Алистрины дрогнул и пошёл рябью. За стеной тёплого воздуха стоял граф, уперев руки в бока и сверлил её сердитым взглядом. Джурайя, тяжело вздохнув, прикрыла сытого ребёнка одеялом, поправила шапочки и убрала щит...

Как он орал! Девочки благоразумно сбились в кучку подальше от взбешенного Корбина и теперь настороженно смотрели набушующую светлость. После слов "за ноги и об стенку" Джурайя приготовилась умереть, защищая ребёнка, но, похоже, буря миновала. Граф беспомощно махнул рукой и ретировался, матерясь себе под нос, поминая недобрым словом весь несчастный Древний род Джурайи до седьмого колена с его дурацкими инстинктами. Девушка вздохнула, испытывая смесь облегчения и разочарования. Не так она себе представляла эту встречу, совсем не так... "Это он ещё Эльку, Рейну и Карину не видал, – мелькнула у неё мысль. – Интересно, инфаркт Прим может лечить, или опять болезного к бабуле с дедулей тащить придётся?"

Если королева с подругой по несчастью ещё в первое утро узнали о новенькой в замке Корбина, то вот Карина примчалась на следующий день, после того, как Прим, придя со службы, рассказывал ей вечером о минувших событиях. Да и как не примчаться, если опыт по выхаживанию ребёнка имела она одна. И ничего, что живот на нос лезет, она ещё вполне бодрая и здоровая, чтобы провести с молодыми и неопытными подругами курс молодой матери! И не зря, примчалась, не зря... Уже через пять минут были выявлены недочёты в кормлении, пеленании и режиме, Прим был заслан в лабораторию изобретать присадки в козье молоко, которые были опробованы на всех присутствующих, начиная с кошек и заканчивая подругами. Благоразумно выждав три часа, улучшенное питание было успешно влито в Ягодку к её огромному удовольствию и Джурайиному облегчению – газики всё же перестали мучить ребёнка. Теперь три женщины записали себя в Алечкины тётушки и считали своим долгом каждый день навещать "племянницу" и торчать едва не до ночи, буквально отбирая малышку у законной сиделки в любое удобное время...

Глава 25

Лорд Корбин

– Граф де'Карри?

– Ну да, меня зовут именно так, – ответил Корбин, не оборачиваясь. – Что вам угодно?

– Вас хотел бы видеть Его Величество.

– Где он?

- Я провожу...
- Просто скажите, где он – я подойду.
- Граф, вас хотят видеть немедленно.
- Перетопчется. Итак, где он?
- В малой гостиной...
- Сейчас буду.

Быстро закруглив разговор (как ни ничтожен монарх, но какую-то толику уважения надо показывать, хотя бы и внешне), Корбин широкими шагами пересек зал и пару минут спустя уже входил в малую гостиную, где король как раз заканчивал хихикать с очередной кандидаткой на место фаворитки. Наивная – фаворитки у короля больше чем на пару недель этот негордое звание не носили. Менял он их даже не как перчатки, а, скорее, как панталоны – быстро и без особого сожаления.

Кроме короля и этой неумной дамы, в комнате находилось еще двое – высокая, полноватая, но не расплывшаяся женщина средних лет со следами былой красоты на лице, и мужчина, тоже немолодой, но крепкий, осанистый. Производил он впечатление, надо признать. Только взгляд, нагловатый и в то же время испуганный, говорил о том, что человек этот долго терся возле трона и научился мгновенно подстраиваться к изменениям настроения сильных мира сего. Сейчас этот человек, похоже, не знал, как себя вести. С одной стороны – король, а с другой – де'Карри, которого все здравомыслящие люди в стране предпочитали не дразнить. О том, как граф расправляется со своими врагами, ходили легенды, больше похожие на страшные сказки для детей, однако этим легендам предпочитали верить. Ну а кто не верил раньше – те поверили после недавней трагической смерти герцога Шале. Подумать только, какой глупый несчастный случай произошел с герцогом – перешол дорогу, по слухам, даже не де'Карри, а кому-то из его учеников. Слухам же, как известно, надо верить, это факты лучше проверять. И все, кончился герцог, даже родство с королем не помогло – буквально сгорел на работе...

Эту парочку Корбин хорошо знал – родители свежееубиенной Анны... Встречались несколько раз, при каждой встрече вежливо раскланиваясь. У них к Корбину дел не было, сам же он вначале был мелковат для них, а потом они стали мелковаты для него. Нет, ну в самом то деле, какие дела могут быть у придворного с наемником, пусть и богатым, преуспевающим, знаменитым и насквозь титулованным? Да никаких, это же совершенно разные слои общества. Ну а когда бывший наемник, прикупив земли, превратился во владетельного графа, они вновь оказались в разных слоях, только теперь уже Корбин был сверху, а обеспеченная, но не имеющая ни огромных владений, ни сколь-либо значительного веса при дворе парочка, снизу. Пожалуй, единственной точкой соприкосновения была Анна, пока она еще училась у Корнелиуса, но в последние годы Корбин ее родителей встречал только на королевских приемах, а ее саму до недавнего времени не видел вовсе.

Ну, теперь становилась понятной причина, по которой его побеспокоили. Корбин прищурился – интересно, как построит разговор король? А то ведь предъявлять претензии сильнейшему магу королевства надо осторожно. И еще интересно, удержится ли король от разговора о печеном герцоге? Конечно, особой теплоты в отношениях между королем и его многочисленной родней не наблюдалось, но все же кровь – не водица...

Однако же, король тактично промолчал по поводу своего родственничка. Похоже, мальчик медленно, но верно вырослел и начинал понимать, кого можно задевать, а кого и нет. Однако высказанные вежливым, но непреклонным тоном претензии по поводу смерти Анны Мерилэнт Ап Харр, дочери его верных слуг, от рук некоего сильного мага Корбину пришлось выслушать в полном объеме.

– Помилуйте, Ваше Величество, – развел он руками в притворном удивлении, когда король закончил. – Я то здесь при чем? В ту ночь я был далеко отсюда, раненый валялся, между прочим, по вине этой стервы, и добраться до нее никак не мог. Нет, если бы мог, я бы, конечно, дотянулся, еще как бы дотянулся, но не успел – нашелся кто-то, кто опередил. А кстати, как она умерла?

– Ей отрубили руки, а потом голову, – сухо ответил король.

– Ну, тогда ее родителям стоит поставить свечку Единому за здоровье того, кто меня опередил. Потому что я бы обошелся с ней куда более сурово.

– Это как? – с интересом поднял брови король.

– Ну, как-как... Можно было бы, например, отрубить руки, ноги, выжечь глаза, отрезать язык, ну и барабанные перепонки проткнуть для полного счастья...

Мать Анны с тихим оханьем осела на руках у побледневшего то ли от страха, то ли от гнева мужа. Король недовольно поморщился.

– Вы знаете, граф, ваш солдафонский юмор...

– Знаю, – улыбнулся Корбин. – Никому он не нравится. Обидеться, что ли?

– Не надо!...

– Хорошо, не буду. Так в чем ко мне претензии? Меня в городе не было, куча народу подтвердить может.

– Мы полагаем, что к делу причастен кто-то из ваших учеников.

– Мы – это кто? – с интересом спросил Корбин.

– Ну... – чуть замялся король.

– Понятно, Ваше величество, – Корбин едва сдерживал усмешку. – Так решили лично вы. А почему, кстати?

– Убийца справился со стражей, которая была многочисленна и хорошо обучена, причем никого при этом не убил. Такое под силу только магу, причем магу сильному и искусному в бою. Лучший боевой маг – вы, а раз вас там не было, то, возможно, кто-нибудь из ваших учеников.

"Смотри-ка ты, – подумал Корбин. – Дурак, дурак... А ведь из совершенно неверных предпосылок сделал верные выводы. Или кровь отца-деда проснулась невовремя, или он просто хочет до меня докопаться?" Вслух же он сказал:

– Думаю, мне придется вас огорчить – моих мальчиков в тот момент в городе не было. Да и

будь они там – свидетелей за собой они бы не оставили, и не стали бы тратить время на нейтрализацию охраны. Сожгли бы дом, наверное, а может, просто перерезали всех – это быстрее и эффективнее.

– Верю. И потом, охранники все как один утверждают, что работал оборотень. Правда, видели они только лапы – огромные, волосатые...

Теперь настала очередь Корбина удивленно поднимать брови. Надо же, какими способностями обладает девочка. Побочный результат смещения кровей, что ли? И как хитро запятанный – даже Корнелиус, уж на что умный и опытный, дара оборотничества, одного из редчайших среди магов, в девушке не разглядел. Или этот дар сам вылез – в стрессовой, так сказать ситуации? Непонятно. Однако, надо было отвечать – король смотрел на него с неподдельным интересом.

– Честно говоря, я считаю оборотней, вампиров и прочую нечсть легендой, Ваше Величество. Никогда не встречал, а путешествовал я немало.

– Странно... Эти люди не производят впечатления помешанных.

– Да и ПрОклятый с ними. Мало ли что спяну привидится.

– Всем одно и то же?

– Ну... Не знаю. В конце-концов, это не мое дело, разбираться в тонкой душевной организации местных дуболомов. На то городская стража есть.

– Хорошо. А как вы объясните присутствие в вашем замке ребенка и женщины, которая была опознана как нянька, работающая в доме убитой?

О-па! Вот уел – так уел. Корбин по новому посмотрел на короля и наткнулся на его совершенно безмятежный взгляд. Та-ак, или король – отличный актер, который умело водит за нос весь двор, или рядом с ним есть кто-то очень умный. Одно можно сказать точно – разведка у него на уровне, придется теперь проверять всех слуг. В солдатах своих Корбин не сомневался, а вот слуги... Среди этих можно найти способных на любую пакость. Но сейчас, похоже, придется идти ва-банк.

– Этого ребенка и няньку подобрала одна из моих наставниц. Где – не интересовался, это их проблемы, – холодно ответил Корбин.

– Да Единый с вами, граф, никто вас и не обвиняет.

– Тогда в чем дело?

– Видите ли, есть предположение, что этот ребенок – сын Анны. Поэтому его бабушка и дед, – небрежный жест в сторону уже пришедшей в себя пожилой четы, – хотели бы забрать его.

– Так в чем же дело? Пускай забирают.

– Они сомневаются, что его отдадут.

– Я препятствовать не буду, обещаю.

– А ваша... наставница?

– Не знаю, это – ее личное дело.

– Но если она будет против...

– Пускай договариваются сами, – Корбин с привычным уже безразличием пожал плечами. – Смогут договориться – получают назад свое чудо обдуманное... Если это их внук, конечно, что еще надо доказать.

– То есть, как я понимаю, вы отказываетесь помочь им?

– Ну разумеется, они мне – никто, и звать их никак. Но если они попытаются применить силу, я, как сюзерен этой девушки, вынужден буду отвинтить им головы. Впрочем, я думаю, до этого не дойдет – там и без меня желающие найдутся.

– А если я прикажу ей?

– Попробуйте. Только имейте в виду, она – не ваш, а мой вассал, и приказывать ей вы, в общем-то, не имеете права.

– Ну тогда я приказываю вам, как своему вассалу...

– Что именно? Влезать в бабские дразги?

– Это не дразги, – взвизгнула окончательно пришедшая в себя мать Анны.

– А вы вообще молчите, – небрежно, словно от мухи, отмахнулся от нее Корбин. – А вам, Ваше Величество, я честно скажу – давить на своих людей я не позволю. Есть, правда, вариант – пускай кто-нибудь вызовет ее на дуэль, убьет и забирает младенца. Она дворянка, а в кодексе нет ни слова про половую принадлежность противников. Отказать не откажет. Правда, – тут Корбин гнусно ухмыльнулся, – она имеет право попросить кого-либо заменить ее...

– И кто ее заменит? – с интересом спросил отец Анны.

– Я, разумеется.

Придворный скис, а Корбин припечатал сверху:

– И при любом раскладе кровников у вас потом будет очень много. Не завидую я вам.

– Вижу, нам с вами не договориться, – подытожил король.

– Да, Ваше Величество, нам с вами не договориться.

Король сделал гневное лицо, но натолкнулся лишь на спокойный и немного скучающий взгляд Корбина. Судя по сузившимся глазам, лишь воспитание и этикет не позволили ему в сердцах сплунуть. Что поделаешь – людей, облеченных властью, пусть и во многом формальной, почему-то крайне часто бесит, когда они видят, что их не боятся. А Корбин короля не боялся и бояться не собирался – и без того забот хватало. Да и то сказать, после того, как его фактически подняли из мертвых, он на многое стал смотреть иначе. На многое, но не на тот бардак, что с недавнего времени творился в его замке.

Нет, ну надо же, десяти дней не прошло, как он ушел, а замок превратился ПрОклятый знает во что. Какая-то смесь постоянного двора с яслями. Мало того, что его – ЕГО – никто не вышел встречать, что было, в общем-то, простительно, так как портал открылся не в замке, а в ближайшем лесочке... Ну, погулять захотелось – была у графа маленькая слабость, любил он по лесу погулять, а после вынужденного пребывания взаперти желание просто прогуляться по заснеженной лесной дороге, вдохнуть холодный и живой, а не стерилизованный воздух, увидеть солнце, а не искусственный свет, стало поистине невыносимым. Так что когда и где он появится, в замке знать не могли, и отсутствие встречающих у ворот было простительно, но то, что когда он вошел в замок и часовые проорали, как и положено, приветствие, тоже никто не явился... Это было уже наглостью!

И что же он обнаруживает за несокрушимыми стенами собственного замка? Бардак! Нет, ему, конечно, обрадовались, но! Лик тетешкается с каким-то младенцем. Коридор возле покоев Наставников буквально перетянут веревками, на которых висят непонятные пеленки-распашенки. Какая-то незнакомая и совершенно неопрятная баба по двору ходит. Корбин мог бы поклясться, что никогда ее не видел и в замке ей взяться просто неоткуда, но ведь есть! Занятия ведутся кое-как – в женской группе все вокруг все того же дитяти бегают, и вместо того, чтобы боевые заклинания учить, фасон рюшечек обсуждают! И, главное, когда он попробовал прорычать свое неудовольствие, от него отмахнулись! Это что же творится? Он вообще, граф, или почему? Хозяин всего этого безобразия – или так, погулять вышел?

А виновница всего этого смотрит честными-пречестными глазами и даже оправдываться не пытается... Так бы и дал по шее, честное слово, только рука не поднимается. Ну а когда узнал, что это вообще за ребенок, чей он... Ну, первым желанием было классическое "за ноги да об стену", и никаких бы проблем не было, но тут уж пришлось смириться. Мало того, что Джурайя, похоже, за это чудо, вечно обгаженное, костями лечь готова, так ведь и остальные не поймут. Пришлось плюнуть и, сохраняя остатки достоинства, гордо удалиться.

А в кабинете его ждал еще один сюрприз – кто-то здесь явно побывал, причем не слишком стараясь скрыть следы своего пребывания. Не то чтобы это помогло бы. Но хоть для приличия-то стоило постараться! И кто, спрашивается, оказался способен на такую дерзость?

Кандидат, кстати, на ум приходил один-единственный. Однако Фауль, которого ожидала незамедлительная порка, на глаза сразу не попался, а пока его искали, нашлись настоящие виновники. Точнее, виновницы. И так нашлись, что, казалось, прописались в замке почти безвылазно. Разве что по вечерам намерены были сваливать. Плюс Карина заявила – и сразу начала поучать молодых, как надо себя с ребенком вести. Словом, мрак.

И последней каплей стало то, что, оказывается, никто не позаботился о том, чтобы вернуть в замок меч Корбина. Тот самый клинок, которым граф в последнем бою так лихо уложил кучу народу и который так и остался лежать, забытый Джурайей в этом трижды проклятом трактире. Ну, к Джурайе-то какие претензии? Она тогда самого Корбина тащила, на себе причем, магией воспользоваться не догадавшись, не до меча ей было, а вот Корнелиус мог бы и позаботиться. Хотя, он, наверное, даже не знал, что меч там остался. И остальные не знали. И не подумал никто. Пришлось самому портал открывать, прямиком к трактиру.

Естественно, меча там уже не было – шустрый трактирщик успел не только прибрать к рукам ценное оружие, но и продать его. Как он пролепетал, для того, чтобы хоть частично компенсировать убытки, понесенные его заведением.

Меч стоил больше, чем три таких вот забегаловки, о чем Корбин не периминул сообщить трактирщику. Правда, трактирщик его не слышал – лежал себе без сознания. Единый, какие хлипкие люди пошли! Корбин ведь его даже не ударил – так, дал щелбана, причем без всякой

магии. А что кость лобная у этого хитрого дятла треснула, так это уж его проблемы. Крепче надо быть, крепче, и голову тренировать регулярно. Вон, у любого рыцаря на турнире спросите – их и булавами бьют, и мечами, а им – хоть бы хны. Встенут, улыбнутся и дальше пойдут.

Надо сказать, трактирщик пришел в себя очень быстро. Как загорелся трактир – так и пришел в себя, и выскочил наружу, как раз к тому месту, где стоял граф де'Карри. Стоял себе спокойно, в небо смотрел безмятежно, да пламя в трактире поддерживал, поддувал легким ветерком, чтоб не потухло.

Вопли трактирщика разносились на всю улицу – не погуби, мол, благодетель. Корбин брезгливо оттолкнул его сапогом и приказал передать тем, кто купил у трактирщика меч, что если меча не будет к вечеру в доме Корнелиуса, то он сам, лично придет и заберет его. И те, кто попадутся ему, графу, под горячую руку, так легко не отделаются. После этого Корбин отправился к своему старому учителю – обсудить, что же все-таки произошло и как теперь с этим бороться.

У Корнелиуса они сидели почти до ночи. Старик расчувствовался и принял лишку на грудь, а Корбину оставалось лишь скрипеть зубами от обиды – пить-то нельзя, хотя и, как и всего запретного, очень хочется. К тому же, Корнелиус просто не знал, как решить возникшую проблему. "Бабы – это о-о-о...", говорил он, дойдя до кондиции, и почему-то неопределенно тыкал в потолок пальцем. Правда, кое-какую пользу Корбин из разговора все же извлек – узнал о том, как его ребята прихлопнули старушку, проанализировал их действия, одобрил и пришел к выводу, что головорезов своих тренирует все-таки правильно.

Увы, меч к дому Корнелиуса так и не доставили – очевидно, не приняли слова Корбина всерьез. А зря – граф совсем не собирался обретать сомнительную славу шутника и балагура. "Сказал: убью – значит, убью", было девизом не столь весело и красиво звучащим, как репутация души компании, зато уважения внушало намного больше. Ну а меч... Камень в его рукояти не только обеспечивал клинку отменную прочность, незатупляемость и прочие боевые функции (а иначе хрен бы Корбину удалось в свое время с такой легкостью перерубить джураину катану, пусть она и не была шедевром кузнечного искусства, а всего лишь грубой подделкой), но и был маяком, по которому граф всегда мог определить его местоположение.

Ну что же, если боги хотят кого-то наказать, они лишают его разума. Те, кто присвоил не принадлежащее им оружие, явно были наказаны богами – иначе бы, конечно, незамедлительно выполнили мягкие и справедливые условия Корбина. Проще говоря, принесли бы меч и слиняли куда подальше. Ну, не захотели – значит, не захотели. Корбин в два счета нашел дом богатого купца, коллекционировавшего оружие, зашел в него, а вышел уже с мечом. И даже, в полном соответствии с мнением Джурайи о том, что невинных убивать не стоит, никого не тронул. Кроме самого купца, конечно – снес ему башку тем же самым мечом. Остальные, правда, и не пытались геройствовать – просто разбежались, и все. Один даже в каминной трубе спрятался. Корбин не смог устоять перед искушением, и поджог дрова, которые в тот камин были кем-то заботливо уложены, после чего, сорвав таким образом раздражение, спокойно отправился домой.

Следующий месяц слился для Корбина в одно слово – бардак! Ну как, как может нормально функционировать школа боевых магов в такой обстановке? И ведь не сделать ничего, главное, даже не выпороть виновницу всего этого маразма – долг крови, чтоб его... Кончилось тем, что граф, забрав с собой практически всю мужскую часть учеников, отправился в полевой лагерь, который, в общем-то, использовался летом, но и зимой вот пригодился. И все это безобразие пришлось объявить тренировкой по выживанию в

экстремальных условиях. В замке Корбин появлялся теперь как можно реже, запирался в кабинете, быстро разбирался с делами, а потом сбегал обратно. Впрочем, помимо этого, он как-то незаметно и очень быстро пристрастился ко всевозможным приемам и прочим балам, которые раньше не жаловал. Вот и кончилось в результате все разговором с королем.

Покинув гневающее величество (а ведь это он еще не прознал, что его жена в замке чуть ли не днюет и ночует), Корбин вернулся к прерванному развлечению, но разговоры с равными теперь не клеились. К тому же, все уже изрядно наклюкались, а Корбин был омерзительно трезв. Оставалось только откланяться и вновь отправиться в замок – выяснять, что там за ситуация с оборотнями и как с ней бороться.

Глава 26

Зачарованный Лес

– Нита, как ты могла...

– Фил, не запаривай, всё ведь обошлось.

– К счастью обошлось! А вдруг бы не обошлось? А если бы не воткнулась коса?

– Да меньше проблем было бы! Чего пристал? Я уже от родаков наслушалась, теперь ты мне будешь морали читать!

– Ты сама себя слышишь?! Это же наша дочь! Общая – твоя и моя... Ты что, всё забыла? Как мы мечтали, что сбежим от всех, кто мешает нам быть вместе, как будем воспитывать своих детей, любить друг друга?

– Фил, ты что, совсем идиот? Я, принцесса правящего дома, и куда-то сбегу каким-то полудемоном? Забудь, я думала, что ты умнее. Пошалили – и по домам. А, ты же не знаешь! Я предохранялась, только вот не учла, какие вы, Древние, живучие. И потомство от вас такое же неистребимое.

Фауль сидел под огромным вязом, слушая успокаивающий шелест листвы при полном безветрии. Дерево стояло у самой кромки Зачарованного Леса, его ствол опоясывал бугристый нарост, как шрам. Он вглядывался в красивое лицо девушки, что стала его первой любовью, и не мог понять, ну почему она так гонит от себя всё, что связано с ним? Даже дочку выкинула, как щенка...

– Ну ладно, пожалела, что со мной вязалась, а ребёнка-то зачем выкидывать?

– А что мне было делать? Папаша мой, тогда ещё Верховный, сразу сказал – полукровке делать в клане нечего. Если бы её хотя бы как всех нормальных детей в общинный сад взяли, может и не выкинула бы.

Фауль с ужасом слушал об эльфийских нравах и понимал, что худшее, что могло случиться с его дочерью – это быть воспитанной эльфами в общинном саду... Эльфы не воспитывали своих детей – им было не до них. Ведь существовал общинный сад, куда отдавали новорожденных. Никто не запрещал легкомысленным Высокородным навещать своих детей, забирать их домой хотя бы иногда, но... Всегда находились более интересные, увлекательные занятия, чем возня с орущим свёртком. Да и потом, для чего тогда целый клан Кураторов, где из поколения в поколение передаётся искусство воспитания и обучения эльфийских детей? Вот на территории этого клана и располагался общинный сад, где детки

были присмотрены, ухожены, обучены и мало-мальски воспитаны. По достижении совершеннолетия подростки возвращались в родительский дом к обоюдному удовольствию сторон – продолжатели родительского дела не доставляли хлопот, не требовали внимания, а в то же время своим присутствием напоминали родителям, что и они в природе повторились, оставили след в истории, род не прервался. По причине неразвитых родительских инстинктов эльфы не стремились заводить потомства, немногочисленные юные представители Перворождённых отчаянно скучали и время от времени сматывались от нудных сородичей. Некоторые оставались в землях людей, другие, не найдя себе занятия по душе, возвращались. Вот и юная Нитаэль рванула в поисках острых ощущений навстречу приключениям, и нашла таки их... Ах, как её тогда захлестнули эмоции! Настоящий Древний, да ещё и влюблённый в неё, это было так романтично! Но уже на второй день знакомства ощущения померкли – слишком уж рафинированным и инфантильным оказался юный Древний. Он читал Нитаэли стихи, утомлял её рассказами о научных открытиях, надоедал разговорами о маленьком домике, где они будут только вдвоём, раздражал душевными терзаниями о том, что своим побегом он заставил страдать отца и мать... А она ждала звериной страсти, отрывания голов всех, кто косо на неё посмотрел... на вид то – настоящий демон, даже разбойники лесные в страхе разбежались, когда Фауль шагнул из тьмы в круг костра и с милой улыбкой попросил пристанища для него и его возлюбленной... Лесные братья видели звериный оскал острых зубов, серую кожу и светящиеся в темноте глаза, а цену звероподобному виду ухажёра знала только Нитаэль – и всё больше разочаровывалась. Одно радовало – неутомимый темперамент. В вопросах интимных он был очень и очень неплох... Нита и сама уже хотела предложить остаться друзьями, а тут так удачно нагрянули родители любовничка. Тоже какое-никакое, а приключение. Она даже всплакнула при расставании – уж больно трагично клялся ей Фауль, что обязательно вернётся за ней, отыщет на краю земли и тогда никто уже не помешает их счастью... Такая красивая история послужила темой для многих песен и баллад, когда вдохновлённая принцесса рассказывала о своих приключениях свите, наворачивая всё новые и новые фантастические подробности на незамысловатый в общем-то сюжет... А потом эта беременность, длящаяся почти год, измотавшая Ниту до предела, а потом отказ клана Кураторов – Древним не место среди Высокородных детей... Да ещё мать с отцом достали своим нытьём – опозорила, на весь Лес ославила... делай что хочешь, а чтобы твоего Древнего выроodka здесь не было... Так что близ Горелых Выселок, куда вывел Нитаэль портал без фиксированной точки выхода, девочка была оставлена с лёгким сердцем и забыта, как страшный сон.

– А что, ты и правда так сильно меня любил? – игриво стрельнув глазками, спросила Нитаэль. Теперь было бы похвально родить ещё одного ребёнка с такой же сильной магией – может быть и положение в обществе вернули бы, и Кураторы теперь уж точно вредничать не стали бы. Да и ухажер с того времени заметно изменился – теперь он выглядел по-настоящему сильным, опасным. Плечи стали шире, изменился взгляд, совсем другой стала пластика движений, и то, как он за ней пришел... Не рассусоливал, не ныл – молча дал в глаз стражу, который попытался остановить его на опушке, отвесил пинка ее отцу... Словом, вел себя так, как и положено вести себя настоящему Древнему. Надо отдать должное, это возбуждало.

Древний в брезгливом ужасе шарахнулся от заигрываний бывшей пассии. Теперь, когда былое очарование спало, он видел перед собой только никчёмную красивую пустышку.

– Забудь, иди играй в свои игрушки. Одна просьба – к Джурае не лезь, пришибёт ведь. Она таких напыщенных дур терпеть не может.

– Она? Меня? Да мой папа...

– Побойтся с Корбином связываться, – безжалостно отрезал Древний. – Да и кто он теперь, твой папа? Дурак, потерявший все, что имел.

Фауль резко встал и ушёл прочь не оборачиваясь и не прощаясь. Прощаться, как выяснилось, было не с чем – он сам придумал свою идеальную любовь, а сейчас, увидев на её месте равнодушную пустоту, без сожаления перешагнул и пошёл дальше. Романтика из его души стремительно исчезала, истаявала подобно снегу под майским солнцем, и происходило это, не в последнюю очередь, под влиянием сумасшедшего циника де'Карри. "Спасибо, боги, что дали Джуне только магию эльфов, а не их характер!" – возносил он молитву небесам, шагая в портал, ведущий в замок его нового учителя...

Джурайя

Картины, картины, картины... Куда ни глянь, везде картины. Эскизы, зарисовки, законченные полотна в рамах – все написаны одной рукой. Вот эти явно ранние – мазки резкие, грубые, и в то же время неуверенные. А вот последние – ещё краска не высохла... Пейзажи, красивые, навевающие тихую грусть. Только пейзажи – и ни одного портрета... Джурайя с удивлением осматривала помещение, в которое попала совершенно случайно. Интересно, и кто же этот неизвестный художник? Студия располагалась строго над кабинетом Корбина, под самой крышей. На три стороны света выходили огромные панорамные окна, задрапированные тяжёлыми чёрными занавесями. Руки сами потянулись открыть окна, дать последним лучам солнца осветить мрачную комнату, последний занавес откинут, а за ним...

В небольшой нише между окнами, прислоненные к стене, стояли портреты. Вернее не портреты. Просто фигуры – и ни одного лица. Стройные девичьи фигуры красовались на каждом холсте, выписанные любовью, с каким-то щемящим душу надломом... Одна из картин остановила на себе взгляд заинтригованной девушки – тёмное окно, падающий снег, девушка спиной к неизвестному художнику водит пальцем по стеклу. Девушка в мужской одежде...

– ...Кстати, я тебя ТОГДА не поблагодарила... Так вот. Спасибо, Корбин, что спас мир от меня и меня заодно с ним...

– Оригинальное извинение, запоздавшее года на полтора, да ладно, фиг с ним, принимается. Если что, обращайтесь.

– Ну что вы граф, не стоит...

Сколько лет прошло? А кажется, только вчера она с пылающими щеками бежала в спасительный портал, только бы не обернуться, не выдать нахлынувших чувств...

"Так это что, везде я?! – ужасалась Джурайя, перекладывая картину за картиной, и к каждой услужливая память подсовывала воспоминания. – Так это что, Корбин?... И всё это время – только я? Только про меня?!!"

Лик нашёл её далеко полночь, она так и сидела на полу, разложив вокруг себя картины, так тщательно скрываемые от посторонних глаз самим художником.

– Не думаю, что граф тебе здесь обрадуется, – Ликтер осторожно прикрыл за собой дверь и присел на корточки перед Джурайей. Девушка подняла на него залитое слезами лицо, даже не пытаясь вытереть предательскую влагу. Лик покачал головой и, тяжело вздохнув, опустился на пол.

– И когда?...

– Да вот, как вернулся тогда, после некроманта... Сначала все дрова в округе переколот,

потом солдат муштрой замучил, потом с соседями позадирался, но войны не получилось – струхнули соседушки, прощения попросили и брюхом кверху перевернулись. Вот тогда Корбин плюнул и за кисть взялся. Во-о-от, где ж она, первая-то... заныкал, стесняется... – Лик простукивал пол под собой, прислушиваясь к нюансам стука. – А, вот же, нашёл! – он надавил на половицу и засунул руку в образовавшуюся нишу. В дрожащем свете свечей появился аккуратный рулончик. Праз – и рулончик раскатался в холст...

...Зелень по краям – грубыми мазками... чернота в середине – с серым налётом пепла... сполохи огня из-под пепла – вокруг тела, раскинувшего руки на выжженной крестом поляне... лица нет – только бело-голубое сияние окутывает тонкую фигуру...

– А это когда Корнелиус к нему первый раз пришёл после того дня, – Лик крикнул, подёргал ус, старательно отводя глаза. – Они тогда надолго в кабинете заперлись, ругались... Так то я ничего не слышал, да только когда его сиятельство орать начинает, только глухой не услышит... Как гаркнул тогда "А мне что прикажешь делать? Я воин, а не нянька, сопли девкам подтирать!" Корнелиус поле этого быстро ушёл, а Корбин ещё долго в кабинете сидел, а потом сюда поднялся... Смотреть он на эту, первую картину не может, выкинуть – рука не поднимается, вот и спрятал в тайник. Пойдём-ка, Каталина хоть сама и справляется, а вот из-за тебя волнуется. Почитай, весь вечер пропадала. Чего тебя занесло-то сюда?

– А сама не знаю... Потянуло просто. Когда с девочками тренируемся, эти окна бликуют, вот любопытство и разобрало...

Лик проводил Джурайю до западного флигеля в полном молчании, а потом долго смотрел ей вслед, качая головой...

Три недели прошло с момента возвращения Корбина в замок, а они ещё ни разу не поговорили. С одной стороны это было к лучшему – не приходилось оправдываться за присутствие ребёнка, а вот с другой стороны... Граф явно избегал младшей наставницы, Алистрину с Каталиной на дух не переносил, и даже сбежал проводить тренировки в экстремальных условиях в лес, хотя особой необходимости в это не было, Джурайя это точно знала. Не мог же он так психовать из-за одного малыша? Чем она мешала, эта куколка, его сиятельству графу де'Карри? Он был единственным человеком в замке, который ни разу не взял её на руки. Неужели из-за того, что она – дочь Анны? – недоумевала новоявленная мать. – Так про Анну все давно забыли, для всех она моя и больше ничья... Странно...

А потом ребёнок заболел... Началось всё с невинного покашливания, а уже к вечеру малышка с трудом втягивала в себя воздух, хрипела, задыхалась и горела... Прим только развёл руками – крупозное воспаление лёгких, ребёнку не выжить, а у него нет опыта лечения младенцев. Оставалась последняя надежда – Древние... Одна ночь, проведённая в доме Геллертов – и ребёнок резко пошёл на поправку, но лечение необходимо было продолжать ещё как минимум неделю и сохранялась опасность внезапного прекращения дыхания... Дни и ночи Джурайи снова слились в непрерывную карусель – Алистрина должна была постоянно находиться под контролем. Днём всё было проще – нянек палкой не отгонишь, только Карину перестали впускать – ещё заразится, самой уже скоро рожать, мало ли что... А вот ночью Джурайя с Каталиной дежурили по очереди, а чаще всего вместе сидели над кроваткой и тревожно вслушивались в прерывистое дыхание больного младенца... За декаду, прошедшую с начала болезни малышки, Джурайя исхудала больше, чем после своего незадавшегося самоубийства, под глазами прочно залегли тёмные круги, и она всё чаще пропускала удары своих же учениц. Рассеянность младшей наставницы не могла радовать графа, и Джурайя всё иногда натывалась на его недовольный взгляд – когда замечала.

– Джулька, спи хотя бы днём! – ругалась Элия, наблюдая, как подругу буквально качает от

недосыпа. – Свалишься – кому легче станет? Я могу вообще Лиску с Линой к Корнелиусу забрать, там из учеников можно дежурных назначать, да и целителей там побольше будет.

– Да ни за что! – вспыхивала Джурайя. – А если там что-нибудь случится, а я даже знать не буду? Уснёт ваш дежурный ученик, вы и знать не будете. А так я всегда рядом, одна минута – и мы у бабушки с дедушкой. А там и не таких на ноги ставили...

– Ну так отдай им Альку – пока болеет! – горячилась Элька. – Там и присмотр, и лечение. И у тебя ночь для сна – день для работы. Ну? В чём проблема?!

– Как это – отдай? – в глазах Джурайи сквозило недоумение. – А как же она без меня там будет? Кто её кормить будет, спать укладывать? Не-е-ет. Ребёнок должен с матерью жить, особенно больной ребёнок. Проснётся в чужом месте, среди чужих людей... даже не людей!... испугается.

– Да что она понимает-то? Ребёнку едва месяц стукнул, ей всё равно, кто ей бутылку с молоком пихать будет, а кто на руках качать. – В подтверждение своих слов Элия забрала мирно засыпающую малявку у Джурайи, на что моментально получила порцию громкого протестующего рёва.

– Вот видишь? Она только у меня спит, ну у Каталины. Всё, хватит на меня орать, не вечно же она будет болеть? Потерплю немножко...

И вот настал тот день, когда ребёнок, недавно ещё обречённый, ни разу не кашлянул... Всю ночь вслушиваясь в дыхание, две женщины слышали только ровное посапывание здорового младенца. Алистрина выздоровела, и это было видно невооружённым взглядом. На рассвете Джурайя обрадовано вскочила с кресла, подхватывая на руки проснувшуюся девчушку. Утро прошло за весёлой вознёй, а продолжилось на тренировочной площадке. Мысль о том, что всё в порядке придавала бодрости – в западном флигеле спокойно спали ребёнок и нянька. Не прошло и часа, как кристалл связи в кармане разразился надрывным ором младенца...

Адрис

– Возьми страх... Возьми боль... Возьми жизнь...

Адрис вслушивался в шипящий шёпот Ценя, повторяя заученные заклинания. Набор странных слов на неизвестном языке при многократном повторении наливался зловещим смыслом, перед прикрытыми шевелились тени, ускользая сознания раньше, чем ученик некроманта успевал их осмыслить. На столе перед ним лежала крыса с перебитым хребтом. Маленькое серое тельце содрогалось в агонии.

– Все мы начинали крыс, – с непроницаемым лицом объяснял тот, кого весь континент знал как Гроссмейстера, и непонятно было, радуется он этому факту или огорчается, что не мог начинать с людей... – Боль, страх – вот то, что помогает нам, некромантам, забрать прану. Чем больше страх – тем шире откроется канал... Чем сильнее боль – тем беззащитнее будет донор. Ты можешь вселить страх, причинив боль, а можешь вызвать страдание, душевную боль, что сильнее физической во много раз, заставив бояться...

От пояснений наставника Адриса первое время тошнило, и каждый раз поле очередного занятия, когда он бежал в сортир с лицом бледно-зелёного цвета, он говорил себе, что это было в последний раз, что больше никогда он не войдёт в эту лабораторию, провонявшую мертвечиной... И являлся на следующее занятие точно в срок. И вот сегодня впервые учитель доверил ему забрать жизнь... жизнь мерзкого, бесполезного, да ещё и вредящего

искалеченного животного.

– Возьми страх... – кончики пальцев протянутой к животному руки покалывает – Адрис забирает страх, страх – это тоже сила...

– Возьми боль... – рука горит, тело наполняет энергия, зверь на столе затихает. Ужас исчезает из красных глаз-бусинок. Боль и страх забрал человек, остались покой и умиротворение...

– Возьми жизнь... – По руке течёт поток чистой силы, крыса закатывает глаза... Медленно утекает жизнь... Покой и умиротворение давят на грудь... Нет смысла дышать – ведь и так хорошо. Прохлада... Холод... Лёд прикосновения смерти... Единый!!! Он сам не так давно был такой крысой! А теперь? Теперь и он готов отнимать жизнь для своего удовольствия?! Поток хлынул по руке в обратном направлении, крыса испуганно пискнула и метнулась со стола. Адрис проводил её недоумённым взглядом, но сил удивиться по-настоящему не осталось.

– Идиот! – ну вот, теперь и на бесстрастной восточной маске появились вполне человеческие чувства. – Дебил! Отдавать своё прано – чтобы оживить крысу?! Кощунство! Ты издеваешься? Ты же почти забрал бесценный дар, у тебя получалось... Как? Как ты вернул этой твари всё, да ещё и своим поделился?!!! Всё, урок окончен. Задание – медитация. Ты должен изгнать из себя жалость. Жалость – для слабаков. – Цень резко отвернулся, сложив руки на груди. За его спиной Адрис поднял вверх кулак и резко стукнул другой рукой по сгибу локтя. Довольно усмехнувшись, он, пошатываясь, вышел в коридор в вздохнул полной грудью. Сегодня он получил самый важный урок – пока открыт канал, он может не только брать... он может отдать. Немного жалости, сочувствия, сострадания – и перебитый хребет сросся, будто крыску поили Примовой живой водой. А ведь он отдал не так много – то, что взял в виде боли и страха и ещё чуть-чуть от себя... Надо поделиться с Корнелиусом. Это то, чем с ним не стыдно поделиться...

Джурайя

Тренировки стали более чем успешными – на энергичного наставника и ученики веселее нападают. И вот уже вплетаются в узор поединка магические элементы, в доведённое до автоматизма действие можно добавить пару заклинаний – вот и усиление обороны, вот и успешная атака. Вот и блестящая победа! А всего-то – выпалась и успокоилась. Как мало женщине мало нужно для счастья – ребёнок здоров, и всё отлично. А как чутко девочки реагируют на состояние наставницы! Всю предыдущую неделю ползали, как варёные мухи, вялые, сонные... в глаза заглядывали, только хвостами не виляли. Утешить, правда, не пытались, да и то – какие утешения помогут в ситуации, когда можно только ждать?

Джурайя смотрела на своих учениц, спаррингующихся с группой Лика и не могла нарадоваться – девочки побеждали с завидным постоянством. Вчера они целый день отрабатывали бой на ножах, вплетая заклинания, отрабатывали так же, как Лик испытывал на ней же самой свою лучшую четвёрку. Так, как окружила её четвёрка девочек в самом начале работы на Корбина. Она – в центре. Четвёрка – окружает, нападает. С той лишь разницей, что девочек Джурайя не калечит – по условному сигналу бой останавливается и начинается разбор полётов.

– Тася, когда сверху замахиваешься, не бей с той же руки воздушным кулаком – отдача замедляет движение бьющей руки. Лучше другой рукой – и под коленки! А когда противник падает, сверху добьёшь даже без кастета – ускорение придашь, а там его земля-матушка приложит. Ну, продолжили! – и девочки послушно нападают на свою наставницу, чутко следя

за каждым её движением в ожидании знака, прекращающего бой – ошибки проще всего исправлять по горячим следам. Это пусть мальчиков бьют и валяют, пусть мальчики учатся на своих ошибках, а мы, женщины, себя беречь должны – и исправлять свои недочёты до того, как мы их совершили...

И вот сегодняшний спарринг показал – такая методика приносит свои плоды. Девочки стали подмечать ошибочность тактики ещё до того, как её применили. Они просчитывали бой на два хода вперёд, ловко загоняя здоровенных парней в такое положение, из которого даже самая хрупкая девчушка могла валять их так, как ей заблагорассудится.

– Джу! Джулька! – от северных ворот нёсся стражник, придерживая саблю, дабы по ляжкам не хлопала. – Младшая наставница! Старший наставник просит вас пройти к воротам... Там... Там... Ну, вобщем, увидишь.

За северными воротами было шумно – группа стражей откровенно глумилась над двумя пожилыми дворянами. Судя по количеству пыльных следов на обтянутой бархатом заднице дворянчика, его неоднократно разворачивали к лесу передом, а к стражникам задом и немного наклоняли. А потом играли в "Угадай, кто?..." А судя по тому, как яростно он отряхивался и по багровому оттенку лица – он ещё ни разу не угадал. Женщине везло больше – легка сдвинутый набок парик и сползшая перчатка говорили только о том, что её вежливо подвигали, чтобы под ногами не путалась.

– Что творите-то?! – возмутилась Джурайя, протискиваясь в первые ряды и отодвигая в сторону очередного забияку. – Здравствуйте, уважаемые, чем мы можем вам помочь? – она старалась быть предельно вежливой и учливой перед этими, как ей показалось, незаслуженно обиженными людьми.

– Так это вы та самая Джурайя, что украла нашу внучку? – мгновенно завелась благородная дама. Джурайя аж попятилась от такого напора. – Немедленно верни ребёнка, мерзавка! Если наша дочь и погибла, защищая своё дитя, это ещё не повод воровать это самое дитя у родных и близких!

Родители Анны! Джурайя чувствовала, как краска отливает от лица. Она знала, конечно же знала, что когда-нибудь ей придётся встретиться с ними лицом к лицу...

– Я никого не воровала. В городе женщина с ребёнком попросили помощи, я привела их сюда. Девочку люблю, как свою собственную, отдавать никому не намерена! – Джурайя воинственно вздёрнула подбородок, сложив руки на груди. – А что это ваша внучка, ещё доказать нужно! Чем докажете?

– Что значит – доказать?! – возмутился отчаявшийся стряхнуть следы сапог с зада грузный мужчина. – Мы знаем, что Алистрина, дочь нашей Анны, находится здесь! И ты её нам вернёшь!

– А особые приметы у ребёнка были? – скучным голосом поинтересовался подоспевший Лик.

– Что ещё за приметы?! – негодующим тоном поинтересовался испинанный господин. – Месячный ребёнок – что в нём есть особого?

– Нууу... – нее сразу нашёлся Лик, – может, родинка какая, или родимое пятно. Цвет волос опять же, цвет глаз, форма пальчиков... – уж кто-кто, а Лик точно знал, что левое бедро Лиски перечёркивает неприметное родимое пятно в форме стрелки, которое темнеет только когда ребёнок нервничает, а большие пальчики на ногах короче указательных. И что волосики

растут русые, а между ними просвёркивают то тут то там огненно-рыжие волосинки, а глазки никогда не были младенчески-голубыми – они были тёмно-опаловыми, почти чёрными, и только на солнышке играли синими бликами...

– Что ты несёшь, остолоп? – заорала дама, наливаясь багрянцем не хуже мужа. – Какие ещё приметы, какие волосы-ногти-пятна! Они все на одно лицо, пока не вырастут – лысые, гладкие и орущие!

Стражники весело заржали – даже они, заглядывая иногда в коляску гуляющей Джурайи, могли дать более точное описание Ягодки. Лик с Джурайей переглянулись и пожали плечами.

– Я всё поняла, – резко сказала девушка, – никакие вы не бабушка с дедушкой, а проклятые мошенники, которые детками беззащитными торгуют. Вы мою доченьку в глаза никогда не видели, иначе бы много чего рассказать могли. Пошли вон! Сами развернётесь, или помочь? – глаза разъярённой девушки сверкали уже не просто гневом, а в самом прямом смысле этого слова сыпали искрами.

– Да у нас от самого короля грамота – вот, смотри, деревенщина! – толстый господинчик выудил из-за пазухи свиток и, развернув его трясущимися потными пальцами, ткнул им в лицо Джурайи. Свиток вспыхнул и осыпался пеплом.

– Вертела я вашего короля и вас вместе с ним на дворцовом флигеле! – проорала Джурайя, поднимая истекающие бело-голубым пламенем руки. – Ребенка получите только через мой труп, а мой труп вы увидите только с того света! – она уже была готова нарезать наглуую парочку в мелкий кубик – появилось в её арсенале новенькое заклинание, выглядевшее со стороны как светящаяся сетка и резавшее любое препятствие в зависимости от настроения самой Джурайи на брусочки квадратного сечения различной величины – от спичечной головки до локтя по ребру.

– Дочка, иди, ребёнок плачет, – дёрнул её за рукав всполошившийся Лик – как не противны были ему эти прогившие господа, а их смерть потянула бы за собой кучу неприятностей. Джурайя, услышав про плачущего ребёнка, моментально перестала светиться, сорвалась с места и исчезла в глубине замка. Чета Ап Нарр в ужасе наблюдала, как на них надвигается толпа стражей, нехорошо щуря глаза и потирая руки...

Корнелиус vs Элия

– Я боюсь, дядя Кор... – Элия сидела на подоконнике, горестно сдвинув бровки и всё её лицо выражало отчаяние. – Я ведь сначала не боялась, что Адрис стал некромантии учиться... Он ведь добрый такой, ну какой из него некромант?! Только и может, что у таракана жизнь отнять... И с занятий он такой приходил... зелёный... Я ждала, ждала, когда он уже забросит эту ерунду, а сегодня... сегодня он такой довольный из портала вывалился... Глаза горят! Дядя, ему понравилось!!! Он чью-то жизнь сумел отнять – и ему понравилось! Я даже боюсь подумать, чью...

– Не нужно бояться того, чего не знаешь! – назидательно поднял палец Корнелиус. – Сегодня он не отнял жизнь, а вернул её... При помощи некромантии. – Первым делом Адрис посетил именно Корнелиуса, и он провёл долгие часы, размышляя, как такое вообще могло произойти. И вот теперь, когда он рассказывал о происшествии в некролаборатории Эльке, он уже успел прийти к кое-каким выводам... Лицо несчастной девушки менялось от трагического до недоверчивого, потом до изумлённого а в конце и вовсе светилось восторгом. – Видишь ли, некроманты, работая только с живой энергией, силой жизни, праной, как они её называют, забирая её из живого существа, чувствуют необыкновенный подъём, получают огромное

удовольствие – а кто стал некромантом по собственному желанию? Изначально испорченный, эгоистичный и эгоцентричный человек. Ни одному некроманту прошлого и в голову бы не пришло вернуть своей жертве боль и страх в виде чистой исцеляющей силы, да ещё и своей поделиться по открытому каналу. Адрис был рад, просто счастлив от того, что в случае необходимости он может не только убить своего врага, но и, если уж с тобой и случится беда, он всегда сможет теперь спасти тебя сам. Пускай и ценой своей жизни...

– Как? Почему – ценой своей жизни? – побледнела Элия.

– Да потому, что исцеление всегда требует много сил от мага. А если маг не может использовать силу земли, приходится отдавать свою. Он просто откроет канал и вольёт в тебя всю свою жизнь – во имя спасения. А ты ему помочь уже не сможешь...

По красивому лицу девушки покатались крупные слёзы.

– И что мне теперь делать? – беспомощно пролепетала она.

– Просто постарайся не влипать в истории, а в случае опасности не проявляй героизм. Помни – спасая себя, ты спасаешь жизнь родного человека...

Глава 27

Лорд Корбин

– Веллер! – зычный голос Корбина разнесся по коридору в крыле наставников. – Веллер, ПрОклятый тебя задержи! Где ты, мать твою налево и пополам через семь гробов подземным богам на лысину...

Одна из дверей открылась, но вместо Веллера оттуда высунулась та самая баба, которую Джурайя притащила с собой для ухода за младенцем. Корбин ее на дух не переносил, но вынужден был терпеть – все из-за той же Джурайи, которая отстаивала няньку с достойным лучшего применения упорством. Нянька, кстати, мозгами не блистала, иначе давно бы поняла, кто тут главный и кого не стоит лишний раз нервировать. Однако, за этот месяц она, видимо, успокоилась, прижилась и стала уверена, что ей все сойдет с рук. Вот и сейчас она, вместо того, чтобы испуганно юркнуть обратно, уперла руки в бока и возмущенно завохотала:

– Что разорался, ирод? Ребенка разбудил, добрым людям отдыхать мешаешь... Ой!

Донесшийся из комнаты Джурайи рев подтвердил, что в отношении ребенка она права, однако это ее не спасло. Моментально (что с ним в последнее время случалось частенько) впавший в гнев Корбин врезал по ней воздушным кулаком. Правда, женщина, демонстрируя отменную реакцию, успела отпрыгнуть, прикрывшись дверью, но второй удар пришелся как раз в дверь. Дверь, естественно, устояла (ну, не такой же дурак граф, чтобы собственный замок разносить), но захлопнулась, приложив скандальную бабу по лбу и забросив ее в комнату. Корбин подошел, распахнул дверь, посмотрел на сидящую женщину, зажимающую рукой лоб. Судя по всему, шишка на лбу ожидалась знатная – во всяком случае, она уже была вполне заметна. Корбин мрачно посмотрел на счастливую обладательницу свежего украшения, потом перевел взгляд на дико орущего ребенка. М-да, судя по всему, с легкими у младенца проблем не ожидалось – орала девочка так, что резало уши. Граф скривился:

– Уйми ребенка, дура. И если еще раз осмелишься твякнуть, то все, что от тебя останется, сметут метелочкой в совочек и выкинут в выгребную яму. И никакая Джурайя тебе не поможет – разве что цветы принесет... к сортиру. Я понятно объясняю?

Женщина испуганно закивала и задержала ногами, тщетно пытаясь забиться в угол, чтобы стать там максимально незаметной. Корбин сплунул, вышел в коридор и, захлопнув дверь, снова заорал:

– Веллер! Веллер, едрит твою...

На сей раз, когда очередная дверей открылась, перед Корбином предстал Веллер – вскоченный, заспанный, в одной нижней рубаше и тапках на босу ногу. Похоже, рев Корбина вытряхнул его из кровати. Хотя при чем здесь кровать, если время еще три часа всего.

– Что случилось, командир?

– Дрыхнешь, мерзавец?

Корбин уже немного отошел от гнева, вызванного неумной бабой, и теперь говорил практически спокойно. Веллер, который отлично знал графа, прекрасно это почувствовал и потому не боялся.

– Отсыпаюсь после... А-ах... Бурной ночи.

Веллер зевал так заразительно, что графу и самому захотелось подремать часок-другой, но он моментально взял себя в руки и рявкнул:

– Одеться, умыться, привести себя в порядок. Через десять минут жду тебя в своем кабинете.

Ровно десять минут спустя Веллер, свежий, как будто и не спал, с иголки одетый, вошел в дверь кабинета Самого Главного Начальника. Корбин с удовольствием посмотрел на него и довольно хмыкнул – все-таки учеба у него и служба сделали из Веллера человека. Как вспомнишь, каким раздолбаем он был при их первом знакомстве – так страшно становится, а сейчас – просто небо и земля. Одет аккуратно, сапоги начищены так, что в них вместо зеркала смотреть можно, меч на поясе – как влитой. Все строго по уставу, даже берет на голове заломлен строго до такого состояния, когда лихость достигла максимума, но еще не перешла в состояние наглости. Прямо смотреть приятно.

– Садись, – нарочито сурово буркнул граф. Сурово – это чтобышний раз не показывать подчиненному, что доволен, а то зазнается. – Кофе будешь?

– Так точно!

– Ладно, хорош орать. Кофе горячий, так что наливай да пей. И зажуй чем-нибудь, наверняка не поел, охламон.

Пока Веллер насыщался, Корбин стоял у окна и смотрел во двор. Там, на аккуратно очищенном от начинающего уже подтаивать под ярким солнцем снега пятачке, Джурайя проводила тренировку по рукопашному бою с женской группой. Гоняла их, стоит отдать должное, как сидоровых коз, и они, что удивительно, подчинялись, хотя визгу, как и положено бабам, было в избытке. Но, надо признать, кроме визга наблюдались и изрядные успехи девушек – за то недолгое время, которое Джурайя провела в замке, они изрядно продвинулись в подготовке. Как успел понять Корбин, она не пыталась их переучивать, неблагодарное это было занятие – просто адаптировала то, что они уже умели, под их физические возможности. Результат получался более чем хорошим – во всяком случае, теперь из девчонок явно получалось какое-то подобие боевых магов. Все-таки Джурайя была

талантливым, хотя и неопытным педагогом.

Однако тут Джурайя сунула руку в карман, вытащила медальон связи и, скомандовав что-то воспитанницам, быстро убежала. Корбин поморщился: ну что за бардак? Наверняка ведь к своему приемышу... или как там это правильно произносится с учетом женского рода? Повезло, однако, этому вопящему чудовищу с труднопроизносимым именем – у девочки невероятно развит материнский инстинкт, видать, от древних в наследство достался. И ведь мало того, что в рабочее время к нему убежала, так потом еще к графу с претензиями придет, потому как он няньку обидел...

Корбин усилием воли подавил начавшее подниматься раздражение и вновь посмотрел во двор. Ну да, так и есть, оставшиеся без наставницы адепки сразу же прекратили тренировку и, сбившись в кучку, принялись что-то обсуждать. Граф скрипнул забами, распахнул окно:

– Эй вы, там, мне что, самому выйти и погонять вас с чувством?

Снизу донеслись вполне закономерные испуганные визги, и тренировка моментально возобновилась. Корбин удовлетворенно кивнул, закрыл окно и повернулся к Веллеру.

– Закончил?

– Так точно.

– Молодец. Так чем ты ночами занимаешься, что днем спишь?

– Да понимаешь, мы с ребятами...

– Стоп. С какими ребятами?

– Ну, Ярек, Элтон...

– Понятно, можешь не продолжать. Всех четверых спойл?

– Обижаешь. Они сами пили.

– М-дя... И что вы пили?

– Не помню. Мы мою попку обмывали...

Ну да, вспомнил Корбин. Веллер же у нас теперь дворянин, причем после того памятного похода довольно обеспеченный, вот и охота ему было гордость свою потешить, именье прикупить. А тут случай подвернулся – задешево, да у самой столицы. Никто еще брать не хотел, место проклятым считалось, а Веллер ребят собрал, прошерстил все и нашел причину – там, в ближайшем болоте, какая-то дрянь гнездилась, то ли василиск болотный, то ли мантикор, и периодически на охоту выбиралась. Ну а на людей охотиться оказалось просто – вот она и стала в усадьбу наведываться. Другие-то маги понять не могли, в чем дело, а Веллер – он ведь одновременно и целитель, и боевой маг, да и остальные такие же. Ну а на стыке дисциплин эффективность всегда выше, доказано практикой, так что нашли они причину да и, не долго думая, вскипятили болото вместе с его обитателями. Естественно, после того, как купчая была оформлена. Бывшие хозяева как узнали – подняли вой до небес, опротестовать пытались, ан поздно, дело сделано. Да и со старшим учеником де'Карри связываться для жизни опасно, так что попищали-попищали, да и утихомирились. И было это, если память не изменяет, еще ранней осенью, почти полгода назад.

Корбин прищурился:

– А чего так поздно обмывать начал?

– Да сначала в порядок привел – там такой бардак был...

– Долгонько ты, что-то.

– Денег не было, – с неохотой отозвался Веллер. – Я тогда все, что было почти, вбухал, а потом смотрю – крестьяне там заморенные... Словом, вложился в них, по твоему примеру, а потом уж, как поднакопил, и за усадьбу взялся.

– Одобряю, – кивнул граф. – Меня когда пригласишь?

– Думал, через недельку, как окончательно обустроюсь, а с ребятами вот сразу посидеть решили.

– Ну, вы даете – до утра сидеть... Хотя я в молодости, помню, тоже посидеть любил. Только мы потом, обычно, к девкам шли.

– А мы, по-твоему, куда? – даже как-то обиделся Веллер. – Приняли по паре кувшинов – и в город, в бордель. Только утром вернулись.

– Ну и дурак, – беззлобно прокомментировал Корбин. – Ты вон во двор посмотри – там такие кобылы уже бегают... Взял бы, да охмурил какую – все лучше, чем на шлюх деньги спускать.

– Их охмуришь, пожалуй... Они же все поголовно в тебя влюблены, как кошки. Что же сам-то зеваешь?

– Да знаю я, – махнул рукой Корбин. – Только, сам знаешь, есть у меня золотое правило – не спи, где работаешь.

– Ага, мне советуешь, а сам...

– А тебе проще – думаю, пора тебе самому начинать сольную карьеру.

– Выгоняешь? – как-то сразу понурился Веллер.

– Да нет, что ты, никто тебя не гонит, хочешь – оставайся. Тут дело в другом, если хочешь развиваться, надо постоянно пробовать что-то новое. Поэтому... В общем, если без политесов, грядет большая война. Я хочу, чтобы ты взял три четверки пацанов, на твой выбор, и полсотни молодых, из тех, кого мы сами готовили, и сформировал отряд для разведки по вражеским тылам и диверсий. Детали мы потом обсудим, но ты подумай – дело нелегкое и, не скрою, опасное, но перспективное, и в будущем может стать для тебя трамплином для немалых возможностей. Подумай, я плохого не посоветую.

– Да я уже подумал. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Согласен.

– Вот и отлично. Ладно, о деталях потом, а пока есть у меня для тебя задание. Что-то слишком много информации от нас стало утекать налево. Думаю, что от кого-то из слуг. Ты у нас целитель – тебе и карты в руки. Проверь их всех.

– Сделаю. А если не из слуг?

– Возможно. Но маловероятно. Ты думаешь, кто-то из волчат будет работать против своих? Или из ветеранов, с которыми я не одну войну прошел? Вряд ли, поэтому своих – в последнюю очередь проверь, и тихонько, чтоб они не догадались. И если найдешь виновного среди слуг – можешь прекращать проверку. Но их проверь всех.

Веллер кивнул и встал. Вот что у него было не отнять – так это умения понимать, когда нужно заканчивать разговор. Корбин улыбнулся и сделал небрежный жест – мол, можешь идти. Ученик вышел, а секунду спустя, едва не столкнувшись с ним в дверях, в кабинет влетела Джурайя.

– Корбин, ты что...

– Так, стоп, спокойно. Может, здороваешься сначала? – спросил Корбин, делая незаметный знак Веллеру, чтобы шел по своим делам. Веллер понятливо кивнул и прикрыл дверь.

– Ах, да, прости, здравствуй.

– Вот и замечательно. Так что ты там хотела сказать? По поводу своей помощницы, небось?

– Да. Ты...

– Стоп. Ты помолчи немного. Я пока что хозяин этого замка. И я хочу, чтобы ко мне здесь относились с уважением. Все, независимо от пола и возраста. И мне плевать, кто она и что она – за подобное хамство я вообще голову могу открутить. Она, кстати, рассказала тебе, как было дело, или просто показала шишку на лбу и разревелась на тему того, какой я плохой? Так и было? Ну, так сходи к ней и попроси рассказать в деталях. Только, пожалуйста, сразу проверь, чтобы она правду говорила. Потом, если захочешь, придешь снова. Понятно?

– А теперь ты помолчи, а я скажу. – Вид у Джурайи был, мягко говоря, нездоровый – серая кожа, круги под глазами. Глазами, наливающимися бело-голубым свечением. – Моя помощница, как ты её называешь, приносит свои извинения. Добрый, говорит, господин у вас. Анна, говорит, мне за такое воздух перекрывала, а как синеть начинала, отпускала. А потом опять. Так что ты на её фоне очень даже ничего себе хозяин. А поскольку в замке ты бываешь редко, введу в курс дела – мы с Каталиной неделю не спали – боялись, что Алечка дышать перестанет, караулили. Воспаление лёгких, знаешь ли, не самое приятное, что может с младенцем случиться. Да откуда тебе знать, твоих-то бастардов чужие люди растили... А сегодня вот первый день, как она спокойно дышит и хрипы пропали, впервые за неделю ребёнок уснул спокойно, и Каталина прилегла, а тут ты орёшь, как оглашенный. Ты уже понял, что не свой покой она оберегала, или подробнее рассказать? Если бы ты при мне Ягодку разбудил – убила бы на месте. А так прими извинения избитой тобой женщины, добрый хозяин.

Джурайя развернулась и, очевидно, собралась идти, но Корбин ее остановил:

– Не спеши-ка так. Ну, может, ты расскажешь, что за оборотень был с тобой, когда ты Анну глушила? Или ты у нас сама перевертыш?

– Какой оборотень? – не поняла Джурайя.

– Это, вообще-то, я спрашиваю, какой... Понимаешь, в том доме ты от великого ума оставила кучу свидетелей, и все они в один голос утверждают, что там был оборотень. Так что за

оборотень?

– С оборотнями не вожусь, сама не перекидываюсь. Всё, можно идти?

– Подожди... Как ты была одета?

– Ну, как... Как сейчас и в тех же тапках.

Корбин опустил взгляд и впервые увидел серые меховые тапки-зайцы под синими потёртыми штанами.

И тогда Корбин даже не засмеялся – он заржал, как конь. Все оказалось нереально просто. Все лежали мордами в пол. Все видели меховые тапочки. В полумраке. Оборотень... Идиоты!

Когда граф объяснил недоуменно смотрящей на него Джурае причину своего веселья, она только непонятно хмыкнула, развернулась и ушла. Инцидент был исчерпан, оставив неприятный осадок, а Корбин подумал, что, возможно, охранники не такие уж и идиоты.

Может, кто-то и видел Джурайю, но наверняка решил промолчать, поддержав общую версию. В самом деле, проиграть оборотню не зазорно, а вот признаться, что с ними со всеми справилась какая-то девчонка... Мало того, что они станут посмешищем, так их потом еще и на службу больше никто не возьмет. А если они Джурайю еще и узнали... Тогда они тем более промолчат – кому охота связываться с де'Карри?

История получила неожиданное продолжение через два дня. К тому времени Веллер уже успел проверить слуг и действительно нашел виновного в утечке информации – им оказался один из младших лакеев, обожающий пиво и не слишком сдержанный на язык. Все было невероятно просто – в свободное время он шел в небольшой трактив в деревне, где под пиво рассказывал о своем житье-бытье в замке своему постоянному собутыльнику, а по совместительству агенту разведки. Чья была разведка, выяснить так и не удалось – увидев, что за ним пришли, тот принял яд, исключая даже подъем трупа с помощью некромантии. Просто мозги спеклись в кашу, и все. Однако нашлись кое-какие записи, позволяющие установить его принадлежность к рыцарям плаща и кинжала, так что этот канал был, похоже, перекрыт. Болтливому лакею, которого, судя по всему, использовали втемную, Корбин, в назидание остальным, приказал выпороть. Сто плетей, а дальше – как Единый решит. Лакей умер на девяносто шестом ударе.

А буквально на следующий день, когда граф, сидя в кабинете, разбирался с бумагами, в очередной раз стараясь свести дебит с кредитом, в дверь забарабанили и, похоже, кулаками.

– Кто там? Какого хрена...

– Ваша милость, – раздался из-за двери испуганный детский голос. – Там сейчас смертоубийство начнется...

– Ну и что с того? – мрачно спросил Корбин, вставая и открывая дверь. Можно было, конечно, сделать это прямо из-за стола, с помощью магии, но граф не любил это, считая такое поведение делом лентяев, а магов, практикующих подобное, зажавшимися снобами. – Из-за такой ерунды меня беспокоить вздумали?

За дверью оказался мальчишка лет двенадцати. Корбин нахмурился – среди его воспитанников конкретно этого пацана не было, но тут же расслабился. Сын кухарки и старшего конюха. Живет с родителями. Выполняет мелкие поручения, достаточно

старателен. Мечтает стать воином графской дружины. Родители тоже об этом мечтают – знают все привилегии, положенные дружинникам. Через пару лет, если малец не разочарует, можно и попробовать... Все это пронеслось в голове графа, который не жаловался на память, стараясь держать в голове как можно больше информации о своих людях. Уже значительно спокойнее, он спросил:

– Ну так что там случилось? Рассказывай толком.

– Там, у ворот, всадники. Их сейчас убивать будут.

– Кто за главного?

– Сэр Ликтер...

– Ну так пускай убивает, он зря никого не тронет.

– Это королевские гвардейцы!

Не тратя времени на возмущение и прочую приличествующую разгневанному дворянину атрибутику, Корбин отодвинул мальчишку с дороги и стремительным шагом отправился к воротам. Успел, надо сказать, вовремя – неподалеку от замковых ворот полусотня королевских гвардейцев с выражением обреченной решимости на лицах выстраивалась для атаки. То, что атака кончится, скорее всего, их гибелью, гвардейцы, очевидно, прекрасно понимали – две сотни арбалетчиков, а именно столько заняли позицию перед воротами, и более шестидесяти боевых магов (успели ребята – похоже, открыли телепорты прямо из лагеря) гарантированно расстреливали их еще на подходе, не оставляя никаких шансов. Однако, это безобразие следовало прекратить.

– Отставить! – прорычал Корбин, выходя из ворот. – Что здесь происходит, тудыть вас и растудыть?

Все замерли, причем с обеих сторон от намечающейся линии фронта. Все правильно – для своих появился Самый Главный, который, несомненно, прямо сейчас во всем разберется и примет единственно верное решение. Для чужих – появился шанс избежать самоубийственной атаки, что тоже не могло не радовать.

– Так что происходит-то? – уже более спокойным голосом спросил граф, занимая позицию между противоборствующими сторонами. – Лик, иди сюда. И вы... О, виконт Сарре? Давайте тоже сюда, разговаривать будем.

Лик бодрой походкой приблизился к графу. С другой стороны подошел гвардейский полусотник, которого Корбин неплохо знал и к которому хорошо относился. Корбин посмотрел на напряженные лица обоих, уселся на валяющееся у дороги полусгнившее бревно и сделал небрежный жест, предлагая собеседникам присоединяться. Те, чуть подумав, последовали его примеру.

– Рассказывайте, – Корбин с интересом посмотрел на собеседников.

– А что рассказывать-то? – раздраженно буркнул Лик. – Я молодежь на мечах тренирую, вдруг смотрю, идет эта парочка...

– Так, стоп, что за парочка?

– Да откуда я знаю? Мужчина и женщина. Немолодые, надутые, как индюки. При них еще маг какой-то, но не слишком сильный – ребята говорят, третий ранг. И прутся в замок. Их часовой спрашивает, кто такие и куда они поперлись – они его облаяли.

– Ну а он что? – с интересом спросил Корбин.

– А в полном соответствии с уставом караульной службы – всем троим древком копья по горбу, и меня вызвал.

– Ну, ты, положим, рядом был... И что дальше?

– Маг колдануть пытался, но его наш дежурный маг живо скрутил, пнул пару раз под ребра и в ров выкинул. Тот вылез, везь в тине, на башке лягушка сидит, обругал всех так, что я аж заслушался, телепорт открыл и свалил.

– А дальше?

– А дальше эти двое стали чуть повежливей, и объяснили мне, что пришли за ребенком, которого Джу притащила. Мол, они его дедушка и бабушка. Я за Джуней послал, она вышла и сказала, что знать их не знает, и ребенка не отдаст. Они в ответ орать начали, что у них от самого короля грамота, ну а Джу наша... Ты же знаешь, она на язык никогда сдержана не была. Она и их, и короля по матушке покрыла. Я смотрю, у нее руки огнем наливаться начали, ну и приказал ребятам, пока до смертоубийства не дошло, дать этой парочке пинков и прогнать куда подальше. А минут через пятнадцать гвардейцы появились, тут я и приказал вооружиться на всякий случай да ребят из лагеря вызвать. Тебя из-за такой мелочи беспокоить не хотел. Вот, в принципе, и все, если вкратце.

– Понятно. А вы, виконт, что скажете?

– Да что сказать? Вернулся маг, весь оплеванный, и к королю с докладом. Тот его и принял сразу, и через минуту уже выскочил, как стрелой в зад ужаленный. Приказал дежурной полусотне отправляться да поддержку его людям оказать. Ну, мы отправились, к замку выезжаем – а на нас через прицелы смотрят и ухмыляются нехорошо. Пришлось к атаке готовиться.

– С ума сошли? Вас бы зарыли здесь.

– Мы – люди служивые, у нас приказ, так что деваться некуда.

– Понятно все с вами. Ладно, отправляйтесь назад, портал вам откроют – поддержку вы оказали, какую смогли, а умирать у вас приказа не было. Где эти... бабушки-дедушки?

– Не знаю, не видел.

– Ну и ПрОклятый с ними. Лик, еще раз явятся – гнать в три шеи. Все, вопрос исчерпан, так королю и передайте.

– Ваше Сиятельство... Граф, но это же королевский приказ.

– Виконт, поймите меня правильно. Я действия Джурайи не одобряю совершенно. Больше того, мне самому хотелось бы избавиться от этого младенца. Но в данном случае она в своем праве, а так как она мой вассал, то я буду ее защищать вне зависимости от королевской воли. Понятно?

– Да. Благодарю вас.

Виконт Сарре вежливо поклонился и отправился и отправился к своим людям. Корбин посмотрел ему вслед и печально вздохнул:

– Ты знаешь. Лик, мне кажется, с этим младенцем Джурайя втравила нас в очень большие неприятности.

Глава 28

Война

Корбин ошибся – размолвка с королем и неприкрытое неповиновение монаршьей воле к неприятностям не привели. Король, очевидно, прекрасно понимал, что ссориться с графом де'Карри ему не с руки, и предпочел сделать вид, будто ничего и не было. Было у Корбина подозрение, что к этому приложила руку еще и Рейна, но уточнять он не стал – не видел смысла. Главное, что его оставили в покое и не лезли больше не в свои дела.

Мало-помалу жизнь в замке вошла в ритм, девки перестали, наконец, бегать вокруг ребенка – наигрались, видать, занятия тоже пошли почти что как планировались. Увы, идиллии этой было суждено длиться совсем недолго – как и предполагал Корбин, в конце весны войска Руалии перешли границу Багванны. Общая численность руалийской армии оказалась даже больше, чем предполагалось – что-то около восемнадцати тысяч человек. Впрочем, Корбин со товарищи был к этому готов.

В этот поход они выходили все... Ну, почти все – пара десятков гвардейцев, определенных жребием, оставалась охранять замок, ну и Цень шустро скрылся в своем старом убежище в Горелых Выселках. Корбин не доверял хитрому некроманту, поэтому не собирался брать его с собой, да старикашка и сам не жаждал оказаться в гуще битвы. В замке Корбин его оставлять тоже не хотел – мало ли... С другой стороны, и самому Ценю в руки руалийцев попадать совсем не хотелось – тамошние маги моментально вычислили бы некроманта, и тогда бы ему nepoздopoвилoсь. В результате Ценю было предложено вновь уйти в подполье, что он и сделал, благо опыт у него был огромный.

Соратники не подвели Корбина, более того, совместными усилиями им удалось собрать двенадцать с половиной тысяч человек – внушительную силу. Успешно соединившись в Облопошине, они стремительным броском преодолели отделяющее их от противника расстояние – опытный военачальник, Корбин не без основания считал, что скорость в войне значит не меньше, чем сила, и на первых порах его теория оправдывалась вполне. Больше того, именно благодаря ей они добились первого серьезного успеха.

Как они и предполагали, первым, самым опасным ударом армия Руалии постаралась отделить от Багванны две богатые пограничные провинции, и это ее полководцам удалось вполне. Походя сменя немногочисленные гарнизоны, завоеватели моментально установили контроль над их центральными городами, сдавшимися без боя. Торговым людям было абсолютно все равно, в каком государстве жить и кому платить налоги, в результате чего, пообещав им новые льготы, руалийцы обеспечили себе их лояльность. К чести руалийцев, слово свое они сдержали, никаких грабежей и погромов не было, а за провиант и фураж заплатили звонкой монетой. В результате, они не только получили в свое распоряжение два крупных и четыре небольших города, которые сами по себе были неплохими базами с богатыми арсеналами, но и достаточно легко смогли развернуть там вербовку народа в собственную армию. По прикидкам Далерта, мобилизационные возможности двух провинций

составляли не менее десяти тысяч человек, и даже если руалийцам удастся навербовать хотя бы половину... Это было неприятно, однако факт остается фактом – под знамена победителя встают охотно. Пускай разношерстная и плохо обученная толпа и не бог весть какая сила, но и с нее, используя с умом, можно получить неплохую помощь. Воевать же руалийские полководцы умели очень неплохо, что уже и доказали.

Одновременно конница руалийцев начала быстрое продвижение вглубь Багванны, явно рассчитывая перерезать основные дороги и парализовать снабжение ее армии, однако тут их ждала неудача. Пользуясь тем, что у него под рукой много боевых магов, Корбин сумел обеспечить своей армии продвижение не только быстрое, но и незаметное для вражеских магов-наблюдателей. В результате большой, почти в две тысячи человек, отряд руалийской конницы столкнулся с его основными силами, был моментально окружен, прижат к реке и вырублен без остатка. Точнее, не столько вырублен, сколько расстрелян арбалетчиками и боевыми магами, но это уже детали. Для багваннцев бой прошел не то чтобы без потерь, но все равно они были достаточно скромными. Всего то полторы сотни человек убитыми и около сотни раненых, но Корбин все равно был недоволен – терять людей он очень не любил. Увы, взаимодействие разных частей его армии было пока что далеко от идеала. К тому же армейцы сторонились наемников, те, в свою очередь, держались от них особняком, дружины присоединившихся к походу дворян смотрели свысока на всех, что не добавляло им любви ни тех, ни других. До того, как эта армия станет спаянной и по-настоящему эффективной, должно было пройти еще довольно много времени, хотя, конечно, начало было уже положено – после этого боя сословные различия начали быстро уходить на второй план.

Однако военачальники Руалии знали свое дело, и такой быстрый разгром авангарда их совершенно не обескуражил. Тем более что потеря части легкой кавалерии была ударом болезненным, но отнюдь не смертельным. С чрезвычайно высокой четкостью перегруппировавшись, они собрали силы в единый кулак и выдвинулись навстречу багваннцам. Увы, Корбину о таком взаимодействии частей оставалось только мечтать – армия Руалии была не только отлично обучена, но и, благодаря незатихающим пограничным конфликтам с Айнором, имела очень приличный боевой опыт. Сам же Корбин мог ожидать подобного только от наемных рот да собственной дружины – армейцы и дворянские дружины были неплохи, но боевой опыт у них пока что стремился к нулю. Руалийцам же не помешали даже те четыре тысячи человек, которых они набрали на захваченной территории – все-таки их командиры легионов были профессионалами.

Вот тут-то и поджидала Корбина неожиданность, причем такая, что ему оставалось только хватать ртом воздух на манер пресноводной рыбы-карпа. Он-то рассчитывал схватиться с руалийской армией, пусть и превосходящей его почти вдвое, на выгодных для себя условиях – не устраивать генерального сражения, а, работая из засад, вынудить ее двигаться туда, куда ему самому хотелось. Ну а уж в том месте, где она сгрудится... В общем, был у него козырь в рукаве – амулет со спящим до поры заклинанием родом не то из имперских, не то даже из доимперских времен, давно и прочно забытым и восстановленным Корбином. С огромным напряжением сил, с риском для жизни восстановленным, надо сказать, по одним лишь косвенным данным и немногочисленным описаниям. Корбин даже не знал, восстановил он существовавшее когда-то заклинание, или изобрел свое собственное, сравнимой мощи, но результат был впечатляющим. Древний ужас со странным и непонятным, дошедшим из глубины веков именем едрен-батон, был при нем и ждал своего часа. Но все повернулось совсем иначе, и поворот этот предсказать не мог даже такой опытный маг, как граф де'Карри.

Если кратко, то на марше они столкнулись с королевской армией – четыре полных легиона, включая гвардейский, плюс дворянское ополчение. Десять тысяч человек, как с куста. Вначале решили, что это руалийцы – хорошо, что разведчики разбирались в геральдике и смогли опознать королевский штандарт, а то бы, как случалось уже не раз и во многих

странах, покروшили бы друг друга. Корбин еще подумал в очередной раз, что пора бы вводить для солдат единую форму и, желательнo, единые знамена, но довести мысль до логического завершения не успел – навстречу ему от королевской армии лихо выметнулась кавалькада всадников, и впереди всех – сам король. Лично, так сказать. Кстати, в доспехах и на белом коне смотрелся он куда как неплохо – истинно по-королевски.

– Рад вас приветствовать, граф! Вы, я вижу, тоже решили не остаться в стороне?

– Да, как-то вот так получилось... – выдал Корбин, мучительно соображая, как быть в данной ситуации. Однако король, похоже, решил играть первую скрипку:

– Отъедемте, граф, нам надо поговорить.

Корбин кивнул, толкнул каблуками коня и неторопливо двинулся к ближайшим кустам. Король пристроился рядом, на удивление легко справляясь с норвистым конем. Конь Корбина, гнедой жеребец, больше напоминающий тяжеловоза, был крупнее, массивнее и заметно сильнее – ну все правильно, ему, случись нужда, нести в атаку всадника в полном доспехе, тут сила и выносливость оказываются куда важнее стати. Впрочем, легкая кираса короля тоже отнюдь не выглядела декоративной, равно как и его меч. Похоже, на сей раз, щенок действительно решил повоевать.

Когда ветви кустов скрыли их от посторонних глаз, Корбин чуть заметно напрягся – идеальное место, чтобы сейчас навалилось десять человек с сетями, а потом бы объявили, дескать, он посмел напасть на короля, за что и получил. Никто не поверит, конечно, но сейчас королю и не такое с рук сойдет – война все спишет. Конечно, с ним так просто не справиться, но стоит быть готовым ко всему. Король, очевидно, заметил перемену в настроении спутника.

– Не нервничайте, граф. Я не собираюсь причинять вам вреда. Во всяком случае, пока. Идет война, нам лучше быть вместе.

– Это точно, – отозвался Корбин, тем не менее, не убирая руки с эфеса меча. – И все же, что вы, Ваше Величество, хотели мне сказать?

– Что хотел? Я хотел пояснить вам одну маленькую деталь, чтоб потом не было недомолвок, да не жаловались, если что. Мне, признаться, весьма надоела эта затянувшаяся игра. А она и вправду затянулась, вы не находите?

– Собогуоволите выразаться точнее, Ваше Величество.

– Не вопрос. Вы все думаете, король – мальчишка, дурак и слабак? Граф, мне ли вас учить – никогда не стоит недооценивать противника. А вам никогда не приходило на ум, что мне выгодно так выглядеть?

Уел, ничего не скажешь. Корбин еще после предыдущего разговора заподозрил, что здесь что-то нечисто, но мысли эти от себя гнал. Пусть неосознанно, но гнал и, похоже, зря, а теперь король развивал достигнутый успех, говорил быстро, напористо, с легкой иронией.

– Вы все меня ни в грош не ставили, а все потому, что я заставил вас думать о себе, как о человеке, на которого можно не обращать внимания. И что в результате? Государством управляет, по сути, моя жена. И все идет так, как надо, мне не требуется прикладывать для этого никаких усилий. Армия вполне лояльна мне, потому что никто даже не пытается перехватить контроль. Все убеждены, что при нужде это сделать лече легкого. А вот вам! – король сделал неприличный жест. – Все вы, владетельные дворяне, увлеченно грызетесь

между собой, мне лишь требуется слегка помогать то одним, то другим. Или устранять некоторых, кто слишком уж большую силу заимел и начал представлять реальную угрозу. Просто для информации, граф, о вашем заговоре я знал, конечно, с самого начала, но никого не трогал. А знаете, почему? Потому что ни один из вас не собирался брать власть ради власти – в конечном итоге, вы пеклись о стране. Именно поэтому я вам и не препятствовал... Ну, почти не препятствовал – легионные командиры, конечно, на вашей стороне, но младший офицерский состав – сплошь мой. Случись что – и опасные для меня приказы просто не будут исполняться. А сами вы, граф... Слов нет, вы сила сами по себе, но вы слишком заигрались в одинокого волка. У вас практически нет сторонников среди дворянства – вас боятся, ненавидят, уважают, словом, испытывают к вам самые разнообразные чувства, но на троне вас видеть не захотят. Нет, я не спорю, вы со своими головорезами можете попытаться взять власть и, может быть, у вас это даже и получится, но удержаться на троне вы сможете, лишь покрыв эту землю виселицами. Как, устраивает вас такой расклад?

Корбин мрачно смотрел на короля. Прав был, сволочь, сто раз прав. Развел его, графа де'Карри, как последнего мальчишку. И не дернешься сейчас – война, случись усобица... Страшно представить, что будет. Король, очевидно, понял мысли графа:

– Я предлагаю вернуться к этому разговору после победы. Вы согласны?

– Да. Пока идет война – можете на меня рассчитывать.

– Ну, вот и ладно. А теперь вернемся к нашим солдатам – а то как бы они не стали нервничать.

Король лихо прищпорил своего скакуна и вихрем умчался назад. Корбин задумчиво посмотрел ему вслед и принял решение: до победы стоит потерпеть, но потом... Не переживет король этого потом. Почти воочию увидев, как с хрустом ломается тощая (хотя не такая уж и тощая, кстати) шея монарха в его руках, Корбин внезапно почувствовал, как хорошее настроение возвращается. Ну что же, сыграем и в такую игру...

Дальше была дорога. Как и опасался граф, продвижение объединенной армии замедлилось. Инициатива уходила вместе с запасом времени, как вода в песок, и Корбину все больше хотелось послать короля куда подальше и начать действовать самостоятельно. Однако к исходу пятого дня две армии все-таки встретились, конные разъезды обменялись выстрелами из луков, и все замерло в неустойчивом равновесии. Утром будет битва – и это понимали все.

То, что король сумел собрать больше войск, чем полагал зимой Корбин, радовало – все-таки пусть небольшой, но перевес. А вот то, что все тот же король решил, похоже, руководить сражением сам, огорчало его чрезмерно. Да, король оказался умнее, чем о нем думали, даже намного умнее, но ни опыта полководца, ни военного образования ему это не добавляло. Однако сейчас приходилось играть с тем, что было под рукой. Хорошо хоть, переподчинив себе легионы, король не попытался наложить лапу ни на магов, ни на наемников, ни на идущих с Корбином дворян. Тут, впрочем, удивляться было нечему – наемников нанимал лично граф, и королю они подчиняться попросту отказались бы. Да и брезговал он ими, похоже – все-таки недостаток житейского опыта у него чувствовался. Вассалы графа, кстати, тоже королю вряд ли бы стали подчиняться – "вассал моего вассала – не мой вассал". Дурацкий обычай, но сейчас он был на руку Корбину. То же и с корпусом боевых магов – мало того, что король, похоже, банально не знал, как ими распорядиться, так и для мальчишек-девчонок его слово сейчас не значило ничего. Нет господина, кроме Родины, и граф де'Карри – пророк ее... Пожалуй, так и начинают зарождаться новые религии.

Всю ночь в лагере горели костры. Кое-кто из солдат, в основном, ветераны, предпочли выспаться, молодежь же, для которой предстоящий бой был первым, весело переговаривалась, пытаясь скрыть друг от друга напряжение и, чего уж греха таить, страх. Сам Корбин, которому на завтра нужна была свежая голова, намерен был хорошенько поспать – он с вечера провел совещание и с командирами наемных рот, и с бароном Дако, возглавлявшим состоящую из его, Корбина, вассалов тяжелую конницу. Рыцарей было немного, всего-то десятка два, но вместе с оруженосцами, вооруженными и обученными немногим хуже своих сюзеренов, представляли внушительную силу. Определили диспозицию, договорились о взаимодействии. Магов Корбин оставлял в своем личном подчинении – все логично, кто лучше него мог знать, как ими распорядиться. Самое интересное, что магов по рукой оказалось даже больше, чем он рассчитывал – в последний момент прибыл Корнелиус со своими учениками. Именно на своих магов Корбин и делал главную ставку.

Уже идя к своему костру (шатер он с собой, конечно, возил, но приказал перед боем его не разбивать – примета плохая), Корбин свернул к палатке, в которой поселилась Джурайя со своими подопечными. Свернул, чтобы поговорить по душам – в замке все повода не было, а в последние дни они виделись мельком, слишком много было забот. Однако поговорить опять не получилось – возле палатки сидел какой-то тип в полном рыцарском доспехе. Идиот – таскать перед боем такую тяжесть. Впрочем, это был явно рыцарь из королевской свиты – перьев на шлеме больше, чем железа, металл доспехов отполированный, блестит дорогой гравировкой. Сам Корбин предпочитал доспехи более тяжелые и грубые, надежные в бою, однако на дам впечатление производили как раз такие вот ряженные петухи. И сейчас молодой рыцарь, похоже, разливался перед Джурайей соловьем, а она и уши развесила. Ну да, как же, изящная словесность... Корбин ею пренебрегал, а девочке, похоже, именно этого и не хватало. Рыцаренок, между тем, пользуясь моментом уже и приобнять ее намеревался... А вот хрен тебе, молокосос!

– Мальчик, тебе спать не пора? – Корбин бесшумно вышел позади него из темноты и положил руку на бронированное плечо рыцаря.

– А пошел ты, – парень даже не удосужился обернуться и посмотреть, кто его тревожит, только плечом досадливо дернул. А зря, кстати – стоило бы обратить внимание на то, как притихли все вокруг. Ну, что же, дураков надо учить...

– Иди отдохни, – с нажимом повторил Корбин, одновременно сжимая пальцы и чуть добавляя магии. Стальной наплечник смялся, как бумага, рыцарь взвыл от боли и попытался освободиться, но теперь уже Корбин не собирался так просто отпускать добычу. – Если я тебя еще раз здесь увижу – пришибу, как таракана. Понял?

– Понял... По-нял...

Лицо парня побелело от боли – пожалуй, завтра ему будет больно шевелить левой рукой, что заметно снизит его шансы в предстоящей битве, ну да сам виноват. В чужой огород лезть всегда чревато, так что нечего обижаться.

– Всем спать! – скомандовал Корбин, когда незадачливый герой-любовник скрылся в темноте. – Завтра бой, и вы нужны мне свежими. Бегом!

Все, включая Джурайю, тут же расползлись по палаткам. Так и не поговорили. А утром стало уже и не до того.

Сражение началось ближе к полудню, когда обе армии выстроились. По мнению Корбина –

глупость несусветная, он бы атаковал с восходом солнца, а то и ночью, ударив по неготовым войскам противника и вырезав немало врагов еще до того, как они очнутся. Увы, не вышло – король, похоже, намерен был воевать цивилизованно, его противники – тоже. Ну и ПрОклятый с ними – и так тоже воевать приходилось, не впервой. Однако, позицию король выбрал очень неплохую, неважно, сам, или послушался кого. Оседлал несколько холмов – теперь руалийцам придется атаковать снизу вверх. Центром король командовал сам, правый фланг отдал на откуп Корбину, а левый – герцогу Санторскому. Корбин был не слишком доволен таким раскладом, но... Выбирать не приходилось. Оставалось только достать из седельной сумки дальноглядную трубу, подарок Прима, и начать озирать окрестности, рассматривая вражеские войска, изготовившиеся к атаке, но, похоже, не решающиеся эту атаку начать. И тут все полетело кувырком.

Корбин внезапно ощутил чудовищное магическое давление. Что происходит, он понял через секунду – у противника был не один высший маг, а как минимум трое. И не меньше двух десятков магов первого ранга, и теперь все они синхронно давили именно на правый фланг армии Багванны. Корпус боевых магов можно было считать выведенным из игры.

Оставалось лишь глухо выругаться. В ближнем бою волчата Корбина порвали бы вражеских магов на лоскутки, но на такой дистанции были практически бессильны. Защиту, правда, держали уверенно – первый, внезапный удар Корбин принял на себя, смог отразить, а потом его мальчишки-девчонки синхронно поставили собственные щиты. Сработали четко, как на тренировке, да и обороняться всегда легче, чем атаковать, особенно на такой дистанции, но что толку, если не получается ударить в ответ? К тому же, находясь в центре таких магических возмущений, невозможно открыть порталы. Единственный плюс, что и противник вряд ли мог рискнуть снизить давление, а значит, маги взаимно выключались из боя, а раз так, еще не все потеряно, приблизиться к ним вражеские маги тоже не рискнут... Корбин вновь поднял трубу – и обомлел.

Левый фланг, на котором была сконцентрирована вся рыцарская конница, стремительно отходил, причем делал это без паники, организованно. Герцог Санторский, похоже, не собирался воевать – он отступал, оголяя фланг и обрекая войско на поражение. Все было просто – руалийцы громят армию Багванны, а тем временем герцог добирается до столицы и занимает опустевший престол. А между тем, армия Руалии двинулась вперед, явно намереваясь занять только что оставленные войсками герцога позиции – судя по слаженности маневра, для нее этот расклад новостью не был. Дальше – азбука. Или одновременный удар в лоб и с фланга, или окружение центра армии Багванны, то и другое одинаково хреново. Можно было бы попытаться воспрепятствовать этому, самому начав атаку... Корбин посмотрел еще раз и понял – бесполезно. В обороне его позиция была малоуязвима, но для атаки на имеющего большое количество кавалерии противника его практически полностью состоящая из пехоты группа просто непригодна. И, что самое страшное, вся кавалерия Руалии теперь должна была обрушиться на занятых противостоянием с вражескими магами людей Корбина. Это был конец.

Корбин с каменным выражением лица сложил дальноглядную трубку, спрятал ее в седельную сумку. Повернулся к ожидающим его приказов людям:

– Да, герцог нас предал... Командуйте общее отступление. Короля необходимо вытаскивать – иначе герцог взойдет на трон. Страну это не спасет, но взвзвять мы все под конец успеем. Лик, займешься этим лично. Доставишь короля в столицу, если получится – прирежешь герцога, нет – ну и ПрОклятый с ним, и – в замок, вместе с ротой. Будут удерживать, на патриотизм напирать – пошли их... Ну, ты знаешь, куда. Веллер, Прим, на вас – мальчишки. Уводите их в замок немедленно. Драться здесь и сейчас – значит, положить всех, а там можно держаться неограниченно долго. Учитель, полагаюсь на вашу мудрость. Думаю, куда отступить и где

переждать бурю, вы знаете лучше меня, – и, чуть улыбнувшись, шепотом добавил: – девочек берегите. Они у вас хорошие.

– А ты?

– А я? А я задержу этих хамов, дам вам время, чтобы отступить. Не волнуйтесь за меня, я и не из таких переделок выходил.

Все смотрели на Корбина, и все понимали простую истину: граф просто в очередной раз сделал выбор, как всегда логичный и рациональный. Или он пробивает подавляющий щит своим личным порталом и успевает уйти, оставляя на убой доверившихся ему людей, или он задерживает врага, давая товарищам время отступить, выйти за пределы щита – тогда даже не очень сильные маги сумеют создать порталы и вывести всех. Одна его жизнь, или несколько тысяч жизней людей, которые пришли сюда вместе с ним – простая арифметика, и граф не колебался ни минуты.

Корбин весело улыбнулся:

– Да не переживайте вы – я ведь пока что жив.

Таким они и запомнили его в тот злосчастный вечер – высоким, молодым, с бесшабашной улыбкой вечного мальчишки на сером от усталости лице. Граф Корбин де'Карри весело махнул им рукой, хлопнул по крупу коня и, привычно поправив меч, бодрым шагом зашагал с холма навстречу стремительно накатывающейся вражеской коннице.